

Франк Иерби
САРАЦИНСКИЙ
КЛИНОК

ИЗДАНИЕ
1910

Фрэнк Йерби
Сарацинский клинок

OCR by Ustas; Spellcheck by Vitmaier

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153347

Фрэнк Йерби «Сарацинский клинок»: Вагриус; Москва; 1998

Содержание

Пролог	4
Хеллемарк	4
Иеси	29
1	36
2	66
3	95
4	163
5	260
6	302
7	341
8	391
9	434
10	466
11	517
12	586
13	618
Эпилог	632

Фрэнк Йерби

САРАЦИНСКИЙ КЛИНОК

*И он: «Здесь больше тысячи во рву;
И Федерик Второй лег в яму эту,
И кардинал; лишь этих назову».*

*Данте Алигьери, Божественная комедия,
Ад Песнь десятая*

Пролог

Хеллемарк

С того места, где они стояли, был виден замок. Облака сгрудились позади него, и когда над Адриатикой вспыхнули первые лучи солнца, облака засверкали так, что башни и зубчатые стены, оставаясь темными, несколько отделились от черноты позади них. Поначалу свет был бледным, но вскоре он начал обретать краски, и замок Хеллемарк, серый на фоне пурпурных облаков, с каждой минутой освещался все ярче, пока камни его не пожелтели – солнце взошло.

– Пойдем, – сказал Донати.

Мария не шелохнулась и ничего не ответила. Донати пе-

ревел взгляд с Марии на ее родителей. Они выглядели старыми и очень грязными. Еще вчера это ничего не значило для Донати, но сегодня он обратил на это внимание, ибо сегодня утром он второй раз в жизни принял ванну. Для этого был важный повод. Мужчина, как правило, женится один раз в жизни. А то, что ему предстояло сегодня утром, было даже важнее, чем сама свадьба, ибо, если барон не одобрит его выбор, он вообще не сможет жениться.

Он вспомнил, что сказал барон Рудольф, и покраснел при этом до ушей.

– Видят Бог, – заревел барон, – я не позволю, чтобы какая-то девчонка из сельской таверны погубила лучшего оружейника во всей империи! Приведите сюда эту шлюху, и тогда мы решим...

Так обозвать Марию! У Донати на скуле напрягся и задержался мускул. Мария слегка сжала его руку.

– Все будет хорошо, Донати, – прошептала она, – Я не буду бояться...

Донати взял ее за руку, и они стали подниматься, по крутой тропинке, ведущей к замку. Старики за ними не поспевали. Донати не знал, сколько лет родителям Марии, но предполагал, что им обоим уже за сорок. Он должен поскорее жениться на Марии, ибо нельзя ожидать, что они еще долго проживут, а такая прекрасная девушка нуждается в защите... Он однажды слышал о вассале в соседнем поместье, который дожил до пятидесяти лет, но не поверил в это. Так

долго живут только люди знатные и священники.

Они поднимались по тропинке, между участками крепостных крестьян Рудольфа фон Бранденбурга, барона Роглиано. Мария глянула на Донати, взгляд ее был мимолетен и застенчив, она, как птица, сделала легкое движение головой, так что он его даже не заметил. Донати был очень красив, и Мария очень любила его. В глубине души она всегда думала о нем как о своем рыцаре. Это были дерзкие мысли, так как деревенским девушкам не полагалось иметь рыцаря. Донати не выглядел деревенским парнем. Во-первых, он очень высокий, на голову выше всех мужчин, которых она знала. Во-вторых, у него очень белая кожа и светлые волосы.

Его мать назвала мальчика Донати. Но Мария была уверена, что его следовало бы назвать Хью, или Готье, или Жан – или любым другим норманнским именем. Его отцом должен быть норманнский рыцарь, только этим можно объяснить внешность Донати. Конечно, это был страшный грех со стороны его матери, но Мария втайне радовалась этому греху – иначе ей пришлось бы довольствоваться каким-нибудь черноволосым, смуглым юношей, коренастым, грязным, от которого всегда воняет потом и навозом.

Как красив Донати! Свои длинные волосы он тщательно расчесал и заплел в косички, уложенные вокруг головы, большую бороду, всегда выглядевшую так, словно в ней запутались солнечные лучи, разделил на пряди, каждую из которых перевязал яркими цветными нитками, как это приня-

то у норманнов. На нем была хорошая синяя куртка, в ушах медные серьги.

До замка было недалеко, но, чтобы добраться туда, им потребовалось немало времени. Крепостные крестьяне получали от барона такой маленький клочок земли, что не хотели, чтобы даже пядь их земли использовалась как тропинка. И все эти участки располагались в разных местах. Каждое утро крестьяне вставали в кромешной темноте и начинали трудиться на крохотных участках, разбросанных по всему огромному поместью без всякого порядка или смысла.

Тропинка вилась меж этих участков, и Донати с Марией предстояло проделать путь почти в пять миль¹, чтобы добраться до замка, расположенного на вершине холма на расстоянии всего в милю. Дорога была тяжелая, особенно для стариков, но Донати был доволен. У него оставалось больше времени, чтобы любоваться Марией.

Маленькая ж смуглая, она двигалась легко и быстро, как птичка. На ней была зеленая кофточка, расшитая золотом. Покойная баронесса Роглиано, Ивонна, подарила эту кофточку бабушке Марии еще в те времена, когда Роглиано был норманнским владением, до того, как сюда пришли германцы. Донати предполагал, что где-то в Италии должны быть баронские поместья, принадлежащие итальянцам, но не знал ни одного такого. Но его это мало волновало, крепостному безразлично, кому принадлежит поместье – итальянцу, нор-

¹ Здесь – 1 миля равна 1,600 км.

манну или германцу, – пинки и удары, которые он ежедневно получал, мало чем отличались – если не считать, что германцы били сильнее, поскольку они были крупнее и мощнее.

Донати шагнул поближе к Марии, чтобы вдыхать запах полевых цветов, которые она вплела в свои черные волосы. Он ощущал и ее собственный запах. От нее пахло лепестками роз. Доната знал почему. Лючия, мать Марии, рассказала ему.

– Донати, она не в себе. Каждые две недели, а иногда и чаще, она купается – целиком, представляешь себе? – в горячей воде с лепестками цветов. Когда вы поженитесь, ты должен обещать, что покончишь с этим. Иначе она окажется слишком слабой, чтобы родить тебе хороших сыновей.

Однако, размышляя Донати, удивительно приятно ощущать себя чистым. Его кожа горела. Он глянул на родителей своей будущей невесты: Джованни, кожевник, и его жена Лючия вряд ли ополоснули лица в честь такого события. Одежда их грубая, суконная, служившая им и в рабочие дни и в праздники, была единственной, которую они имели. Они вряд ли припомнили» какого цвета первоначально были их блузы, теперь же они стали одного цвета с грязью, которая их покрывала, попеременно с паразитами.

Они подошли к замку настолько близко, что могли разглядеть трупы трех крестьян, висящих на виселицах, просунутых в бойницы крепостных стен, над рвом с водой. Лесничие поймали их, когда они расставляли силки па зайцев в

баронском лесу. Весна была очень холодная и влажная, и все крепостные голодали. Поэтому некоторые из них и занялись браконьерством.

Донатти смотрел на тела, раскачивающиеся на цепях. Он знал всех троих. Крепкие парни, хорошие товарищи. Теперь он видел, как они раскачиваются на легком ветру. Трупы висели уже две недели, и вороны изрядно потрудились над ними. Картина была ужасная.

Мария спрятала лицо в грубой ткани его рукава и вздрогнула. Донатти почувствовал, как вновь задергался мускул у него на скуле, такое случалось всегда, когда что-то задевало его. Он ощущал, что в мире не все правильно, если один паршивый заяц мог стоять жизни трем мужчинам. Но что именно неправильно, он не знал.

Это была слишком сложная работа для его ума. Весь его разум сосредоточился в его руках. Барон Рудольф называл это Божьим даром, ибо этими руками Донатти мог создавать дивные вещи. Никто в Италии и в обеих Сицилиях не мог изготовить такую кольчугу, как он, не мог сделать шлем такого голубоватого блеска или выковать клинок такой крепости и остроты. Поэтому барон ценил его и даже бывал к нему добр в свойственной ему грубой манере.

Донатти с Марией и ее родители зашагали быстрее и прошли по подъемному монету через ров, поглядывая вверх на острая решетки, готовые проткнуть любого врага, если эта железные ворота низвергнутся вниз. За решеткой главные

любвые ворота были еще закрыты, но сторож открыл маленькую дверцу и пропустил их. Сторож знал Донати. Все стражники знали его.

Мария никогда раньше не бывала внутри замка. Она поразилась, что внутри крепостных стен оказались другие стены, башни и ворота. Барон Роглиано знал науку обороны. С сотней вооруженных людей он мог защищать Хеллемарк от врага в двадцать раз многочисленнее – так хитро был построен замок.

Теперь они оказались во внутреннем дворе крепости, в центре которого возвышался замок. Мария заткнула пальцами уши. Здесь стоял такой шум! Хрюкали поросята, собаки лаяли, дети вопили и смежаясь. В стойлах били копытами и ржали лошади. Дети, не менее грязные, чем те, которых Мария привыкла видеть в своей деревушке, играли у стогов сена, расположенных рядом со стойлами, а позади второй оружейник выковывал звенья для кольчуги, а рядом с ним кузнец подковывал лошадь госпожи баронессы.

Донати провел Марию в кузницу и представил ее двум своим помощникам. Они дружно сдернули кожаные шапки и поклонились ей так, словно она знатная дама, и с уважительным вниманием слушали, как Донати показывал ей разные мелочи, щиты против копий, против стрел арбалета, шлемы, которые он изготавливает для барона.

Да, несомненно, ее будущий муж – человек значительный. Мария даже ощутила некоторую дрожь от радости, что ей так

повезло. Теперь она будет жить во внутреннем дворе замка, может быть, даже поднимется до того, чтобы прислуживать благородной баронессе в качестве горничной – это было бы по сравнению с ее прошлым положением таким счастьем, о котором она и мечтать не смела.

Они вышли из кузницы, присоединились к Лючии и Джованни и пошли дальше, задержавшись только около клеток, чтобы посмотреть на сокольничьего, который кормил сырым мясом соколов, кричавших при этом как черти в аду. Потом миновали часовню, гораздо более красивую, чем церковь в деревне, с красивыми окнами, выложенными яркими разноцветными стеклами, пока наконец не дошли до двора, где находились жилые покои барона и высокая башня, именуемая Главной башней замка, последним оплотом обороны.

Донатти подошел к дверям и очень осторожно постучал. Мария решила, что даже она произвела бы больше шума

Джулиано, управляющий имением барона, вышел к ним. Он прикрыл зевок тыльной стороной руки, потом глянул на Донати и принялся хохотать.

– Ну, Донати! – смеялся он. – Святой Боже, ты замечательно выглядишь! Эта завитая борода с ленточками! В чем дело? Господин барон ожидает тебя? Наверняка и Его Святейшество Папа. Убирайся, дурачок, пока я не нашел для тебя палку.

Но Донати стоял на своем.

– Нет, добрый провост, – произнес он своим мягким ба-

сом, – я говорю правду. Пойди и спроси его. Он скажет тебе, что сам приказал мне прийти...

Джулиано перестал смеяться и уставился на Донати.

– Почему? – резко спросил он. – Барон Рудольф не посылает за кем-то без серьезной причины. Прежде чем я рискну беспокоить его во время завтрака, я должен знать, в чем дело.

Донати взял Марию за руку и вывел вперед.

– Вот почему, – сказал он. – Я собираюсь жениться. Бога ради, Джулиано, пойди и спроси – никакой беды нет в том, чтобы спросить...

– Может быть большая беда, если я спрошу барона о чем-то, когда он не расположен, чтобы его спрашивали, – сухо заметил Джулиано. – В том числе пара сломанных ребер. Ты сам это знаешь, Донати, Ладно, ладно, я рискну. Меня тошнит от глупого выражения твоего дурацкого лица. Кроме того, он сегодня утром в хорошем настроении. Жди здесь.

Вскоре он вернулся и велел войти. Но там им пришлось еще ждать. До них доносился голос барона из столовой. Он походил на рев быка. Барон разговаривал с баронессой по-немецки. Донати был рад этому. После нескольких лет зуботычин я ударов за то, что он не понимал этого языка, значение многих слов наконец запечатлелось в его простоватом мозгу. Теперь Донати кое-что понимал, хотя не мог произнести более шести слов, не вызвав у тевтонских рыцарей взрывов хохота.

Донатти посмотрел на Марию. Нет, совершенно ясно, она не понимает ни одного слова из этого грубого языка. И это очень хороша. Ибо барон рассказывал своей супруге столь грубые истории, что от них зарделись бы уши любого конюха. Однако баронесса смеялась с явным удовольствием, а потом ответила ему шуткой, еще худшей, чем та, которую рассказывал ей супруг.

Донатти стоял весь красный от гнева.

Джулиано заглянул в дверь и, увидев, что благородная чета перешла к сладкому, подошел на цыпочках и зашептал на ухо барону.

– Давай их сюда! – загремел Рудольф. – Я хочу посмотреть на эту девку!

Донатти вошел, ведя Марию за один палец – рыцарская манера, которую он перенял у благородных господ и дам. Огромный пес, натасканный на травлю кабанов, вылез из-под стола, где он и другие собаки глодали кости, которые им бросал барон. Донатти заметил, что в зале воняет. Камыш и солома, устилавшие каменный пол, не менялись целый год, и животные щедро усеяли их блохами и другими паразитами. На насесте около двери кричал кречет барона, а ястреб баронессы и ее попугай, привезенный ей сарацинским лекарем с южного побережья Сицилии, тоже не прибавляли чистоты и приятных запахов, загаживая пол под своими насестами пометом.

День был уже в зените, но факелы из смоленых сосновых

веток горели, распространяя отвратительно пахнувший дым, ибо замки строили для обороны, а не для того, чтобы наслаждаться светом и воздухом.

Барон Роглиано бросил только один взгляд на Марию, стоявшую перед ним с потупленными глазами, и встал. Пошатываясь, как пьяный, он шагнул к ней и, схватив ее за подбородок огромной сильной рукой, приподнял ее лица

– Клянусь Господом Богом, – проревел он, – хорошенькая девка, а, Бриганда? Жена, посмотри на ее лицо. Клянусь Святым Хильдебрандом, готов держать парк, что она не низкороденная!

Баронесса пожала плечами.

– Она смуглая как мавританка, – с ехидством произнесла она. – Готова поспорить, что ее мать была в более чем дружеских отношениях с каким-нибудь нечестивым сарацином.

Донати глянул на мать Марии. Старая женщина чуть покраснела под загаром, но баронесса не обратила на нее никакого внимания.

– Мой господин сказал мне, – обратилась она к Донати, – что ты хочешь жениться. Теперь я знаю, почему мой мерин за две недели потерял три подковы. У тебя другое на уме, да, Донати?

– Простите меня, милостивая госпожа, – пролепетал Донати.

– О, я прощаю тебя, – засмеялась госпожа Бриганда. – Хотя и не одобряю твоего выбора. От такой хилой девки ты не

получишь крепких сыновей. Кто будет у нас кузнецами, если твои сыновья унаследуют не твои, а ее руки?

– Во имя неба, Бриганда, перестань мучить парня, – прервал ее барон. – Мне нравится, как она выглядит. Но замужество дело серьезное, и я хочу задать ей несколько вопросов. Как тебя зовут, дитя мое?

– Мария, – прошептала она.

– Мария... хорошее имя. Я надеюсь, что ты будешь достойна его, ибо это имя Матери нашего Господа. Часто ты ходишь слушать мессу?

– Каждое воскресенье и все праздники, – сказала Мария. – И кроме того, иногда хожу на раннюю мессу перед тем, как выйти в поле

– Хорошо сказано, – пророкотал барон. – И ты по пятницам исповедуешься нашему доброму падре и причащаешься телом и кровью Господа?

– Да, господин, – отвечала Мария.

Рудольф наклонился так, что его тяжелое лицо оказалось совсем рядом с лицом Марии.

– Ты все еще девственница? – прорычал он.

Мария вся сжалась и побледнела.

– Да, мой господин, – прошептала она. – Но то, что господин задает мне такой вопрос, наполняет мое сердце болью.

– Ни в чем нельзя быть уверенным, – проворчал он. – Нынче все молодые стремятся прямо в Чистилище. Я имею в виду и многих высокорожденных.

Он глянул на родителей Марии, покорно стоявших позади молодой пары.

– Девка говорит правду? – прорычал он.

– Да, господин, – дрожащими голосами отозвались они.

– Отлично, – сказал барон Рудольф. – Я дам вам разрешение на брак. Пусть церемония состоится в моей часовне в ближайшее воскресенье, служить будет отец Антонио. Я окажу тебе честь, Донати, и сам буду присутствовать. Потому что, видит Бог, ты хорошо служишь мне!

– Благодарю вас, господин, – сказал Донати.

Потом он и Мария поцеловали руку барона, которую тот протянул им. Барон оказался настолько милостив, что прошел с ними по залу и даже пожелал им удачи, что обычно позволял себе только в отношении равных ему. Но они еще не ушли достаточно далеко, чтобы не слышать его громкий голос, когда он обернулся к Джулиано и сказал:

– Хорошенькая девка, а, прохвост? У меня появилось желание использовать мое *Jus primae noctis*.²

Джулиано засмеялся.

– Боюсь, господин, что у Донати достаточно денег, чтобы выкупить свою невесту.

² Право первой ночи (лат.). – Здесь и далее см. Примеч. авт. Право первой ночи было старинным феодальным обычаем. Однако надо признать, что в большей части Европы феодалы очень редко пользовались им. Дюран в своей книге “Век веры” (с. 556) цитирует три авторитетных источника, описывающих этот варварский обычай. Заинтересованный читатель найдет эти описания весьма примечательными.

– Кому нужны его медяки? – проревел барон. – Девочка хорошенькая. У нее прелестное лицо и складненькая фигурка. Я буду держаться буквы закона, Джулиано.

Джулиано явно забеспокоился.

– Это вызовет недовольство, господин, – сказал он. – Никто в здешних местах за последние сто лет не использовал это право.

– Здесь я барон! – загремел Рудольф. – И я использую это права

Мария посмотрела на Донати.

– О чем он говорит? – прошептала она.

– Я не понимаю, – отозвался Донати, – но мне не нравится, как это звучит. Я знаю, это по-латыни... – Он сосредоточенно напряг лицо и стал повторять снова и снова: – *Jus primae noctis, Jus primae noctis...*

– Почему ты повторяешь эти слова? – спросила Мария.

– Чтобы запомнить их. Когда я увижу отца Антонио, я скажу их ему, а он объяснит мне, что они значат...

– Ты тогда придешь и расскажешь мне? – спросила Мария.

– Конечно, моя птичка, – отозвался Донати.

* * *

Однако он увидел отца Антонио только в середине следующего дня, когда тот шел по внутреннему двору. Донати по-

дошел к священнику, держа в руках шапку, и остановился перед ним.

Отец Антонио улыбнулся, глядя на этого большого, простодушного, как ребенок, парня.

– Ну что, Донати? – спросил он. – Я слышал, что ты берешь Марию в жены. Ты сделал верный выбор, сын мой. Она хорошая и ласковая девушка. Она будет тебе хорошей женой...

– Благодарю вас, святой отец, – сказал Донати. – Отец...

– Да, Донати?

– Что означают слова *Jus primae noctis*?

Отец Антонио уставился на него.

– Повтори еще раз, – потребовал он.

Донати повторил. Тосканский диалект, на котором он говорил каждый день, не так далеко ушел от латыни, а Донати, несмотря на свою внешность и рост северянина, был достаточно итальянцем, чтобы иметь способности к подражанию. Поэтому он сумел воспроизвести слова достаточно точно.

– Кто сказал эти слова? – спросил старый священник.

– Господин барон Рудольф. Я знаю, что он говорил о Марии. Он говорил Джулиано, что хочет применить это *Jus*...

Отец Антонио побледнел под загаром.

– Нет, сын мой, – стал он убеждать Донати, – твои уши обманули тебя. Господин не мог произнести таких греховных слов.

– Святой отец, но я уверен! – настаивал Донати. – Что они

значат, эти слова?

Отец Антонио вздохнул.

– Мне тяжело говорить тебе это, сын мой. На нашем родном добром тосканском они означают право первой ночи. Это позорный обычай, введенный франкскими рыцарями, которые называли его правом господина. Согласно ему, эти благородные рыцари настаивали на своем праве требовать, чтобы любая: невеста их крепостного в ночь своей свадьбы отправлялась в постель господина, чтобы вернуться на следующее утро к своему законному супругу... Это закон, который, несомненно, достойнее нарушать, чем соблюдать. За всю свою жизнь я не слышал ни об одном случае применения этого обычая в Италии. Раз или два, в бытность мою студентом в Париже, французские сеньоры применяли его, но французы ведь наполовину варвары. Но даже там вассалу разрешалось купить свободу своей невесты от притязаний сеньора за небольшую цену...

Донати сжимал и разжимал кулаки. Кожаная шляпа, какой она ни была прочной, лопнула по шву в его руках.

– Барон не хочет пенни, – прошептал он. – Он сказал, что Мария хорошенькая... и что у нее ладненькая фигура... и что он будет держаться закона.

– Я поговорю с ним, – сказал отец Антонио, – хотя не могу представить, к чему это приведет. По сравнению с нашим господином Рудольфом, бароном Роглиано, мул просто образец сговорчивости.

– Да, – спокойно заметил Донати, – мула можно убедить... с помощью силы, святой отец.

Отец Антонио посмотрел на Донати. Ведь, будучи главным оружейником, он имел доступ ко всему оружию в замке.

– Предоставь это мне, Донати, – сказал священник. – Я не допущу кровопролития. Подумай сам! Барон такой же сильный, как и ты, и он привычен к оружию. Он сразит тебя раньше, чем ты соберешься нанести удар. И даже если, не дай Бог, ты сумеешь свалить барона, его вооруженные слуги рубят тебя на части на глазах у Марии...

– Лучше я погибну, – упрямо сказал Донати, – чем она будет обещена.

– Ты думаешь, твоя смерть спасет ее от насилия? – простонал отец Антонио. – О, сын мой, сын мой, как мало ты знаешь об этом мире! В этом случае ее будут передавать от рыцаря солдату, и так по всей цепочке вниз, пока даже конюхи не насладятся ею. Пойдем в часовню, где нас никто не сможет подслушать, я посоветуемся. Для тебя есть один путь, Донати, – бежать из поместья. По закону, если ты будешь отсутствовать год и одни день, ты свободен от своей клятвы господину...

– Но остаются, – сказал Донати, – ворота, опускаемая, решетка, подъемный мост, арбалетчики на башнях, вооруженные всадники...

– Они подумают, что ты едешь справлять медовый месяц с благословения барона. Знаешь, Донати, я передумал. Я не

буду с ним разговаривать об этом деле. Пойдем...

Если бы барон Рудольф обращал внимание на такие мелочи, он мог бы заметить, что Донати очень мало ест и совсем не пьет на пиру, который барон по доброте своей устроил во внутреннем дворике для своего верного слуги. А несколько позже, когда все были поглощены представлениями жонглёров и акробатов, глотателей мечей и пожирателей огня и скомороха с пляшущим медведем, барон так увлекся этими выступлениями, что не заметил, как серв из аббатства провёл через внутренний двор двух отличных верховых мулов, не уступающих лошадям.

Однако барон был в слишком хорошем настроении, чтобы замечать такие мелочи. Его маленькие голубые глазки не отрывались от стройной фигуры Марии, сидящей рядом с Донати с потупленными глазами. Действительно, прелестная девушка. Она, конечно, будет напугана и, возможно, даже попытается сопротивляться. Но у барона Рудольфа было достаточно опыта в таких делах. Он был уверен, что после него этот здоровенный болван, ее муж, Марию только разочарует. Барон громко расхохотался при этой мысли.

Ближе к вечеру все отправились в часовню, где отец Антонио прочитал священный обет. В конце, глядя прямо в глаза барону, он громко произнес:

– Кого соединил Бог, да не разлучит никто!

При этих словах Рудольф чуть поерзал в кресле. А священник продолжал.

– Сеньоры, – сказал он, глядя на барона – Добрые господа и милостивые дамы, с разрешения нашего благодетеля барона я хочу провести Полчаса в доме священника вместе с новобрачными. Они люди молодые и неопытные. Поэтому я имею обыкновение давать таким молодым парам советы, чтобы они избежали греха и искушения плоти. Вы разрешаете, господин?

Барон нахмурился. Новая задержка. Он сгорал от нетерпения насладиться этой маленькой черноволосой девушкой, но...

– Разрешаю! – рявкнул он. – Но только полчаса, не больше.

– Благодарю вас, господин, – сказал отец Антонио и увел Донати и Марию.

Через сорок пять минут, когда барон Рудольф в ярости ворвался в дом священника, он обнаружил отца Антонио одного за чтением иллюстрированной рукописи Священного Писания.

– Ты сказал – полчаса, – прогремел Рудольф. – Прошло уже гораздо больше!

И только тут он понял, что священник один.

– Где они? – взревел он. – Ты помог им бежать, ты знал...

– Что я знал, господин? – вкрадчиво спросил священник.

– Неважно! Где они?

– Уехали, конечно, – сказал отец Антонио. – Я ведь просил у господина только полчаса. Как вы сказали, господин, прошло уже больше. Они молоды, влюблены друг в друга и ищут уединения. Теперь, когда их любовь освящена церковью во славу Господа нашего, я не видел причин задерживать их. Господин, конечно, разрешил им удалиться?

– Нет! – заревел Рудольф. – Я не разрешал! Ты глупец! Слепой, лицемерный глупец! Или... Это ты? Если ты замешан в их бегстве, я...

– Я глупец, – невозмутимо сказал отец Антонио. – Оставим это так, господин. Ибо или я глупец, не замечающий ужасную греховность великих мира сего, или мой господин стоит перед опасностью отлучения от церкви и потери своей бессмертной души. Я думаю, моя Глупость – достаточное основание, чтобы покончить с этим делом...

– Покончить? – фыркнул барон. – Никогда!

Он выбежал из дома священника во внутренний двор. И спустя мгновение отец Антонио услышал его рев:

– К оружию! К оружию! Ганс! Карл! Отто! Уолдо! Генрих! За ними! Они не могли уйти пешком далеко... Что? Мулы? О, этот проклятый священник! Я его... Вперед, вы, лентяи! В погоню!

В доме священника отец Антонио склонил голову.

– Боже, дай им достаточно времени, чтобы скрыться, – прошептал он. – Святая Богородица, сохрани их, они так молоды... так молоды...

Когда они добрались под укрытие деревьев, уши Донати пылали от прощальных напутствий стражи. Бедняжка Мария чуть не плакала от стыда. Грубые солдаты желали им удачи, сопровождая эти пожелания советами столь откровенными, что даже слушать их было грешно. Кроме того, она была вне себя от страха. Если их сейчас схватят, Донати наверняка убьют. Что касается ее – она старалась не думать об этом. Этого нельзя было допустить даже в мыслях.

В лесу Донати направил мулов к ручью и заставил войти в воду. Так они проехали несколько лье по ручью, следуя каждому его извиву. Отец Антонио был младшим сыном знатного господина до того, как постригся. Он хорошо знал обычаи охотников.

– Когда мы едем по ручью, – объяснял Донати молодой жене, – собаки не могут взять наш след. Но есть одна задача, которую мы должны решить. На следующем изгибе мы должны уйти в сторону от ручья и дальше ехать по холмам. Там скалистая местность, где звери не оставляют следов, а сразу же за холмами мы окажемся в Анноне, владении Алесандро, графа Синискола. Там даже барон не посмеет нас преследовать...

– Но, дорогой мой муж, – всхлипнула Мария, – я боюсь высоты. Почему мы должны уйти в сторону от ручья? Если собаки не могут взять наш след...

– Те, кто гонится за нами, увидят наши следы, отыскивая то место, где мы выйдем из ручья. Но, когда мы окажемся на холмах, мы можем не ехать главной дорогой. Это будет нелегкая скачка, птичка моя, но зато ты будешь в безопасности. А это главное...

– А ты? – прошептала Мария. – Это тоже главное, дорогой мой муж. Я не хочу быть в безопасности без тебя...

Они лежали, припав к земле, на высоком обрыве и смотрели вниз. Там как лента извивалась среди серых холмов тропа. Они уже некоторое время слышали лай собак, и каждый раз он звучал все громче.

Футах в пятидесяти от них тропа поворачивала, но они не оставили там своих следов. Они вообще миновали это место. Той высоты, где они сейчас находились, они достигли, пробираясь среди скал, заставляя хорошо подкованных мулов двигаться через ущелье, где любая лошадь сломала бы себе ноги. Но на это ушло много времени. Слишком много.

Ибо они уже могли различить маленькое облачко пыли на тропе. Был уже поддень второго дня после их побега: они представить себе не могли, что барон Рудольф так долго будет их преследовать. Мария с сожалением вспоминала, что за всю прошлую ночь они ни разу не остановились. Она испытывала некоторое любопытство насчет того, что означает быть замужем. Любопытен ей был и Донати. Он такой сильный и в то же время такой нежный, она гадала, как это произойдет, если... Но каждый раз, когда они задумывали оста-

новиться, до них доносился лай собак.

Они лежали очень тихо, наблюдая, как облачко пыли поднимается вверх по крутой тропе, пока не смогли различить вооруженных людей и увидели во главе их барона. Охотничьи собаки с лаем бежали рядом с всадниками. Погоня оказалась совсем под ними, всего в пятидесяти футах. Мария обернулась к Донати. Его рядом не оказалось.

Она быстро отползла вбок и тогда увидела мужа. Он находился всего в ярде от нее, его руки сомкнулись на горле огромного дога. Пес отчаянно извивался, его когти рвали до крови большие руки Донати.

Мария не могла вздохнуть от страха. Если хоть один палец Донати соскользнет и вес сможет залаять, им конец. Но пальцы Донати не соскользнули. Мария видела, как слабели бешеные рывки собаки, пока не затихли совсем. Донати бережно положил дога на скалу. Его пальцы медленно разжимались. Дог не двигался.

Мария встала и пошла к тому месту под скалой, где они привязали мулов. Там была небольшая куща горных сосен.

– Нет, – сказал ей Донати. – Отсюда не больше часа езды до границы Анконы. Если мы двинемся сейчас, мы только встретим погоню, которая будет возвращаться. Нам лучше отдохнуть здесь, пока мы не услышим, как они едут обратно. Тогда мы тронемся в путь.

– Как скажешь, дорогой мой муж, – прошептала Мария.

Однако люди барона не вернулись через час. У Донати и

Марии было время поесть хорошего пшеничного хлеба и выпить вина, которым их предусмотрительно снабдил отец Антонио. Они сидели в тени веерообразной сосны и ждали. Уже перед наступлением темноты они услышали лай собак внизу. Они подбежали к обрыву и посмотрели вниз.

– Убей меня Бог, – ругался толстяк Марквальд. – Не могу понять, куда подевался Казер, мой добрый дог?

– Наверняка встретил волчицу, – засмеялся кто-то из солдат, – и побежал за ней, как это делает его хозяин.

– Тихо! – прикрикнул барон. – Хватит шуток!

Донати понял, что барон в очень мрачном настроении. Потом всадники свернули за поворот и скрылись из вида.

– Вот теперь, моя птичка, – сказал Донати, – мы можем двигаться:

– Нет, – сказала Мария.

Донати уставился на нее.

– Но почему... – начал он.

Мария подошла к нему вплотную.

– Здесь очень хорошо, – прошептала она. – Сосна как крыша, но не очень плотная... я... я могу видеть сквозь крону звезды. А ты можешь, мой Донати?

– Я вижу, – с глуповатым видом сказал Донати, – но я не понимаю тебя, Мария. Мы должны...

Мария топнула маленькой ножкой.

– Неудивительно, что тебя называют дурачком! – фыркнула она и отошла в сторону.

– Но, Мария, птичка моя, я не понимаю... Мария, скажи же мне... Что я такого сделал?

Она через плечо посмотрела на него, и улыбка приподняла уголки ее губ, так что текущие по лицу слезы изменили свой путь.

– А вот это, дорогой муж, – промурлыкала она, – не тот вопрос. Ты подумай, чего ты не сделал? О, какой же ты глупый! Ты у меня муж или погонщик мулов?

И тогда Донати произнес первую и последнюю за всю его жизнь поэтическую речь.

– Птичка моя, – прошептал он, – я – твой преданный раб.

Когда на рассвете они возобновили свое путешествие и вскоре после этого добрались до маленького городка Рецци в Анконской Марке, в глазах Марии светился отблеск тех звезд, которые сияли над сосной на скале. Этот блеск в глазах она сохранила навсегда – на всю оставшуюся жизнь.

Иеси

Донати посмотрел на флаги, развевающиеся на фоне синего неба, потом опустил взгляд на людей, толпящихся на площади. Шел следующий после Рождества день года 1194-го, но холода не ощущалось. Донати радовался этому обстоятельству. Если бы стояла плохая погода, то и он, и все остальные жители городка Иеси лишились бы этого замечательного спектакля.

Он взглянул на Марию и нахмурился. Она была на сносях, вот-вот должна рожать. Было бы гораздо лучше, если бы она осталась дома, в уютном маленьком домике, который предоставил ему еврей Исаак. Донати теперь работал на Исаака и занимался всеми кузнечными работами, выделывая красивые кованые изделия, и Исаак даже начал учить его работать по золоту.

За полтора года, прошедшие с тех пор, как они бежали из Хеллемарка, у Донати было достаточно времени кое-что обдумать. Его мозги ворочались медленно, простейшие мысли требовали от него немалых усилий, но зато делал он это основательно. Конечным продуктом его раздумий обычно была полная ясность. Так, например, он решил, что Исаак бея Ибрахим, еврей он или нет, – один из самых добрых людей, когда-либо живших. Следующая мысль, которую он обдумывал последние недели, сводилась к тому, что раз Исаак доб-

рый и хороший человек, и помощник его Абрахам бен Иегуда тоже такой, то не может ли оказаться так, что и другие евреи – может быть, даже большинство из них – хорошие люди. Часто многое выдумывают. Не может ли быть так, что люди ошибались насчет ритуальных убийств христианских младенцев для еврейского пасхального пиршества? Исаак праздновал Пасху. А ведь Исаак такой добросердечный человек, он и муху не убьет, не говоря уже о ребенке...

Донати потряс головой, раздумывая над этим. Исаак освободил его от работы за два дня до Рождества и еще на два дня после праздника. Но никто не предполагая, что они окажутся свидетелями такого события, которое должно вот-вот начаться...

Донати и Мария, как и все остальные, стояли здесь уже много часов. Базарная площадь была забита людьми. Никто не разговаривал, они просто стояли, сдерживаемые без особого труда цепочкой могучих воинов, и смотрели на шелковый шатер. В этот век чудес случались разные чудеса, но, конечно, никогда раньше в истории не было такого, чтобы простые люди в какой-нибудь итальянской деревне получили такую привилегию – наблюдать, как императрица рождает их будущего короля.»

Неожиданно две повивальные бабки подняли занавес шатра а прикрепили его к шестам, чтобы толпа могла все видеть. Императрица Констанция, полностью одетая, сидела в специальном кресле, одна из повивальных бабок поддержи-

вала ее спину, а другая стояла перед ней на коленях, массируя ее большой живот.

Бог ты мой, подумал Донати, да она же старая!

Донати не знал, как и большинство собравшихся здесь людей, что именно возрасту императрицы от обязаны таким зрелищем. Констанции Сицилийской было сорок два года. Уже многие люди, которые могли немало выиграть от таких сомнений, распространяли слухи, ставящие под сомнение легитимность будущего ребенка. Но характер этой дочери норманнского короля Роже Хотвилла был такое, что даже клеветники понимали, что лучше не распускать сплетни о том, что ребенок зачат кем-то другим, а не ее мужем, королем Генрихом VI Гогенштауфеном. Нет, сплетня, получившая широкое распространение и разбухавшая при каждом пересказе, гласила, что в королевских покоях ей подложат чужого ребенка, ибо в силу ее возраста вся история с беременностью императрицы чистый вымысел...

И вот теперь она сидела тай – в каштановых волосах седые пряди, лицо в морщинах, изможденное, – позволяя любому, как знатному, так и серву, смотреть, как она будет рожать.³

³ Дюран (там же, с 714) приводит эту легенду как неоспоримый факт, однако Канторович в своей академической биографии “Фридрих Второй. 1194–1250” ссылается на нее как на слух. Был ли это слух или нет, но у него существовало много исторических прецедентов. Во Франции Бурбонов рождение королевского ребенка всегда происходило в присутствии двора, всех представителей высшей знати. Родословная Фридриха II представляет несомненный интерес. Он был внуком Фридриха Барбароссы и сыном Генриха VI, который вошел в историю как германский император, державший в плену Ричарда Львиное Сердце в ожи-

Донатти ощутил, как дрожит Мария. Он надеялся, что вся эта история займет не так много времени. У Марии закружилась голова, и она почувствовала дурноту, когда повивальная бабка неожиданно засунула обе руки под юбку императрицы и вытащила оттуда крошечный плод. Вторая повивальная бабка проворно орудовала ножом и золотой ниткой, ребенок повис на испачканной кровью руке повитухи, которая, невзирая на его королевское происхождение, шлепнула его по маленькой попке. Ребенок тоненько заплакал. Все вокруг принялись кричать от радости.

Донатти кричал вместе со всеми; потом он почувствовал, что ногти Марии впились в него сквозь грубую ткань рубашки.

– Тебе нехорошо? – пробормотал он.

– О, Донатти – зашептала она, – мне не следовало смотреть на это! Это так страшно, и он такой маленький, в крови, и

дании выкупа в замке Дорнштайн на Дунае. По материнской линии его дедом был странный и привлекательный Роже II (1130–1154), которого Гитти называл одним из двух крещеных султанов Сицилии. Фридрих был назван вторым (см. Ф. Гитти “Арабы. Краткая история”, с 174). Роже прославился тем, что привил в Европе культуру шелка. По происхождению он был норманном, из великого рода Хотвиллей, основанного Танкредом. Мать Фридриха, Констанция, была наполовину норманнкой, наполовину сицилийкой. Таким образом, он демонстрирует самый убедительный триумф окружающей среды над наследственностью. Будучи по крови наполовину германцем, на четверть французом и на четверть итальянцем, он оказался самым итальянизированным государем из всех существовавших. Подобно многим сицилийцам того времени он был полиглотом – говорил на семи языках и писал на девяти. Германский язык он выучил уже будучи почти взрослым.

такой уродливый и... о Боже, у меня тоже начинается!

Донати наклонился, поднял её на руки, словно она ничего не весила, и принялся прокладывать себе путь к шатру императрицы. Вооруженные стражи тут же бросились к нему, но, увидев, что у него не руках женщина, не стали его трогать.

– Что тебе, добрый человек? – спросил начальник стражи. – Твоя жена заболела?

– Нет, господин начальник, – сказал Донати, – только она тоже должна рожать. Я думаю, что зрелище рождения короля ускорило ее роды. Пожалуйста, господин начальник, будьте так добры, попросите повивальных бабок императрицы, может, одна из них подойдет и поможет нам?

Начальник стражи нахмурился. Но потом лицо его прояснилось. Он знал о милосердии императрицы. Такой случай прямо-таки создан для того, чтобы усиливать любовь к ней народа.

– Подожди здесь, добрый человек, – сказал он. – Я спрошу императрицу.

Он исчез в шатре, где повитухи опустили занавес. Отсутствовал он всего один момент и вернулся не один, а с тремя повивальными бабками императрицы. Царственная дама оставила при себе только одну повитуху, которая должна была сопровождать ее во дворец.

Люди закричали от восторга, когда три опытные женщины склонились над Марией, чтобы осмотреть ее. Когда же они объявили, что у Марии действительно начались схватки

и ее нужно доставить домой, мельник предложил воспользоваться его повозкой, но мужчины распрягли мулов и стали драться за привилегию везти Марию в маленький домик Донати. Множество рук помогли поднять Марию с повозки и бережно уложить в постель.

Привлеченный шумом, в домик пришел Исаак. Он тут же вручил по кошельку с золотом всем повитухам, попросив их быть прилежными и осторожными. Потом он обратил внимание на то, что руки главной повитухи, той, что принимала роды у императрицы, покрыты засохшей кровью. Он послал за прислуживающей девушкой и приказал ей принести таз с горячей водой и полотенца

Повитуха презрительно посмотрела на него.

– Это, – заявила она, – королевская кровь, самое лучшее средство от всех болезней. Убирайся отсюда, еврейский пес, а не то ты осквернишь своим присутствием рождение христианского ребенка!

Тут люди стали негодовать и кричать на Исаака. Он вздохнул и вернулся в свою контору. Там он просидел несколько часов, слушая крики Марии. Когда наконец крики прекратились, он вновь зашел в дом и увидел, что Мария держит ребенка на руках и пристально его разглядывает.

Это был мальчик. Он не походил на своего крупного и белокурого отца. Мальчик был маленький и худенький, еще более смуглый, чем его мать. Головка его была покрыта густыми черными волосами.

Мария смотрела на сына.

– О Боже, – прошептала она. – Какой он некрасивый! Я его ненавижу! Уберите его от меня...

Она отвернулась к стенке и горько заплакала.

Через три дня она умерла от родильной горячки. А жители Иеси забросали камнями дом Исаака бен Ибрахима, утверждая, что это он погубил ее злыми чарами. Их ярость была так велика, что Исаак вынужден был на время покинуть город.

Бедный Донати едва не помешался от горя. Никогда, больше он уже не был прежним.

Вот так, в один и тот же день, двадцать шестого декабря 1194 года родились Пьетро, сын Донати, и Фридрих II Гогенштауфен, великий преобразователь и Чудо света. В один и тот же день, в городе Иеси на границе Анконы, под одними и теми же звездами.

Что, конечно, имело свои последствия.

1

Мальчик Пьетро проснулся уже при мягком, свете дня. Он лежал на большой мавританской тахте, крытой камчатным покрывалом, и протирал глаза. Было уже поздно – очень поздно, он знал это. Обычно он вставал при первых лучах рассвета и с неохотой одевался в ожидании святых отцов, которые приходили учить его латыни и катехизису. Эту часть своих занятий он ненавидел, хотя успевал по этим предметам. Он обожал преподавателей-сарацинов, которые приходили во второй половине дня обучать его арабскому языку, арифметике, алгебре, логике и риторике. Любил он также свободные беседы с добрым дядей Исааком о познаниях евреев, в результате чего арабский и еврейский язык он усваивал гораздо успешнее, чем латынь.

Святые отцы были суровыми и угрюмыми людьми. Кроме того, его запирали с ними в тесной маленькой комнатке, сидеть в которой теплым утром было почти непереносимо, поскольку священники считали греховным обычай сарацинов омыwać тело ежедневно и пользоваться благовониями, к которым и он и Исаак были привержены. Они столь многое считали греховным – охоту в воскресенье с соколами, приятную беседу с хорошенькой девушкой, пение...

Кроме того, они требовали, чтобы он верил в сущую чепуху – в святых, которые ходили, держа в руках свои отруб-

ленные головы, в святых девственниц, умиравших, защищая свою невинность, – в тринадцать лет, живя в жаркой Сицилии, Пьетро уже прекрасно знал, что потеря невинности дело скорее приятное, – в людей, которые обрели святость, истязая свою плоть...

Пьетро потрогал свои тонкие, бронзового оттенка руки. Он не обладал мощными мускулами и уж, конечно, не собирался рвать их ради блага своей души. Спустив голые ноги с тахты, он начал подбирать одежду, которую приготовил ему Абу, его раб-сарацин. Пока он натягивал красные, обтягивающие чулки, ему пришло в голову, что его друзья мусульмане тоже верят во множество совершенных несуразностей, но их несуразности выглядели все-таки привлекательнее. Рай – место, где бьют фонтаны и мужчины получают вкусную пищу и сладости, не говоря уже о прекрасных девушках, готовых с радостью исполнить все их желания, – имеет свои преимущества по сравнению с холодными и скучными христианскими небесами, где, как предполагается, душа использует свою вечную жизнь для того, чтобы славить Господа Бога. Пьетро думал, что Бога, наверное, уже тошнит от этих вечных славословий.

Он продолжал неторопливо одеваться. Потом он сообразил, почему его не разбудили. Сегодня суббота, священный день для евреев. Вчера его арабские учителя не пришли, потому что пятница их священный день. А завтра он должен будет встать до рассвета и идти к утренней мессе, поскольку

ку завтра христианское воскресенье. Пьетро подумал, что три священных дня в неделю – это многовато. Его смешило, что взрослые люди не могут договориться, какие дни считать священными, не говоря уже о их разных представлениях о Боге.

Эти любопытные мысли он сформулировал на придуманном им самим диалекте – смеси арабского и сицилийского, уличного. Но с таким же успехом он мог выразить эти мысли на французском, или провансальском, или лангедокском. Хью, Пьер и Жан, сыновья норманнских рыцарей, с которыми он вместе охотился, как только выпадала возможность, болтая с ним на своих родных языках, привили ему эти знания. Таким же образом он овладел греческим – с помощью Деметриуса, Аркариуса и Теодосауса, сыновей старейшин из знатных семей византийской общины в Палермо.

Конечно, это было достижение, даже в Палермо – городе столь многоязычном, что любой попрошайка мог просить милостыню на половине языков Западного мира, а оборванные уличные мальчишки, не умеющие написать собственное имя, могли на середине фразы перейти с одного языка на другой и тут же на третий. Но Пьетро выделялся своим умом. Все его друзья – норманны, сицилийцы, греки и сарацины – признавали это. Его ум был в какой-то мере компенсацией за маленький рост и недостаток физической силы.

Он подошел к окну и выглянул наружу. Он все еще был только наполовину одет, но сегодня не стоило торопиться.

Впереди был целый день, и этот день принадлежал ему. Ибо воспитывающий его дядя не требовал, чтобы он соблюдал еврейские праздники и религиозные обычаи. Исаак скрупулезно выполняя данное Донати обещание – вырастить мальчика христианином.

Это, считал Пьетро, еще одна хорошая черта жизни на Сицилии. В Палермо никто не задумывался над таким странным обстоятельством, когда христианского мальчика воспитывает еврей. В Италии и во всей Европе ни богатство Исаака, ни его мастерство не уберегли бы его от унижительной обязанности носить на одежде желтую звезду. В любом другом месте хорошего золотых дел мастера проклинали бы, оскорбляли и били под любым предлогом или без всякого предлога, даже если бы он избежал смерти во время одного из частых массовых погромов, когда добрые христиане демонстрировали свою верность кроткому и милостивому Иисусу.

От одной мысли об этом Пьетро становилось больно. Он не любил драться, сражаться с оружием в руках или проливать кровь, и он любил своего доброго дядю – отца и мать он совсем не помнил. Ему было три года, когда Исаак привез его в Палермо. Теперь ему исполнилось тринадцать, и он ничего не помнил о какой-либо другой жизни.

Он даже не знал достаточно четко, почему так получилось, за исключением того, что это было связано со смертью его матеря сразу после его рождения и с тем, что его отца за-

ставили служить Алессандро, графу Синисколе, в качестве оружейника, хотя Пьетро никак не мог понять, как можно заставить человека служить другому человеку, если он того не хочет.

Он отошел от окна и съел горсть фиников, запив их вином, разбавленным водой. Такова была его обычная еда, поскольку аппетит у него был, как у птички, соответствующий его комплекции.

В мире существовало столько запутанных проблем. Например, люди, которые сплевывают, когда мимо них проходит его добрый дядя; или святые отцы, настаивающие на том, что его сарацинские друзья-последователи Магомета, ложного пророка, к поэтому должны быть преданы смерти – и это во имя кроткого Иисуса, завещавшего им любовь к врагам; или мусульманские эмиры, утверждающие, что святые отцы являются политеистами, которые из одного Бога сделали трех, и что Иисус был второстепенным пророком, одним из предшественников Магомета. Кому он должен верить? Теодосауса, его друг, – сын греческого священника, а ведь святым отцам запрещено жениться. Джузеппе, сын одного на городских префектов, сочинил песню – в четырнадцать лет, – посвященную чернокудрой Лукреция, в то время как для его мусульманских друзей женщина существует только как орудие, служащее их наслаждению...

Для Пьетро было характерно задумываться над такими загадками, в то время как его друзья не думали ни о чем

другом, кроме соколиной охоты, танцев и скачек за гончими псами. Перед ним расстился замечательный яркий мир, и в свои тринадцать лет он уже испытывал самую страшную жажду – жажду познания. Так было с ним всегда. Его жажда знаний и гордость своим умом, против которой святой отец остерегал, как против смертного греха, проявились, когда ему исполнилось двенадцать и он, желая произвести впечатление на своих сарацинских друзей, пересказал им историю вознесения Илии на небеса на огненной колеснице – историю, которую он только накануне услышал от святых отцов. Но когда они в ответ рассказали ему историю о том, как Магомет вознесся со скалы в Иерусалиме верхом на крылатом коне с женским лицом и павлиньим хвостом, обе истории непостижимым образом что-то утратили...

И сам Пьетро в тот день что-то утратил – возможно, девственность ума, нетронутую чистоту веры. К тринадцати годам он стал наполовину еретиком, а в его время ересь каралась только одним способом – пылающим костром вокруг железного кола...

Однако он слишком задержался, время уже перевалило за полдень. Он торопливо закончил свой туалет и сбежал во двор, где журчали фонтаны, а финиковые пальмы и банановые деревья отбрасывали тень. Абу, его сарацинский раб, стоял у стены, усыпанной яркими цветами, темными, как кровь святых мучеников, и держал под уздцы его верховую лошадь.

Пьетро остановился у клетки, чтобы взять Цезаря, своего лучшего сокола, и побежал дальше, туда, где Абу ждал с Адабой, остановившись по дороге только для того, чтобы помахать рукой Исааку, который сидел на крыше около голубятни, согнувшись пополам, в ожидании почтового голубя из Италии с новостями...

Был июньский день 1208 года. Сердце Исаака потеплело при виде приемного сына. Действительно, Пьетро был необыкновенно хорош собой. Он был гибким, как девушка, и даже более изящным. Одежда на нем была самая дорогая, какую могло обеспечить богатство Исаака. На нем красовалась шапочка из зеленого бархата, расшитого золотыми нитями и усеянного жемчугом, с приколотым золотым фазаньим пером. Волосы, коротко подстриженные, прикрывали уши. В одном ухе у него была серьга с большой жемчужиной, на шее – золотая цепь, на плечах куртка из зеленой парчи, украшенная золотым шитьем и жемчужинами. Куртка у него была не до колен, как у большинства его друзей, а значительно короче, и открывала красивые ноги, затянутые в красные чулки, придерживаемые подвязками с золотом и драгоценными камнями. Куртка была перехвачена широким кожаным поясом с золотой застежкой и множеством затейливых украшений. На ногах у него были мягкие туфли из лайковой кожи, выкрашенной в зеленый цвет, в тон куртке и шапочке.

Абу держал под уздцы его скакуна, и Пьетро одним прыжком

ком взлетел в седло, даже не коснувшись стремян. Это требовало известной ловкости, поскольку Адаба был благородным скакуном, вывезенным специально для Пьетро из Аравии. Он подчинялся Пьетро отчасти из любви, отчасти же зная, что мальчик справится со всеми его фокусами. Пьетро часто напоминал ему об этом.

Исаак видел, как мальчик легким галопом проскакал к воротам, и встал было, чтобы его окликнуть. Потом он передумал. Лучше подождать, пока придет еще одно сообщение от Абрахама из Иеси; если новости будут не лучше, они успеют двинуться в путь сегодня вечером...

Пьетро выехал на улицу Палермо, города его сердца. Он никуда конкретно не направлялся, если не считать смутного желания выпустить Цезаря на водяную дичь на болотах Орето. Он ехал бесцельно, минуя дворцы, церкви, мечети, мимо королевских дворцов и парков, видя вдали сверкающий купол Греческой Санта Марии, а вблизи – благородный массив Собора с окружавшими его минаретами. По улицам сновали люди – монахи в черных сутанах, сарацины в тюрбанах, бородатые греческие священники, еврейские купцы и ростовщики, негры, чернее подземного царства Гадеса, высокие норманнские рыцари, выделяющиеся своими кольчугами и шлемами, и последние пришельцы в эту землю – германские рыцари императора Генриха VI, сына Фридриха, прозванного Барбароссой за рыжую бороду.

Германцам Пьетро уступал дорогу. Это были могучие

мужчины, даже крупнее норманнов, и с непредсказуемым темпераментом. Все люди, которые до их прихода сюда мирно сосуществовали в этом вавилонском столпотворении языков и рас, позволяя каждому жить по своим обычаям и в соответствии со своей верой в Бога, ненавидели германцев. Пьетро разделял это чувство. Он не раз испытал на себе тяжесть их рук.

Попадались в этой толпе и сицилийцы, веселые, смеющиеся, сама их речь смахивала на песню, каждое слово сверкало сарказмом, искрилось смехом. То и дело встречались благородные дамы, которых несли в паланкинах сарацинские или мавританские рабы. Большинство этих дам были блондинками от природы или благодаря искусству парикмахеров, ибо ни одна черноволосая дама не могла рассчитывать даже на одну строчку в романсах менестрелей. Столкнувшись с бледной красотой норманнских женщин с их длинными желтыми локонами и с крупными германскими дамами с золотыми или рыжими, как у лисиц, волосами, черноволосым красавицам Сицилии пришлось с боем отстаивать свои позиции в обществе и своих мужчин. Пьетро часто видел, как они сидели на крышах своих домов, распустив длинные волосы, покрытые разными снадобьями, изготавливаемыми для них сарацинами или греками, ибо из всех лекарей эти считались самыми искусными в фармакологии – солнце должно было способствовать обесцвечиванию волос. При этом дамы тщетно пытались укрыть от загара свою золотистую от

природы кожу. Какие только смеси из кобыльего молока и растертых бобов ни накладывали они на свои лица, достигая только одного результата – сероватого оттенка кожи. А красный цвет волос, придаваемый хной, и грязно-золотой, достигаемый другими средствами, выглядели отвратительно, особенно когда волосы отрастали и становились видны черные корни.

И все равно Пьетро, хоть и был еще совсем зеленым юнцом, от души любовался дамами, ибо в те времена поклонение женщине стало почти религией. Он с нетерпением ждал того дня, когда сможет повесить платочек или чулок дамы на свое копьё и бросить кому-то вызов на состязание в ее честь. Ему доставляло огромное удовольствие разглядывать женские силуэты сквозь занавески паланкинов, дам, закутанных в элегантные накидки из шелка, расшитого золотом, под тонкими вуалями, пахнущих благовониями, в золоченых туфельках, с ногтями, выкрашенными в розовый цвет, и с начерченными бровями.

Пьетро любил Палермо. Какой он блистательный, замечательный город. Он лежит на изогнутом берегу, как бриллиант, упавший из Рая, окруженный бесплодными холмами, прикрытый с севера горной цепью Монте Пеллегрини; город, где великолепные зеленые сады Конча д'Оро смыкаются с бесконечной синевой бухты. Вокруг города и в самом городе апельсиновые и лимонные деревья источали аромат, разносимый ветерком, пальмы шелестели ветвями, каменные сос-

ны высились в гордом одиночестве. Сады наполнились цветущими фруктовыми деревьями, а когда мальчик выехал за пределы города, перед ним запестрели поля, покрытые белыми цветами миндальные деревья и серебристо-зеленые оливковые деревья. По берегам каналов и ручьев шелестел персидский тростник. К этим болотам и направлялся Пьетро, чтобы еще раз испытать своего сокола Цезаря.

Перезвон колокольчиков на сбруе его коня вспугнул болотных птиц, но на этот раз это были не цапли, а утки, взлетевшие как стрелы из арбалета, так что они стали косяком черных точек раньше, чем Пьетро успел снять капюшончик с головы Цезаря и выпустить его в воздух. Цезарь взлетел выше уток и завернул их от бухты к земле, но они пронеслись над головой Пьетро так стремительно, что он услышал только хлопанье крыльев и увидел, как Цезарь сложил крылья и кинулся вниз, как кара Господня.

Однако снова сокол не взмыл в воздух и Пьетро выругался так, что у любого монаха волосы встали бы дыбом. Потом он поскакал в лес разыскивать сокола. Уже начало темнеть, когда он наконец нашел его, и то скорее по звуку, а не увидел. Цезарь вонзил свои когти так глубоко в толстую крякву, что не мог их вытащить, а кряква оказалась слишком тяжелой, чтобы взлететь с ней. Пьетро рассмеялся и спешил. Он нагнулся, чтобы взять сокола, но услышал свистящий звук и на расстоянии нескольких дюймов от его протянутой руки в землю вонзилась, дрожа, тяжелая стрела, с какой охотятся

на кабанов.

Мальчик выпрямился и вытащил из ножен кинжал. Никто не появлялся. Пьетро стоял не двигаясь. Он глянул на кинжал в своей руке. Такой маленький клинок. А человек, который мог послать стрелу с такой силой, должен быть силачом. Пьетро вздрогнул. Он не был трусом, но был довольно мал для своих лет и не отличался богатырской силой. Пьетро подумал о том, чтобы вскочить на коня и ускакать, но он этого не сделал. Было что-то постыдное в бегстве. Кроме того, в этих густых кустах Адаба не может быстро скакать. Если кто-то захочет убить его, то успеет метнуть копье или выстрелить из арбалета ему в спину раньше, чем он двинется...

Пьетро сделал единственно возможное в этих обстоятельствах. Он вырвал из земли тяжелую стрелу и двинулся с ней сквозь кусты. Он боялся, весь дрожал. Но шел вперед. Он не знал, что это само по себе уже и есть проявление отваги.

Он увидел сначала мальчика, потом кабана. Мальчик был его возраста, ниже его ростом, но шире и крепче. У него были золотые волосы и загорелое лицо, на котором не было и тени страха, хотя он стоял всего лишь с кинжалом в руке, ожидая атаки самого страшного из зверей.

– Дурак! – закричал Пьетро. – Задница ты, чего ради ты пустил стрелу?

– Он не повернул бы, – спокойно ответил мальчик. – Это был единственный способ остановить его. А теперь брось ее мне, чтобы я мог убить его.

И тогда Пьетро сделал самое глупое, что мог. Вместо того чтобы бросить стрелу мальчику, он поднял ветку и бросил ее так, что она сильно ударила кабана в заросший шерстью бок. Животное развернулось, его маленькие злые глазки горели как угли на черной морде. Пьетро видел, как кабан взрыл копытами землю и метнулся, прижимаясь к земле, молния, выпущенная богом смерти, черная, огромная звериная масса с загнутыми клыками, с пеной, слетающей с пасти. Пьетро полуприсел, держа стрелу прямо перед собой, на уровне кабана, кровь стучала у него в ушах, он шептал Аве Мария и Патер Ностер, пока кабан не оказался над ним. Под тяжестью кабана Пьетро свалился в кусты, а зверь, чуть свернув влево, проскочил мимо него, вырвав стрелу у него из рук.

Пьетро услышал, как взвизгнул кабан, – страшный, высокий, воющий звук. Потом мальчик, которого он спас, помог ему подняться и стал стряхивать с его богатой одежды листья и сломанные ветки.

– А кабан? – прошептал Пьетро.

– Замечательный удар, – ухмыльнулся мальчик. – Кабан мертв. Ты пронзил его до самого сердца. Это был храбрый поступок. Благодарю тебя, мой вассал.

Пьетро замер. Он посмотрел на странного мальчика с рыжеватыми волосами и загорелым лицом, отметил его простую одежду без драгоценных украшений. Однако мальчик назвал Пьетро своим вассалом.

– Вассал? – переспросил Пьетро. – Возьми это слово назад

или я поступлю с тобой, как с кабаном!

Голубые глаза мальчика изучали Пьетро, его тонкую фигуру, украшенный драгоценностями наряд, потом он рассмеялся. Это был хороший смех, глубокий и чистый.

– Я не могу взять его обратно, – сказал он, – потому что ты на самом деле мой вассал. Как и все люди, живущие на обеих Сицилиях, исключая, конечно, добрых прелатов, – они вассалы Господа Бога...

– Кто ты? – с удивлением спросил Пьетро.

– Фридрих Второй, – ответил мальчик. – Милостью Божьей, король Сицилии. А ты?

Пьетро тут же опустился на колени, сорвав с головы шапочку.

– Встань, – нетерпеливо велел Фридрих. – В этом нет нужды. Я еще не наградил тебя должным образом за то, что ты спас мою жизнь. Как тебя зовут?

– Пьетро... Пьетро из Апулии, ваш слуга, сир.

– Хорошо. Когда я стану императором Римской империи, я сделаю тебя бароном. А теперь помоги мне найти мою лошадь и поедем со мной.

– Вы не можете, – выпалил Пьетро. – Вы не можете сделать меня бароном, сир. Я... я низкороджденный.

Король жестко посмотрел на Пьетро.

– Я, – произнес он бесстрастно, – могу сделать тебя и герцогом, если захочу. Но достаточно баронского звания, потому что ты мог направить кабана в мою сторону и я мог убить

его сам...

Эти слова удивили Пьетро. Он уже готов был напомнить королю, что, если бы Пьетро не подобрал его оружие, короля в любом случае зарезал бы кабан, потому что кабан находился между ним и тем местом, куда упала стрела. Но потом Пьетро вспомнил, что этот коренастый паренек все-таки король.

Они вместе прошли сквозь кусты, и Пьетро освободил своего сокола.

– Благородная птица, – заметил Фридрих.

– Она ваша, сир, – немедленно отозвался Пьетро.

Он сказал это просто из вежливости, Пьетро отнюдь не собирался никому отдавать своего лучшего сокола.

– Спасибо, – сказал Фридрих и пересадил сокола себе на запястье.

Пьетро едва не расплакался. Но теперь уже помочь ничем было нельзя. Исаак купит ему другого сокола, хотя Пьетро был уверен, что второго такого сокола, как Цезарь, нет на всем белом свете.

Они возвращались, король с гордостью нес Цезаря, поглаживая его перья, Пьетро вел под уздцы своего коня Адаба и нес убитую утку. Что касается кабана, то Пьетро был уверен, что им займутся слуги короля.

Лошадь Фридриха они нашли почти сразу же. К удивлению Пьетро, это был не боевой конь, не благородный рыцарский конь, а лошадь с проваленной спиной, которую нель-

зя было даже сравнить с арабским скакуном Адабой. Чуть подальше они наткнулись на трех королевских гончих. Они лежали разбросанные полукругом, все три мертвые. Кабан выпустил им внутренности.

Фридрих опустил на колени рядом с ними и заплакал. Пьетро подумал, что, будь он на месте короля, он вел бы себя еще хуже. Если бы кабан убил его любимого пса Брута, натасканного на травлю кабанов, Пьетро бил бы кулаками по земле и выл от горя.

Фридрих вытер глаза и сел на лошадь. Пьетро последовал его примеру. Тут ему пришло в голову, что он не видел никаких королевских охотников. Он спросил об этом Фридриха. Почти сразу же он понял, что этого делать не следовало, но очень трудно было помнить все время, что этот тринадцатилетний парень в поношенной зеленой охотничьей одежде является королем обеих Сицилии.⁴

Фридрих рассмеялся. Пьетро этот смех не понравился. За веселостью скрывалась, похоже, горечь. Пьетро не мог точно этого определить.

– Должен ли я посвящать тебя, добрый мессир Пьетро, – сказал Фридрих, – во все подробности моей несчастной жизни? Погляди сам! Кто из нас двоих одет как король – ты или я?

⁴ В эпоху императоров Гогенштауфенов Сицилия представляла собой Объединенное королевство, включавшее не только остров, но и носок, каблук и еще некоторую часть итальянского сапога (Королевство Обеих Сицилии).

– Я бы с радостью отдал вам свою одежду, сир, – сказал Пьетро, – но боюсь, что она не налезет на вас...

– Так оно и есть, – вздохнул Фридрих. – Я крупнее тебя. Кроме того, мне не так долго осталось ждать. После двадцать шестого декабря этого, тысяча двести восьмого года от Рождества Христова я стану совершеннолетним. И тогда пусть мой добрый опекун, его Святейшество Папа Римский, поостережется!

Пьетро был потрясен. Он еще не зашел так далеко в своем вероотступничестве, чтобы такие высказывания не задевали его. По правде сказать, на его юный и искренний взгляд, драчливые христианские рыцари, увертливые венецианцы, гонуэзские купцы и многие другие представители христианского мира не могли равняться с опрятными, достойными и учеными мужами, которых он знал среди сарацинов. Конечно, обращаться к христианскому лекарю, к примеру, было равносильно самоубийству, в то время как арабские врачи достигли многого в своей науке и искусстве врачевания. Пророк приказывал сарацинам мыть руки и ноги перед тем как войти в мечеть, а в христианских церквях помимо благовоний пахло еще и многим другим. Тем не менее Пьетро никогда не пришло бы в голову говорить в таком тоне о Наместнике Христа. Такие слова граничили с ересью. Видимо, лицо Пьетро выдало его переживания, потому что Фридрих глянул на него и спокойно сказал:

– Его Святейшество получает от моей матери тридцать

тысяч таренов⁵ в год за опеку надо мной. Тебя это, конечно, не касается, но ты еще поймешь, что ризы и митра могут прикрывать преступления не хуже любой другой одежды.

– Но, сир... – начал Пьетро.

Фридрих поднял руку. Хоть он был еще мальчиком, жест его был поистине королевским.

– Кто отдал треть моих земель Вальтеру Бриеннскому? – спросил он. – Почему меня передали от епископа Вальтера Балеарского к Маркнарту, к Вильяму Каппароне и к Дипомду Швейнспоунту? Вот так великий Иннокентий III предполагает держать слово, данное моей матери? Я был избран главой Священной Римской империи всеми германскими князьями. И кто же противостоит мне, Пьетро? Кто пишет и объявляет, что я не достиг совершеннолетия, что меня не крестили, и обещает мне только нищенское королевство половины Сицилии, да еще добавляет, что “Горе земле, чей король еще ребенок”?⁶

– Я ничего не знаю про эти дела, сир, – кротко заметил Пьетро.

⁵ Тарен – монета, отчеканенная в Бриндизи при королях-норманнах. Один тарен равнялся двадцати грамам золота. Тридцать таренов равнялись одной унции.

⁶ В своей “*Deliberatio Super Facto Imperii*” Иннокентий III выдвинул этот и еще три других аргумента против избрания Фридриха императором. Истинным же его мотивом было стремление предотвратить объединение Германской империи и Королевства обеих Сицилии, что привело бы к тому, что папские владения оказались бы окружены светскими и, возможно, враждебными государствами (см. Канторович, там же, стр. 19–20).

– Неважно. Поехали. Там зажарят эту жирную утку за час. Я чудовищно голоден. Вот тебе еще одно обстоятельство. Какой другой король должен получать свою еду благодаря щедрости своих подданных?

Пьетро придержал язык. Ему казалось, что каждое сказанное им слово только напоминает королю о его незавидной участи. Пьетро мало интересовался этими проблемами, но теперь, когда Фридрих упомянул о них, Пьетро припомнил, что не раз слышал, что юный король последние пять лет лишен опекуна и играет на рынке с рабами, сарацинами и маврами. Пьетро даже слышал, как Исаак говорил, что шансы Фридриха дожить до зрелого возраста, не пав от кинжала убийцы, очень малы. Ему не хотелось думать об этом. Он обнаружил, что ему очень нравится этот храбрый и крепкий парень. В рваной одежде, никем не сопровождаемый, очень юный, Фридрих все равно был король.

Во дворец они добрались перед тем, как стемнело. Хотя дворец был выстроен норманнским дедом Фридриха Роже II, царственный француз многое перенял от мавров. На взгляд Пьетро, это было самое красивое здание в Палермо.

Стражи у ворот довольно небрежно отсалютовали им. Пьетро видел, что глаза Фридриха сверкнули, но он сдержал себя. Еще будет время объяснить этим негодьям, кто король. А вот могучие германцы из стражи Фридриха приветствовали его гораздо теплее, когда он сказал им, что в лесу лежит большой кабан, ожидающий, чтобы его насадили на вертел.

Пятеро из них тут же поскакали в лес, чтобы привезти зверя, зарезанного Пьетро.

– Бедняги, – заметил Фридрих, – они, конечно, не голодают, но им не хватает мяса. Как и мне. Но мы отдадим эту птицу Джулиано, который умеет готовить, и пообедаем. Я не хочу расставаться с тобой, Пьетро, ты мне очень нравишься.

– Вы оказываете мне большую честь, сир, – отозвался Пьетро.

Утка была хороша, но Пьетро ел мало, несмотря на уговоры короля. Пьетро знал, что такое голод, ему приходилась видеть голодных. Когда с уткой было покончено – быстрее, чем он мог себе представить, – и ее запили вином, значительно хуже того, которое Исаак давал своим рабам, мальчишки откинулись на спинки стульев и стали смотреть на огонь. Пьетро предполагал, что Фридрих обдумывает, как он будет вести себя, когда станет королем не формально, а на самом деле. В настоящее время Пьетро не дал бы и полтарена за его успех. Сарацины, живущие на холмах, восстали против него. Бароны на материке и на острове открыто выступали против него. На самом деле он управлял только дворцом, в котором они сейчас находились.

Пьетро хотел бы уехать, Исаак, наверное, уже волнуется. Но Пьетро не смел. Это королю решать, когда ему ехать. Они сидели молча уже более часа. Пьетро начал подумывать, что придется сидеть здесь всю ночь, когда в залу торопливо вошел рыцарь в кольчуге и при шпорах.

– Сир, – сказал он, – у меня новости из Швабии...

Фридрих внимательно посмотрел на него и сказал:

– Дурные новости.

Голос у него был ровный и спокойный.

– Да, сир.

– Тогда докладывай. Мне все равно, хорошие они или плохие.

– Вашего дядю, короля Филиппа, зарезали, – пробормотал рыцарь.

– Кто? – спросил Фридрих.

Он задал этот вопрос таким тоном, словно спрашивал, который час.

– Отто Виттельсбах, – ответил рыцарь.

Фридрих ничего не сказал. Он отвернулся и стал смотреть на огонь. Ему было тринадцать лет, но Пьетро видел, как он становится мужчиной. Отсвет огня плясал на его лице в эту минуту, долгую, как сама смерть, пока он смотрел на пылающие поленья. Потом он обернулся к рыцарю.

– Благодарю тебя, – сказал он. – Джованни, мой сенешал, предоставит тебе помещение и еду. Оставь нас.

Рыцарь поклонился и, позвякивая шпорами, вышел. Пьетро подумал, что король забыл о нем, но Фридрих в конце концов обратился к нему:

– Ты понимаешь, Пьетро, что это значит?

– Нет, сир.

– Я последний из Вейблингов, последний оставшийся в

живых Гогенштауфен. Теперь я стану императором! Ни Его Святейшество Папа, ни сам дьявол в аду, ни Господь Бог не остановят меня! Ты можешь идти, Пьетро, я должен обдумать все это наедине с самим собой.

Пьетро съезжился, идя к конюшне. Фридрих с такой легкостью богохульствовал. Пьетро начинал понимать, что в этом короле есть нечто ужасное. Он сел на своего коня и поехал домой, обдумывая мысль, которая не пришла в голову Фридриху. Последний Гогенштауфен.⁷ Один удар ножа, и империя становится владением гвельфов – навсегда. Потом Пьетро засомневался. Этот чертов парень так легко не сдастся. Пьетро сам удивился, обнаружив в себе уверенность, что Фридрих победит.

Когда Пьетро вошел в дом, Исаак ждал его. Лицо его почернело от тревоги.

– Какая сарацинская девка задержала тебя на этот раз? – закричал он. – Из всех ночей именно сегодня ночью тебе сле-

⁷ Вейблинген был швабский город, принадлежавший Гогенштауфенам. С тех пор как Конрад III Швабский основал династию Гогенштауфенов, владельцам Штауфенских гор противостояли герцог Генрих Баварский и его дядя Вельф, или Гвельф. Когда герцог Генрих отказался признать избрание Конрада императором Священной Римской империи, Гогенштауфены осадили его в Вейнберге, и тогда, впервые в истории, на поле боя раздались боевые крики: “Хи Вельф!” и “Хи Вейблинг!”. Эти боевые кличи пересекли Альпы, трансформировались в названия “гвельфы” и “гибеллины” и превратились в названия партий, поддерживающих Папу и императора. Тот факт, что Иннокентий III первым поддержал Оттона Брунсвика, гвельфа, против Фридриха, до того как Оттон предал Папу, вероятно, объясняет данную эволюцию, но ни один из современных тем событиями источник не дает этому никакого убедительного объяснения.

довало вернуться пораньше; но нет – но разве можно было на это надеяться! Это в тебе бурлит дикая кровь франков!

– Оставь мою кровь в покое, – резко ответил Пьетро. – Дядя Исаак, я весь день провел с королем.

Исаак устался на мальчика и задумчиво подергал себя за бороду. Но он знал, что Пьетро говорит правду. Тогда – в те дни – он еще не научился лгать.

– Плохо, – сказал он. – Будь осторожен, чтобы тебя не убили вместе с ним, когда станет известно, что Филиппа Швабского зарезали...

– Ты уже знаешь об этом, дядя? – удивился Пьетро. – Я ведь был с королем, когда прискакал вестник.

– Подходящая ночь для вестников, – тяжело вздохнул Исаак. – Я тоже получил известие.

Только теперь Пьетро заметил, что Исаак не в своем обычном свободном сарацинском одеянии. Он был в европейском костюме, на ногах шпоры. Под туникой дяди Пьетро заметил кольчугу, на бедрах пояс. Тонкая смуглая рука Исаака опиралась на рукоятку кривого сарацинского ятагана, за пояс был засунут кинжал.

– Иди, возьми оружие, – приказал Исаак. – Мы скачем сегодня ночью в Медину. Дай Бог, чтобы мы добрались туда!

– Почему? – начал Пьетро, но Исаак довольно неделикатно подтолкнул его.

– Иди! – прикрикнул он. – Я объясню тебе все по дороге. Когда Пьетро спустился во двор, он увидел, что их ожи-

дает охрана из десяти копьеносцев. Адаба устал после охоты, поэтому для него оседлали большого вороного жеребца. Они поскакали по улицам, факелы в руках копьеносцев освещали им дорогу, дымясь на ветру.

Пьетро рассматривал своего приемного дядю, насколько это позволяла темнота. Он видел нового Исаака. Раньше тот всегда воплощал для него доброту, но сегодня ночью Пьетро впервые открылись другие грани характера Исаака. Впоследствии, через годы, Пьетро уже не казалось странным, что Исаак мог действовать столь решительно: вряд ли он мог бы держать в руках свою обширную торговую империю, занимавшуюся главным образом торговлей бриллиантами, золотом и изделиями его собственных умелых рук, как и рук его лучших мастеров, если бы не обладал смелостью и решительностью. Но, насколько знал Пьетро, роль человека действия не очень подходила Исааку. Он предпочитал читать Тору или маймонидские священные книги.⁸ “Каждый еврей-

⁸ Моше Маймон, прозванный европейцами маймонидом, был великим еврейским ученым. Он родился в мавританской Испании, позднее стал придворным врачом благородного курдско-сирийского султана Юсуфа, которого историки по сей день ошибочно именуют Саладином (у султана было множество титулов, среди них и Салах-ад-дин. Неполный их перечень: аль Малик аль Насир аль Султан Салах-ад-дин Юсуф. Приблизительный перевод таков: Победитель, Щедрый Султан Веры Юсуф). Находясь при дворе султана в Каире, Маймонид написал свой знаменитый труд “Далат аль Хаирин”, название которого обычно переводится как “Путеводитель по сложному”. В нем он пытался примирить еврейскую теологию с мусульманским аристотелианизмом и, таким образом, вскрыл конфликт между наукой и религией. Он, например, объяснял видения пророков физическими явлениями, точка зрения, с которой современные психиатры навер-

ский купец, – любил повторять Исаак, – это несостоявшийся ученый”.

Сейчас Пьетро был уверен, что, если понадобится, Исаак пустит в ход кривой сарацинский клинок, и мальчик неожиданно ощутил гордость за дядю. Но Пьетро грызло любопытство. То, что они едут так поспешно и так далеко, означало, что предстоят большие события. А Исаак по-прежнему молчал.

Всю ночь скакали они по холмистой местности. Когда они выехали из Палермо, факелы потушили, чтобы не привлекать бандитов, всадники осторожно нащупывали в темноте дорогу. Пьетро тронул Исаака за рукав.

– Дядя, – начал он, – почему...

– Молчи! – прошипел Исаак. – Ты хочешь накликать на нас разбойников? Я все скажу тебе утром.

Рано утром они прискакали в Мессину и проехали до пролива, разделяющего две Сицилии. Пьетро устал как собака, его изнеженное тело не было приспособлено для таких бешеных, длящихся всю ночь скачек. Но Исаак, не считая того, что на лице у него были видны следы напряжения, не выказывал никаких признаков усталости. Пьетро сидел, покачиваясь в седле, пока Исаак договаривался с хозяином генуэзского судна, стоявшего на якоре в гавани. Было ясно, что путешествие их далеко не закончено, но Пьетро слишком устал, чтобы думать об этом.

няка согласятся. Он выдвинул также атомную теорию сотворения мира.

Исаак не стал тратить время на то, чтобы торговаться. Он согласился на вторую сумму, которую назвал генуэзец, что было совершенно неразумно для столь опытного купца. Но, похоже, он очень торопился.

Лошадей Пьетро и Исаака подняли на борт, а их копыеносцы повернули обратно. Пьетро наблюдал за их отъездом не без страха. Все они были здоровые парни, готовые сражаться за своего хозяина. А Пьетро был для своих лет маленького роста и не слишком силен. Он сам знал это слишком хорошо. Даже его вчерашний подвиг, когда он убил кабана, не поднял его настроения. Фактически зверь сам напоролся на стрелу, которую он держал, – так что все происшедшее было случайностью, из которой Пьетро теперь мог извлечь лишь слабое утешение.

Исаак ласково положил руку ему на плечо.

– Так-то лучше, Пьетро, – сказал он. – То, что мы должны сделать, лучше делать путем дипломатии...

– Что именно? – раздраженно спросил Пьетро. – Всю ночь мы скакали, а теперь...

Но прежде чем Исаак успел ему ответить, все заглушил громовой голос чернобородого капитана, выкрикивавшего указания своей команде. Швартовы были отданы, и гребцы взялись за весла. Галера вышла из гавани и направилась в открытое море, где вдали можно было различить берега Италии, бледно-голубые, затянутые дымкой. Потом матросы взобрались на мачту, и парус, украшенный изображением

дракона, наполнился ветром. Мессина осталась позади, нос корабля разрезал прозрачную воду.

Когда все на палубе затихло, Исаак отвел Пьетро в сторону.

– Вчера вечером, – сказал он, – я получил послание от Абрахама бен Иегуды, смотрителя моих складов в Анконе. Ты помнишь городок Рецци, неподалеку от Иеси, где ты родился?

– Только то, что ты мне рассказывал, – отозвался Пьетро. – Я не помню даже Иеси.

– Правильно, – вздохнул Исаак, – как ты можешь помнить? Ты был совсем ребенком, когда Донати отдал тебя на мое попечение. Но это неважно. Рецци незначительная деревня, меньше даже, чем Иеси. Она входит во владения Алессандро, графа Синискола, с которым в злодействе не может равняться даже сам Сатана...

Пьетро ждал. Он понимал, что это только начало.

– Главные мои склады в Анконе, – продолжал Исаак, – находятся в Рецци. Граф соглашается на это, потому что с каждым годом он все глубже залезает мне в долги. Долги, которые, учитывая мое здоровье, я не надеюсь получить. Но дело в том, Пьетро, что граф Алессандро со своими солдатами осаждает сейчас Рецци...

– Но почему? – спросил Пьетро. – Если это его владения, зачем ему осаждать Рецци? Я могу понять, если бы это были другие рыцари – например, барон Рудольф Роглиано – они

всегда были врагами, так ведь ты говорил? – но, конечно...

– Не торопись, мой мальчик. В этой земле нет аристократа, который был бы так жесток к своим сервам, как граф Алессандро, никто не заставляет их так трудиться на барщине, никто не требует с них таких высоких податей. Ни один человек в Италии не повесил столько бедняг за браконьерство, как граф Синискола. Все знают, как он готов всегда пускать в ход бич или руку в железной перчатке. Ты знаешь, что твой отец в настоящее время является вассалом графа?

– Да, но я никогда не мог этого понять. Ты рассказывал мне, что, когда мой отец бежал из владений барона Рудольфа Роглиано, чтобы спасти мою бедную мать от изнасилования, он находился в бегах год и один день. После этого он стал свободным...

– Все верно, – вздохнул Исаак, – но ни один человек не может быть свободным, пока безнаказанно правят такие звери, как Алессандро. Он заставил твоего отца служить ему оружейником в его войне с бароном Рудольфом Бранденбургом, бароном Роглиано, бывшим хозяином твоего отца. Понимаешь, Пьетро, Донати лучший оружейник в Италии, в чем граф Алессандро, к сожалению, имел возможность убедиться...

– И все-таки, – сказал Пьетро, – я не понимаю...

– Поймешь, – мрачно возразил Исаак. – В прошлом году, в марте, там начался голод. Вокруг Рецци людей сжигали за то, что они продавали своих младенцев для еды. А

граф Алессандро ничего не сделал, чтобы помочь. Вместо этого он удвоил давление на сервов. В результате весной, когда проливные дожди уничтожили посевы, сервы восстали. И возглавил их твой отец...

Пьетро понимал, что это означает. Даже за его короткую жизнь на Сицилии бывали крестьянские восстания. И все они кончались одинаково трагически. Восставших пытали так жестоко и так долго, что они молили убить их поскорее.

Ему стало плохо при одной мысли об этом, но он по-прежнему внимательно следил за выражением лица Исаака. Мальчик был уверен, что в остром уме золотых дел мастера уже созрел план.

– Я, – продолжал Исаак, – заключу сделку с графом Синискола. Я ссужу ему деньги, столько денег, что это разорит все мои предприятия в Италии, но это неважно. Ты, мой мальчик, проберешься в Рецци и убедишь этого большого упрянца, твоего отца, уйти вместе с тобой и спрятаться в убежище, которое приготовит Абрахам. После чего я присоединюсь к вам... если кто-нибудь из нас останется жив...

Пьетро встал.

– Клянусь Господом Богом и Пресвятой Богородицей, – произнес он, – я не подведу.

Исаак улыбнулся. Пьетро вспомнил, что Исаак не верит ни в Иисуса, ни в его Мать.

– Да будет так, – спокойно сказал Исаак.

Потом они оба долго сидели и смотрели, как из синих

морских волн встают берега Италии.

2

Пьетро чуть не падал с седла. Святой Боже и Пресвятая Богородица, думал он, я совсем без сил...

Стоял конец июня и было очень жарко. Пыль облаками вздымалась над дорогой. Вороной жеребец Амир то и дело спотыкался о закаменевшие колеи, оставшиеся от тележных колес во время весенних дождей. Пыль проникала под одежду, забивалась в ноздри, в волосы. Его брови и ресницы побелели от пыли. Он ощущал всего себя грязным.

Он посмотрел на Исаака, который покачивался в седле, прикрыв глаза от солнца. За время путешествия добрый еврей совсем высох. И тем не менее в этом изможденном теле таились скрытые силы. Первым всегда сдавался Пьетро, не Исаак.

Сон на твердой земле в маленьком шатре не приносил облегчения. Жесткие камни не давали отдыха. Но выбора у них не было. В первый раз, когда они подъехали к постоялому двору, Пьетро ужасно обрадовался, особенно когда хозяин приветствовал их елеиным голосом:

– Благородные господа! Окажите мне честь и войдите. В этом доме есть все для отдыха: расписанные красками комнаты, мягкие постели с матрасами, набитыми птичьим пером. Здесь, господа, вы будете спать на подушках, пахнущих фиалками, после того, как ополоснете ваши рты и омоете ру-

ки розовой водой!

– Ванну, – прошептал Пьетро, – вы можете приготовить ванну, мессир хозяин?

Хозяин постоялого двора уставился на него в изумлении. Выражение его лица свидетельствовало о том, что он считает мальчика помешанным: Но он быстро нашелся.

– Конечно, юный принц! В мраморной ванне прекрасные девушки будут растирать ваши усталые члены, если вы захотите получить столь благородное наслаждение. Заходите!

Но Исаак сурово глянул на хозяина.

– Прочь с дороги, лживый плут! – загремел его голос. – Принеси нам по кувшину твоего самого хорошего вина и поостерегись с ценой, потому что я путешествовал по этим дорогам и раньше.

Вино оказалось кислым и очень плохим, а цена чудовищной. Исаак дал прохвосту хозяину треть той цены, которую тот запросил, и они двинулись дальше, провожаемые бегущим за ними с проклятиями хозяином. В конце концов он бросил преследовать их и побрел обратно, заработав на своем мерзком вине триста процентов и тем не менее чувствуя себя обманутым, настолько он был жаден.

У Пьетро на глазах выступили слезы. Он так мечтал о ванне. И о пуховых матрасах. Ей-богу, его дядя никогда раньше не проявлял такой скупости...

Исаак посмотрел на него и ухмыльнулся.

– Пьетро, – мягко сказал он, – не горюй. Если бы ты су-

нул нос в его общие комнаты, ты бы обнаружил там такую вонь, что выскочил бы сам. Ты не увидел бы там никого, кроме пьяниц и игроков и большого количества отвратительных шлюх, каких тебе еще не приходилось видеть. Что касается его спален, то в каждой стоит четыре кровати, а иногда и шесть. Нам с тобой не только пришлось бы спать вдвоем в одной постели, но, вероятно, в одной комнате с другими людьми, от которых дурно пахнет. Что же касается отдыха, то даже если бы, невзирая на блох и других паразитов, ты сумел бы заснуть, тебя тут же разбудил бы шум, поднятый каким-нибудь буяном, который развлекается со своей старой, немытой шлюхой – если только ее сестры по профессии еще раньше не истожили бы твоего терпения, пытаясь получить от тебя такое же удовольствие... Впрочем, попадаются постоянные дворы и похуже...

– Хуже этого? – спросил Пьетро.

– Да. Те, которые по-настоящему плохи, иногда внешне выглядят немного пристойнее. Но вино в них всегда отравлено. И если дочери греха выглядят там помоложе и попригляднее, то они и более искусны в выпотрашивании кошельков. После ночи, проведенной с такой девкой, ты проснешься с дикой головной болью, в чем мать родила, без своего добра, без лошадей, без денег и без одежды. Пока ты спишь, тебя перенесут в какое-нибудь отдаленное и пустынное место – если они окажутся достаточно милостивыми и воздержатся от того, чтобы перерезать тебе горло.

– А хороших постоянных дворов не бывает? – спросил Пьетро.

– Никогда, – отозвался Исаак. – Лучше будем спать на воздухе.

Вот так они и спали – на воздухе, держа оружие под руками. По милости Божьей, они избежали нападения разбойников. Наконец они добрались до Анконской Марки, местности настолько отличной от острова Сицилии, насколько можно вообразить. Значительное пространство здесь занимали солончаковые болота с высокой травой, гнущейся под ветром, и скалистые холмы, круто вздымающиеся над синевой Адриатического моря. Дул горячий ветер, волнуя траву, чайки висели с криками над морем. Бесплодная страна, ничего похожего на тропическую растительность Сицилии. Чистая, твердая земля. Грубая, с четкими очертаниями, непоколебимая. Птицы эгретки сидели на воде и кричали, и крик их был как резкая, нестройная музыка, соответствующая всему пейзажу и составляющая часть этой дикой местности.

Но теперь они достигли конечной цели своего путешествия. Они подъехали к ферме крестьянина, который многим был обязан Исааку. Родители этого человека были крестьяне, но он родился на свет таким калекой, что ни один благородный рыцарь не желал принять его к себе в вассалы. После смерти родителей он существовал тем, что собирал хворост в лесу, принадлежащем барону Роглиано, за эту привилегию он заплатил деньгами, которые ссудил ему Исаак.

Через какое-то количество лет эта пограничная земля, в прошлом предмет спора между владельцами Роглиано и Синисколы, оказалась такой изрезанной, бесплодной и совершенно очевидно бесполезной, что ни один из этих благородных рыцарей не стал больше защищать ее. Вот в этой ситуации горбун Паоли по совету Исаака рискнул купить два участка земли – один у графа Алессандро, другой у барона Рудольфа, деньгами его опять-таки ссудил Исаак, чье сердце всегда смягчалось при виде человеческого злосчастия. Но Паоли, будучи калекой, обладал при этом недюжинным умом, и поэтому в точности следовал советам Исаака, обрабатывая свои несчастные пять акров. Работая с утра и до ночи, горбун выкопал в выемке между двумя холмами колодец, который дал, как и предсказывал Исаак, совсем неглубоко от поверхности земли обильный источник воды. Потом по чертежу, который дал ему Исаак, он смастерил водяное колесо⁹, по образцу виденного Исааком в Египте. Это колесо поднимало воду из колодца и выливалось на деревянный желоб, который орошал всю землю Паоли.

За один сезон земля неслыханно расцвела. За пять лет Паоли расплатился со всеми долгами – кроме долга благодар-

⁹ Водяные колеса древнего образца, состоявшие из одного горизонтального колеса, чьи спицы выступают за обод и вращают спицы другого, установленного вертикально в колодце колеса, на обод которого укреплены бадьи, поднимающие воду, а всю эту систему приводит в движение слепой верблюд, – все еще используются в Египте. Автор снял на пленку два таких водоподъемника весной 1951 г. около Луксора.

ности, которую его простое сердце всегда испытывало по отношению к Исааку. Поначалу водяное колесо Паоли принесло ему некоторые неприятности. Он заслужил репутацию человека, связанного с дьяволом, и им заинтересовались слугители святейшей инквизиции. Но монахи местного аббатства были образованными людьми и даже отчасти учеными. Двенадцать дней они изучали, как работает водяное колесо, наблюдая, как его мул бесконечно кружит вокруг колеса и серебряная вода выливается из привязанных к колесу горшков. И тогда, вместо того чтобы покарать его, они вернулись в аббатство и соорудили такое же и даже усовершенствованное колесо, использование которого удвоило урожаи на землях аббатства.

Паоли посетил сам настоятель и благословил его земли, после чего Паоли, будучи не дураком, принес вассальную клятву высокому церковнику и передал всю землю аббатству, получив ее обратно в качестве ленного владения; таким образом он предотвратил попытки своих знатных и жадных соседей захватить его землю силой, что они безусловно сделали бы, поскольку эта земля вновь стала ценной.

Уже в течение многих лет у Исаака появился обычай навещать Паоли во время своих поездок в Рецци. Тот всегда с превеликой радостью встречал своего благодетеля, и потому что был ему бесконечно благодарен, и потому что любил засыпать Исаака вопросами о том, что происходит в мире за пределами его маленькой долины.

Они въехали через ворота в каменной стене, и Пьетро выпрямился в седле. Он был слишком горд и не мог допустить, чтобы незнакомый человек видел его слабость. Да и надежда на скорый отдых придавала ему сил. Паоли выбежал приветствовать их, похожий на огромную лягушку-вола, его непропорционально большое безобразное лицо сияло улыбкой. Он придержал стремя Исаака, чтобы помочь спешиться золотых дел мастеру, потом, заметив, насколько устал мальчик, протянул свои длинные руки и снял Пьетро с седла так нежно, словно тот был младенцем.

– О, бедный мальчик! – певуче выговорил он. – Совсем устал. Сейчас мы все устроим.

Через полчаса Пьетро уже спал в хорошей постели. Он спал весь день, вечер и ночь и проснулся только на следующий день поздним утром, чувствуя себя ожившим.

Пока он спал, Исаак расспрашивал Паоли о положении дел с осадой. Жители Рецци упрямо держались. Однако граф Алессандро усиливал свои атаки, зная, что рано или поздно голод сделает их более уступчивыми.

Исаак в ту ночь тоже прилег отдохнуть, но встал рано утром, чтобы разведать обстановку. Когда Пьетро проснулся, его дяди уже и след простыл.

Пьетро обнаружил, что добрая жена Паоли, Джина, – ибо даже такой уродливый мужчина без труда нашел жену, поскольку разнесся слух о его немалом достатке, – уже выстирала его запыленную дорожную одежду и даже вытащила из

седельных мешков его нарядный костюм и развесила, чтобы он проветрился и разгладился. Пьетро имел возможность принять ванну и вновь почувствовать себя юным принцем.

Он съел отличный завтрак, который приготовила ему Джина. Она была привлекательная женщина, толстая и веселая, гораздо моложе своего мужа. Выйдя замуж за Паоли из-за его богатства, она, к великому своему удивлению, обнаружила, что он настолько нежен и добр – за все эти годы он ни разу не ударил ее, что было большой редкостью среди крестьян, для которых избиение жены являлось безопасным средством дать выход ненависти к своим угнетателям, – что она полюбила его, несмотря на его уродство. Но детьми Господь их не благословил, и Джине необходимо было излить на кого-нибудь свои материнские чувства. Пьетро с его изящной, почти девичьей красотой как нельзя лучше подходил для этой цели. Не прошло и полдня, как он полюбил эту веселую крестьянку всем сердцем.

Он обошел всю их ферму, после того как навестил в конюшне измученных лошадей, – ибо Паоли одолжил Исааку прекрасного верхового мула вместо его совершенно загнанного коня. Паоли показал Пьетро свою отличную ирригационную систему и рассказал, как Исаак ее задумал и как она чудесным образом завоевала ему расположение настоятеля аббатства.

Они с увлечением обсуждали эти проблемы, когда до них из соседнего леса донесся звук охотничьих рогов. Лицо Па-

оли искажилось от страха и горя.

– Что тревожит тебя? – спросил Пьетро.

– Это Роглиано, – почти плакал Паоли. – Они опять здесь охотятся, и если олень или кабан кинется через мои поля, пропало полгода труда.

Пьетро знал об этом праве – самом дорогом из всех феодалных прав. Знатный господин всегда мог истоптать поля серва, преследуя свою охотничью добычу. Но по закону только собственного серва – а ведь Паоли вассал настоятеля монастыря.

– А ты не можешь обратиться к его милости настоятелю?

– Могу, но что толку? Настоятель не любит воевать, не то что некоторые другие князья церкви, и он не хочет рисковать войной против барона или графа. Он посылает мне зерно, чтобы мы не голодали, когда мой урожай вытоптан, и призывает проявлять терпение. Но это очень трудно – они нас совсем измучили...

– Подожди, – сказал Пьетро и побежал в дом. Вернулся он со своей сарацинской саблей – этим изогнутым упругим клинком, чья сталь превосходила любую христианскую сталь, поскольку был изготовлен этот клинок в Испании, в мавританском городе Толедо – и с арбалетом.

Он вдел ногу в петлю арбалета и начал натягивать тетиву с помощью двуручной лебедки.¹⁰ Это была нелегкая работа

¹⁰ Это было необходимо, потому что дуга арбалета делалась из упругой стали, а не из дерева. Никакой воин не мог согнуть ее руками. На знаменитом рисун-

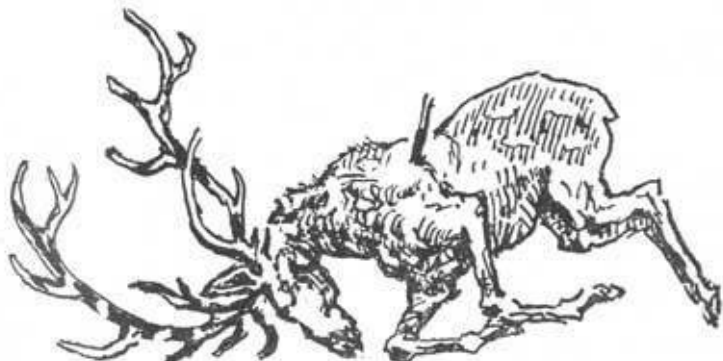
для такого хрупкого юноши, но в конце концов он натянул тетиву до упора и поставил короткую со стальным наконечником стрелу, именуемую долото, на спуск. И так остался стоять в ожидании.

Рога вновь трубили, теперь еще громче. Паоли, не стесняясь, плакал. Он боялся за свои поля и за жизнь этого мальчика, которого Исаак оставил на его попечение. И вот крупный олень вырвался из леса, направляясь прямо к ним, у него из нескольких ран текла кровь, собаки преследовали его по пятам.

И тогда Пьетро сделал странный жест. Вместо того что-

ке Тинторетто, изображающем штурм Константинополя крестоносцами в 1204 году, ясно виден солдат, заряжающий арбалет с помощью двух ручных лебедок. Но Тинторетто, конечно, не знал о действии большого арбалета, ибо его солдат не прижимал ногой замыкающее устройство, на котором держится стрела. Установить стрелу можно было только навалившись всем телом. Стальная дуга была и главным достоинством большого средневекового арбалета и самой серьезной его слабостью. Будучи натянутой, тетива арбалета могла послать стрелу, с легкостью пробивавшую стальную кольчугу. Такая стрела пробивала тело воина, не прикрытое доспехами, насквозь. Но выпустив стрелу, арбалетчик оказывался беззащитен. Прежде чем он мог заново зарядить свой арбалет и вновь выстрелить, его могли раздробить на куски закованные в доспехи рыцари. Поэтому арбалетчиков всегда защищали пешие и конные солдаты. Тем не менее в те времена длинные луки применялись редко. Это было слабое оружие длиной в три фута, стрела которого не могла пробить даже кожаный щит, не говоря уже о кольчуге. Отличные английские луки в пять футов длиной, из которых английские йомены поражали французских рыцарей и генуэзских арбалетчиков при Креси, успевая выстрелить двенадцать раз против одного их выстрела, появились только через столетие после описываемой нами истории. Упомянутый выше рисунок можно увидеть в Палаццо Дожей в Венеции.

бы дождаться и попробовать с помощью арбалета остановить охотников, как предполагал Паоли, он поднял свое оружие и послал стрелу. Огромный олень остановился и рухнул мертвым.

Охотники выскочили из леса, настегивая своих лошадей. Все они были молоды, и среди них было несколько девушек, покрасневшихся и смеющихся. Они преодолели на конях низкую стену и, увидев, что их гончие псы крутятся вокруг Пьетро и Паоли, натянули поводья.

– Вон ваш олень, – холодно произнес Пьетро. – Забирайте его и уезжайте.

Лица молодых господ исказились. Их было трое – тяжелые, белокурые парни, под шесть футов ростом, в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет. С ними были три девушки, две из них явно были с ними не в родстве, поскольку они были черноволосые и смуглые, типичные итальянки, но самая младшая из них была такой же розовощекой блондинкой, как и ее братья.

– Кто ты? – спросил, как выплюнул, Ганс, старший из братьев. – Кто тебе позволил убить нашего оленя?

– А вы кто? – ответил вопросом на вопрос Пьетро. – Вы позволяете себе вытаптывать землю вассала настоятеля монастыря.

Ганс двинул свою лошадь вперед. Его рука уже легла на рукоятку меча.

Пьетро почувствовал, что у него задрожали колени. Против этого могучего германского рыцаря ему не выстоять, и он знал это. Но бежать он тоже не мог – перед этими девушками. Дурак я, подумал он безнадежно и взялся за рукоятку

сарацинского клинка.

– Остановитесь! – раздался чистый как колокольчик голос. – Ганс, остановись! Я этого не потерплю.

Ганс обернулся к сестре. Она была на год младше Пьетро и, на его взгляд, взгляд юного сицилианца, прекрасна как ангел. В действительности она не была так уж прекрасна, лицо у нее было квадратное, как у всех Бранденбургов, но она была такая розовая и белокурая, что Пьетро лишь через много лет осознал этот простой факт.

– Послушай, Иоланта, – огрызнулся Ганс, – я не желаю, чтобы этот низкорожденный вассал...

– Какой низкорожденный вассал? – твердо сказала Иоланта. – Ты когда-нибудь видел серва, Ганс, который выглядел бы так, как этот юноша? Посмотри, братец, на его одежду, на его драгоценности. Мне кажется, что он похож на принца...

Ганс стал разглядывать Пьетро с некоторым интересом.

– Кто ты? – спросил он.

– Пьетро из Сицилии, – гордо ответил Пьетро.

Теперь они знали о нем не больше, чем знали раньше. Пьетро не любил лгать, но ему было ясно, что он понравился этой девушке, этому белокурому ангелу. Он понимал, что произойдет, если она узнает о его низком происхождении. Бывают случаи, подумал он, когда не вредно солгать. И если сейчас не такой случай...

Иоланта пришпорила коня и оказалась между юношами.

– Помоги мне спешиться, – обратилась она к Пьетро.

Пьетро положил оружие на землю и помог ей. Святой Боже, какая она теплая и мягкая!

– Ты принц, добрый мессир Пьетро? – насмешливо спросила она.

У Пьетро язык прилип к гортани от изумления. В Сицилии все девушки, в соответствии с мусульманскими обычаями, жили более или менее изолированно от мужчин, не считая тех, кто торговал своим телом, и тех приветливых уличных девушек, которые, лишившись защиты отца или старшего брата, тоже были доступны по доброте своих сердец. Но эти девушки Севера с их смелостью будут поражать Пьетро еще много лет, пока он не узнает, насколько невинна эта смелость и как мало она значит.

Но он быстро овладел собой.

– Нет, благородная дама, – прошептал он.

– Ты вассал?

– Да, но я вассал только моего господина, его величества Фридриха Второго, короля Сицилии.

Это была правда, умная правда.

– Ты говоришь загадками, – надула губки Иоланта. – Кто ты?

– Как я сказал вам, госпожа, я Пьетро из Сицилии. Что касается моего положения, то я бедный молодой человек, не дававший клятву ни одному сюзерену, кроме моего короля. Но я с радостью стану вассалом, даже сервом, если мне будет даровано право служить вам, моя госпожа.

Пьетро с достоинством поклонился и поцеловал ее руку.

– Будь я проклят! – в один голос сказали Ганс, Марк и Вольфганг.

– Вероятно, – сказала Иоланта, ослепляя его своими ясными серыми глазами, – вероятно, это можно устроить. Потому что, клянусь Девой Марией, мессир Пьетро, ты поразительно красивый парень. А теперь помоги мне опять сесть в седло.

Пьетро выполнил ее просьбу. Его руки ощутили ее тело, их словно обожгло.

– Мои братья никогда не будут вытаптывать поля этого крестьянина, – заявила Иоланта. – А если они это сделают, я скажу моему отцу и он их отлупит. Поехали, мальчики, пусть слуги заберут оленя, а мы поедем.

Она помолчала, улыбаясь Пьетро.

– Добрый мессир Пьетро, – сказала она, – если вы когда-нибудь окажетесь по соседству с Хеллемарком, заезжайте к нам в гости. Барон, мой отец, будет счастлив принять вас...

– Что ты несешь? – зарычал Ганс. – Отец никогда не будет принимать нищего шута, как бы хорошо он ни был одет...

– Будет, – рассмеялась Иоланта, – если я его попрошу. И ты это отлично знаешь, братец.

Она весело махнула рукой Пьетро и повернула своего коня к лесу. Пьетро стоял не двигаясь и тогда, когда слуги, поднявшие оленя, скрылись в лесу. Только потом он обернулся

к горбуну и со вздохом сказал:

– Дай Бог, чтобы то, что она сказала, оказалось правдой.

– Так оно и есть! – закричал Паоли. – Здесь все знают про это. Барон Рудольф души не чает в своей дочери. Она вертит им как хочет. Примите мою благодарность, добрый мессир Пьетро, за то, что вы спасли мои поля. Но вы и себе сослужили хорошую службу, вы обеспечили себе доступ к знати, ибо никто в здешних местах, кроме Исаака и меня, не знает, что Донати ваш отец, и будьте уверены, что я не проговорюсь. Я буду очень рад увидеть, как крестьянский сын поднимется в жизни...

– Благодарю тебя, – равнодушно отозвался Пьетро.

Он ощущал головокружение и тошноту, не зная, какая болезнь поразила его. Он смутно догадывался, что лекарство от этой болезни скачет, смеясь, через лес.

Исаак вернулся поздно вечером, и на его лицо было страшно смотреть.

Он ковырял еду, которую Джина поставила перед ним, не чувствуя вкуса. Когда он наконец заговорил, то обратился к Паоли.

– Добрый Паоли, – сказал он со вздохом, – Достань крестьянскую одежду, которая подошла бы мальчику...

Пьетро окаменел.

– Когда мы уезжаем? – прошептал он.

– Сегодня ночью, – ответил Исаак. – У нас нет времени. Я отправляюсь в Роккабланку, замок графа Алессандро, в ка-

честве заложника, пока не придет золото. Но прежде я договорился, чтобы тебя переправили в город. Это будет рискованное дело.

– Граф согласился пощадить их? – в волнении спросил Пьетро.

– Нет. Он согласился пощадить мои склады и моих людей – но только тех, кто не принимал участия в восстании – за такое количество золота, что это разорит меня. Что касается других, то их ждет смерть, Пьетро. Ты должен убедить Донати, что его единственное спасение – бежать. Я уже подготовил путь для тебя в город и путь для вас обоих из города – с помощью золота.

Пьетро ничего не сказал. Через полчаса они выехали.

Когда они увидели город, Пьетро охватила дрожь. Город горел в двадцати местах. Осадные машины графа Алессандро стояли вдоль городских стен. Огромные катапульты бросали через крепостные стены камни весом в полтонны, которые крушили дома, проламывали крыши, убивали людей. Более легкие баллисты метали камни поменьше, другие метательные машины посылали в уже пылающий местами город горшки с греческим огнем. Работали катапульты, огромные арбалеты на конной тяге, выпускающие стрелы со стальными наконечниками, размерами больше рыцарского копья.

Помимо всей этой артиллерии у графа Алессандро имелось еще два гигантских панциря, работающие у городских стен. Это были настилы, крытые деревом и листьями, предо-

храняющие воинов от огня и камней, сбрасываемых защитниками со стен, под которыми длинные тараны, висящие на канатах, долбили камень. Пьетро мог слышать, как содрогается земля от их непрерывных мощных ударов по стенам. Поперек крепостного рва лежала перевернутая осадная башня – немая свидетельница мужества защитников города. Пьетро смотрел на эту башню, крытую деревом и кожей, передвигающуюся на колесах и имеющую свой откидной мост. Башня лежала на боку, и Пьетро разглядел, где граф допустил ошибку. Его саперы заполнили ров фашинами – связками веток, но работу свою они выполнили плохо. Одно из колес зарылось между фашин, и башня опасно накренилась. Тогда защитники города, используя большой брус как рычаг, свалили башню набок. Пытавшихся выбраться из нее воинов восставшие поливали кипящей водой и расплавленной смолой из огромных чанов, вызвав этим великий гнев графа Алессандро.

Отряд стрелков двигался сейчас вперед, прикрываясь защитным щитом, поставленным на колеса. Несмотря на все усилия защитников города, отряд приблизился к стене и арбалетчики начали свою смертоносную работу. Даже с того места, где сидел на муле дрожащий Пьетро, ему было слышно, как свистели дротики и вскрикивали люди на стенах крепости, поражаемые с ужасающей точностью. Их же дротики и стрелы, выпускаемые из маленьких, в три фута длиной луков падали перед движущимся щитом, не принося атакую-

щим никакого вреда.

Пользуясь тем, что защитники города были поглощены сражением, атакующие начали продвигать вперед новый навес. Он был еще длиннее, ниже и прочнее первых, и Пьетро видел, что под ним не было подвешенного тарана.

– Кошка, – объяснил Исаак. – Они будут пытаться проломить стену.

В это время мастера под защитой надежной крыши принялись ломать камни стены с помощью ломов и мотыг. Но это была работа надолго. Она могла занять дни, возможно, даже недели.

– Век научного ведения войны, – простонал Исаак. – Ни в чем мы не достигли такого совершенства, как в искусстве убивать друг друга. Поехали!

Они сделали большой круг, объезжая стороной Рецци, пока не оказались на спокойном участке, охраняемом солдатами графа, чтобы в осажденный город нельзя было доставить продукты. Здесь не было осадных машин, поскольку отсутствовали подходящие цели. Исаак спешил и начал тихий разговор со старшим. Потом старший подъехал к Пьетро.

– Поехали, – грубо скомандовал он.

Он поскакал прямо к крепостной стене, несколько не скрываясь, зная, что женщины и старики, охраняющие этот участок стены с горячей смолой и камнями, не могут причинить ему вреда, пока он не окажется под самой стеной.

Не доезжая пяти футов до стены, он вытащил белую тряп-

ку и стал ею размахивать.

– Это сын Донати! – закричал он. – Пустите его!

Потом он стал поднимать Пьетро, пока тот не встал ему на плечи, и тогда подъехал вплотную к стене. Затем осторожно встал на седло и таким образом смог подпихнуть Пьетро вверх по стене. После некоторых препирательств какой-то старик спустил со стены веревку с узлами.

Пьетро поймал веревку, и его втащили наверх. И тут он увидел двадцать кинжалов, мечей, ножей и лезвий из кос, направленных ему в грудь. Потом они увидели, что он маленький и без оружия; какая-то старуха поднесла факел к его лицу.

– Это на самом деле сын нашего предводителя, – объявила она. – Мальчик – точная копия Марии, его матери. Я хорошо ее помню. Ладно, сынок, говори, какие новости ты нам принес?

– Никаких, – прошептал Пьетро. – Где мой отец?

Она проводила мальчика к той части городской стены, которая подвергалась самой ожесточенной атаке. Донати был там, командуя импровизированными баллистами. Их сделали следующим образом: обрубали верхушки зеленых деревьев, раскололи их стволы до половины и перевязали крепкими канатами, чтобы они не раскалывались дальше; потом расколотую часть отгибали с помощью ворота так, что, когда ее отпускали, она ударяла по тяжелому копыю, помещенному на другой части дерева, и с большой силой посылала его в

ряды осаждающих.

Пьетро стоял, глядя на своего отца. Донати в этот момент казался ему полубогом. Он был самым высоким из всех мужчин, которых когда-либо видел его сын. Его растрепанные, тронутые сединой волосы и борода развевались, голос гремел, отдавая команды. Кровь текла у него из дюжины мелких ран, но он, казалось, не замечал этого и вдохновлял людей так, что усталые, уже разбитые, все в ранах, некоторые вообще полуживые, они сражались как демоны.

– Мой отец, – прошептал Пьетро. – И от такого мужчины родился такой, как я!

Его подвели к Донати.

– Донати, – сказала старуха, – посмотри на своего сына!

Донати долгое мгновение смотрел на мальчика. Потом неожиданно упал на колени и прижал Пьетро к себе с такой силой, что у того перехватило дыхание. Пьетро чувствовал, как дрожит огромное тело Донати, его лохматая борода мешала мальчику дышать, когда Донати стал покрывать его лицо поцелуями. Это не было приятно. Дыхание Донати отдавало вином и чесноком, и все это смешивалось с запахом пота и крови.

Пьетро не мог удержаться от слез. Этот огромный мужчина с синими глазами, излучающими сияние, содрогался от охвативших его чувств.

– Мой сын, – повторял он, – мой сын, мой сын!

Потом он внезапно встал и поднял мальчика, чтобы все

могли его видеть.

– Эй, вы, пропади вы все пропадом! – загремел его голос. – Вы, обреченные, грязные, отчаявшиеся, накопьте земли! Вы, сыновья грязи... смотрите на моего сына!

И небо содрогнулось от приветственных криков.

Пьетро понял, что его задача невыполнима. Никогда этот мужчина, настоящий мужчина – никакие другие слова не подходили, чтобы описать его – не бросит этих храбрых жителей улицы, которые неделями сдерживали лучших профессиональных солдат Италии. Пьетро даже не мог просить его об этом. Ему было бы стыдно.

Но он должен был сделать это. Он обещал Исааку. И его отец заслуживал того, чтобы жить. Какой выход оставался у Пьетро?

Он прекрасно знал, что выход есть. Разум нашептывал ему такой выход. Эта мысль потрясла его. Она разрывала ему сердце. Оставайся с ним, Пьетро! Умри вместе со своим отцом. С этим великим человеком, с твоим отцом. Умереть не так уж тяжело, умереть с честью совсем легко...

Но только он... не мог. Он чувствовал себя законченным трусом. Мальчик тринадцати лет, вся жизнь которого впереди – он не хотел умирать. Ему тринадцать лет, и завтра он сможет уехать отсюда и мимоходом заехать в Хеллемарк, и его там радушно встретят. В Хеллемарке. Где живет Иоланта. Где смеются ее серые глаза. Ее пунцовый рот... Ее мягкость... Ее теплота...

– О Боже! – всхлипнул он. – О Боже! О, Святой Иисус! – Потом он выкрикнул слова, которые вырвались меж стиснутых зубов, пробормотались, заплакались, прохрипелись: – Отец! Ты не должен умереть, не должен, отец! Исаак, подкупил их, ты можешь уйти со мной с задней стены и в лес, они не будут останавливать нас, отец, пойдём, о, Святой Иисус, отец!

Донати опустил его на землю, очень медленно.

– Посмотри на меня, мой мальчик, – произнес он.

Пьетро поднял свое смуглое лицо.

– Ты сын своей матери, – мягко сказал Донати. – Это в тебе говорит ее нежность, ее любовь ко мне. Она ставила эту любовь выше всего. Даже выше... чести.

Пьетро весь содрогнулся от рыданий.

– Не плачь, мой мальчик. Но ты и мой сын. И ты не будешь больше позорить меня. А теперь поцелуй меня и уходи.

– Нет, отец, – прошептал Пьетро.

На крупном лице Донати отразилось удивление.

– Ты не хочешь поцеловать меня?

– Конечно, отец. С радостью. Но только я не уйду отсюда.

Донати уставился на него. Потом перевел взгляд туда, где пламя горящего города окрашивало небо.

– Пресвятая Богородица, – прошептал он, – благодарю тебя за то, что ты подарила мне такого сына.

Он взял Пьетро на руки и понес его прочь от городской стены, по искореженным кривым улочкам, озаренным пожа-

рами, вспышками огня, содрогающимся от падающих камней-снарядов, среди стонов умирающих. Так он добрался до той части стены, где поднимался Пьетро. Донати влез на стену и крикнул своим могучим голосом:

– Вы, свиньи! Вы, сыновья змей и всех тварей, копошащихся под землей! Проклятые сыновья шлюх! Особенно ты, который провел сюда этого мальчика, подойди!

Во вражеских рядах произошло какое-то движение, и высокий сержант выехал вперед со своей белой тряпкой.

– Сюда! – загремел Донати, когда тот оказался под ним. – Лови!

Он бросил мальчика. Сержант ловко поймал его и поскакал с ним туда, где их ожидал мул Пьетро.

Пьетро сел верхом и поехал в сторону дома Паоли. Всю дорогу он не переставал плакать.

Через три дня Рецци пал.

Пьетро скрывался в доме Паоли, сколько мог выдержать. Потом поехал в Роккабланку, к замку графа Синискола, чтобы попросить разрешения поговорить с Исааком. Когда он подъехал к замку, он увидел Исаака.

Тело старого еврея свешивалось с парапета. Голое, вниз головой, со вспоротым животом, из которого вываливались кишки. С ним еще кое-что проделали. Нечто неопишное.

Пьетро упал головой на шею своего могучего жеребца Амира. Он не мог смотреть, не мог говорить, он мог только зарыться головой в гриву коня. И умное животное поверну-

лось и поскакало прочь по дубовой аллее. Ветер несколько привел мальчика в чувство. Он выпрямился. И тут он увидел, что на деревьях висят странные плоды. На протяжении целых лье на деревьях раскачивались повешенные. Граф Синискола отомстил.

Пьетро не упал в обморок. Он даже не заплакал. Он уже был за этой гранью. В его душе умерли песни Палермо, солнечный свет, гревший его десять счастливых лет, померк. Его юность умерла. Все, что осталось, укладывалось в одно слово. Это слово – убийство.

Так он ехал, пока не увидел дерево, на котором они повесили его. Повесили Донати, его отца, после того, как дьявольски поиздевались над ним. Пьетро преклонил колени и попытался молиться. Он не смог. Убийство не оставляет места для молитвы.

Он долго стоял так, заставляя себя молиться, пока не услышал чистый голос, который тут же узнал, так как хорошо его помнил, голос, на этот раз плачущий:

– Отец, как это гнусно, что за зверь этот граф Алессандро! Ты должен сразиться с ним, отец! Ты должен! Ты должен!

Пьетро встал с колен.

– Если вы надумаете сражаться с ним, мой господин, – тихо сказал он, – пожалуйста, воспользуйтесь моими услугами.

– Пьетро! – воскликнула Иоланта.

Барон Рудольф уставился на мальчика. В его юных чертах он смутно различал что-то знакомое.

– Кто ты? – загремел голос барона.

– Я Пьетро, – ответил мальчик. – Сын Донати, который висит вон там...

Они обернулись туда, куда показывал его палец. Иоланта вся передернулась и прикрыла рукой глаза.

– Неудивительно, что мне показалось, будто я узнал тебя, – сказал барон, – твоя мать была...

– Мария, о которой у господина есть причина помнить, – продолжил его фразу Пьетро.

– Конечно-конечно! Я был так глуп, что...

– Вряд ли здесь, господин, подходящее место, чтобы обсуждать это, – сказал Пьетро. – И не подходящее время.

– Ты прав, – сказал барон. – Ты где живешь, Пьетро?

– У меня нет дома, – ответил Пьетро. – И мой отец, и мой опекун убиты.

– Так что ты, дьявол тебя возьми, собираешься делать? – загремел барон.

Но Иоланта думала быстрее своего отца.

– Нет, что собираешься делать ты, отец? – выкрикнула она. – Вопрос ведь в этом, не так ли? Бедный мальчик в одну ночь лишился и отца, и опекуна, а ты спрашиваешь его, что он собирается делать?

– Однако... – начал было Рудольф.

– Я скажу тебе, что ты собираешься делать, – заявила Иоланта. – Ты собираешься забрать его к нам домой, прежде чем граф Синискола убьет и его! И ты будешь держать его

у себя...

Барон Рудольф поднял свою тяжелую руку.

– Я не могу сделать этого мальчика своим сервом, – сказал он. – Судя по его виду, он столь аристократически воспитан, вопреки своему происхождению...

– Я могу служить вам, господин, – сказал Пьетро тем свойственным ему спокойным тоном, который в данных обстоятельствах производил особенно сильное впечатление, – как писец, хранитель бумаг, казначей, – как господин пожелает. Я знаю латынь, греческий и французский, разбираюсь и в других языках.

У меня хороший почерк. Я хорошо считаю...

Барон Роглиано уставился на него. Все эти способности были за гранью его понимания.

– Хорошо, – сказал он, – я сделаю...

– Ничего подобного, – всхлипнула Иоланта. – Он будет оруженосцем Ганса. А когда придет время, ты произведешь его в рыцарское звание, отец.

– Но, Ио, – запротестовал барон, – ведь мальчик низко-рожденный...

– Как и многие знатные господа! – выпалила Иоланта. – Мне это безразлично. Он будет рыцарем. Моим рыцарем! – Тут она спрыгнула с седла и на глазах у изумленного отца поцеловала Пьетро в губы. – Вот так! – объявила она. – А теперь поехали с нами!

Пьетро сел в седло. При этом он обернулся и посмотрел

на то, что было его отцом.

– Я пошлю людей, чтобы они его сняли, а отец Антонио устроит ему христианское погребение! – прорычал барон Рудольф. По-своему барон Рудольф! Бранденбург был человеком добрым. Он глянул на мальчика, так ловко сидящего в седле. – Видит Бог! – воскликнул он. – Этот парень вполне достоин стать рыцарем!

3

Иоланта вошла в прихожую, где Пьетро спал у дверей спальни Ганса. На какое-то мгновение она остановилась, всматриваясь в него. Затем опустилась на колени рядом с ним и очень нежно поцеловала его в губы.

Пьетро шевельнулся. Он откинул руку, так что Иоланте пришлось поспешно отодвинуться, чтобы он ее не ударил. Но глаза он не открыл.

Девушка стояла на коленях, глядя на него. Потом протянула руку и положила ее на его обнаженное плечо. Она секунду помедлила, ощущая ладонью его крепкие мускулы, прежде чем потрясти его.

Пьетро тут же проснулся и сел. Он схватился за покрывало и закутался в него.

– Бога ради, Ио, – произнес он.

Как и все в те далекие времена, Пьетро спал совершенно голым.

– Не будь глупым, – прошептала она. – Я пришла сюда не для того, чтобы разглядывать тебя. И кроме того, я знаю, как ты выглядишь...

Пьетро сделался ярко-пунцового цвета. Он вспомнил, что Иоланта говорит правду. Несколько раз, когда он возвращался после упражнений с оружием усталый как собака и пропахший потом, Ио приходила к нему в комнату и застава-

ла его нежащимся в ванне, следуя сицилийскому обычаю. Она даже натирала ему спину. Но делала она это совершенно невинно. Как сестра. Его это волновало. Он стыдился того, что его это волновало. Но он совсем не хотел, чтобы Ио была его сестрой. Менее всего на свете он хотел этого.

Но ведь она не всегда вела себя как сестра, слава Богу. Ведь бывали случаи...

– Вставай! – дернула она его. – Вставай, грубиян!

– Зачем? – спросил Пьетро. – Еще совсем рано и...

– Я знаю, что рано. Спасибо за это всем святым. Если мы будем скакать, как дьяволы, мы, может быть, успеем...

– Успеем к чему? – поинтересовался Пьетро.

– Успеем не дать этим дуракам Марку и Вольфгангу быть убитыми! Господи, почему у них не хватило мозгов не дать Андреа втянуть их в это!

– Ио, – с раздражением сказал Пьетро, – во-первых, ты говоришь загадками, во-вторых, я не могу встать, пока ты стоишь здесь...

– Я отвернусь, – сказала она. – Впрочем, нет, я спущусь во двор и распоряджусь, чтобы седлали лошадей. Ты догоняй меня там. Что же касается загадок – вот уже несколько месяцев Андреа Синискола ссорится со своим кузенком Рикардо из-за этой бледной маленькой Элайн. Она наша кузина по линии ее матери. По отцовской линии она тоже Синискола, хотя не похожа на них...

– Еще больше загадок, – простонал Пьетро.

– Ну да, ты ведь не знаешь Элайн. Но это неважно. Андреа и Рикардо соперничают из-за ее руки. Теперь, когда все знают, что Рикардо берет над ним верх, Андреа решил напасть на Рикардо у Рокка д'Аквилино. А Марк и Вольфганг, мои драгоценные тупоумные братцы, отправились туда. Естественно, я должна остановить их.

– Ты? – прошептал Пьетро. – Как ты можешь остановить их? Почему ты не расскажешь все твоему отцу и пусть он...

– И подвергнуть его опасности быть убитым? Нет, спасибо тебе за совет, Пьетро. Я собираюсь остановить их – без чьей-либо помощи. Даже без твоей. Я просто хочу, чтобы ты сопровождал меня. Мужчины слишком глупы, чтобы решать такие дела. А теперь поторапливайся. Я жду тебя.

Пьетро подождал, пока шуршание ее бархатных туфельек замрет за углом, и встал со своего ложа. Было начало сентября 1211 года, но воздух уже становился холодным. Пьетро похлопал себя по голым бокам, чтобы восстановить кровообращение. Это не имело большого успеха, и он начал натягивать полотняное белье, длинные шерстяные чулки; на голову он надел шляпу. К его огорчению, его шляпа не была оторочена мехом. Такая роскошь была привилегией высокорожденных.

Поверх он накинул куртку, сшитую из хорошего материала, но простенькую. Пьетро с грустью вспоминал свою красивую одежду, из которой он вырос, и драгоценности, спрятанные теперь в сундуке у Иоланты, поскольку он не имел

права носить их.

Он слышал, как храпит в своей постели Ганс. В обычные дни Пьетро через час или около того должен был бы отправиться в комнату Ганса и разбудить его. Но, судя по тому, что говорила Ио, сегодня будет необычный день.

Обязанность будить Ганса и одевать его отнюдь не была унижительной. Сыновья барона Рудольфа, братья Ио, Марк и Вольфганг, выполняли такие же обязанности по отношению к графу Алессандро Синискола и его сыновьям. В период служения оруженосцами даже герцогские сыновья должны были выступать в роли слуг. При королевском дворе самые знатные люди соперничали между собой за привилегию поднести королю сдобренную специями голову кабана.

Положение Пьетро в Хеллемарке было довольно странным. Он служил при Гансе оруженосцем, к неудовольствию всех благородных вассалов барона. Но он не имел никакой надежды быть посвященным в рыцари. По правде говоря, в прошлом бывали такие случаи, когда сыновья крестьян становились рыцарями, но такое случалось только на поле битвы, когда какой-нибудь низкорожденный парень проявлял незаурядный героизм. Если бы даже столь могущественный властелин, как барон Рудольф, захотел посвятить в рыцари сына своего бывшего оружейника, то это могло поставить под вопрос его собственное положение.

Сегодня около Рокка д'Аквилино будет сражение. Но они с Ио поскачут туда пораньше и тайно, и даже если потом

все станет известным, Пьетро, который хорошо знал самого себя, понимал, насколько ничтожны его шансы, проявить героизм и быть посвященным в рыцари. Путем неустанных упражнений он достиг замечательных успехов во владении оружием. Но какая польза оттого, что, тренируясь, он попадает воображаемому противнику точно в центр щита десять раз из десяти, если он не может даже вмятину там сделать. Каждый раз, когда он состязается с Гансом, тот его бесцеремонно выбивает из седла. И все-таки он более искусный боец, чем Ганс. Но в Гансе шесть футов и два дюйма роста и вес сто девяносто фунтов. Пьетро в свои шестнадцать лет достиг пяти футов и восьми дюймов роста и весил сто тридцать фунтов. Иными словами, он всего на полдюйма выше Иоланты и всего на пять фунтов тяжелее.

Даже Марк и Вольфганг, младшие братья Ганса, крупнее Пьетро. Каждый раз, думая о том, что они сейчас живут в Роккабланке среди Синискола, Пьетро страдал. Тот факт, что Рудольф Бранденбург, барон Роглиано, послал своих младших сыновей в Роккабланку, чтобы они там служили оруженосцами, показывал, как мало шансов у Пьетро отомстить за убийство отца и дяди Исаака. Теперь граф Алессандро Синискола и барон Рудольф вместе охотились и расцеловывались всякий раз, когда встречались. Ходили даже разговоры о более тесном союзе – о браке между Энцио, тридцатилетним сыном Алессандро, и Иолантой...

– О, Святая Богородица Мария! – вслух произнес Пьетро,

вспомнив об этом.

У себя в комнате Ганс застонал во сне. Пьетро замер, прислушиваясь. Больше никаких звуков не последовало, и он облегченно вздохнул. Ганс спал крепко. Отношения Пьетро с Гансом за это время заметно улучшились. Ганс больше не швырял его на пол хорошо рассчитанным пинком. Странно, но между ними даже возникло грубоватое товарищество, ибо Пьетро постепенно завоевывал уважение Ганса.

Давалось ему это нелегко. Пьетро помнил, как в первый день он практиковался в ударах по щиту. Щит прикреплялся к перекладине с висящим на другом ее конце грузом. Перекладина крепилась к столбу таким образом, что, если ты не попадал острием копья в центр щита, груз прокручивался и сильно ударял тебя. Для юноши такого веса, как Пьетро, достаточно сильно, чтобы выбить из седла. Двенадцать раз Пьетро пытался поразить цель, и двенадцать раз груз выбивал его из седла на землю. Ганс сложился от хохота вдвое в седле. Даже Иоланта смеялась, пока слезы не побежали по ее лицу. На тринадцатый раз, когда слезы прочертили бороздки и на его лице, Пьетро попал копьем в центр щита.

В ту ночь он встал с постели и отправился в конюшню. Он повесил над щитом украденный фонарь. К утру у него на теле не было места, к которому можно было бы без боли прикоснуться, но из десяти попыток он попадал в центр щита шесть раз. Так он практиковался каждую ночь, пока его тело не стало жестким, как плеть. Через две недели, когда

Ганс вновь предложил посостязаться, Пьетро не допустил ни одного промаха.

Потом, чтобы испытать Пьетро, Ганс дал ему необъезженного жеребца. Но с лошадьми Пьетро умел обращаться. Он прилип к молодому жеребцу, как репей, пресекая все попытки сбросить его на землю. Ганс положил ему руку на плечо и сказал:

– Хорошо управляешься, Пьетро!

Пьетро проявил себя и на охоте, и главный сокольничий разговаривал с ним с явным уважением. В мастерстве соколиной охоты в Хеллемарке с ним никто не мог соперничать, включая мессира Руффино, разорившегося рыцаря.

Однако ему, чтобы поднять меч, с которым Ганс управлялся одним движением кисти, приходилось действовать обеими руками. Если он, будучи в кольчуге, оказывался сброшенным на землю, то, чтобы встать на ноги, требовались невероятные усилия, в то время как Ганс, весь в доспехах и с оружием, вскакивал в седло, не касаясь стремян.

Правда, отец Антонно часто привлекал его к переписыванию рукописей. Действительно, Пьетро писал все письма барона на прекрасной и изысканной латыни и помогал мессире Джованни, сенешалю, вести счетные книги. Конечно, во всех подобных делах он представлял такую ценность для Хеллемарка, что, без сомнения, мог остаться здесь навсегда; но где и когда хороший почерк и знание различных языков считалось достаточным основанием для присвоения рыцар-

ского звания? Многие самые знатные господа не могли прочесть собственное имя, написанное готическим шрифтом...

Он так погрузился в эти мысли, что не услышал, как подошла Иоланта.

– Бога ради, Пьетро, – прошептала она. – Что тебя задержало? Мы должны немедленно ехать!

– Я готов, – отозвался Пьетро.

Во дворе они сели на лошадей и тронулись в долгий путь к Рокка д'Аквилино.

Скача рядом с ней те двадцать миль, которые отделяли замок Хеллемарк от замка Рокка д'Аквилино, Пьетро совершенно открыто любовался Иолантой. С обожанием. С уважением. С нежностью. С любовью – и величайшей грустью.

Над горами взошло солнце. Теперь он мог разглядеть ее. Ее юное лицо было спокойно, сосредоточенно и без всяких признаков страха.

В то время, как я, думал Пьетро, дрожу с ног до головы от страха, когда думаю о том, что ждет нас... Возможно, справедливо говорят, что люди отличаются друг от друга, что люди благородного происхождения обладают какими-то особыми качествами? Может быть, умением держаться, счастливой свободой от страха?

Этого он не знал. Он знал только одно – что Иоланта прекрасна. Ее красота не была изысканной, Иоланта была просто цветущей, с ярким румянцем девушкой, проводящей много времени на свежем воздухе верхом на лошади, под лу-

чами солнца. За три года, которые они были знакомы, Пьетро многое понял про нее. И многое вызывало в нем трепет.

Она такая веселая, думал он. Всегда смеется. У нее острый язычок, но это на поверхности, как пена над глубокими водами. А внутри нее – бездонные глубины. Барон Рудольф является владельцем Роглиано, но управляет всем она. Ей нет еще пятнадцати, а она командует всем в Хеллемарке, как взрослая женщина – нет, даже не так – как мужчина. Очень деликатный мужчина, хорошо воспитанный, умный и очень добрый. Если бы на мою долю выпало такое испытание, грустно подумал он, меня бы это погубило...

Ио обернулась в седле и взглянула на него.

– Почему ты так смотришь на меня, Пьетро? – спросила она.

– Потому что... – начал Пьетро и замолчал. Потом у него вырвалось то, что он давно хотел сказать ей: – Потому что ты прекрасна. И потому что я люблю тебя...

Она направила поводьями свою белую кобылу так, чтобы коснуться своим коленом колена Пьетро. Потом она протянула ему руки.

Он поцеловал ее. Это было не в первый раз. Он целовал ее много раз. В первый раз – по ее требованию. Ей нравилось, когда он целовал ее.

Но на этот раз все получилось иначе.

Она склонила голову на его плечо, лицо ее побледнело. Потом оно вновь обрело краски. Она открыла глаза.

– Еще раз, – прошептала она. – Вот так, как сейчас.

– Что еще раз? – вытаращил на нее глаза Пьетро. – Как это?

Ее губы двигались медленно, лаская его ухо.

– Вот так. Чтобы у меня пальцы на ногах сжались. Это в первый раз ты так сделал. Это очень интересно.

– О, Господи, сын Святой Марии! – выругался он.

– Не богохульствуй. Так оно и есть. Ты целовал меня и раньше, и мне это всегда нравилось. Твои поцелуи всегда согревали меня и размягчали... делали какой-то сонной...

– А сейчас все иначе?

– Да. Я вовсе не чувствую себя сонной. Ни капельки. Не трать время попусту, Пьетро. Целуй меня.

Он так и сделал. Это был очень долгий и очень обстоятельный поцелуй.

Она высвободилась.

– Нет, – сказала она, глядя ему в глаза. – Не надо. Больше не надо.

– Почему?

– Потому что... я кое-что поняла.

– Что именно? – спросил Пьетро.

– Я не скажу тебе. Впрочем, нет, скажу. Я всегда удивлялась, как это женщины допускают мужчин к своему телу... так, что от этого рождаются дети. Теперь я поняла. Ты только что научил меня...

– Я? – удивленно переспросил Пьетро.

– Да, ты. Мне всегда это казалось странным... и скорее противным. Я видела, как этим занимаются животные, и мои братья рассказывали мне, что люди делают то же самое. Меня от этого просто тошнило. Но теперь я так не чувствую. Ты понимаешь, Пьетро, – это как летняя гроза. Все тихо, воздух спокоен. Потом раздается гром. И молния раскалывает небо пополам. Потом потоки дождя, такие громкие, что ты не слышишь биения собственного сердца...

– Так было сейчас? – прошептал Пьетро. – С тобой?

– Да. Внутри у меня – удар грома. И молнии. И ливни. Ливни все еще шумят... и... я не слышу, как бьется мое сердце...

Пьетро посмотрел на нее, и лицо его скривилось. У него возникла постыдная уверенность, что он сейчас заплачет.

Она смотрела на него.

– Что тебя беспокоит? – спросила она.

– Дело в том, что я, – с грустью сказал он, – всегда чувствовал такое. С самого первого раза. Но это не к добру, Ио...

– Почему? – отчетливо произнесла она.

– Потому что мы не можем. Ты... ты как звезда. А я крот, копающийся под землей. Мы разделены. Я даже не могу поднять глаза, чтобы посмотреть на тебя.

– Пьетро, – сказала она.

– Да, – прошептал он. – Что, Ио?

– Я тоже люблю тебя. По-настоящему люблю. И все различия в нашем положении, и все другие глупости, которые

придумывают люди, чтобы чувствовать себя значительными и лучше других, ничего не значат...

– Но они будут значить, Ио. – Пьетро почти плакал. – Но они будут значить!

– Нет, не будут. Я не позволю. Я всегда знала, что когда я в конце концов полюблю, то это будет навсегда. Это навсегда, мой Пьетро, – навсегда. Я собираюсь стать твоей женой. И если они... мой отец и люди, ему подобные, помешают мне, – я буду твоей любовницей. Конечно, я предпочла бы стать твоей женой, жить с тобой и родить тебе сыновей. Но так не получится, я стану тебе любовницей и подберу каждую крупинку твоей любви, которую смогу получить, и никогда не устыжусь...

– Крупинки! – воскликнул Пьетро. – О Боже!

– Покончим с этим, – сказала Иоланта. – Поехали, нам предстоит дальняя дорога...

До Рокка д'Аквилино они доехали поздно вечером. Андреа, Марк и Вольфганг и рыцари Синискола, которыми Андреа командовал в отсутствие отца, уже стояли под стенами.

Лучники сверху стреляли в них. Они же отвечали стрельбой с конных упряжек и небольших катапульта и долбили стены таранами.

– Жди здесь, – сказала Иоланта.

Пьетро сидел в седле не двигаясь, наблюдая за ней. Он не знал, что она собирается делать, но ему это не нравилось. Даже притом, что он ничего не знал, не нравилось ему это.

Он боялся.

Ио вонзила шпоры в бока своей белой кобылы и поскакала. Через несколько секунд она уже будет скакать между ними. Под градом стрел.

– Ио! – закричал он и рванулся вслед за ней.

Она услышала топот его коня и обернулась в седле

– Возвращайся! – крикнула она. – Ты все испортишь.

Тучи стрел затмевали солнце. Свистели дротики, выпускаемые из арбалетов.

Пьетро пустил свою лошадь в галоп. Он больше не боялся. Он не думал о себе. Его сердце, его дыхание, его жизнь скакала впереди на белой лошади.

В его одежде застряли три оперенные стрелы, но он не знал об этом. Он ничего не знал, ничего не видел, кроме этих развевающихся впереди рыжеватых кудрей.

Теперь она чем-то размахивала. Чем-то белым. Стрелы перестали свистеть. Таран замер.

– Сир Рикардо! – крикнула она. – Я прошу вас прикрыть меня вашим огнем. Стреляйте в любого, кто поскачет, чтобы схватить меня, – даже в моих братьев!

Пьетро поравнялся с ней.

– Ио! – вырвалось у него. – Ио, Бога ради!

– Пощадите этого человека, который приехал со мной! – поспешно выкрикнула она. И обернулась к Пьетро: – Ты глупец... мой сладкий и нежный глупец!

Пьетро разглядел рослую фигуру Рикардо Синискола на

стене.

– Вы прикрыты, госпожа Ио! – со смехом крикнул Рикардо.

– Хорошо! – откликнулась Ио. – Андреа, ты глупое животное, ты надеешься завоевать любовь силой оружия? А вы, мои братья, что вы можете сделать, кроме как погибнуть в этой бессмысленной схватке? Возвращайтесь назад! Зовите своих рыцарей и уезжайте!

– А если мы не поедем? – раздался голос Вольфганга.

– Я отдам себя в руки господина Рикардо в качестве заложницы, пока наш отец и граф Алессандро не вернутся с Сицилии. А потом мой посланец и я сама поведаю отцу о вашей убийственной глупости. А теперь во имя нашей святой матери, я прошу вас – уходите!

Пьетро сидел в седле, глядя на нее. Она их убедила. Убедила, потому что была права. Это с одной стороны. Но есть другая сторона, которая важнее и страшнее. Эта пятнадцатилетняя девочка могла одержать верх над сотнями рыцарей, потому что готова умереть ради того, во что она верит.

В этом все дело. Вот эта черта в Иоланте всегда вызывала у него благоговейный страх. Пугала его. Она была ребенком, нежным, прелестным ребенком – и в то же время женщиной. Настоящей женщиной.

Госпожа. Очень гордая, великая и бесстрашная госпожа, восседающая там верхом как королева.

Я, всхлипнул Пьетро в глубине своего сердца, никогда не

буду достоин ее... никогда...

Тут вперед выехал Андреа Синискола.

– На этот раз ты выиграл, прекрасный кузен Рикардо! – крикнул он. – Хоть это небольшая честь – укрываться за женскими юбками. Но будут и другие случаи – я все-таки заполучу Элайн!

Все увидели, как напрягся Рикардо.

– Сир Рикардо! – крикнула Ио. – Не обращайтесь внимания на болтовню этого хвастуна! Моя кузина Элайн поклялась мне, что не будет принадлежать ему, даже если он окажется последним мужчиной на земле! А теперь, Андреа, чуть оперившийся рыцарь, убирайся отсюда, или я скажу моему отцу, чтобы он разобрался с тобой!

Какое-то время они еще делали вид, что не хотят подчиниться. Потом рыцари постарше убедили их нарушить воинский строй и начать разъезжаться. Эти рыцари с самого начала были введены в заблуждение относительно юношеской авантюры, в которую их вовлекли.

После того как они уехали, Рикардо Синискола спустился со стены и пригласил Ио и Пьетро в замок. Рикардо оказался выше, чем другие члены семьи графа Алессандро, более светлым. Он был очень красив, с мягким и добрым лицом.

– Примите мою благодарность, кузина Ио, – рассмеялся он. – Видит Бог! Если бы я не дал обещание Элайн, я бы влюбился в вас.

– Но вы дали обещание, – мягко заметила Ио. – А теперь

во имя милосердной Матери Божьей накормите нас, мы умираем от голода.

После трапезы они тронулись в обратный путь, хотя Рикардо уговаривал их задержаться.

– Мы уехали без разрешения Ганса, – объяснила Иоланта. – И я боюсь, что мне придется долго уговаривать его не избить Пьетро. Мой брат не отличается доверчивостью...

– Тогда я пошлю с вами моего человека с письмом к нему. Я не хочу, чтобы этот парень пострадал из-за меня, – сказал Рикардо.

Это его предложение оказалось весьма к месту. Когда они на следующее утро вернулись в Хеллемарк, они застали там Ганса в бешенстве. Но когда у него в руках оказалось подтверждение правдивости их рассказа, он ничего не мог поделать. После того как Ио удалилась, он долго разглядывал Пьетро.

– Ты начистил мою кирасу?¹¹ – спросил он наконец.

¹¹ Когда упоминаются доспехи, то почти неизбежно наше воображение рисует себе пластинчатый панцирь с тяжелым шлемом, которые выставлены во многих музеях. Однако эти пластинчатые панцири относятся к четырнадцатому и пятнадцатому столетиям, и означали они закат рыцарства. В двенадцатом и тринадцатом веках рыцари облачались в кольчуги, длинные, спускающиеся ниже колен, сделанные из двух- и трехслойных стальных колец. Эти кольчуги были достаточно гибкими, давали хорошую защиту и весили гораздо меньше, чем пластинчатые панцири, сменившие их спустя столетие. Примечательно, что от рыцаря тринадцатого века требовалось вскочить в седло, не касаясь стремян, в то время как рыцаря четырнадцатого века усаживали на коня с помощью лебедки! Воин в кольчуге, сброшенный с коня, без труда мог подняться на ноги и продолжать сражаться, а “ходячий танк” следующего столетия, оказавшись на зем-

– Да, господин, – ответил Пьетро.

– А свою? Они нам понадобятся, ты знаешь...

Пьетро уставился на него. После того как осенью 1210 года¹², почти год назад, Оттон Брунsvик, этот гигант

ле, был обречен лежать там, пока его не убьют или какой-нибудь друг или слуга не поднимут его. Шлемы того времени, о котором повествует роман, тоже сильно отличались от тех, которые мы видим в музеях. Лицо рыцаря тринадцатого века было защищено только пластинкой, прикрывающей нос. Обычно лицо воина оставалось открытым. Шлем тринадцатого века был высоким и конусообразным и крепился к кольчуге кожаными ремешками. Третьим отличием было копье – длиной в десять футов и гораздо более легкое, чем колющий таран, которым пользовались рыцари позднее. Копье по всей длине было одинакового размера, в то время как более поздние копья утолщались выше руки, чтобы копье не вылетело из рук всадника при ударе. Упоминание Ганса о шлифовке его кольчуги касается ежедневной обязанности оруженосца. Предметом гордости рыцаря было, чтобы его доспехи сияли, как серебряные.

¹² Политическая ситуация в 1212 году была столь сложной, что ее трудно пояснить вкратце. Тем не менее понимание ее необходимо для того, чтобы иметь представление о положении Пьетро. Претендентами на трон были Филипп Швабский, дядя Фридриха, Гогенштауфен из партии вейблингов-гибеллинов, и Отгон Брунsvик, вельф или гвельф, если избрать итальянскую транскрипцию. Естественно, что Иннокентий III, самый властолюбивый из всех Пап, отдал предпочтение гвельфу, в надежде, что Отгон не будет объединять Сицилию с империей, окружая таким образом папские владения светскими и враждебными государствами. Однако германские принцы не видели проку в Отгоне. Он был нищим, глупым и наполовину англичанином, племянником Ричарда Львиное Сердце и его брата Иоанна Безземельного, из рук которого в результате событий, описываемых в романе, английские бароны получили Великую хартию вольностей – краеугольный камень англосаксонских свобод. Папа Иннокентий вопреки своему желанию вынужден был согласиться на выдвижение Филиппа, но как раз в это время Отгон Вительсбах, граф Палатинский, по личным мотивам убил Филиппа. Утомленные гражданской войной, германские принцы обратились к Оттону Брунsvику. Гвельф устроил свою помолвку с Беатрисой, одиннадцатилетней до-

гвельф, вторгся в Тоскану, вся Италия оказалась взбаламу-

черью Филиппа, стремясь таким образом смягчить отношение к нему вейблингов. Папа Иннокентий потребовал и получил у Оттона право свободных выборов епископов в Германии – на что никогда не соглашались Гогенштауфены, твердо державшие епископат под своим контролем, – признания Сицилии папским владением, передачи папскому престолу Анконской Марки, герцогства Сполето и наследства Матильды. В результате этих территориальных приобретений папские владения разрезали Италию пополам в самой толстой части итальянского сапога. В 1209 году Иннокентий в Риме короновал гвельфа как Оттона IV, императора Священной Римской империи. Почти тут же апулийские бароны, возглавляемые Дипольдом Швейнспунтом, графом Асерра, вынудили глупого гвельфа отречься от своих обещаний Папе. После смерти Маркварда Анвейлера Дипольд стал опекуном Фридриха и почувствовал силу и ум самого выдающегося молодого короля во всей европейской истории. Дипольд знал, что, пока Фридрих жив и на свободе, в конечном счете найдется путь к свержению такого неумного соперника, как Оттон, а вместе с ним и всех предателей баронов Апулии и Сицилии, восставших против наследника из дома Гогенштауфенов. Кроме того, Дипольд рассчитывал получить определенную выгоду от победы гвельфа. Оттон отобрал назад территории, которые он уступил Папе, сделал Дипольда герцогом Сполето и двинул свои войска против беззащитных владений Фридриха на острове Сицилия. Армии у Фридриха не была Сицилийские арабы восстали против него, как и сицилийская знать. Пятнадцатилетний король владел фактически только дворцом в Палермо и держал в Кастельмаре наготове корабль, чтобы бежать на нем в Африку. Однако Оттон и его сторонники недооценили одного из самых выдающихся государственных деятелей в истории – Иннокентия III. Папа Иннокентий направил письмо германским епископам, начинавшееся словами: “Я раскаиваюсь в том, что породил этого человека...”, поскольку действительно Оттона IV породил Папа. Иннокентий намекал, что Оттон в скором времени будет отлучен от церкви, обещал освободить вассалов гвельфа от присяги верности ему и давал некоторые советы. Епископы переговаривали со светскими принцами, которые и так недолюбливали Оттона, и запыхали первые очаги восстания. Потом Папа написал великому Капету, Филиппу Августу, королю Франции. У Филиппа были основания опасаться племянника своего главного врага Иоанна, короля Англии. У Оттона был договор с Англией – он провел там свою юность, – и он не раз

ченной. В настоящее время Оттон находился в провинции Калабрии, материковой части королевства Обеих Сицилии на самом носке Итальянского сапога, готовясь переплыть на остров Сицилию. А шестнадцатилетний Фридрих – Пьетро запнулся в поисках правильного слова – правитель, но не король – это выражение вполне соответствовало сложившейся ситуации. Удивительно, как латынь приспособлена для формулирования неприятных мыслей. Фридрих, мой друг, подумал с гордостью Пьетро, правитель, не король, но дайте

угрожал войной Франции. Иннокентий напоминал об угрозах, которые высказывал Оттон в адрес Франции. Таким образом, Фридрих, не зная об этом, обрел к осени 1210 года могущественных союзников. В результате, когда Оттон вторгся в Тоскану, Иннокентий отлучил его от церкви и освободил его вассалов от клятвы верности. Оттона это совсем не беспокоило. Он продолжал наступать в южной части Италии, двигаясь к материковой части Сицилийского королевства, пока его войско не достигло Калабрии – самого носка итальянского сапога – и было готово переправиться на Сицилию и захватить Фридриха. Стоял сентябрь 1211 года. Однако дипломатия Иннокентия одержала победу. В сентябре германские принцы, подстрекаемые королем Франции Филиппом, собрались в Нюрнберге, сместили Оттона и избрали королем Фридриха. Германские гвельфы оказали Оттону дурную услугу, направив к нему гонцов, умоляя его немедленно вернуться в Германию. Это было худшее, что он мог сделать, но он был слишком, глуп, чтобы понять это. Его единственный шанс заключался в том, чтобы захватить Фридриха и либо убить его, либо держать пленником. Тогда новые выборы превратились бы в ничего не стоящий клочок бумаги. В сентябре 1211 года не было такой силы, которая могла бы помешать Оттону выполнить это, – кроме затуманенных мозгов самого Оттона, его предрассудков и страхов. В панике он повернул свои войска и бежал, пересек Альпы в середине зимы и явился во Франкфурт в марте 1212 года. Фридрих оказался в безопасности – и императором, если он сумеет добраться до Германии и его не убьют по дороге. Положение всех гвельфов в Италии изменилось, и это понимали люди вроде графа Алессандро...

только время – дошел до того, что пытается откупиться деньгами, которых у него нет, и до того, что держит в гавани Палермо, поблизости от крепости Капельмаре, быстроходный фрегат, готовый отвезти его в Африку.

Пьетро прокашлялся, чтобы Ганс не заметил ни его пересохшего горла, ни дрожи в голосе.

– Значит, мы едем на войну? – прошептал Пьетро.

– Нет. Откуда у тебя такие мысли? Ты ведь знаешь, что отец твердый Вейблинг? Он все еще мечтает, что какое-то чудо спасет юного Фридриха...

– Он прав, – объявил Пьетро.

– Ха! – фыркнул Ганс. – Оттон уже захватил всю Италию и большую часть Сицилии. Ему остается прибрать к рукам только остров Сицилию. Все бароны Фридриха взбунтовались. Сарацины пригласили Оттона взять их под свою руку, а испанские рыцари, на которых Фридрих рассчитывал, чтобы разгромить баронов – это была единственная причина, по которой он женился на этой немолодой женщине, – через месяц после того, как они там высадились, погибли от чумы.¹³ Отец стар, и у него размягчение мозгов. Почему ты

¹³ В 1202 году, пытаясь объединить папские владения в Арагоне и Сицилии, Папа Иннокентий вел переговоры о помолвке между Фридрихом, которому тогда исполнилось восемь лет, и Санчей, юной сестрой Питера, короля Арагона. Условием этой сделки была посылка Питером испанских рыцарей с целью освободить Фридриха от давления германцев во главе с Марквардом Анвейлером. Но план этот сорвался, и помолвка была расторгнута. Потом, как во многих сказках, переговоры возобновились и в результате Фридрих оказался помолвлен, но не с прелестной Санчей, а с ее сестрой, которая была много ее старше, Констанцией,

так уверен, что этот король-оборванец выиграет?

– Я знаю Фридриха, – ответил Пьетро.

– Ты знаешь Фридриха? – расхохотался Ганс. – Рассказывай сказки!

– Но я действительно знаю Фридриха, – спокойно подтвердил Пьетро. – Я охотился с ним на кабанов на Сицилии. Ганс уставился на него.

– Послушай, Пьетро, я никогда раньше не слышал, чтобы ты врал, но когда ты рассказываешь мне, что сын кузнеца охотился вместе с королем...

– На Сицилии никто не знал, что я сын кузнеца. Ты ведь видел, как я был одет, когда приехал сюда.

– Это правда, – задумчиво сказал Ганс. – Мы подумали, что ты принц. Расскажи, какой из себя Фридрих?

– Он невысокий, крепкого сложения, светловолосый. Очень сильный и очень красивый. Гордый, хуже Люцифера. Чтобы победить Фридриха, они должны убить его.

– Это они могут проделать, – заметил Ганс.

вдовой короля Венгрии. Констанция была на десять, а может и больше, лет старше Фридриха. Четырнадцатилетний король яростно сопротивлялся этому браку, пока Констанция не пообещала привести с собой пятьсот испанских рыцарей, с помощью которых Фридрих мог бы подавить вспыхивавшие вокруг восстания. Констанция прибыла в августе 1209 года, и свадьба состоялась. Однако в самом начале кампании Фридриха против мятежных сицилийских баронов разразилась эпидемия, погубившая почти всех испанских рыцарей, включая графа Алонсо, брата королевы. И тем не менее даже без их помощи Фридриху удалось – хотя бы на время – подавить баронов и отобрать у них часть захваченных ими у короны земель.

– Но если мы не направляемся на войну...

– Слушай, Пьетро. Граф Алессандро объявил себя сторонником гвельфов. Ты хочешь, чтобы нас здесь, в Хеллемарке, осадили?

– Нет, конечно, – сказал Пьетро.

– Я тоже так думаю. Теперь насчет доспехов. Мы с тобой едем в Роккабланку...

– Нет!

– Я забыл, это ведь связано с твоим отцом, да? Добрый Пьетро, забудь об этом. Даже у отца Антонио были неприятности. Его вызвал епископ и приказал принести покаяние за то, что он похоронил твоего старика по христианскому обряду. Епископ считает, что каждый, кто восстает против своего сюзерена, нарушает клятву, данную перед Богом и Святыми мощами, а значит, восстает против Бога. Отцу Антонио было не так легко убедить его не выкапывать труп твоего отца и не предавать его анафеме...

– Хорошо, – спокойно заметил Пьетро, – а зачем мы едем в Роккабланку?

– Охотиться, конечно. Завтра граф Алессандро посвящает в рыцари Анвейлера, наследника графства Сполето, и...

– Ты хочешь сказать, наследника графства Асерра? – сухо спросил Пьетро.

– Пьетро, ты становишься несносным. Отец Анвейлера был графом Асерра, но император сделал его герцогом Сполето. Когда ты научишься принимать общеизвестные фак-

ты?

– Когда буду убежден, что они достоверны. Дипольд Швейнспунт, граф Асерра, обычный предатель и должен быть повешен. Сполето одно из владений Папы, которое Оттон сам уступил Его Святейшеству. Как же может теперь Оттон превращать его в герцогство и отдавать этому вору?

– Не забывай, что ты говоришь о знатном человеке, – повысил голос Ганс.

– Я знаю. Знатность всегда оправдывает злодейство, не так ли? Мой отец сражался за свободу и за хлеб, за это его объявили преступником, которого следует пытать и повесить. Дипольд и все остальные апулейские бароны, включая графа Алессандро, знатные люди. И поэтому их предательство, которое можно объяснить только их жаждой власти, пахнет розовой водичкой.

– Пьетро, я тебя предупреждаю!

– Ты хочешь ударить меня, Ганс? Бей. Это будет соответствовать ситуации. Апулейские бароны объединились, чтобы ограбить юношу моего возраста. Великие и могущественные люди выступают против оборванца, нищего короля. Почему же ты не ударишь меня? Это прекрасно продемонстрирует твое мужество – еще бы, одержать верх над таким могучим и сильным простолудином, как я, особенно защищая имя графа Синискола, который убил твоего дядю Дипольда, отнял Рокка Асерру у твоего отца, держал Хеллемарк в осаде так долго, что роды и недостаток пищи стоили твоей матери,

нежной госпоже Бриганде, жизни...

– Моя мать умерла при родах! – взревел Ганс. – Пьетро, Бога ради...

– Твоя мать родила тебя, и Марка, и Вольфганга, крупных детей, весивших много фунтов, и была здоровой. Почему же она умерла, рожая твою прелестную сестру, которая была совсем маленькой и не должна была вызвать никаких осложнений?

– Ты знаешь, Пьетро, – мрачно заметил Ганс, – я не собирался лупцевать тебя, но сейчас, видит Бог, я готов тебя стукнуть.

– Ты, – крикнула с порога Иоланта, – не сделаешь ничего подобного, Ганс!

– Ио, Бога ради! – начал Ганс.

– Не упоминай всуе имя Его, брат мой. Я не хочу, чтобы ты бил бедного Пьетро. Во-первых, ты вдвое крупнее его. Во-вторых, он сказал тебе чистую правду...

– А в-третьих, – взорвался Ганс, – он тебе слишком нравится, чтобы мне это нравилось, дорогая моя сестра!

– Это правда, – вздохнула Иоланта. – Он мне на самом деле очень нравится. Он очень красивый парень, Ганс.

– Его отец разбойник!

– А я не говорила, что мне нравится его отец, – ядовито заметила Иоланта. – Все, что я хочу сказать, сир Ганс, мой совершенно нерыцарственный брат, так это то, что, если отец будет настаивать на своей глупой идее выдать меня замуж за

эту черноробородую скотину Энцио, я, как велит мне долг, послушаюсь. Но возьму с собой Пьетро, чтобы он пел мне прелестные сицилийские песни, играл на лютне и утешал меня в отсутствие мужа!

– Ио! – взревел Ганс.

– Госпожа, конечно, шутит, – постарался смягчить ситуацию Пьетро. – Не следует дразнить моего господина. Я сожалею о сказанных мною сгоряча словах, сир Ганс. Но боюсь, что до сих пор не понимаю, какая связь между посвящением в рыцари молодого Анвейлера и нами...

– Вместе с ним будут посвящены в рыцари Марк и Вольфганг, – мрачно сказал Ганс. Он все еще смотрел на сестру. – Ио, если бы я думал...

– Если бы ты думал о чем? – вызывающе спросила Иоланта.

Нет, грустно подумал Пьетро, нет. Этот алый ротик целовал меня, пока кровь в моих жилах не закипела. Эти нежные ручки терли мою спину, когда я принимал ванну. Ко мне, к моей жалкой постели приходил этот ангел в одном халатике – но то, что ты думаешь, Ганс, – нет. Во имя Святой Богородицы, граф Алессандро мог бы поучиться изысканной жестокости у Ио.¹⁴

¹⁴ Такое поведение не было редкостью. Любовь редко играла хоть какую-то роль в браках, которые обычно устраивались родителями и опекунами с единственной целью объединить крупные поместья. Но человеческое естество оставалось таким, каким оно есть. Песни трубадуров и труверов воспевали запретное чувство. Обычай позволял такую свободу отношений между мужчиной и женщи-

– Неважно! – буркнул Ганс.

Он бывал храбр, как лев, сидя в седле. Но в некоторых других случаях он оказывался трусом. Даже своей тугодумной башкой он понимал, что продолжать этот разговор опасно, он может завести слишком далеко. Если его подозрения справедливы, он должен будет убить Пьетро, к которому хорошо относится, от которого во многом зависит и чья смерть

ной, которая шокировала бы даже наш изощренный век: дама, не задумываясь, навещала незнакомого рыцаря, оказавшегося гостем в замке, одетая в прозрачную ночную рубашку, сидела у его постели и болтала на разные темы. Если гость был достаточно высокого ранга, то иногда жена и дочери хозяина замка помогали ему раздеться и принять ванну. Однако нельзя забывать, что почти всегда эти обычаи не имели ничего общего с сексуальными отношениями. Они отражали идею, что людям высокородственным можно позволить многое, не опасаясь при этом, что они станут вести себя недостойно. И к чести средневековых мужчин следует сказать, что такое доверие редко бывало обманутым. Конечно, случалось немало такого, что не укладывалось в этические нормы, – девочку двенадцати лет, выданную замуж за покрытого шрамами барона лет тридцати для того, чтобы объединить два крупных поместья, нельзя было винить за то, что она обращала свой взор на красивого молодого оруженосца или пажа своего возраста. Известны случаи, когда мужья и жены закрывали глаза на романы друг друга, чтобы без помех развлекаться своими. Поведение Иоланты и ее смелость описаны на основании тщательных исследований. В тринадцатом веке многие женщины брали на себя инициативу в сердечных делах. Обычай, например, разрешал им открыто объявлять о своей любви к молодому рыцарю на турнире, бросая ему сувенир, даже если они не были представлены друг другу. Это только странствующие певцы, трубадуры, труверы, были искусственными в искусстве любви. Обычный рыцарь, грубоватый, лишенный изящества, неуклюжий, привычный к охоте и войнам, был далек от куртуазности – неудивительно, что довольно часто первый шаг делала потерявшая терпение девушка. Читатель, которого интересуют подробные описания морали и норм поведения людей тринадцатого века, может обратиться к труду У. Дэвиса “Жизнь средневековых баронов” (с. 98–103).

ничего не разрешит. Можно смыть позорное пятно с репутации сестры, убив рыцаря, но, если обидчик низкородженный, пятно не только остается, но и закрепляется. Сама того не зная, Иоланта полностью обезопасила жизнь Пьетро от каких-либо посягательств со стороны своего брата. Убить своего оруженосца значило публично признать, что его сестра пала немислимо низко; ибо если итальянская знать в тринадцатом веке могла простить прихоть, то никак не простила бы перечеркивание твердо установленных границ родства и привилегий...

– Ладно, – сказала, улыбаясь, Иоланта. – Мы слишком много ссоримся. Завтра я присоединюсь к вам в Роккабланке. Это будет прекрасное развлечение – особенно потому, что я смогу доставить себе удовольствие помучить этого лысого дурака. У него столько волос на подбородке и так мало на голове!¹⁵ А в самой голове такая масса злодейства, что я всегда могу смутить его, высказав ему правду...

– Отец должен выдать тебя за какого-нибудь настоящего германского рыцаря, – сказал Ганс – Даже норманн был бы не так плох. Но эти итальянцы! Они все-таки наполовину мавры...¹⁶

¹⁵ Тринадцатый век был одним из самых безбородых в истории – во всяком случае, среди знати. Мода не поддается логике. Каждый, кого это мало-мальски интересует, может задуматься над нашей собственной историей – почему деятели колониального периода были чисто выбриты, а участники Гражданской войны носили бороды.

¹⁶ Тевтонские племена с севера в результате столетий завоеваний и миграций

– Я принесу ваши доспехи, господин, – сказал Пьетро.

Когда он вернулся с кольчугами и шлемами, Иоланта уже ушла. Пьетро этому обрадовался. У него и без нее хватало хлопот с дурным характером Ганса.

При виде своих доспехов Ганс пришел в хорошее настроение. Интриги, происходившие в замке, утомляли его. Но стоило ему сесть на коня и взять в руки меч, как он совершенно менялся. С точки зрения Ганса, Провидение могло бы устроить мир и получше, – чтобы добрый рыцарь мог проводить свою жизнь в охоте, доблестных войнах с врагами и в любовных играх...

И за пиршественным столом. Хороший пир оказывался почти таким же развлечением, как и рыцарский турнир. Пьянство не входило в число любимых занятий Ганса. Он не унаследовал пристрастия своего отца к вину...

Через полчаса, после мессы, настолько короткой, что это граничило с грехом, и завтрака из нескольких кусков черствого хлеба, который они запили вином, разведенным водой, они выехали из Хеллемарка. Ганс был в доспехах – в шлеме, в кольчуге и со щитом, на боку у него висел его добрый меч Хейльбанд. Его кольчуга, изготовленная из множества маленьких колечек, выкованных из закаленной стали, доста-

принесли в большинство европейских стран светловолосость. В сознании людей тринадцатого века красота не ассоциировалась с темными волосами и смуглой внешностью. Дюран в книге “Век веры” (с. 832) рассказывает, что святой Бернар очень мучился, пытаясь в своих проповедях примирить слова “Я смуглая, но прекрасная” из Песни Песней со вкусами своего времени.

вала до колен и прикрывала руки. На ногах ниже кольчуги были стальные чулки и серебряные шпоры.

Доспехи Пьетро не были столь роскошны, но добротны и удобны. Он ехал без головного убора, и у него не было ни меча, ни щита, ни копья – это было оружие рыцарей, не положенное оруженосцу. Если только – благодаря какому-то чуду – он станет рыцарем, тогда он сможет защитить свою голову шлемом и наносить удары мечом или копьем. Конечно, от него требовались ежедневные занятия с таким оружием, но на охоте и в настоящей битве он должен сопровождать своего господина почти безоружным.

Пьетро вез тяжелый арбалет, оружие, которым могли пользоваться даже низкорощенные охотники, и легкий лук, обычно используемый при охоте на птиц, – оружие не столь грозное, как арбалет, но обеспечивающее известную быстроту стрельбы, поскольку его можно натягивать руками – деревянные стрелы не требовали натягивающего приспособления. Пьетро прекрасно владел этим легким оружием, но стыдился его. Рыцари презирали стрелков из лука. “Первый лучник, – говорили они, – был трус, который побоялся выйти на схватку с противником”.

К своему возмущению, Пьетро обнаружил, что им не надо въезжать в Роккабланку. Охотники уже собирались у стен замка. По их количеству он понял, что предстоит серьезное дело – они охотятся не просто для развлечения.

Завтра будет большой праздник. Графу Алессандро пред-

стоит накормить более тысячи человек. Пригодится любая добыча охотников – от кроликов до крупных оленей. Главный лесничий не полагался на случайности – он согнал с полей несколько сот крепких парней и вооружил их палками, чтобы они били по кустам и таким образом гнали зверей впереди себя.

Охотники убили массу животных. Ганс и все остальные остались довольны. Но олени, спасавшиеся от охотников, напуганные стуком палок, что-то напомнили Пьетро. Поначалу он не знал, что именно, потом понял – жителей Рецци. У кабанов, оленей, зайцев, у пойманных в силки птиц не было спасения. В этой охоте не требовалось мастерства – дело решала подавляющая сила. Он испытал то же чувство, как и тогда – что жизнь не так уж хороша и приятна, и вообще – стоит ли жить? Ты рождаешься на свет Божий в крови и зловонии, и крики твоей умирающей матери эхом отдаются тебе, так что непознанные, не запомнившиеся, они все равно остаются частицей тебя. Потом за тобой охотятся, всегда охотятся, и ты бежишь с той усталостью внутри тебя, которая сама по себе есть частица смерти, всегда зная, что бежать бессмысленно, потому что ты рухнешь – под ударами больших и сильных, тех, у кого небо разверзнется над головами, если они позволят тебе, маленькому, хитрому, отличающемуся от них, выжить. Или они будут терзать тебя до смерти мелкими и отвратительными придирками – говорить тебе, какое место ты можешь занять за столом, обращаться к те-

бе с унижительными эпитетами, запрещать тебе носить мех, носить меч, запрещать тебе брать в жены девушку не равного с тобой положения. Придирки мелкие, отвратительные, и они убивают в тебе что-то – твою гордость, возможно, твою веру в себя, пока ты не становишься таким же зверем, как они, и зажигаешь свечи, и звонишь в колокола, и бежишь, стелая, чтобы простереться перед непонятным и непознаваемым, потому что тебе нужно иметь что-то, за что можно уцепиться перед надвигающейся тьмой, даже если это только бормочущие призраки чужих страхов, обозначенные как Бог, или святые, или Дух Святой...

Эти ощущения были так далеки от охоты. Но всю свою жизнь Пьетро сталкивался с миром, который убивал Исааков, потому что они были умны и отличались от других, и таких, как Донати, потому что они были от природы благородными, гордыми и храбрыми и свобода для них кое-что значила.

Кто-то должен повернуть эту свору гончих. Кто-то должен проделать это верно и умело, пока этот мир, где каждый живущий кому-то принадлежит, не будет заменен миром, где человек будет принадлежать самому себе – если только не пожелает принадлежать Богу, но это тоже будет его выбором, и он будет иметь право отказать даже Богу, если сможет обойтись без него.

Я это сделаю, поклялся себе Пьетро, я поверну охотников. Я разобью их колотушки, заверну их лошадей, утоплю их в

их собственной крови...

– Бога ради, Пьетро! – заорал Ганс. – Смотри, что ты делаешь!

Пьетро успел повернуть своего коня как раз вовремя.

– Извините, сир Ганс, – сказал он.

– Ты никогда ничему не научишься, – застонал Ганс. – Вечно ты витаешь в облаках. Это не по-мужски. Если бы я не знал, что ты умеешь скакать верхом и стрелять из лука, я мог бы поклясться, что ты наполовину девушка...

Юноши из семейства Синискола подъехали к ним и, не слезая с коней, с любопытством рассматривали Пьетро.

– Это твой оруженосец? – спросил Ипполито, следующий по возрасту после Энцио.

– Да, – коротко отозвался Ганс.

Синискола ничего не сказали. Они сидели в седлах, глядя на Пьетро, все четверо – Ипполито, Людовико, Андреа и Энцио. Пьетро почувствовал себя окруженным, раздавленным. Их лица были похожи одно на другое, в них, конечно, были и отличия, но схожести обнаруживалось больше. Они были повторением лица их отца, графа Алессандро, как зеркала, поставленные под разными углами. Пьетро не нравилось то, что он видел. Гордость является частью человека, необходимой чертой, но не такая гордыня, как у братьев Синискола. У них гордость переросла в нечто иное – Пьетро подыскивал точное слово, – в холодное, неистовое презрение ко всем и ко всему на свете. В них ощущалось еще одно качество – хо-

рошо натренированная сила, целенаправленная и страшная. Сила, не знающая жалости.

Они были крепко сбитыми мужчинами, широкоплечими, как Ганс, плотными, сильными, но невысокого роста. Когда они были верхом, это оставалось незаметным. Но как только они спешили, бросалось в глаза, что их ноги перевиты мускулами, завязанными узлами, как корни деревьев, но они короткие, так что все сыновья Синисколы оказывались ниже Пьетро, рост которого был чуть выше среднего.

– Я, – произнес наконец Людовико, – слышал, что твой оруженосец сын этого мужлана Донати, который восставал против моего отца. Теперь я вижу, что эти слухи беспочвенны...

Ганс уставился на него.

– Почему ты так уверен, что они беспочвенны, Людовико? – спросил он.

– Донати, – просто сказал Людовико, – был мужчиной. Поехали. Нам придется скакать как дьяволам, чтобы добраться до Роккабланки засветло.

Пьетро увидел, как пыль взвилась под копытами лошадей, но больше он ничего уже не увидел. Деревья, холмы, красивая долина, синее небо – поплыли перед ним в горячем тумане, а кровь в висках застучала молоточками. Ему стало нехорошо, его охватила смертельная ярость, которую можно смыть только убийством, ярость, разъедающая человека изнутри, пока он не станет мягким, как вода, и сердце его

не перестанет биться. Но он поскакал следом за ними, видя перед собой широкую спину Энцио, а пальцы его правой руки сжимали рукоятку арбалета. Один выстрел. Опереться о стремяна, пока не выпрямишься в седле. Выпустить дротик...

Иоланта тогда будет свободна. От Энцио. Но останутся Ипполито, Людовико и Андреа, а огромное желание графа Алессандро объединить два владения не убавится. Для достижения этой цели годится любой из его сыновей. Энцио и Ипполито вдовцы – все в округе клянутся, что братья Синискола морили своих жен голодом, избивали их и замучили до смерти, – а Людовико и Андреа еще не были женаты.

Хорошо, он убьет Энцио. Это будет плата за Донати. Но кто заплатит за бедного Исаака, который умирал мучительной смертью один, Бог знает в течение скольких часов? А кто заплатит за него самого, за юного Пьетро, живого, вдыхающего воздух, способного смотреть в сияющие улыбкой серые глаза Иоланты. Они все, включая Ганса, разорвут его на части раньше, чем...

Нет, это Ганс может так поступить. Он Бранденбург Роглиано. Но не графы Синискола. Они ранят его, чтобы схватить живым. Ибо для человека, убившего сына графа Алессандро, смерть растянется на столько дней, что в конце концов он будет ползать в грязи, умоляя их прикончить его.

Пьетро неожиданно представил себе романтическую картину: он гордо стоит, закованный в цепи, его пытаются, а он

отказывается даже застонать. Но в то же время воображение нарисовало ему подробности этих пыток, и в животе у него что-то перевернулось. Он знал наверняка – и презирал себя за это, – что произойдет в таком случае на самом деле. Им нужно будет только показать ему орудия пыток, и он тут же начнет вопить, умолять, ползать перед ними – еще до того, как раскалят железо и приготовят кнут...

В Роккабланку они прискакали уже в сумерках. Дым от огромной печи, установленной во дворе, поднимался столбом. Помимо этой печи повсюду во дворе, в саду, даже на арене для турниров, горели костры, и потные слуги стояли около них в ожидании охотников. Ибо приготовление пищи для такой массы людей, какую граф Алессандро ожидал на завтра, должно было занять всю ночь и весь следующий день. Крестьянки из деревни уже пекли пироги. Граф Алессандро даже привез из Рима главного кондитера, который должен был испечь грандиозный торт и всевозможные пирожные. Как только появились охотники, неся на шестах кабанов и оленей, их окружили мясники. Пьетро не успел спешиться, а животные уже были освежеваны и насажены на вертела.

Из кухни доносились крики главного повара, ругающего орду молодых помощников. Завтра будет грандиозный пир. Одна мысль об этом заставила Пьетро ощутить голод.

Когда они прошли в замок, Пьетро подержал таз, чтобы Ганс мог умыться, а потом стоял за его спиной во время ужи-

на. Блюда были простые, главным образом свинина – от молочных поросят, зажаренных целиком, до огромных кровяных колбас и пудингов, а также жареная птица. Пьетро понял, что весь день ничего не ел, но, когда в зал вошел граф Алессандро, он забыл про голод.

Алессандро Синискола был выше своих сыновей и гораздо привлекательнее. В те времена, когда почти каждого рыцаря ежедневно брил его оруженосец, Алессандро носил аккуратную бороду клином, острым, как копье. Энцио, подражая отцу, тоже носил бороду, но далеко не такую ухоженную, как у графа.

Пьетро прикинул, что графу Алессандро должно быть за пятьдесят, но на вид ему было гораздо меньше. В его волосах и бороде виднелось несколько седых прядей. Держался он прямо, как тополь, и отличался горделивой осанкой, хотя был тоньше и не столь мускулист, как его сыновья. Пьетро подумал, что тяжелые бочкообразные фигуры, должно быть, унаследованы ими от матери.

Но больше всего Пьетро заинтересовало лицо Алессандро. Среди всех присутствующих граф был безусловно самым красивым, если не считать самого Пьетро и еще одного или двух оруженосцев. И тем не менее при всей его красоте в лице графа не было ничего привлекательного. Лицо его было презрительно холодным. Вот таким, подумал Пьетро, умелый художник может нарисовать лицо Мефистофеля. Потом он вспомнил, как окрестные крестьяне называют

Алессандро. Граф Сатана. Удивительно точно.

За ужином Пьетро заметил, что барон Рудольф, сидящий по правую руку от графа и деливший с ним кубок и блюдо, проявляет к хозяину необыкновенное внимание. Они разговаривали между собой доверительным шепотом, пили из одного кубка. Рудольф по-мужски расправлялся с жареным поросенком с помощью кинжала, а Алессандро ел очень деликатно, почти не оставляя жира на губах и не пачкая пальцы. Его манеры отличались изысканностью. При других обстоятельствах Пьетро мог бы восхищаться им, но сейчас вид этих двух людей вызывал в его груди непереносимую боль. Святой Боже! Наверное, они говорят об Ио. Обговаривают условия контракта, по которому ее отдадут этому коренастому чернобородому животному.

Глядя на разговаривающих барона Роглиано и графа Синискола, Пьетро ощутил приступ отчаяния, который оказался сильнее ненависти, испытанной им сегодня днем по отношению к братьям Синискола. Если бы он был сейчас вооружен, Пьетро убил бы графа Алессандро, не думая о собственной участи.

Но он был без оружия, и кроме того, уже в следующий момент рассудок взял верх над эмоциями. Глупо предполагать худшее раньше, чем оно приключилось.

У него разболелась голова. Жонглеры, показывающие у большого стола свое искусство, казались ему нереальными. Их очертания расплывались. Песни менестрелей, один из ко-

торых был трубадуром из Лангедока, звучали бессмысленно. За столом все говорили одновременно, хохотали, пели, швыряли монеты нищим, которых ради праздника пустили в замок. Шум разрывал уши Пьетро. От низа живота поднималась тошнота. Он чувствовал, что вот-вот упадет в обморок.

На его счастье, в этот момент граф Алессандро встал, подавая тем самым знак, что пир закончен. Гости выстроились в длинный хвост, следуя за ним, и покинули зал. Теперь на еду набросились оруженосцы. Все, кроме Пьетро. Минуту назад он умирал от голода, теперь ему кусок в горло не лез. Он вышел вслед за гостями в большой зал, где госпожа Беатриса, мать Анвейлера, наследника герцогства Сполето или графства Асерра, в зависимости от политических приверженностей того, кто его именует, раскладывала для всеобщего обозрения первое рыцарское облачение сына. Иоланта делала то же самое для своих братьев.

Глядя на нее, горделиво стоящую около стола, на котором были разложены безупречно белые рубашки, плащи, отделанные горностаем, кольчуги из серебряных пластин, сверкающие шлемы, щиты, украшенные фамильными гербами, большие мечи с драгоценными камнями на рукоятках, в которые вделаны святые мощи, придающие доблесть, золотые шпоры, Пьетро почувствовал, как отступает слабость.

Святой Иисус и Его Мать, думал он, никого нет на свете прекраснее нее! Потом, словно для того, чтобы подтвердить свою мысль, он стал оглядывать дам, собравшихся повос-

хищаться рядами. Он почти насмешливо переводил свой взгляд с одного лица на другое. Потом у него возникло тревожное ощущение, будто он что-то упустил, – разглядывая лица, он заметил девичье лицо, совершенно отличное от других. Это было мимолетное ощущение, не более того. Он снова начал смотреть, начиная осознавать, что до сих пор в действительности не разглядывал их – смотрел как бы чужими глазами. Среди них Пьетро видел несколько лиц, которые только его пристрастный вкус мог поставить по красоте ниже Иоланты. Он продолжал обегать их всех взглядом, несколько нахмурясь. И вдруг замер, не в силах отвести глаз.

– О, Святой Иисус, сын Святой Марии! – вырвалось у него.

Девочка – она была еще девочка – моложе Иоланты, вероятно, на год – встретила его взгляд. Ее голубые глаза заглянули в его темные глаза. Пьетро смотрел на нее, потом перевел взгляд на Иоланту. Затем снова взглянул на ту юную девушку. Ее волосы были бледно-золотыми, почти серебряными. Глаза чисто голубыми. Кожа белая, как лепестки белых цветов, если не считать румянца, окрасившего ее щеки под его взглядом. Это грех, подумал Пьетро, это неверность... Моя госпожа прекраснее, чем... И тут он впервые заметил тяжелый подбородок Иоланты – подбородок Роглиано. Он видел свежесть Иоланты, ее юность, ее цветущее здоровье – и понимал с грустью, что все это не настоящая красота. Теперь понимал. Когда увидел самое красоту во плоти, живую,

вдыхающую воздух.

Он поймал за рукав толстого горожанина, стоявшего в толпе неподалеку.

– Бога ради, мессир, – с трудом выговорил он, – кто эта госпожа?

– Госпожа Элайн, – отозвался горожанин, – из семьи Синискола.

– Синискола? – переспросил Пьетро. – Она?

– Совершенно очевидно, добрый оруженосец, – сказал горожанин, – что вы не из здешних мест. Дом Синискола имеет несколько ветвей. Эта девушка дочь моего господина, покойного брата графа Алессандро...

– Но все Синискола брюнеты и...

– Правильно, но госпожа Гильда, мать этой прелестной девушки, была саксонской принцессой. Девушка похожа на нее.

– Понятно, – отозвался Пьетро.

Он был уверен, что Иоланта смотрит на него и хмурится. Даже оттуда, где она стояла, можно было разглядеть, чем он озабочен. Но он должен был еще раз глянуть на Элайн. Когда он сделал это, она вздернула свой носик и решительно повернулась к нему спиной.

Пьетро опустил глаза. Его лицо горело огнем. Неужто по его лицу все видно?

Гости толпились вокруг стола, восхищаясь одеяниями. Потом Анвейлер, Марк и Вольфганг представились графу и

попросили его разрешения уехать. Граф разрешил, и они со своими оруженосцами отбыли. Пьетро знал, что им предстоит. Они сейчас осуществляют церемониальное омовение, которое очистит их тела и одновременно символически смое грязь грехов с их душ. После этого они вместе со своими будущими оруженосцами – ибо парни, обслуживающие их, не являются оруженосцами до тех пор, пока их хозяева не станут рыцарями, – отправятся в деревенскую церковь. Там, перед алтарем, на котором будут лежать их оружие и доспехи, они будут бодрствовать всю ночь, погружившись в размышления и молитвы, принося обеты соблюдать в будущем законы рыцарства. Утром они прослушают мессу и вернутся в замок на церемонию посвящения их в рыцари. Пьетро всем сердцем завидовал им.

Впервые он обрадовался обычаю рано ложиться в постель. Он устал. Кроме того, ему было о чем серьезно подумать. Лежа в темноте и слушая храп других оруженосцев, которые все были пьяны от выпитого в большом количестве вина, Пьетро пытался разобраться в путанице, возникшей в его голове.

Он любит Иоланту. В этом нет никакого сомнения. Но предполагается, что девушка, в которую влюблен мужчина, является в его глазах самой прекрасной из всех женщин. Но Ио не самая прекрасная. Вот Элайн Синискола действительно прекрасна – так прекрасна, что при взгляде на нее щемит сердце. Пьетро ощущал, что если он когда-нибудь узнает

ее лучше, то чувство, которое он испытывает к Ио, окажется под угрозой. Однако Ио любит его, а та, другая девушка, пренебрежительно от него отвернулась.

И тут Пьетро расхохотался, зажав рот рукой, чтобы приглушить хохот. Он вспомнил, что он Пьетро, сын Донати, серв. Его отношения с любой из этих двух девушек существуют только в его воображении.

Даже для Ио, сказал он себе с горечью, я не более чем игрушка...

И тут он почувствовал, как мягкие руки ощупывают в темноте его лицо. Он схватил эти руки за кисти, но одна рука вырвалась и нанесла ему такую пощечину, что звук ее разнесся по всему темному залу. Пьетро замер, но все оруженосцы продолжали храпеть.

– Это, – прошипела Иоланта, – за то, что ты пялил влюбленные глаза на маленькую Элайн!

– Ио, – прошептал Пьетро, – Бога ради! Это же не Хеллемарк, кто-то может проснуться и...

– Трус, – сказала Иоланта.

– Ио...

– Замолчи и поцелуй меня. Сам знаешь, ты так давно не целовал меня...

Пьетро уложил ее рядом с собой. Он мог смутно разглядеть ее лицо – теперь, когда его глаза несколько привыкли к темноте, – и подвинулся, чтобы найти ее рот. Он очень нежно коснулся ее губ, но она выпростала руки, обвила ими его

шею и прижалась губами к его губам с такой силой, что сделала ему больно. Он ощутил ее теплое тело, одетое во что-то шелковое, его словно обожгло, а в мозгу вспыхнул сигнал опасности – меня за это убьют – и мысль, что ради этого стоит умереть. И он отнял свои руки от ее талии, распахнул ее одежду и принялся грубо, даже жестоко ласкать ее тело, словно она деревенская девчонка. Она оторвала свой рот от его, и он ощутил на своем лице влагу и солоноватость ее слез. Он отпустил ее.

– Ио, – прошептал он, – прости меня...

Она приподнялась, и длинные рыжеватые волосы укрыли ее лицо, как вуаль.

– Не надо просить прощения, – почти спокойно сказала она. – Во всяком случае не за это. Мне это понравилось. Ты мужчина, Пьетро, несмотря на твою Девичью внешность. Я позволила бы тебе сделать то, что тебе хочется, если бы не думала, что эти свиньи могут проснуться. И я не из-за этого плачу...

– А из-за чего? – пробормотал Пьетро.

– Отец согласился выдать меня замуж за Энцио. Он мне об этом еще не объявил. Бойтся. Но одна из служанок слышала их разговор. Они собираются объявить об этом завтра, после турнира...

– Господи и синие глаза твои! – выругался Пьетро.

– Пьетро, – прошептала Иоланта.

– Да, Ио?

– Ты помнишь, ты рассказывал мне, как твои отец и мать бежали из Хеллемарка?

– Да, но, Ио...

– Никаких “но”! Завтра вечером, после турнира, все будут смертельно усталыми. И пьяными... Все, кроме нас. Я не притронусь к вину, и ты тоже не должен...

– А как быть со сторожами у подъемного моста и опускной решетки?

– Ты видел, где приготовлена арена для турнира?

– Да. За стенами замка. Но я должен сопровождать Ганса и...

– После того, как ты проводишь его. Он будет участвовать в турнире раз – в крайнем случае, два. Пока он будет наблюдать за последующими поединками, ты уедешь. Жди меня в доме Паолигорбуна – там, где мы в первый раз встретились, помнишь?

– Но как ты?

– Мне станет нехорошо при виде крови. Мои служанки поведут меня к замку, но я не дойду до него. У хижины дровосека меня будет ждать лошадь...

– Они заметят мое отсутствие, – сказал Пьетро. – Они бросятся за нами и...

– Мы успеем скрыться...

– А если нет?

Рыжеватые волосы ласково коснулись его лица. Он чувствовал ее дыхание на своей шее.

– Это зависит от тебя, – прошептала она. – В конце концов мы можем ускакать достаточно далеко для того, чтобы...

– Чтобы что? – спросил Пьетро.

– Чтобы Энцио получил в жены не девственницу, – закончила Иоланта и вскочила на ноги.

– Ио! – воскликнул Пьетро и встал, забыв, что он совершенно голый.

Иоланта отодвинулась от него.

– Разве это не стоит того риска, мой Пьетро? – прошептала она.

– О Боже, да! – вырвалось у Пьетро. – Но, Ио...

– До завтра, Пьетро, – сказала она, повернулась и побегала по длинному залу, перепрыгивая через спящих оруженосцев.

Как ни хотелось ему спать, сон улетучился. Он принялся продумывать всю ситуацию. Допустим, его схватят. Допустим, подвергнут пыткам. Это безумие, и даже хуже, и он это знал. Но его рот до сих пор болел от ее поцелуев, а тело пахло ее благовониями. Он физически ощущал, как ее тело двигалось, касаясь его тела, так что он трепетал с головы до ног, а боль в его чреслах была реальной как смерть. Даже более реальной. Он умрет. Он знал, что шансов спастись от Синискола у него один из десяти тысяч. Но прежде – это. Святой Боже и Пресвятая Богоматерь, – это, клянусь бородой пророка Магомета и гневом Иеговы Громовержца, клянусь преисподней и ее огнем – это...

Его не схватят. Он будет сражаться, пока они не убьют его. Или он сам убьет себя. Познав, что такое неземное блаженство, он не позволит обесчестить себя из-за слабости своей плоти...

Он неожиданно встал со своего ложа и прошел в помещение, где находилось оружие. Пьетро отыскал свой маленький сарацинский кинжал и привязал его к левому бедру, где он будет прикрыт курткой. Кинжал этот был острее бритвы. Когда Пьетро будет лежать беспомощным на земле, он вытащит кинжал, приставит его в дюйме под левым ухом и одним движением вниз перережет большую вену, кровотечение из которой не в силах остановить ни один самый искусный врач на земле. Они не успеют пронести его и полпути до замка, как он будет мертв.

Но когда Пьетро вошел в зал, он услышал голоса. Одного из разговаривавших он узнал сразу же. Только граф Алессандро мог говорить на певучем тосканском диалекте с такой четкостью.

– Ты лжешь! – фыркнул граф.

– Нет, господин, – шептал другой. – Видит Бог, я говорю правду. Это правда, ваша светлость. Гвельф бежал.

– Но почему? Почему? Он держал в своем кулаке всю Италию. Ему оставалось только протянуть руку и взять мальчика...

– Мой господин, – продолжал чужеземный рыцарь, – как известно, Оттон не отличается умом, он доказал это, когда

нарушил соглашение с Папой. После того как Его Святейшество возложил на него императорскую корону, он приступил к тому, чего Иннокентий боится больше всего, – к объединению Сицилии с империей. Но господин знает, что...

– Ха! – прервал его граф Синискола. – Какое это имеет значение? Где войска Папы? Кто может разбить Оттона Брунсвика, когда вся Италия лежит у его ног?

– Его собственная глупость, господин... или, скорее, хитрость Папы. Его Святейшеству более всего ненавистна мысль о необходимости качнуться в сторону дома Гогенштауфенов, но есть ли у него другой выход? И, как правильно заметил мой господин, у него нет войск. Но у него есть шпионы, агенты и провокаторы и – прислушивающийся к нему Филипп Август – король Франции...

– Святой Боже!

– Аминь. Стоит только обратиться с письмом к Его Королевскому Величеству Французскому. Обратиться к главным епископам Германии. Выступить здесь с официальным заявлением. Стоит пригрозить отлучением от церкви – и те же самые принцы, которые поставили Оттона во главе империи, отрекутся от него, особенно после того, как король Филипп известит, что Франция будет крайне отрицательно рассматривать приверженность гвельфу...

– И тем не менее у Оттона есть армия и свершившийся факт. Ему стоит только захватить юного Фридриха и...

– Правильно. Но иностранные рыцари говорят, что вос-

стала вся Германия, в чем я сомневаюсь. Однако император поверил. Он возвращается в Германию через Альпы...

– А юный Фридрих?

– Он сейчас в Риме или вскоре прибудет туда. Он тоже направляется в Германию, чтобы устроить новые выборы. И притом, что его поддерживает Филипп, и Папа Иннокентий за него – он выиграет...

Наступило долгое молчание, которое нарушил граф Алесандро.

– Никому ничего не говори, – прошептал он. – Для меня важно, чтобы некоторые мои гости не знали об этом до завтрашнего дня. Есть одно важное для меня дело – помолвка, а такое известие может помешать...

– Как пожелает господин...

– И вот еще что, Лоренцо...

– Да, мой господин?

– Надо полагать, что Дипольд Швейнспоунт проявит чрезвычайную щедрость, если с юным Фридрихом во время его путешествия произойдет какой-нибудь несчастный случай, – как и многие другие благородные господа, которых я знаю...

– Я все понял, господин, – сказал Лоренцо

– Хорошо. Завтра все должно произойти так, как задумано. Но если какие-то рыцари захотят поехать с тобой, я не буду возражать...

Пьетро слышал, как удаляются их шаги в конце зала. Он медленно пробрался к своему ложу. Итак, обстоятельства

изменились. Все, что ему надо сделать, это сообщить новость о внезапной перемене в судьбе Фридриха барону Рудольфу. Теперь барон ни за что не даст согласия на помолвку Ио с Энцио. Действительно, если Фридрих станет императором, то любой, кто связан с гвельфами через брак или еще как-нибудь, подвергнется реальной опасности...

Но если он расскажет барону, необходимость в бегстве отпадет. Ему придется выждать несколько лет, пока он сможет возвыситься рядом с королем, чью жизнь он спас. Но барон может найти для Иоланты другого мужа. И если они не убегут, то ту немислимую, неназванную награду, которую обещала Ио, он не получит...

И его жизнь будет спасена. Одно дело умереть ради желанного наслаждения, когда альтернатива этой смерти непереносима. Но теперь смутно замаячил выход. Показался лучик надежды...

Он встал и оделся. На цыпочках прошел по залу к помещению, где отдыхали знатные гости. И остановился, спрятавшись за колонну.

Перед дверью стояли два рыцаря с обнаженными мечами в руках. Сегодня ночью передать барону Рудольфу новость не удастся.

Значит, завтра. Завтра в толпе, которая соберется смотреть турнир, он сумеет...

Но когда утром началась церемония, у Пьетро не оказалось ни малейшего шанса приблизиться к барону Рудольфу.

Пьетро стоял позади Ганса и с несчастным видом смотрел, как барон Рудольф остановился перед графом Алессандро. Граф сидел один на помосте, покрытом великолепными сарацинскими коврами, а перед ним в ожидании стояли барон Рудольф, граф Дипольд и еще два знатных рыцаря, которых Пьетро не знал.

На графе Алессандро красовались позолоченные доспехи, и выглядел он прекраснее любого короля.

Три юных кандидата на рыцарское звание вышли вперед. Дипольд, граф Асерра, тот самый, который одно время был опекуном Фридриха, поцеловал своего сына, потом опустился на колени и надел Анвейлеру золотые шпоры. Потом барон Рудольф и еще один знатный господин, по предположению Пьетро, дядя юного Анвейлера, надели на него через голову кольчугу с серебряными пластинами, поправили накидку и водрузили ему на голову украшенный драгоценностями шлем. Потом последний восприемник вложил ему в руку большой меч с пожеланием использовать его только для благородных целей. Анвейлер поднялся на помост.

– Склони голову! – загремел граф Алессандро. – Ударяю!

Он обрушил руку с надетой на нее стальной рукавицей на голову юноши с такой силой, что Анвейлер пошатнулся. Но граф тут же обнял нового рыцаря и пожелал ему “служить Господу, уважать всех рыцарей, защищать всех дам и помнить свою родословную”.

Марк и Вольфганг прошли через такую же церемонию,

хотя их доспехи не были столь роскошны. Затем новоиспеченные рыцари бросились к ожидавшим их боевым коням и, невзирая на тяжесть доспехов и оружия, вскочили в седла, не касаясь стремян. Не пройти через это испытание означало опозориться.

А я, простонал Пьетро, в доспехах едва могу ходить!

Собравшиеся приветствовали юных рыцарей криками. Юноши же пустили коней вскачь и изобраили шутейный бой, применяя тупое оружие и нанося легкие удары. Они должны были сохранить силы для дневного турнира.

Весь день Алессандро не отпускал от себя барона Рудольфа. Пьетро прямо с ума сходил от отчаяния. В конце концов Пьетро рассказал все Гансу, когда прилаживал ему доспехи. Ганс смело может подойти к отцу с этой новостью – тем более что граф Алессандро не знает, что молодой Роглиано в курсе последних известий.

Но Ганс только холодно глянул на Пьетро.

– Бога ради, сир Ганс! – воскликнул Пьетро. – Вы что, не собираетесь рассказать ему?

– А зачем? – спросил Ганс.

– Зачем? – чуть на заплакал Пьетро. – Ганс, неужели вы не понимаете?

– Нет, не понимаю, – сказал Ганс. – У Фридриха сейчас есть шанс стать императором. Но мы никогда не принимали открыто чью-то сторону. Для нас, Пьетро, Оттон или Фридрих – разница невелика. Зачем я буду прорываться к отцу

с этой новостью?

– Потому что ваш отец согласился выдать Иоланту за Энцио! На самом деле ваш отец не хочет этого – и ни вам, ни вашим братьям это не нравится, и мне...

Ганс посмотрел на него.

– Это не твоя забота, Пьетро, – сказал он. – Ладно, я скажу отцу... после турнира.

– Но, Ганс!

– Это дело может подождать. Зачем расстраивать старика? В любом случае он не объявит о помолвке раньше, чем на пиру вечером, так что спешки нет. Я знаю, о чем ты думаешь: что нам не принесет пользы, если мы окажемся связанными с открытыми сторонниками гвельфов, если молодой Фридрих на самом деле получит императорскую корону. И все-таки нет необходимости поднимать тревогу раньше времени, ты это понимаешь, Пьетро... А теперь подай мое копье...

Ганс был по-своему прав. Чем дольше можно оттягивать ссору между Синискола и Роглиано, тем лучше. Нужно найти время, чтобы намекнуть графу Алессандро как можно деликатнее, что хотя Синискола и знатные люди, но все же они итальянцы – и при смятении и противоречиях, раздирающих империю, вряд ли будет полезно обижать добрых германских рыцарей, даже если они и менее родовиты. В конце концов Фридрих – Гогенштауфен, из знатного германского рода. Победит ли он или Оттон Брунsvик, результат будет один и тот же – укрепление тевтонского господства над Италией. Ита-

льянская знать выигрывает только от продолжения раздоров – борьбы изнуряющей и бессмысленной, при которой господство германских принцев будет ослабевать, пока совсем не исчезнет...

Но Пьетро снесло нетерпение. Плохо знать, что твое будущее в чужих руках. В могучих, безразличных руках – которые могут распахнуться и освободить тебя, а могут сжаться и полностью разрушить твою жизнь.

Все гости толпились у кромки ристалища, являя собой под ясным синим небом довольно пеструю картину. Просто-народе протискивалось к внешним оградкам, а люди знатные расположились в высоких ложах, укрытых от солнца яркими шелковыми тентами, застланных коврами и прекрасными гобеленами, свешивающимися с перил. Над ними на деревянных пиках развевались знамена знатных фамилий. А в ложах...

О Боже! Какое смешение шелковых и вышитых платьев! Какие жемчужные ожерелья, какие замысловатые золотые нити вплетены в золотистые, темные и иссиня-черные волосы!

Пьетро мог слышать их серебристый смех, видеть, как солнечные лучи играют на их обнаженных руках, шеях, как сверкают их зубки, когда они улыбаются тому или иному рыцарю, гарцующему с привязанным к копыю кружевным платочком или чулком, которые дамы дарили им в знак своего расположения. Если на то будет воля Божья и юный Фридрих

преодолеет все опасности, подстерегающие его, Пьетро добьется всего. Но пока что он должен сидеть с непокрытой головой и без оружия на своей лошади, стараясь отыскать лицо Ио в этой толпе, не позволяя себе даже надеяться, отгоняя память о прошлой ночи, стараясь не вспоминать сладкое безумие, опасную близость, которую он ощущал...

Найти ее он не мог. Он переводил взгляд с одного лица на другое, песни менестрелей сливались в его ушах в нечто напоминающее жужжание пчел, он не слышал ни звуков труб, ни криков, ни вызовов на состязание, ни взволнованных голосов... И, когда он наконец обнаружил лицо, которое узнал, это было не ее лицо. Он постарался оторвать взгляд, не шептать ее имя, но ничего не помогало ему забыть Элайн. Элайн Синискола – существо из другого мира, настолько недоступного ему, что он мог с таким же успехом домогаться одного из Божьих ангелов.

После вчерашней ночи он забыл о ней. Но, увидев ее сейчас, одетую в белый шелк, в простое платье среди этой выставки мехов куницы, горноста, венецианской парчи, золотых нитей и жемчуга, он опять был встревожен двойственностью своей натуры: вчера ночью он готов был умереть, лишь бы владеть Иолантой хоть час, а сегодня утром смотрит с безнадежным страстным желанием на Элайн...

Наконец он почувствовал, что Элайн посмотрела на него, с любопытством взглядела в смуглое лицо, в глазах у нее мелькнул испуг. Он громко рассмеялся.

– Интересно, – пробормотал он, – когда я смогу увидеть тебя такой, какова ты на самом деле...

Загремели трубы. Обернувшись, Пьетро увидел шесть гофмаршалов, во главе их, конечно, выступал граф Алессандро, за ним следовал барон Рудольф. Они прошли поле пешком, сверкая яркими красками одеяний. За ними шли герольды, раздирая небо ревом своих рогов, и их помощники, в обязанности которых входило ободрять и воодушевлять рыцарей криками, напоминающими им об их происхождении и о славе их отцов. Затем следовали оруженосцы, которым предстояло поддерживать порядок, расчищать арену от сломанных копий, приносить новые, поднимать упавших рыцарей.

В этих хлопотах Пьетро как оруженосец Ганса должен был принимать участие. С волнением он смотрел, как граф Алессандро поднял белый жезл.

– Приведите соперников! – загрохотал его голос.

Вновь загремели трубы. Вышли четверо герольдов в черном, золотом и алом, украшенные золотом так, что у Пьетро глаза заболели от их сверкания и великолепия. Следом за ними появился шут, подражавший рыцарю, он подбрасывал в воздух мечи и острые кинжалы и ловил их за рукоятки голыми руками, при этом он вращал их так проворно, что казалось – он посылает пучки света в омытый солнцем воздух.

И наконец – вот они, рыцари. Они выезжали по двое, на могучих боевых конях. Со шрамами от былых боев, мощные

– все, за исключением только что посвященных, которые выглядели до жалости юными и беспомощными рядом с этими закованными в доспехи мужчинами. Вдруг все рыцари запели. Гром мужских голосов взвился до небес, а над толпой реяли яркие знамена, солнечные лучи сверкали на стали, в ложах на шелках, золоте и жемчугах, и на прекрасной женской плоти, и женщины тоже запели, их голоса, высокие и чистые, звенели, и лошади танцевали, становились на дыбы, повинувшись своим хозяевам, когда те проезжали мимо какой-нибудь красавицы. Девушки, забыв скромность, стояли, пронзительно крича от возбуждения, бросали вниз платки, кушаки, чулки, ленты из волос приглянувшимся им рыцарям под одобрительными взглядами родителей.

Святой Боже, подумал Пьетро, тут недолго сойти с ума!

Потом начался турнир. На арену вышли два помощника герольдов и объявили имена первых соперников, каждый из них прославлял до небес храбрость своего господина и его родословную, тут же переходя на оскорбления в адрес его противника. Потом эти низкорощенные ушли, и оруженосцы развели своих сидевших верхом хозяев на противоположные концы арены.

Пьетро почувствовал, как закипает кровь в его жилах. Он убеждал себя, что это дикое, глупое, варварское развлечение, но оно ему нравилось. Его рассудок, возможно, на две сотни лет опередил свое время, но в его жилах текла кровь норманнов и сицилийцев, кипящая от сумасшедшего воз-

буждения и сладостного безрассудства.

– Во имя Бога и Святого Михаила, сражайтесь! – прогремел голос гофмаршала.

Пьетро увидел, как брызнула земля из-под копыт боевых коней. Это были крупные кони французской и фламандской пород, с широкими, как бочки, грудными клетками, напоминающие слонов, тяжеловесные. Даже там, где сидел Пьетро на своем легком скакуне, он ощущал, как дрожит земля под их копытами, но топота не слышал. Из лож, от ограды, со всех концов арены неслись оглушающий, долгий, перекатывающийся как гром крик.

Но когда они столкнулись, Пьетро их услышал. Копья раскололись с треском, который, казалось, проник под его дрожащую кожу. Могучие кони развернулись, взрывая землю копытами и отбрасывая в воздух камни величиной с кулак, но оба рыцаря удержались в седлах. Оруженосцы принесли им новые копья, и они вновь поскакали навстречу друг другу с помятыми щитами. На этот раз один из них попал только в краешек щита противника, зато соперник ударил в самый центр щита, выбил рыцаря из седла, и тот без чувств свалился на землю.

Поединки шли один за другим. Потом Пьетро услышал, как выкрикнули “Роглиано”, подъехал к Гансу, чтобы сопровождать его в конец арены, и сел там рядом с ним в ожидании, чувствуя всей своей излишне чувствительной плотью немислимый удар стального наконечника копья по щи-

ту, ощущая, как его тело опрокидывается на высокое седло и как трещат все кости. . .

Трубы вновь затрубили. Ганс приготовился. Пьетро не мог смотреть на него. Он отвернулся и увидел прямо перед собой в ложе лицо Иоланты, с которого схлынули все краски. Ее губы двигались, словно читали молитву.

Гофмаршалы турнира обычно старались подбирать соперников равных по силам. Но Ганс был задиристым парнем. И он нанес оскорбление Сайру Лауренту, норманнскому рыцарю, который был гораздо крупнее его и весь покрыт шрамами от многочисленных былых поединков и сражений. Когда Пьетро поднял глаза, все было кончено. Сайр Лаурент сшиб Ганса вместе с конем на землю, даже не пустив в ход копье.

Пьетро пришпорил лошадь, чтобы скакать на помощь Гансу. Но тот высвободился от мешавшего ему коня и вскочил на ноги, размахивая мечом и изрытая ругательства.

– Святой Боже! – всхлипнул Пьетро. – Он нарывается на смерть!

Согласно турнирным правилам, Сайр Лаурент имел право наехать на непокорного молодого рыцаря. Но он, несмотря на свою грубую внешность, был человеком благородным. Да и воспользуйся он таким преимуществом – это не принесло бы ему чести. Он спешил и двинулся на Ганса, замахнувшись мечом столь огромным, что Пьетро понадобилась бы лебедка, чтобы поднять его.

Пьетро услышал отчаянный крик Ио:

– Остановите их, гофмаршал! Кто-нибудь, остановите их! Пьетро, пожалуйста...

Но тут звон мечей заглушил все остальные звуки. Пьетро затаил дыхание. Ганс сражался беззаветно. Минут десять два гиганта рубились мечами, кольчуги повисли на них лохмотьями, земля вокруг была обогрета кровью. В ложах визжали от удовольствия.

Пьетро видел, как все произошло. Он пытался отвернуться, закрыть глаза, но не мог. Словно зачарованный, он наблюдал, как Сайр Лаурент поднял свой огромный меч, держа его за рукоятку обеими руками, и обрушил его вниз, разрубив щит Ганса, смяв его шлем; Ганс рухнул и остался лежать недвижимым у ног противника.

Вопль Ио разорвал сердце Пьетро. Он бросился к лежащему Гансу. Множество рук подняли юного рыцаря, его отнесли в одну из лож, где находился лекарь. Барон Рудольф был уже там, и Ио, и граф Алессандро, и все молодые Синискола. Пьетро освобождал Ганса от доспехов, стягивая с него остатки кольчуги, разрезая ремни, придерживавшие шлем.

Ганс дышал ровно. На его голове виднелся длинный рубец, который с удивительной быстротой набухал, но, даже не ощупывая рану, Пьетро мог сказать, что череп не пострадал. Что касается других его ран, они были легкими благодаря надежным доспехам.

Подошел Сайр Лаурент, расстроенный.

– Вы уж простите меня, добрые господа, – сказал он. – Я не собирался наносить такой удар, но парень так атаковал меня, что я забыл о его возрасте...

– Он будет жить, – важно объявил лекарь. – Но ему нужно неделю лежать в постели, и ему следует пускать кровь, чтобы дать выход его темпераменту...

– Пускать кровь! – воскликнула Ио. – Ты дурак, он и так потерял столько крови!

– Юная госпожа не понимает всей опасности, – начал лекарь.

– Замолчи! – приказала Ио. – А вы, мужчины, несите его в замок!

Граф Алессандро с суровым лицом повернулся к Сайру Лауренту.

– Мне представляется, – сказал он, – что ваше рвение было чрезмерным, но я оставляю это дело на усмотрение барона, отца юноши...

– Я отказываюсь от выкупа, – поспешно сказал Сайр Лаурент.

Как победитель, он имел право оставить у себя коня Ганса и его оружие до тех пор, пока барон не выкупит их. Он даже мог держать Ганса у себя в качестве пленника.

Рудольф протянул ему руку.

– Схватка была хорошая, Сайр Лаурент, – сказал он. – Поскольку мальчик ранен не тяжело, я не держу на вас зла...

Сайр Лаурент взял протянутую руку и поцеловал ее.

– Благодарю вас, господин, – сказал он.

На том это дело закончилось. Пьетро вздохнул с облегчением. Уже в замке, когда он вместе с Ио и еще несколькими женщинами помогал обмыть и перевязать раны Ганса, ему пришло в голову, что происшествие с Гансом гораздо опаснее для него, Пьетро, чем для самого этого большого дурня, лежащего без сознания на постели под балдахинном.

Теперь у него не было никаких шансов сообщить Рудольфу, что гвельф Отгон бежал. Не оставалось никаких причин, которые могли бы помешать барону сегодня же вечером объявить о помолвке Ио и Энцио. Как ни старался, Пьетро не мог придумать ничего, кроме плана, предложенного Иолантой. План этот был равносителен самоубийству, но перед смертью он...

А я еще смеялся над безумием других, с горечью подумал он.

Он мог бы послать записку со слугой. Но барон Рудольф не умел читать. Он может передать только устное послание. Но граф Алессандро с его авторитетом и убедительностью

высмеет его. Он может пробиться к барону сам – и умереть от рук Синискола, не успев...

– О Господи и синие глаза Твои! – выругался он.

– Пьетро, – раздался шепот Иоланты.

– Что, Ио?

– Он через час придет в себя. С ним не произошло ничего страшного. Разве ты не видишь, Пьетро, Дорогой мой, что это значительно облегчает нам все Дело?

– Да, – почти плача произнес Пьетро.

– Едем, – уговаривала она его. – Скачи к горбуну. Жди там. Я присоединюсь к тебе через час.

Пьетро встал, посмотрел на нее. В сумерках она выглядела совершенно необыкновенно, и он забыл мучительную ясность, владевшую им днем, забыл о своем страхе смерти, ведь всему этому противостоял изгиб алых губ, теплота белого тела, мягкость бедер в темноте прошлой ночи, от которых кровь у него закипела, а чресла пронзила сладкая боль...

Он повернулся и выбежал во двор. В оружейном зале он задержался, чтобы раздобыть себе шлем, щит, копье и меч. Он остановился, глядя на все это оружие и раздумывая, как он будет вывозить его за ворота, но потом сообразил, что в столь необычный день никто не станет задавать ему никаких вопросов. Стражники будут думать, что он везет оружие для Марка или Вольфганга, особенно если он будет небрежно держать его в руках.

Он оседлал свежего коня, самого быстрого, какого сумел

найти, и смело проехал через ворота и по подъемному мосту и далее прочь от замка, мимо людей, толпившихся вокруг арены турнира, и никто и головы не повернул в его сторону.

Два долгих часа ожидания в доме Паоли довели его нервы до такого состояния, которое не забудется им до конца его жизни. Потом он увидел белоснежную кобылу Ио – худшей масти для побега не придумать, – скачущую по долине к дому Паоли. Он вскочил в седло и поехал ей навстречу.

– Они обнаружили? – прошептал он.

– Нет, – рассмеялась она. – Турнир продлится до темноты, а отец так напьется, что меня хватятся только в конце пира. Поехали, Пьетро, вперед!

Он с обожанием смотрел на нее, на румянец ее щек, беспечный смех в ее глазах, и в глубине души проклинал себя за то, что он не настолько романтичен, и недостаточно храбр, и недостаточно глуп, чтобы забыть, что собирается умереть ради нее, и не столь пылок, чтобы считать, что ради этого действительно стоит умирать.

Они скакали по холмам половину ночи, и Пьетро уже начал надеяться, что если они будут мчаться так всю ночь, то их вряд ли смогут настигнуть, когда Ио остановила свою белоснежную лошадь.

– Пьетро, – прошептала она.

– Ио, – застонал он, – Бога ради, Ио. Если мы будем продолжать путь, у нас будет шанс, пусть маленький, но шанс...

– Пьетро, – сказала она.

Впереди виднелись тополя, выделяющиеся на фоне неба, как черные стрелы. Рядом струился ручей, серебристый в свете луны. И даже пели соловьи. Сцена была готова. Замечательная сцена. Даже слишком замечательная. Пьетро в глубине сердца возненавидел ее.

Он выбрал бы себе для смерти другое место, чтобы вокруг были голые холмы, торчащие скалы, песок. Место, которое можно покинуть без сожаления, но не такое, как это. Этот уголок земли с близкими звездами, серебристой водой и большой луной. Этот замечательный уголок, где даже кусты были нежны и благоуханны.

Он протянул руки и помог ей спешиться.

Он был нервен, испуган и грустен, и все получилось очень плохо. Он чувствовал, что готов расплакаться.

Он неуклюже встал на ноги, она тоже встала, приблизилась к нему и обеими руками начала колотить его в грудь, и колотила, пока он не поймал ее за запястья, но она высвободила правую руку и ударила его по правой щеке, потом по левой, снова по правой, пока ему не удалось прижать ее руки, а она всхлипывала, ругая его за то, что он трус, тряпка, дурак, а он держал ее, пока она вдруг не перестала бороться, слегка откинула голову, нашла губами его рот и потянула Пьетро на себя, опускаясь на землю.

На этот раз все было прекрасно. Все, как надо.

Он сонно думал о том, что надо встать, одеться и ехать дальше. Но, похоже, все это уже не имело значения. Ио ле-

жала в его объятиях, и лунный свет омывал ее. Она спала, но ее сон длился недолго. Вскоре она шевельнулась.

– Пьетро, – позвала она.

Потом было уже утро, и она помогала ему застегнуть ремешки шлема, когда Марк и Вольфганг показались на гребне холма и придержали коней, глядя на Иоланту и Пьетро. Их было только двое, ни одного Синискола.

Пьетро сразу же понял, почему они пустились в погоню только вдвоем. Никто из другого семейства не должен был присутствовать при этом.

Он сел в седло, чувствуя, что ноги у него как тряпки, в нем жила усталость, более глубокая, чем смерть, и страх обволакивал его подобно болезни.

Он встретил их атаку и выбил Вольфганга из седла, но Марк с оскорбительной легкостью скинул его с коня, и они оба набросились на него с обнаженными мечами, на лицах у них была написана его смерть.

Через пять минут все смешалось. Мир заполнился звоном мечей, Пьетро был ранен, тяжело ранен, кровь струилась по его рукам, он чувствовал себя таким усталым, что почти не в состоянии был поднять свой меч, потом Вольфганг обрушил меч на его щит, расколол его, лезвие разрубило кольчугу и вонзилось в его плечо, так что правая рука Пьетро повисла бессильно и он перехватил меч левой рукой.

– Бери Ио и уезжай, – с презрением в голосе сказал Марк, – а я прикончу его.

Иоланта колотила Вольфганга по кирасе, но он схватил ее и посадил впереди себя на коня, а Пьетро, смертельно бледный, ожидал Марка, гордый уже тем, что не испытывал искушения просить пощады. Он пытался поднять меч левой рукой. Но не смог – меч оказался слишком тяжелым.

Марк приблизился. Пьетро закрыл глаза.

Потом он вновь открыл их, услышав, но не веря своим ушам, топот копыт, и увидел изумленными глазами молодого рыцаря, скачущего вниз по склону холма с нацеленным копьем, рыцарь кричал:

– Негодяи! Трусы, сыновья шлюхи, двое против одного, а он совсем еще мальчик!

Копье рыцаря ударило в щит Марка. Тот свалился на землю и начал отползать на четвереньках, молодой рыцарь спешился, вытаскивая меч, но Марк уже вскочил на ноги и пустился бежать к своему коню, Вольфганг прищпорил свою лошадь, и они оба поскакали вверх по холму и скрылись из вида.

Молодой рыцарь бросился за ними в погоню. Потом он обернулся. Пьетро ужасно медленно клонился вперед, пока земля не вздыбилась и не приняла его, и тополя, и уютная река, и пение соловья, и ночь, которая теперь стала памятью, утонули в грохоте в его ушах, исчезли в пламени и крови, превратившись в тьму.

Рыцарь вернулся, соскочил с коня и приподнял голову Пьетро. Карие глаза мальчика открылись.

– Кто вы? – прошептал Пьетро.

– Готье Монтроз, – отозвался юный рыцарь. – Лежи спокойно!

Пьетро чувствовал, как большие руки, огрубевшие, но delicate, освобождали его от кольчуги. У него было ощущение, что ему необходимо о чем-то вспомнить – о какой-то утрате, какой-то печали. Но сейчас ему было хорошо лежать и отдыхать. К его ранам прикоснулся холод воды и влажная материя. Он уже не чувствовал себя таким больным. Только усталым. Он закрыл глаза и уснул.

– Бедняга, – сказал Готье. – Интересно, кто он такой...

4

Всю осень и всю зиму лили дожди. Пьетро и Готье жили в одном из монастырей, предлагавшем приют путешественникам. Погода стояла плохая, а лекарь, которого нанял Готье, настаивал на том, что Пьетро необходимо пускать кровь каждую неделю. И только незадолго перед Рождеством Пьетро окреп настолько, что мог сесть в седло.

Когда Готье привез Пьетро в монастырь, лекарь решил, что, для того чтобы избежать гангрены, необходимо прижигать его раны раскаленным железом. Увидев, как раскаляют железо, Пьетро потерял сознание. Однако обморок его был не слишком глубоким, и он со стыдом вспоминал потом, как прижимали его большие руки Готье, и перед его глазами стояло сильное лицо Готье со слезами в голубых глазах.

– Мужайся, Пьетро, – говорил Готье.

Но Пьетро не обладал мужеством. Он кричал. Ужасно кричал. Этим криком он сорвал себе голос и некоторое время мог только шептать. Он стыдился своей слабости, но Готье делал вид, что ничего не произошло. Он относился к Пьетро, как к сыну, любимому сыну, хотя был старше Пьетро всего на два года.

Потом, когда Пьетро начал по-настоящему поправляться и Готье отослал лекаря и прекратились кровопускания, они много разговаривали. Готье был единственный сын, наслед-

ник баронства Монтроз, неподалеку от Парижа. Его отец, барон Анри, жив, а мать умерла. У него есть сестра Антуанетта. Готье очень любил ее и часто говорил о ней. Называл он ее Туанеттой.

Пьетро слушал и ничего не говорил. Готье спал крепко и не слышал, как плачет по ночам Пьетро.

В монастыре жизнь шла очень спокойно, ибо монахи соблюдали обет молчания. Им разрешалось разговаривать с гостями, но не друг с другом. В начале зимы в монастыре часто останавливались странники. Они привозили новости из тех мест, откуда приезжали.

Германские принцы избрали Фридриха Гогенштауфена императором Священной Римской империи. Но Фридрих задерживался на Сицилии с Констанцией, своей женой, ожидая рождения ребенка. Некоторые приближенные не советовали ему принимать этот сан. Королева тоже была против. Они опасались, что он не доберется до Германии живым. Для таких опасений были основания. Значительная часть Италии и половина Германии все еще находились в нерешительности в отношении Фридриха.

Пьетро все это уже почти не интересовало. Он надеялся, что Фридрих станет императором, ради блага самого Фридриха. А то, что случится с Пьетро ди Донати, не имело значения. Он почти ничего не ел, очень похудел и настолько ослаб, что его покачивало при ходьбе...

В середине ноября 1211 года во двор монастыря въехала

целая группа путников. Они промокли до нитки, но были весьма веселы. Они приехали не настолько издалека, чтобы дождь вымыл из них выпитое ими вино. Монахи дали им переодеться и провели в зал, где за столом сидели Пьетро и Готье. Пьетро даже не глянул на вновь приехавших, а продолжал ковырять свою еду.

Готье заговорил с ними на латыни. Он знал кое-какие слова на тосканском диалекте, но большинство приезжих говорило на сицилийском диалекте. К счастью для Готье, в тринадцатом веке путешественник мог объехать всю западную Европу, объясняясь на плохой церковной латыни – весьма отличающейся, конечно, от языка Цицерона и Вергилия.

– Вы так веселы, мессеры, – заметил он. – Вы с какого-нибудь праздника?

– Да, и очень прекрасного праздника, – со смехом отозвался один из них. – Прошлой ночью Иоланта, дочь барона Рудольфа Роглиано, венчалась с благородным сыном графа Алессандро Синискола.

Пьетро очень медленно отодвинул от себя тарелку и поднялся. Глядя на него, Готье заметил, что Пьетро шел как-то странно... Его шаги были какими-то судорожными, неуправляемыми. Он напоминал куклу, которую дергают невидимые нити. Но главным было лицо Пьетро, которое заставило Готье извиниться перед сидящими за столом и выйти вслед за Пьетро. На лицо Пьетро страшно было смотреть.

Он дошел до порога и даже перешагнул через него, но на

большее у него сил не хватило. В прихожей, прежде чем Готье успел подхватить его, Пьетро обмяк и свалился на пол, словно его ударили по голове булавой.

Три дня после этого Готье выслушивал его историю. Всю. Во всех подробностях, высказанных в бессвязном бреде. И все время рефреном звучало имя Ио.

Слушать это было тяжело. Когда наконец бред иссяк и Пьетро заснул глубоким сном, начиная поправляться, Готье Монтроз дал клятву:

– Клянусь святой кровью мучеников, страстями Бога нашего Иисуса, клянусь девственностью его Святой Матери, я никогда не оставлю этого бедного парня, пока он не будет посвящен в рыцари и обретет мир в душе...

Ибо Готье Монтроз был истинный рыцарь – один из немногих, которые искупали своей честью кровь и похоть и все ужасы своего века.

Сидя у постели Пьетро, он спокойно и серьезно говорил ему:

– Есть другие женщины, столь же прекрасные. Может, даже прекраснее. То, что Иоланта потеряна для тебя, это, без сомнения, воля Господа Бога. Твой отец обрел покой. И тот добрый еврей тоже, ибо Бог в своем беспредельном милосердии может простить и тех, кто не принадлежал к его Пастве, если их сердца чисты. Но, Пьетро, прошлое ушло. Тебя ждет множество храбрых подвигов в будущем...

Пьетро замотал головой, лежащей на подушке.

– Нет, – сказал он.

Готье внимательно посмотрел на него.

– Ты когда-нибудь думал, Пьетро, что мы посланы в этот мир для того, чтобы совершить определенные дела? Чтобы выполнить долг, который возложен на нас не нами, а Богом?

– Нет, – прошептал Пьетро. – Я никогда не думал об этом.

– Но это так. К примеру, ты никогда не спрашивал меня, почему я оказался в Италии...

– Это от вас зависит, добрый мой господин, если вы пожелаете рассказать, – отозвался Пьетро, – а мне не пристало задавать вопросы.

– Тогда я скажу тебе. Мой король послал меня провести некоторое время при вашем дворе.

– Вы везете послание? – спросил Пьетро.

– Нет. Я только должен сказать, что король Фридрих может соглашаться на свое избрание без опасений. Его Величество король Франции будет поддерживать его до конца.

Пьетро посмотрел на Готье.

– Я задержал вас, – сказал он.

– И будешь задерживать, пока не окрепнешь настолько, чтобы сесть в седло.

– Нет, – запротестовал Пьетро, – вы должны оставить меня и ехать дальше...

– Без тебя я не поеду, – заявил Готье.

В эту ночь Пьетро принял решение. Он очень похудел, шрамы на его груди, на руках и на правом плече все еще бы-

ли багровыми и уродливыми и шелушились. На сердце у него не было шрамов, но кровоточить оно будет вечно. Он начал понимать, что, если бы он завоевал Ио, счастлив с ней он не был бы. Он подозревал, что любовь обычно с годами разрушается, когда каждый день видишь в любимой женщине мелкие, раздражающие тебя черты, которые на расстоянии скрыты, что богиня, например, потеет, становится толстой и скучной, превращается в женщину, похожую на других, вызывающую зевоту или активное неприятие.

Но Пьетро был достаточно сицилийцем и достаточно романтичным, чтобы обожествлять свою утраченную любовь. Чтобы приносить ей ежедневные, ежечасные жертвы. Преувеличивать ее до непереносимой боли, пока воображаемое не станет явным. Никогда во плоти не существовало такое совершенство, каким воображал себе Иоланту Пьетро. И никогда не будет. Но Пьетро не исполнилось еще семнадцати лет. Многие люди, вдвое старше его, тоже не оказывались мудрее.

За неделю до Рождества они отправились в далекий путь на Сицилию. В горах шел снег, и Пьетро жестоко страдал. В одном месте главная дорога оказалась перекрыта снежной лавиной. Им пришлось вернуться немного назад, в сторону моря. Единственная дорога, по которой они могли выехать к Адриатике, проходила меньше чем в полумиле от Рокка-бланки.

Пьетро не хотелось думать об этом. Он надеялся, что ни-

кто из замка им не встретится. Хотя, даже если их увидит кто-нибудь из Роккабланки, опасность невелика. Вот если бы дорога проходила мимо Хеллемарка, тогда существовала бы реальная угроза. Ибо только Марк и Вольфганг знали, что произошло, но теперь, после посвящения их в рыцари, они наверняка вернулись в Хеллемарк.

Ио, вероятно, думает, что его убили. С гребня того невысокого холма она видела, как он упал. Так оно и лучше. Ей легче смириться со своей участью, если она верит в его смерть. Если она будет знать, что он жив, в ее сердце может закрасться надежда. А для надежды нет почвы. Никакой.

За холмами снег стал реже, начал переходить в дождь. Они ехали, стараясь укрыть лица от холодных струй. Но это не удавалось. Словно миллион иголок вонзался в лица, лед нарастал у рта. Их дыхание и дыхание их лошадей поднималось вверх густыми клубами пара.

Вот так, за пеленой своего полузамерзшего дыхания, они увидели других всадников.

Пьетро тут же натянул поводья своего коня. А Готье продолжал двигаться вперед, навстречу всадникам, которые неторопливо ехали в сторону Роккабланки. Готье не боялся, он ехал мирно, уверенный в своей силе.

А Пьетро сидел в седле, и его всего трясло. О Боже, думал он, ведь это могут быть...

Потом он сообразил, что всадники едут в сторону Роккабланки, а не от нее. Это гости, направляющиеся на рожде-

ственские праздники. От них, подумал он, опасность им не грозит. Он пришпорил коня и догнал Готье.

Через пять минут они встретились с теми всадниками. Пьетро остановил коня. Ему пришлось схватиться за луку седла, чтобы не упасть.

Ио и Энцио. Позади них Рикардо и Элайн и грузная белокурая дама – как он предположил, мать Элайн. Других всадников он не знал. Солдаты, рыцари.

Но – Ио.

О, Господь и все его ангелы – Ио.

Она была закутана в роскошные меха. Лицо белое и спокойное. В серых глазах смерть. И ад. Когда она взглянула на негр, в них заметался ужас.

О Боже, подумал он, о, Иисус, сын Марии, и ты, милосердная Матерь Божья...

Готье сдержанно поклонился им.

– Эй, – вдруг сказал Рикардо, – а ведь это юный оруженосец, который помог Ио уберечь мою голову от твоих братьев, Энцио!

– Возможно, – безразлично проворчал Энцио.

– Как ты поживаешь? – добродушно спросил Рикардо, протягивая руку Пьетро.

Голос Элайн пронзил воздух словно клинок.

– Рикардо, – резко сказала она, – если ты прикоснешься к руке этой гнусной, преступной свиньи, наша помолвка будет расторгнута сегодня же.

Рикардо в изумлении обернулся к ней.

– Почему, любовь моя?

– Он серв и сын разбойника. Но, помимо этого, среди присутствующих есть лица, знающие, в каком подлом преступлении он повинен.

При этих словах она посмотрела на Иоланту.

Серые глаза Ио изменились, в них теперь засверкал огонь.

– Да, – прошептала она. – Мы обе знаем это. Преступление, так ты, кажется, назвала это? Это знаем лишь мы – ты, моя прелестная кузина, и я. Только меня удивляет, почему ты так близко к сердцу принимаешь это, хотя сей юноша лишь единственный раз имел касательство к тебе – когда помог мне прекратить схватку между Рикардо и Андреа. А другое – его преступление – тебя вообще не касается...

– И все-таки, – выпалила Элайн, – это было преступление!

– Да, – сказала Ио. – И дай Бог, чтобы побольше таких преступлений совершалось на земле.

Элайн уставилась на кузину.

– Я думаю, – медленно проговорила она, – что этот грех был не только его...

– Нет, – прошептала Ио. – Этот грех почти целиком был не его. Однако, дорогая моя кузина, почему это так тебя задевает? Или ты тоже видишь, как он прекрасен? Женщин обычно мало волнуют грехи других. А когда волнуют – поскреби поверхность и под ней ты обнаружишь зависть, – оттого, что грех случился не с тобой!

– Ио! – воскликнула Элайн.

– Мне не нравится этот разговор, Ио, – проворчал Энцио. – Если бы я мог подумать...

– Но ты ведь не можешь, – улыбнулась она. – Ты никогда не думаешь, мой дорогой муж, верно? Ты себя этим не утруждаешь. Потому что, если ты позволишь себе такую роскошь, ты будешь презирать себя так же, как я презираю тебя!

– Ио, прошу тебя, – мягко сказал Рикардо. – Здесь присутствует чужеземец. Судя по его поведению, рыцарь. Сир, простите нам это пустое препирательство. Мы из дома Синискола. А вы?

– Готье, сын Анри, барона Монтроза. Из Франции, дамы и господ.

– А что вы делаете так далеко от дома? – спросил Рикардо.

– Я еду ко двору императора Фридриха по поручению моего короля.

– А этот юноша, – неожиданно спросила Элайн, показав на Пьетро своим хлыстом, – путешествует с вами?

– Да, госпожа, – отвечал Готье. – Он поступил ко мне на службу в качестве оруженосца.

– Понимаю, – отозвалась Элайн.

Она была закутана в мех куницы. Ее голубые глаза походили на кусочки льда.

И все-таки она прекрасна, печально подумал Пьетро. Видит Бог и все его святые, она прекрасна!

– С разрешения моей кузины, – сказал Рикардо, – мо-

жет быть, владелец Монтроза прервет свое путешествие ради небольшого отдыха? Погода сейчас ненастная, а ехать вам далеко...

– Я могу добавить, – резко сказала Элайн, – что я и моя мать можем только приветствовать это приглашение, если оно не включает оруженосца сира Готье. Есть причины, по которым ему нельзя позволить войти в твой замок, Энцио. Причины, о которых ты не должен меня спрашивать, потому что я не скажу тебе. Поверь, что такие причины существуют. Я, Энцио, никогда не позволю себе ночевать под одной крышей с ним – хотя он всего только низкорожденный мужлан. Я... я буду чувствовать себя... нечистой.

Энцио фыркнул.

– Здесь что-то не так. И, видит небо, я...

– Что ты сделаешь, мой господин? – спокойно спросила Ио. – После смерти твоей благородной матери я хозяйка Роккабланки. Сир Готье, мы будем вам рады, поверьте мне – вам и вашему оруженосцу. Если моя прекрасная кузина возражает против его присутствия, мне очень жаль. Ехать обратно в Рокка д'Аквилино далеко...

Готье улыбнулся. Он давно понял подспудный смысл спора.

– Нет, благородная госпожа, – сказал он. – Моя миссия не терпит отлагательств. Я не могу задерживаться. Кроме того, я очень люблю Пьетро, он мне как брат. Я не хочу, чтобы он стал поводом для чьего-то недовольства. Когда мы вернемся

во Францию, мой отец и я займемся его будущим, чтобы он – если Бог позволит – занял положение, которого заслуживает.

– И чего же он заслуживает? – резко спросила Элайн.

– Рыцарского звания, госпожа, – спокойно ответил Готье. – Ибо он заслуживает его больше, чем многие, по рождению более удачливые. Я не сомневаюсь, что человек, который способен вызвать такую злость со стороны столь высокопоставленной дамы, как вы, должен обладать замечательными качествами. Кроме того, – улыбнулся Готье, глядя ей в глаза, – я вполне согласен с госпожой Иолантой. Есть разница между преступлением и любовью. До свидания, дамы и господа, да поможет вам Бог!

Пьетро смотрел, как они удаляются, и сердце его разрывалось от боли. Она все еще меня любит, думал он. Ио все еще любит меня. И это плохо, очень плохо, хуже некуда...

Однако, когда он повернул коня и они тронулись в сторону моря, он неожиданно подумал об Элайн.

Святой Боже, размышлял он, почему она меня так ненавидит?

– Плащи тех, кто забил камнями Святого Стефана, – сказал Готье, как бы про себя. – В этом все дело... Должно быть, так.

– Я... я не пойму о чем вы, господин, – спросил Пьетро.

– Саул... Саул из Тарсуса, – сказал Готье. – Перед тем как он стал Святым Павлом, держал плащи убийц, забивших Святого Стефана. Он был очень настроен против христиан,

но впоследствии сам стал христианином и пострадал в свою очередь. Люди, чьи сердца рвутся в направлении, которого они боятся и не могут понять, всегда озлоблены – против самого объекта их томления. Ты понимаешь?

– Вы хотите сказать, что Элайн...

– Если ту женщину с голубыми глазами и серебристо-белокурыми волосами и столь прекрасную, что ее даже злоба не может испортить, зовут Элайн, то – да. Она очень горда, и ошеломлена, и удивлена тем, что человеческое сердце настолько неуправляемо. Что она может, скажем, полюбить сына серва...

– О Боже! – прошептал Пьетро.

– Я думаю, что твоя Ио рассказала ей обо всем – доверилась, что было ошибкой. Ошибкой потому, что Элайн, хотя она ненавидит себя и борется с этим – испытывает то же чувство к тебе. Она не очень умна, эта Элайн. Ты избрал лучшую из них. В твоей Ио есть нечто... нечто исключительное.

– Мне от этого не легче, – сказал Пьетро.

– Я знаю. Поехали, нам предстоит нанять судно в Гаэте.

Через три дня они так и сделали.

Корабль медленно плыл к Палермо, и теплый ветер обвевал его, прилетая от берегов Сицилии. Тонкие ноздри Пьетро раздувались от запаха этого ветра. Юноша неожиданно стал очень разговорчив, даже весел. Ему хотелось рассказать Готье, как все было на Сицилии, но у него не получалось. То, о чем он рассказывал, слова, к которым он прибегал,

имели разное значение для него и для Готье. Пьетро вновь столкнулся с тем, как прискорбна полная изоляция человека в этом мире. Язык, средство общения, оказался преградой. Он пришел к печальному выводу, что люди разных традиций никогда не могут правильно понять друг друга.

Он смотрел на Готье, так спокойно восседавшего на палубе корабля. Пьетро подумал, что, наверное, этот красивый молодой норманн никогда не проказничал в своей жизни. Готье был воплощением серьезности, и Пьетро завидовал ему. Мышление француза было очень простым, не усложненным и мирным. Он шел по жизни, руководствуясь суровыми правилами, которые все объясняли. Однако для ума, подобного уму Пьетро, эти правила ничего не объясняли и лишь были навязаны всей системой веры, которая в лучшем случае была огромным скоплением противоречий, а в худшем – полным абсурдом, и притом порочным абсурдом.

Готье неожиданно встал. Он положил одну руку на плечо Пьетро, а другой показал вдаль.

– Сицилия? – спросил он.

Пьетро глянул на синие холмы, выступающие из залитого солнцем моря.

– Да, – прошептал он. – Это Сицилия...

Они высадились около Кастельмаре, и Пьетро смотрел на город, который не видел почти четыре года. Город не изменился. Пьетро чувствовал, как все в нем поет. Или плачет. Он даже не мог определить, что с ним происходит. Небо

осталось таким же, такого же цвета, не похожее на небо где бы то ни было в другом месте, такое ласковое, близкое, теплое. И великолепные цветы вились по калиткам и стенам, и пальмы покачивались под морским ветерком, и купола церкви, собора и мечети казались на расстоянии синими. Люди здесь по-прежнему смеялись. Пели. Знатные дамы проплывали в своих паланкинах, и улицы казались пестрыми от многоцветья одежд. Звучало смешение языков – греческого и арабского, сицилийского и прованского, тосканского и французского. Латынь. Германский язык.

– Прекрасная земля, – серьезно заметил Готье.

– Да, – согласился Пьетро.

Они сразу проехали ко дворцу, но им пришлось преодолеть некоторые трудности, чтобы попасть внутрь. Готье с неохотой показал стражнику пергамент с эмблемой короля Франции.

Во дворце Фридрих незамедлительно вышел приветствовать их, что весьма изумило Готье, но совсем не удивило Пьетро.

Фридрих мало изменился. Стал немного выше и раздался в плечах, но Пьетро видел, что это за счет мускулов, а не жирка. Под сицилийским солнцем он загорел до красновато-коричневого оттенка, а его белокурые волосы выцвели и стали еще светлее. Получился поразительный контраст. И эти сияющие голубые глаза разглядывали их, не моргая, они словно заглядывали в человека, пронизывали его, проникая

в его мысли и чувства.

– Мы приветствуем вас, господа, – сказал Фридрих по-французски, безошибочно признав в Готье норманна. – Каким необычным обстоятельствам мы обязаны удовольствию видеть рыцарей из столь отдаленных стран?

Пьетро заметил это королевское “мы”. Одежды, которая была на Фридрихе, постыдился бы погонщик мулов, но гордость его от этого не страдала. У него были для этого причины. Фридрих Гогенштауфен имел все шансы занять подобающее ему место.

– Я, – спокойно произнес Готье, – привез вам, сир, поздравления от Его Королевского Величества из дома Капетов, Филиппа, именуемого Августом, короля Франции.

На загорелом лице Фридриха вспыхнула улыбка.

– Именуемого так совершенно справедливо, – объявил он. – Ни один великий монарх так не украшает христианский мир, как Его Величество король Франции – храни его Бог!

– Аминь, – произнес Готье.

– У вас есть для меня послание? – спросил Фридрих.

– Только поручение передать вам, что Его Величество желает, чтобы вы добивались того, что принадлежит вам, сир, в полной уверенности, что каждый честный рыцарь во Франции, в Бургундии и Лангедоке возьмется за оружие и отправится защищать вас, если какой-либо ваш враг будет угрожать вам.

Фридрих воздел к небу сжатые кулаки.

– О, святой Иисус, сын Святой Марии! – выкрикнул он. – Ты все еще со мной!

– Аминь, – повторил Готье. – А теперь, с разрешения Вашего Величества, мой король на время освободил меня от всех обязанностей по отношению к Его Королевскому Величеству. Я не прошу большей чести, чем вашего разрешения сопровождать вас, сир, в поездке на север...

– Разрешаю! – засмеялся Фридрих. – Я осыпал бы вас наградами... вас обоих... если бы у меня было чем награждать...

Он замолк, присматриваясь к Пьетро.

– А ты, – неожиданно обратился он к нему на сицилийском диалекте, – ты не из Франции. Более того...

– Более того, – улыбнулся Пьетро и опустился на одно колено перед королем, – вы знали меня в прошлом, как вы собирались сказать, сир. В этой самой комнате Ваше Величество и я уничтожили утку, добытую для нас соколом Цезарем, которого Ваше Величество оказало мне честь принять из моих рук...

Фридрих схватил Пьетро за плечи и поднял. Потом крепко расцеловал в обе щеки.

– Пьетро! – сказал он. – Пьетро ди Донати... Я часто думал, что же случилось с тобой...

– А я, – смело заявил Пьетро, – разузнавал про баронство, которое вы, мой король, обещали мне.

Произнеся эти слова, он засмеялся, но лицо Фридриха

оставалось серьезным.

– Да, я обещал, – сказал он. – И Фридрих всегда держит свое слово, с Божьей помощью. Этот юноша, – обратился он к Готье, – однажды спас меня от кабана. Да и за одного того сокола, которого ты подарил мне, Пьетро, ты заслуживаешь баронского титула. Я пытался спарить его, чтобы получить потомство королевских кровей. Пойдемте, господа, будем пировать и веселиться, ибо сегодня действительно великий день...

За столом они говорили о многом – о своих битвах с баронами, о планах создания образцового государства здесь, на Сицилии, когда будет решена судьба империи.

– Что касается твоего баронства, Пьетро, – сказал он, – боюсь, что придется подождать моего возвращения из Германии. Тогда многие знатные господа, которые глумились над мальчиком из Апулии, как они меня называли, пожалеют о своем глумлении. Я жил среди предателей, пока меня не начало тошнить от них. В этой стране появится много новых знатных людей, мне будет все равно – были ли их отцы кузнецами или сапожниками, если они верно служили мне...

Пьетро посмотрел на него.

– Сир, – спросил он, – откуда вы знаете о моем происхождении? Я никогда никому не говорил о моем отце...

– Король, – заявил Фридрих, – даже такой обнищавший, как я, имеет много глаз и ушей. Когда ты не вернулся ко мне, я провел кое-какие расследования. К счастью для тебя, твои

враги – они и мои враги.

Пьетро всматривался в лицо короля, в его внимательные карие глаза.

– Поместье Синискола, – прошептал он, – это замечательное, прекрасное владение, мой король...

Фридрих ударил его по правому плечу с такой силой, что шрам отозвался болью.

– Ты действительно мне нужен, Пьетро! – засмеялся Фридрих. – Такой хитрый ум, как твой, сослужит мне хорошую службу. Твоя мысль хороша. Я буду иметь ее в виду...

Готье с изумлением смотрел на Пьетро.

– Пьетро, – сказал он, – я думаю, что мне подходит освободить тебя от твоей клятвы и от службы мне. Если бы я знал, какие у тебя связи, я никогда не предложил бы тебе быть моим оруженосцем.

– Я не хочу, чтобы вы меня освобождали, – поспешно сказал Пьетро. – Все, чего я хочу, это завоевать во Франции рыцарское звание. Там, мой господин, поскольку никто, кроме вас, не знает о моем происхождении, меня могут посвятить в рыцари, не нанося ущерба репутации моего сюзерена.

– Я могу посвятить тебя в рыцари! – воскликнул Фридрих. – И, клянусь небесами, я это сделаю!

Пьетро нахмурился.

– Пожалуйста, сир, я не хочу вас обидеть, – но зачем делать это сейчас, когда вам придется проделать это снова, когда вы вернетесь из Германии? Люди еще спорят о вашем

праве быть императором. Как же они будут оспаривать мое скромное желание быть посвященным в рыцари, если вы это осуществите сейчас? А став императором, вы будете сиять как солнце и как луна, и любой, кого вы произведете в рыцари, будет отражать вашу славу. Это потребует каких-то лет ожидания, но я терпелив. Простите меня, мой король, за эту грубую правду, но ведь это правда...

– Хорошо сказано, – согласился Фридрих. – Я и вполнину не ценил бы тебя так, если бы ты не был честным человеком, Пьетро. Вы оба будете отдыхать здесь, пока я не буду готов к путешествию. Боюсь, что на это уйдет месяц. Потому что только на последней неделе февраля моя королева родила мне сына и наследника...

Готье и Пьетро встали и поклонились королю.

– От имени моего короля могу я принести вам поздравления всей Франции? – сказал Готье.

– А я – мои собственные? – вторил ему Пьетро.

– Благодарю вас, – сказал Фридрих. – Боюсь, что в этом деле я проявил невнимание. О рождении Генриха я известил только Его Святейшество...

Готье глянул на него.

– В таком случае, – сказал он, – я предложил бы вам немедленно отправить посланца к королю Франции. Его Величество поддерживал вас, зная, что вы последний из живущих Гогенштауфенов. Неужели вы не видите, как укрепляет ваши позиции то, что у вас появился наследник? Гораздо

легче поддерживать династию, чем правление одного человека.

– Вы правы, – сказал Фридрих и прошел к камину, чтобы ударить в бронзовый гонг. Когда появился слуга, король приказал ему принести чернила, пергамент, гусиные перья и вызвать писца.

Пьетро прочистил горло.

– Вашему Величеству нет необходимости вызывать писца, если вы окажете мне честь и позволите послужить вам в этом качестве.

– Письмо должно быть на латыни, – сказал Фридрих. – Конечно, я могу продиктовать его на латыни, но я не очень уверен в грамматике

– Доверьтесь мне, сир, – сказал Пьетро. – Вам не придется стыдиться стиля этого письма.

Через несколько минут он склонился над пергаментом, гусиное перо двигалось быстро, выписывая маленькие готические буквы; временами он останавливался, чтобы исправить ошибки короля в построении фразы, и даже целиком изменял выражения, придавая им более изысканную форму.

Он закончил писать и посыпал пергамент песком из коробочки, чтобы высохли чернила. Через несколько минут он ссыпал песок обратно в коробочку и вручил письмо королю.

Фридрих, хмуясь, читал.

– Клянусь Богом! – вырвалось у него. – Я нашел себе латинского секретаря для всего королевства!

Он показал письмо Готье. Как и большинство сыновей норманнских баронов, Готье получил хорошее образование. Он прочитал письмо и глянул на Пьетро с уважением.

– Ты уверен, что не хочешь получить аббатство? – спросил он. – Такой грамотный человек, как ты, далеко пойдет в церковном мире...¹⁷

– Вспомните, при каких обстоятельствах вы спасли мне жизнь, – улыбнулся Пьетро. – Боюсь, что я слишком от мира сего, слишком из плоти и крови...

– Это правда! – рассмеялся Готье.

– А я ничего об этом не знаю, – вмешался Фридрих. – В какой переделке ты на этот раз оказался, Пьетро?

– Похищение, – сообщил Готье. – Он похитил дочь крупного барона, не меньше. Но, судя по тому, как девушка дралась со своими братьями, которые прискакали спасать ее от этого гнусного грубияна, она, очевидно, отнюдь не была против похищения...

– Девушка поехала добровольно? – спросил Фридрих.

– Да, сир, – сказал Пьетро. – Она вообще присоединилась ко мне уже после того, как я бежал из замка.

– Я в этом не сомневаюсь. Ты очень красивый парень, Пьетро, хотя сейчас ты осунулся и похудел. Я потом погля-

¹⁷ Образование в начале тринадцатого века почти полностью находилось в руках церкви. Университетское образование почти всегда предполагало дальнейшую церковную карьеру. Однако по всей Европе и особенно в Италии уже началось отделение образования от церкви, которое достигло своего пика, когда Фридрих в 1224 году основал в Неаполе университет.

жу, как вернуть тебе ее, но ты должен будешь, как положено, жениться на ней перед алтарем Господа Бога.

– С тех пор, как это случилось в прошлом ноябре, отец выдал ее замуж...

– Плохо, – сердито заметил Фридрих, – потому что если этот брак не нарушает установленных границ кровосмешения, я ничего не могу поделать.¹⁸ В вопросах брака Его Святейшество самый упрямый человек. – Фридрих улыбнулся Готье: – Как, вероятно, помнит ваш король...

Готье вспыхнул. Разговор о королеве Ингеборг и о том, как грубо обращался с ней король Франции, был неприятен всякому французу.¹⁹

¹⁸ Церковь пыталась запретить браки между людьми, находящимися в седьмой степени родства, но эти запреты оказались чрезмерными, поскольку даже крестные отцы и матери рассматривались как родственники. Латеранский собор 1215 года объявил браки между кузенами четвертой степени родства незаконными, но и это оказалось трудно соблюдать, поскольку великие династии Европы слишком часто бывали связаны кровными узами. У церкви были свои причины – стремление объединять семейные состояния должно было привести к вырождению, если его не запретить (см. Дэвис, там же, с. 101).

¹⁹ В 1193 году Филипп Август женился на Ингеборг Датской. Как почти все королевские браки, этот брак был чисто политическим. Король вытерпел Ингеборг всего один день. Не прошло и года, как он убедил совет французских епископов разрешить ему развод. Папа Целестин III не утвердил это решение. В 1196 году, вступив в открытый конфликт с церковью, Филипп женился на Агнессе Меранской. Но теперь ему предстояло бороться с великим Иннокентием III. Иннокентий приказал Филиппу вернуть Ингеборг. Когда же он отказался, могущественный Папа отлучил Филиппа от церкви. Филипп был человеком упрямым, он пригрозил, что перейдет в магометанство, но после четырех лет, когда не служили мессу, народ стал бояться за спасение своих душ и роптать на короля. Филипп в

Вино, получше того кислого напитка, который помнил Пьетро, разгорячило Фридриху кровь. Он принялся мерять шагами комнату, размахивая руками.

– Поверьте, – обращался он к Готье, – я не в ссоре со знатью как таковой. Без хорошей знати государство не может существовать. Но заметьте, я сказал: без хорошей знати. Посмотрите на сегодняшнюю ситуацию в мире. У мусульманских султанов правительства лучше, чем в христианских королевствах. А почему? Потому что их земли не поделены между могущественными баронами, которые могут пререкаться с самим королем! Теперь, когда я император, я преподам урок всей Европе...

В чем корни такого положения? Замки! Барон не должен иметь право содержать крепость и вооруженных вассалов. Вооруженные силы должны служить государству. Единственной военной силой должны быть войска короля, когда он призывает их защитить границы государства от иностранного вторжения. Пора кончать с этой мешаниной мелких королевств внутри королевства. А так, видит Бог, выглядят сегодня наши графства, герцогства и баронства. Они чеканят свою монету, вооружают людей, взимают налоги – а все эти права должны принадлежать королю и только королю!

Готье смотрел на него с удивлением. Но Пьетро уло-

1202 году с неохотой удалил свою возлюбленную Агнессу, но держал несчастную Ингеборг в тюрьме в ужасных условиях до 1213 года, когда наконец вернул ее в свою королевскую постель.

вил мысль Фридриха. Это была революционная идея, которую исповедовал Фридрих Второй: развитие общества от замкнутых кланов, вечно воюющих между собой, толкающих страну к кровопролитию и анархии, к нации, обладающей безопасностью и спокойствием. Для того, 1212 года, благородная мечта – и на многие годы вперед, пока зло национализма не перевесит его благое начало...

– Но, сир, – запротестовал Готье, – зачем тогда вам нужна знать?

– Чтобы командовать моими войсками на поле боя. Чтобы заседать в моем Тайном совете. Чтобы сочинять и пересматривать законы. Чтобы служить мне – как, например, мой латинский секретарь...

– Но если у них не будет замков... – начал Готье.

– Видит Бог, сир Готье, они будут иметь дома, огромные дома, прекрасные дома с множеством окон, через которые будут проникать свет и воздух! Им не нужны будут крепости для обороны, поскольку войны между ними будут запрещены...

– Но предположите, сир, – сказал Пьетро, – что некоторые из них будут придерживаться старых обычаев. Бароны ужасно любят свои маленькие войны.

Фридрих ударил кулаком по столу с такой силой, что подпрыгнули все графины.

– Я раздавлю их! – выкрикнул он.

– Придворная знать, – проговорил задумчиво Пьетро, –

зависящая от короля. Но помогающая ему, советующая ему. Соблюдающая верность. Принимающая законы на благо всей страны. Организующая дело так, чтобы крестьянин в Неаполе не умирал от голода, когда в Палермо богатый урожай...

– Да! Ты умен, Пьетро. Ты правильно понимаешь мои намерения. Более того. Я создам университет. Светский университет – не для того, чтобы учить бормочущих священников одурачивать мой народ непонятной латынью и костями разбойников, снятых с виселицы и выдаваемых за останки святых – а для того, чтобы учить адвокатов и ученых. Я соберу ученых со всего мира – людей, которые могут вызвать дождь, чтобы спасти урожай во время засухи, изготавливать лекарства для излечения больных без колдовства и языческих обрядов...

Лицо Готье выражало полную растерянность. Было очевидно, что речи Фридриха кажутся ему кощунственными.

– Я не слишком умен, сир, – сказал он, качая головой, – но мне представляется, что этот курс чреват многими опасностями. Если бароны перестанут воевать, они заскучают и в головах у них начнется сумятица.

– Заскучают? Это при моем дворе? Никогда, сир Готье. Я соберу лучших поэтов и певцов со всей Европы, крупнейших ученых мира, будь они евреями или сарацинами. Моя знать будет слушать прекрасных певцов, охотиться вместе со мной и выслушивать такие проекты, что только их обдумы-

вание займет их мозги на все лето. Они будут любоваться танцами сарацинских девушек такой красоты, что у них голова закружится от одного их вида, смотреть на жонглеров и фокусников, знакомиться с моим зверинцем, куда я соберу всевозможных зверей со всего света...

– И надо полагать, время от времени слушать мессу? – сурово спросил Готье.

– Да, – кратко ответил Фридрих.

Пьетро улыбнулся. Он знал, как мало интересуют Фридриха религиозные проблемы.²⁰ Человек, не родившийся на Сицилии, не мог понять этого чувства. Конечно, по всей Европе можно было встретить деревенских атеистов. Для людей с аналитическим складом ума многие мрачные доктрины церкви выглядели сомнительными, но Сицилия в тринна-

²⁰ В тринадцатом веке церковь по всей Европе была потрясена до основания тем, что крестовые походы открыли существование другой великой религии, которая дала миру таких выдающихся деятелей, как султан Юсуф, названный Саладином, и таких великих философов, как Авиценна и Аверроэс. Свободомыслие арабов постепенно прокладывало себе путь в сознание европейских народов, а торжество логики обнажило абсурдность многих церковных догматов для все расширяющейся части населения. В Лангедоке люди выдвинули идею Создателя, который с момента создания безразличен к тому, что происходит с его созданиями (в свете геноцида двадцатого века с Бухенвальдом и русскими концлагерями в этой идее есть свой смысл!), предоставляя действовать законам природы, – это не оставляло места для чудес, поскольку они противоречили этим законам. Ли, “Инквизиция в средние века”, том I, с 345. В Париже стали отрицать пресуществление. Великий скептик Дэвид Динант, преподававший в Париже философию, даже вызывал Иннокентия III на диспут. Должно быть, он был очень умен, поскольку его не сожгли на костре (Ли, там же, том II, с 319).

дцатом веке была рассадницей свободомыслия, и вина за это лежала на сарацинах.

За двести с лишним лет до своих европейских единомышленников многие последователи Магомета, с тех пор как астроном и поэт Омар²¹ сочинил свои замечательные, но абсолютно скептические рубаи чуть больше ста лет назад, совершали путь от религиозного фанатизма к сомнению по широкой дороге знаний. Пьетро читал стихи Омара в переводе с фарси на арабский. У себя на родине, в Египте, Марокко, Турции и Персии, ученые, наставлявшие Пьетро, когда он был мальчиком, остерегались высказывать свои сомнения, опасаясь фанатичных ортодоксальных эмиров. Но в Палермо, вдали от дома и контроля со стороны халифата, они подвергали сомнению все, начиная от подлинности зова погонщика верблюда и до самого существования Бога.

У Фридриха тоже были такие учителя. Но Фридрих был король, готовился стать императором. Вера или неверие Фридриха будут определять направление политики империи. То, что Пьетро ди Донати не верил, следовало тщательно таить в запутанных уголках его заблудшего сознания, иначе это грозило ему ужасной смертью.

²¹ Алу'л Фатх Умар Хайами ибн Ибрахим, известный нам под именем Омара Хайама, был одним из величайших средневековых математиков и ученых. Его "Алгебру", давшую частичное решение кубического уравнения, считали вершинной средневековой математики. Его календарь, составленный для султана Малик Шаха, был на удивление точен. Что касается его рубаи, то это, похоже, были случайные развлечения великого астронома.

А Исаак усложнял эти заблуждения, давая ему самостоятельно читать священные манускрипты. Языческие суеверия, внесенные в христианство людьми, не готовыми к его восприятию, уже были бедой; но ничто не могло примирить Пьетро с жестокостями, совершаемыми во имя Того, который призывал подставить вторую щеку для удара и проехать вторую необязательную милю. Во имя этого милосердного Бога по всей Европе горели костры и из их пламени доносились крики живых людей...

Думать обо всем этом было опасно. Стоило слишком долго задуматься над этими вопросами – и человек сходил с ума. Пьетро поймал взгляд короля.

– Сир, – сказал он, – вы окажете нам обоим большую честь, если разрешите нам увидеть королевское дитя...

– Конечно, – отозвался Фридрих. – Наследный принц начинает выглядеть почти по-человечески. Пойдемте...

Они проследовали за Фридрихом по длинным извивающимся коридорам, пока не дошли до женской половины дворца. Пьетро заметил, как испугался Готье, когда король между прочим упомянул название этой половины.

Во Франции женской половины как таковой нет. Не существует она и ни в одной из европейских стран, кроме Сицилии и Испании. Но эти две страны по сути своей сарацинские. Во всем остальном западном мире могли существовать традиции ухаживания за дамой; культ Святой Девы мог завоевывать сердца мужчин; рыцари могли давать клятву вер-

ности какой-нибудь прекрасной даме, обожать ее издали как некую богиню; но не в Сицилии. Здесь женщины оставались изолированными от внешнего мира – игрушки и служанки, творение и рабыни своего господина...

Когда Фридрих вошел, несколько сарацинских девушек-рабынь с лицами, скрытыми под вуалями, низко ему поклонились. Он отослал их мановением руки, исполненным такого царственного презрения, что Пьетро выругался про себя. Святой Боже, подумал он, в конце концов они ведь тоже человеческие существа...

Они оказались в спальне королевы. Констанция Арагонская лежала на огромной кровати под балдахином, держа на руках ребенка. Пьетро и Готье на цыпочках подошли поближе и наклонились, чтобы рассмотреть его. Пьетро выпрямился, подыскивая слова, чтобы восславить красоту ребенка. Это было делом нелегким, ибо принц Генрих, которому была всего одна неделя, выглядел как любой ребенок, которому неделя от роду, – худенький, сморщенный, лысый и ужасно уродливый.

– Благодное дитя, – сказал наконец Пьетро. – Достойное своего отца...

– Ты плохой лжец, Пьетро, – отозвался Фридрих. – Мой отпрыск безобразен как смертный грех, но это неважно. Со временем он выправится.

Королева смотрела на него своими большими черными глазами. Ей было за тридцать, и выглядела она не моложе

своего возраста. Когда-то она была красива. Пьетро мог разглядеть следы ее былой красоты. Когда глаза королевы оставались на лице ее юного супруга, они светились...

Пьетро изучал ее лицо, следил за выражением глаз. В этих глазах, пришел он к заключению, светятся любовь, обожание, безнадежность – и даже ужас.

Он быстро перевел взгляд с королевы на Фридриха и наконец все понял. Вот он терзал себя мыслями о том, что Иоланта вышла замуж без любви. Но бывают ситуации и похуже. Вот эта, например. У Ио есть по крайней мере своеобразное утешение – ненависть к мужу. А у этой гордой испанской принцессы нет никакого утешения. Она обречена любить Фридриха Гогенштауфена, а это очень плохо по причинам, которые Пьетро начинал медленно формулировать – очень медленно, ибо для того, чтобы хотя бы мысленно сформулировать их, требовалось найти новые понятия.

Фридрих был такой... цельный. В этом все дело. Он мужчина, и этот мужчина не нуждается ни в советах, ни в утешении, ни даже в присутствии кого-то еще – священника, Бога или дьявола. И менее всего в присутствии женщины. И эта усталая, утонченная женщина должна чувствовать это. Фридрих будет временами посещать ее ложе – ради того, чтобы зачинать сыновей, – посоветовавшись с астрологами и прочими предсказателями, чтобы выбрать благоприятную ночь. Вне этого она для него не существовала. Она ему просто-напросто не нужна, даже для удовлетворения мимолет-

ного плотского желания. Для этого годится и девушка-рабыня. Та даже лучше, потому что менее сдержанна и получает больше удовольствия.

Пьетро взглянул на короля так, словно никогда не видел его раньше. Теперь он знал, что Фридрих II страшный человек, по-своему столь же ужасный, как Его Святейшество Иннокентий III. И схватка, которая произойдет между ними, потрясет весь христианский мир. Ибо в лице этого мальчика-короля Папа Иннокентий, чья гордость своим престолом превосходит ту, за которую Бог изгнал с неба Люцифера, нашел себе равного противника. Иннокентий требовал, чтобы христианские короли целовали его туфлю, придерживали стремя его роскошно украшенного коня, когда он спешивается, чтобы они во всем подчинялись ему; он запретил церковную службу по всей Франции, отлучал, когда ему вздумается, принцев от церкви. Поначалу он препятствовал вступлению Фридриха на императорский престол, короновал вместо него Оттона, потом росчерком пера сместил Оттона, когда тот предал его, и теперь поддерживает Фридриха в обмен на клятву, которая разорит Сицилию и погубит короля.

Но гордость Фридриха была больше и страшнее. Это был человек, одержимый одной идеей, и на алтарь этой идеи он бросит друга с такой же готовностью, как и врага, будет шагать от предательства к предательству без страха и колебаний, считая, что он выше законов человеческих и даже выше тех, которые проповедают священники от имени Бога. Но

идею он никогда не предаст. За нее он готов умереть, считая, что она стоит боли, крови и слез любого человека – даже его самого.

И Пьетро внезапно понял, что Фридрих прав. Разрушение феодализма, создание современных наций принесет всем классам населения мир и безопасность. И тех, кто отдаст свои жизни за это, будущие поколения будут благословлять.

Фридрих стоял рядом, весело болтая с королевой по-испански.

– Ее Величество, – вдруг сказал Фридрих, – очень рада приветствовать вас. Она сожалеет, что не знает вашего языка и не может поговорить с вами.

Готье поклонился и сказал по-латыни:

– Ваше Величество, я привез вам приветствия от Его Величества короля Франции...

Бедная Констанция была малообразованна. Она знала латынь в пределах катехизиса, требника и торжественной литургии, но не больше. Но, поскольку все европейские языки являлись детьми языка, на котором говорили римляне, она без особого труда поняла, что говорил Готье. Она тронула Фридриха за рукав.

– Сир! – прошептала она. – Вероятно, это и есть французский рыцарь, для которого месяц назад пришло послание...

Фридрих повернулся и посмотрел на Готье:

– Монтроз! Конечно-конечно! Простите меня, сир Готье, но за радостью от сведений, которые вы мне привезли, я за-

был о деле, касающемся вас лично... – Он хлопнул в ладоши, и вошла одна из арабских девушек. Он приказал ей что-то на ее родном языке, перекатывая его гортанные звуки, и она выбежала. Готье смотрел ей вслед в полном недоумении.

– Король, – объяснил ему тихо Пьетро, – приказал ей принести вам одно письмо...

Хотя Пьетро и говорил шепотом, Фридрих услышал его слова.

– Какого черта, как ты это понял? – потребовал он ответа. Пьетро улыбнулся.

– Во имя милосердного и сострадающего Бога, – цитировал он, заменяя гортанные звуки музыкальной тональностью собственного языка. – О, ты, погруженный! Вставай ночью, немного, наполовину, или вычти, или добавь к этому, и читай нараспев Коран! Воистину мы обязаны тебе языком!²²

– Вот дьявол! – воскликнул Фридрих. – Есть ли пределы власти твоего разума?

– Есть, сир, – грустно сказал Пьетро. – В меня часто вселиются джинны и демоны, а в присутствии прекрасных девушек я теряю разум и речь...

– Вот в это я верю, – рассмеялся король. – Сир Готье, вот ваше письмо.

Готье взял в руки пергамент и сломал печати. Потом остановился.

²² Коран. Цитата взята из одной из ранних сур, обычно располагаемых ближе к концу книги.

– С вашего позволения, сир? – спросил он.

– Конечно. Оставьте эти церемонии, сир Готье.

Готье вскрыл письмо и стал читать. Пьетро увидел, что, когда он дошел до середины, лицо его побледнело. Он даже взялся за столбик кровати, чтобы не пошатнуться. В конце концов он дочитал и поднял голову.

– Плохие новости? – поинтересовался король.

– Самые плохие, – простонал Готье. – Сир, я должен просить вас освободить меня от моего обещания сопровождать вас в вашем путешествии. Мне совершенно необходимо вернуться во Францию.

– Почему? – спросил король.

Готье какую-то минуту колебался.

– У меня, ваше величество, есть дядя, у него владение в Лангедоке. Он человек благочестивый, добрый и очень ученый. Как и многие другие такие люди, сир, он примкнул к альбигойцам...

– Впал в ересь? – спросил Фридрих. – Это плохо...

– Мой отец умоляет, чтобы я вернулся и спас его от этого заблуждения. Мой дядя очень меня любит, сир. Он прислушается к моим словам.

– Спасти для церкви человеческую душу – дело стоящее, – серьезно сказал Фридрих. – Я разрешаю вам уехать.

– А Пьетро? – спросил Готье. – Я поклялся, что добьюсь, чтобы он получил рыцарское звание.

Фридрих нахмурился.

– Я думал придердержать этого малыша около себя. Но ничего. Он будет мне более полезен, когда я вернусь из Германии, нежели сейчас. Берите его, если хотите.

Королева внимательно прислушивалась к этому разговору. Она многое поняла и начала быстро говорить что-то на родном языке.

Фридрих перевел:

– Ее величество говорит, что, если вы отправитесь в Лангедок, найдите там благочестивого монаха Доминика²³ и попросите его молиться за королеву.

– Испанский монах? – сказал Готье. – Действительно, вся Франция знает о нем.

– Я тоже, – заметил Фридрих. – А теперь скажите мне, как вы намереваетесь совершать путешествие на север?

– По морю, – уверенно ответил Готье. – Я проехал верхом всю Италию и знаю, как задержат нас горы. А мы должны торопиться.

– Вы правы, – сказал Фридрих. – В гавани много быстроходных кораблей. Я советую вам нанять генуэзский корабль, поскольку Генуя лояльна по отношению к нам, а пизанцам доверять нельзя. Корабли уходят из Капельмаре каждый

²³ Ссылка, безусловно, на Святого Доминика, одного из величайших умов тринадцатого века, основателя Доминиканского монашеского ордена, человека, который вместе со Святым Франциском Ассизским был первым, кто привнес в церковь идею добровольной бедности, завоевавшую так много последователей среди еретиков. Свою идею возвращения к примитивному христианству он позаимствовал у альбигойцев.

день. Наверняка найдется не один корабль, отплывающий во Францию завтра с утренним приливом. Если хотите, я пошлю человека, чтобы он сегодня вечером договорился о месте для вас на одном из них.

Через час королевский посыльный вернулся с сообщением, что он договорился – корабль возьмет их и их коней. Готье дал ему тяжелый кошелек с таренами.

Это дело было улажено, и они просидели с королем допоздна в большом зале. Пьетро чувствовал, что у него под веками словно песок насыпан. Раз или два он клюнул носом. А Готье, казалось, и не собирался спать. Он сидел с лицом, напряженным от горестных мыслей. Что же касается Фридриха, то безграничная энергия его семнадцати лет, безудержное честолюбие, непрерывные искания ослепительного ума возмещали земные потребности тела в отдыхе. Уже под утро он прервал поток своего красноречия и заметил, что Пьетро заснул в кресле.

– Бедный малыш, – сказал он. – Уложите его в постель, сир Готье.

Готье взял легонького Пьетро на руки и отнес в комнату, которую ему указал слуга Фридриха. Пьетро не проснулся, даже когда Готье с помощью слуги раздел его.

Готье улегся рядом с Пьетро, но уснуть он не мог.

– Туанетт, – шептал он, – дорогая моя сестренка, как ты могла...

Сам Фридрих и его небольшая свита из германских рыца-

рей провожали их в гавань. Король поцеловал Готье и Пьетро с искренней привязанностью.

– Возвращайся на Сицилию, Пьетро, – сказал он, – тебя здесь ожидают высокие почести...

– Благодарю вас, сир, – прошептал Пьетро. – И пусть Бог оберегает вас в путешествии, которое вы должны совершить.

Фридрих посмотрел на него.

– Твои слова, Пьетро, удивляют меня, – сказал он. – Разве уже не доказано, что я избранник Бога? Разве переход власти ко мне в последний момент от гвельфа не был чудом? А мое избрание императором, когда уже не было никакой надежды?

– Вы правы, сир, – отозвался Пьетро. – И все-таки во имя любви, которую я испытываю к вам, умоляю вас, будьте осторожны...

– Ты такой нежный, как девушка, – рассмеялся Фридрих. – А я верну тебе твое напутствие. Вы оба – будьте осторожны во время вашего путешествия.

Он еще раз расцеловал их обоих, и они поднялись на борт корабля под звуки трубы личного трубача короля.

Капитан приветствовал их в некоторой растерянности. Не каждый день пассажиров, поднимающихся на борт его корабля, провожает король.

– Надеюсь, вам будет здесь удобно, мессир, – сказал он. – Нам предстоит долгое плавание до Генуи.

– До Генуи? – взревел Готье. – Мы плывем во Францию!

– Через Геную, – с тревогой в голосе произнес капитан. – Я должен срочно доложить кое-что моим хозяевам и доставить туда некоторые грузы...

Готье достал из своего пояса такой тяжелый кошелек, что у капитана глаза полезли на лоб.

– Во Францию, – сказал Готье. – Меня устроит высадка в любом месте западнее Роны...

– Аргументы моего господина очень убедительны. Мы плывем во Францию.

Вспоминая тот день, проведенный с Фридрихом, Пьетро подумал, что иногда бывает полезно помолчать. Все то, что говорил им Фридрих, то, что срывалось с его уст без всякой последовательности и порядка, в этом следовало разобраться, разложить по полочкам. Человек не может ясно понять совершенно новую концепцию общества, пока у него не будет достаточно времени, чтобы поразмышлять над ней. Для Пьетро возможность думать была одной из самых больших радостей жизни. Но сегодня путешествия по прекрасному царству собственного ума заводили его слишком далеко: если в конечном счете короли и принцы распоряжаются нациями и воюют против других стран, то не придет ли такое время, когда страны станут не чем иным, как владениями высшего правления, охватывающего весь мир? Но какой король окажется достаточно могущественным, чтобы контролировать такую необъятную территорию?

Он обдумывал эту проблему добрых полдня, пока корабль

плыл по искрящимся под солнцем волнам. Потом он кое-что вспомнил – нечто, читанное им с большим трудом, потому что текст этот был на древнегреческом языке, на языке, который даже Исаак не знал, а ему удалось усвоить его при некотором содействии греческого патриарха, чей сын был его приятелем. В Древней Греции, как и в Риме, вначале не было королей, а были республики. Республика! Само это слово звучало для Пьетро опьяняюще. Венеция была республикой. И хотя ее дож в действительности был аристократом и более могущественным правителем, чем большинство королей, тем не менее он избирался и высшим слоем граждан...

Значит, мировое государство, которое мерещилось Пьетро, должно быть республикой. А его дож должен избираться собранием всех граждан – не только знатью и богатыми торговцами, чтобы интересы других – скажем, кузнецов, кожевников, крестьян – были в равной степени обеспечены.

Эта мысль ему понравилась. Тогда, подумал он, прекратятся войны и не будет больше голода или чумы, и каждый ребенок будет иметь доступ к знаниям...

Он крепко обхватил свои худые колени и стал раскачиваться взад и вперед, радуясь, что придумал такое. Потом он заметил удрученное лицо Готье.

– Не беспокойтесь, мой господин, – сказал Пьетро, – мы спасем вашего благородного дядю...

– Моего дядю! – вырвалось у Готье – Когда-то я его любил,

но сейчас мне его судьба безразлична. Подвергнуть Туанетту такой страшной опасности!

– Туанетту? – с удивлением спросил Пьетро. – Но вы говорили королю...

– Я знаю! Знаю! Но есть вещи не для посторонних ушей, будь они королевские или нет!

– Я не собирался ничего выпытывать, сир Готье, – поспешно сказал Пьетро.

– Ты не посторонний, – мягко сказал Готье. – И мне понадобится твоя помощь. Правда, дорогой Пьетро, заключается в том, что Туанетта пропала...

Пьетро неожиданно подумал об Ио.

– У нее был... любовник? – спросил он.

– Нет. Туанетта очень религиозна. Много лет отец и я почти силой убеждали ее не уходить в монастырь. Нет, это вина моего дяди Роже.

– В чем его вина?

– В том, что он перешел к этим проклятым еретикам! Понимаешь, это известие пришло в Монтроз, когда отца там не было. Наш сюзерен граф Форбрюн затеял какую-то мелкую ссору с герцогом Бургундским. Естественно, как самый главный вассал графа Форбрюна, отец должен был отправиться на эту войну – тем более что я уехал выполнять поручение короля...

– Я думаю, – сказал Пьетро, – что теперь вы видите преимущества такого государства, которое предлагает король

Фридрих!

– Хватит с меня твоих сицилийских загадок, Пьетро! Моя голова и без них раскалывается.

– Простите меня. Значит, ваша сестра оказалась одна в Монтрозе?

– Да, если не считать Гуго, нашего сенешала. Отец пишет, что Гуго с трудом удалось уговорить Туанетту не присоединяться к той дикой банде юных бродяг, приверженцев этого идиота пастуха Стефана...

– Стефана? – переспросил Пьетро. – Я о нем ничего не знаю. Я слышал о Николасе, германском юноше, который проповедовал крестовый поход детей. Один из моряков, с которыми мы плыли на Сицилию, рассказал мне, что, когда они отплывали из Генуи, дети начали тысячами приходить в этот город...

– У пастуха Стефана та же идея. Отец пишет, что этот Стефан утверждает, будто Господь разговаривает с ним, когда он пасет своих овец. Наш король сказал ему, чтобы он возвращался к своим баранам, но за ним идут тысячи детей. Они двигаются к Марселю. Стефан обещал им, что море расступится перед ними и они смогут пройти к Святой Земле, не замочив ног...

Пьетро откинул голову и расхохотался.

Готье нахмурился.

– Этот смех непристойен, Пьетро, – сказал он. – Среди детей Израиля было много сомневающихся, которые смеялись,

когда Моисей обещал привести к спасению через Красное море...

– Простите, сир, – сказал Пьетро. – Вы правы. С моей стороны было некрасиво смеяться.

– Во всяком случае, Гуго переубедил ее, – продолжал Готье. – Потом пришло письмо от дяди Роже, в котором он сообщал о своем решении покинуть святую церковь. Если бы ты знал Туанетту, Пьетро, ты бы понял, как могло повлиять на нее такое известие. Гуго ничего не подозревал. Дети-крестоносцы ушли, и он ослабил охрану. А на следующую ночь Туанетта исчезла...

– Однако, – заметил Пьетро, – все дело представляется довольно простым – нам нужно только направиться в замок вашего дяди и...

– Пьетро, Пьетро, мой дядя барон Роже Сент-Марсель!

– Ну и что?

– Сент-Марсель, мой необразованный друг, находится в центре Лангедока, который окружен крестоносцами, посланными туда Его Святейшеством, и командует ими Симон де Монфор, самый ужасный из живущих на земле рыцарей!

– Святой Боже! – прошептал Пьетро.

– Они убили десятки тысяч альбигойцев, а война там все еще продолжается. Я... я должен признаться, что симпатизирую этим еретикам, они простые и хорошие люди. Они просто сбились с пути. Когда я бывал в Сент-Марселе, я встречал многих из них и они мне нравились...

– И тем не менее Папа Иннокентий, о котором люди говорят как о добром человеке, предал их мечу.

– Его Святейшество спровоцировали. И источник этой провокации не альбигойцы, но Папа не мог знать об этом. В Лангедоке церковь богата, а знать бедна. Многие из них объявили себя еретиками, чтобы иметь повод захватить церковные земли. Они стали плохими еретиками, как были плохими католиками, великодушные никогда не было им присуще. Они верят в новую религию так же мало, как верили в старую. Но то, что они совершали, чудовищно. Роже II, виконт Безье, разграбил аббатство, бросил епископа Альби в темницу и поставил стражем над ним еретика. В Аллет виконту Роже не понравился человек, которого монахи избрали настоятелем монастыря, и он сжег монастырь, посадил в тюрьму настоятеля, а когда этот бедняга умер вскоре, виконт водрузил его труп в алтаре и устроил издевательскую мессу. Потом, угрожая мечом, заставил монахов избрать настоятелем известного вольнодумца... А граф Фуа, Раймон Роже, делал еще худшие вещи. Он выгнал настоятеля и монахов из Панье, установил в алтаре кормушки для лошадей, заставил своих солдат молотить зерно, используя кресты как пестики, а икону нашего Господа превратил в мишень для стрелков из лука! Раймонд Тулузский сжег около двадцати церквей и всячески издевался над монахами в Моиссане...

– Я понимаю, – грустно сказал Пьетро.

– Бедные еретики имеют самое малое отношение или во-

обще никакого к этим преступлениям, творящимся от их имени. Это правда, что они ненавидят церковь, но они стараются обратить католиков в свою веру личным примером, образом жизни, который почти безупречен, и иногда – насмешками, но они никогда не прибегают к насилию. Да ведь они отказываются даже резать скотину!

– Что они из себя представляют? – спросил Пьетро.

– Они люди странные, но по-своему благочестивые. У них много названий для их религии, так что никто не знает, какое правильное. Например, они называют себя катары, что значит бедные, по-моему, это по-гречески. Другие называют себя болгары, потому что считается, что ересь пошла из Болгарии. В Лангедоке они известны под названиями альбигены, альбигаи, альбнгенсианцы, потому что поначалу большинство их жило в городе Альби и его окрестностях...

– Ну, а кроме того, что они называют себя по-разному, – спросил Пьетро, – что в них такого странного?

– Сама их вера. Они считают, что не Бог создал вселенную, а Сатана. Все вещественное представляется им злом – даже Святой Крест и Святое Тело Христово к Причастию. Они не верят в то, что хлеб превращается в тело Господне, а вино в его кровь. Они отрицают все святые дары, отказываются чтить изображения святых, не хотят слушать мессу, они смеются над Троицей и – что хуже всего – они категорически отрицают девственность Богоматери!

– Теперь я понимаю, почему Его Святейшество призвал к

крестовому походу против них.

– Тем не менее, – вздохнул Готье, – эта дурная религия воспитывает людей, чья жизнь заставляет лучших из нас стыдиться себя. Для меня это загадка, Пьетро, – признаюсь, что я этого не понимаю. Они действительно любят своих врагов – тысячи их погибли в тысяча двести девятом году, отказываясь поднять меч в собственную защиту. Они заботливо ухаживают за больными и убогими, они никого не вешают, ни за воровство, ни за изнасилование, ни за убийство. Вместо этого они преклоняют колени и молят Бога, чтобы Он привел грешника к раскаянию...

Они считают все половые сношения грехом, даже в браке. Верующие миряне стараются совершенствоваться в своей вере, пока не достигнут уровня своих священников, людей, давших обет безбрачия, и вегетарианцев, которые не предаются плотским наслаждениям и не едят мясо животных, потому что считают, что нельзя убивать живое...²⁴

– Вы очень много знаете про них, – заметил Пьетро.

– Я три года жил в Сент-Марселе среди них, – отозвался Готье. – Я уехал оттуда потому, что мой разум и моя вера пошатнулись. Они не верят в ад и в чистилище. После смерти душа злого человека превращается в тело животного, по этой причине они не бьют животных. Когда они умирают, их священники устраивают им нечто вроде соборования. Если

²⁴ Описания обрядов и обычаев альбигойцев заимствованы из работы Г. Уорнера “Альбигойская ересь” (том I, с. 80).

после этого человеку повезет и он выживает, то они считают, что он рискует оказаться нечистым и утратить свою душу, так как соборование не может совершаться дважды. Поэтому они ввели такой обычай – выздоравливающий больной может отказаться принимать пищу и таким образом отправиться в рай, но он не должен лишать себя жизни насильственно. Если ему не хватает воли самому лишить себя жизни, он может попросить священника задушить его подушкой, обходя таким образом запрет проливать кровь...

– Они сумасшедшие! – прокомментировал Пьетро.

– Совершенно верно. Но это такое спокойное, Доброе сумасшествие. У них, Пьетро, такие мирные лица. Они не ищут богатства и упрекают наших священников и нашу церковь за пышность. Они говорят, что наш Господь Иисус не имел места, где мог преклонить голову, а Его Святейшество живет во дворце. У Иисуса не было ни гроша – он отдал кесарю единственную монету, какую когда-либо держал в руках, откуда же тогда роскошные ризы и митры, богослужение среди серебра и золота, ярко расшитые одеяния? Откуда великолепные церкви с резными украшениями, сверкающие алебастром, хрусталем, цветными витражами – когда у Господа нашего было только синее небо и в храм он вошел только для того, чтобы изгнать оттуда менял? Я, Пьетро, должен был перестать слушать эти речи, потому что в сердце своем я не находил ответа. Они же ошибаются, должны ошибаться! Но я не мог обнаружить, в чем они не правы – если не счи-

тать их отрицания мощей и других святых вещей... Поэтому я уехал из Лангедока и вступил на службу к моему королю...

– Неужели с ними нельзя было поделаться ничего другого, кроме как убивать их? – прошептал Пьетро. – Мне кажется, они не заслуживают смерти. Лучше было бы, я думаю, объяснять, возвращать их в истинную веру...

– Только добрый испанский монах Доминик и его монашеский орден доминиканцев стараются что-то сделать для них и для тех, кто следует их путем. Сам отец Доминик с полного одобрения Папы дал обет бедности и более аскетической жизни, чем та, которую ведут еретики. Я был в Монпелье, когда Доминик встречал трех папских легатов, которых Папа послал к нему. Они приехали, как обычно приезжают папские легаты, – с дюжинами сопровождающих, в роскошных ослепительных одеяниях...

Я стоял менее чем в ярде от Доминика, когда он стал упрекать их. Его слова были столь грозными, что я запомнил их все до единого: “Еретики завоевывают последователей, не выставляя напоказ власть и пышность, не кавалькадой сопровождающих на разукрашенных конях, не роскошными одеяниями, а ревностными молитвами, апостольским смирением, аскетизмом, святостью!” И они, Пьетро, опустились на колени и сняли свою обувь!²⁵

– Вы сами, мой господин, – сказал Пьетро, – наполовину еретик...

²⁵ Милман, “История христианства в латинском мире”, том V, с. 242.

– Иногда да, – очень серьезно согласился Готье. – Но потом я понимаю в сердце моем, что истинная вера не нуждается в разуме для своей защиты – она выше разума, и мы должны верить и принимать все, парить в воздухе как воробьи при виде Господа...

– Аминь, – произнес Пьетро, но беспокойство не оставляло его; ибо для него разум и Бог были почти одно и то же, а речь, на которую он отозвался своим “аминь”, – верхом богохульства.

День за днем плыли они по сверкающему морю. Путь от Палермо до берегов Франции тянулся на многие лье. Более трех недель их корабль плыл между Корсикой и Сардинией, еще две недели ушли на то, чтобы достичь тусклого берега Лионского залива. Высадились они у прибрежной деревушки Сете между Безиром и Монпелье. Там они узнали, что Симон де Монфор и его младший брат Гай, не так давно вернувшиеся из Святой Земли, уже пересекли Тарн и движутся по направлению к Кастре, деревне неподалеку от Сент-Марселя.

Готье ответил на невысказанный вопрос в глазах Пьетро. – Мы должны присоединиться к ним, – сказал он, – и принять участие в атаке. Более того, мы должны отличиться в бою, чтобы завоевать доверие начальников. И когда Сент-Марсель падет, что произойдет непременно, я хочу быть в состоянии, опираясь на завоеванный мною авторитет, просить о снисхождении для дяди Роже и Туанетты...

– Туанетты? – переспросил Пьетро. – Но она ведь не еретичка?

Готье посмотрел на него и отвернулся.

– В тысяча двести девятом году в Безье, – прошептал он, – были убиты все, а по крайней мере треть города были католики, как и повсюду во Франции.

– Святой Боже! – воскликнул Пьетро.

– Солдаты спросили у Арно, папского легата, следует ли щадить католиков. Но Арно боялся, что еретики будут требовать снисхождения к себе. Он сказал... – Готье замолк, его лицо словно окаменело. – О Боже, Пьетро! Я не вспоминал об этом годами, я не хотел думать об этом...

– Что он сказал? – спросил Пьетро.

– “Убивайте всех, Бог разберется, кто принадлежит ему!”²⁶

Пьетро сидел на коне и смотрел на своего друга. Он не промолвил ни слова. Просто сидел и смотрел.

– Не гляди на меня так! – выкрикнул Готье – Это не я отдавал тот приказ!

– Но вы выполняли его?

– Нет. В тысяча двести девятом году я был еще слишком молод, чтобы стать рыцарем. Мой дядя Роже принимал уча-

²⁶ Цитата, к сожалению, принадлежит не врагу церкви, а цистерцианскому монаху Цезариусу Хейстербаху. Ее упоминает и Гизо (“История Франции”, том I, с. 507), и Коултон (“Жизнь в средние века”). Но Цезариус писал через двадцать лет после осады Безье. Остается надеяться, что он полагался на ложные сведения или на то, что его подвела память.

стие. Они его заставили под угрозой отлучения от церкви воевать против людей, которых он знал всю жизнь, которые были его друзьями...

Пьетро порывался что-то сказать. Он хотел как-то помочь Готье. Но не мог. Слова тут были лишними.

А Готье продолжал говорить. Слова вырывались у него вопреки его желанию. Он не обращался к Пьетро. Он хотел убежать от ужаса, который сидел в нем с того времени, когда он в последний раз видел Роже Сент-Марселя. С такими воспоминаниями жить нельзя. Они воздействуют на человека. Даже голос Готье изменился, в нем прорезался южный акцент, стал напоминать голос дяди Роже, когда тот в Монтрозе рассказывал им обо всем. Голос его был спокоен. Спокоен как сама смерть. И страшнее смерти...

– Это было двадцать второго июля тысяча двести девятого года, когда они вошли в город. Они вырезали все население города поголовно. Всех жителей Безье – мужчин, женщин, детей. Они вырывали младенцев из рук матерей, подбрасывали их в воздух и ловили на острие своих мечей. Они хватали детей за ноги, раскачивали и разбивали о стену, так что кровь...

– Готье, – взмолился Пьетро, – Бога ради, хватит!

Готье не смотрел на него. Его взгляд был устремлен в прошлое, и голос его был голосом Роже.

– Часть жителей – я думаю, это были католики, потому что ересь захватила не всех жителей Безье, – искали убежи-

ща в церкви. Крестоносцы ворвались туда вслед за спасающимися. В самой церкви, Пьетро, – перед алтарем Господа Бога – они убивали их. Убили всех. А потом сожгли город. Совершил это граф Раймонд Тулузский, друг еретиков, который был отлучен от церкви, потом на него наложили епитимью, он подвергся битью кнутом, и затем он стал доказывать свою верность церкви. Потом он повел крестоносцев на Каркассон...

Пьетро выпрямился в седле.

– А Его Святейшество? – спросил он. – Что он сказал на все это?

– Он был потрясен чрезмерным усердием своих крестоносцев. Он сурово упрекнул их, но они не обратили на это никакого внимания...

– Он отлучил кого-нибудь из них от церкви? – спросил Пьетро. – Проклял кого-нибудь?

– Нет, – с несчастным видом ответил Готье.

Пьетро посмотрел ему в глаза.

– Я дал клятву служить вам, мой господин, – сказал он, – но я не буду убивать никого, кто не верит в то, во что верю я. В таком случае я скорее подвергну свою душу опасности и нарушу мою клятву, чем отягощу ее убийством.

Готье протянул руку и положил ее на плечо Пьетро.

– Ты мой оруженосец, Пьетро, – сказал он, – и тем не менее я, вопреки обычаю, всегда разрешал тебе иметь свое оружие. Сейчас, перед тем как мы примем участие в битве, я

возвращаюсь к обычаю – ты будешь без шлема и без клинка...

– Спасибо, мой господин, – сказал Пьетро.

Им потребовалось немного дней, чтобы доехать до Кастре. Но, когда они добрались туда, битва почти закончилась. Они въехали в лагерь двух де Монфоров, и их тут же остановила стража.

Они предстали перед Симоном де Монфором, и он принялся сурово допрашивать их. К счастью для них, Готье разговаривал на чистейшем французском, без малейшего прованского акцента. Что же касается Пьетро, то благодаря своему положению оруженосца он вообще не принимался в расчет.

– Монтроз ведь недалеко от Парижа? – спрашивал Симон. – Тогда ты должен быть родственником барона Анри...

– Я его сын, – ответил Готье.

– Отлично! Я хорошо знаю твоего отца, сир Готье. Он смелый и преданный человек. И все-таки кажется странным, что ты едешь с юга. Вероятно, ты можешь объяснить это обстоятельство?

– Я возвращаюсь из миссии на Сицилию, – сказал Готье. – Я отвозил послание от Его Величества императору Фридриху II. Вот моя верительная грамота.

Симон пробежал ее глазами, потом глянул на Пьетро.

– А этот парень? Ты должен поручиться за него. Я имею в виду, что он не еретик.

– Он сицилиец, придворный императора, его одолжил мне на время сам Фридрих.

– Верните ему его оружие, – приказал страже Симон. Потом обратился к Готье: – Вероятно, сир Готье, ты хочешь присоединиться к нам?

– С радостью, мой господин.

– Отлично. Я зачислю тебя и твоего оруженосца в отряд сира Гая, моего брата, который завтра возглавит атаку на Сент-Марсель. Но прежде вы будете иметь удовольствие присутствовать на допросе некоторых еретиков, захваченных в Кастре...

Пьетро покрылся бледностью под загаром. Готье заметил, как изменилось его лицо.

– Пожалуйста, господин, – сказал он. – Мы едем издалека и очень устали...

– Или очень симпатизируете еретикам, сир Готье, – что из двух? В армии нашего Господа мы не знаем усталости, а стоны предателей нашей веры звучат как музыка для наших ушей. Итак, сир Готье?

– Мы будем присутствовать при допросах, господин, – сказал Готье.

– Вот это говорит сын своего отца, – заметил Симон. – Пошли...

Допросы, к великому облегчению Пьетро, длились недолго, и пытки при них не применялись. Допрошены были более сотни пленников. Под конец Гай де Монфор использовал прием, который крестоносцы считали безотказным – он приказал пригнать стадо овец, которых предстояло зарезать, чтобы кормить армию, и вложить в руки подозреваемых еретиков ножи. Поскольку основной догмат их веры запрещал убийство живых существ, это испытание давало простую возможность отделить еретиков от истинно верующих.

Или людей храбрых от трусов, с горечью подумал Пьетро.

Восемьдесят пленников – большинство захваченных – отказались убивать блеющих овец. Для остальных двадцати пяти или около того оставалось еще одно испытание – исповедаться священнику и вкусить Тело Христово и вино. Совершив главное предательство своей веры, эти двадцать пять бывших еретиков согласились и на это – менее серьезное – испытание. А остальные восемьдесят подлежали смерти.

Пьетро увидел, как вперед вышли солдаты, неся на плечах вязанки хвороста. Другие вбивали в землю столбы – восемь рядов по десять столбов. Потом солдаты приволокли осужденных и привязали их к столбам железными цепями.

Пьетро неожиданно ощутил, что не может больше стоять. Интересно, сколько времени он сможет выдержать, не потеряв сознания? Потом ему пришло в голову, что его обморок почти наверняка будет истолкован Симоном как свиде-

тельство симпатий к альбигойцам, и в результате он окажется привязанным рядом с ними, и первые струйки дыма обвоются вокруг его головы, а в ушах зазвучит потрескивание огня...

При всей своей суровости Симон де Монфор был не лишен остатков милосердия. Он встал и объявил осужденным, что, если они признают свои ошибки, их отвяжут, они понесут тяжелое наказание, а после вновь будут приняты в семью истинно верующих.

Пьетро переводил взгляд с одного лица на другое.

Никто из них не сказал ни слова.

Симон де Монфор кивнул.

Вперед вышли солдаты с факелами в руках.

Священник в полном облачении открыл требник и начал читать молитву.

И тогда одетый в черное еретик, один из посвященных, возвысил голос. Это был хороший голос, глубокий и спокойный.

– Братья, – сказал он, – именем милосердного Господа Бога, именем Иисуса, который никогда не убивал, который всегда спасал, я дарую вам соборование!

У ног осужденных показались язычки пламени.²⁷

²⁷ Уорнер, там же, том II, с 67. Читатели, интересующиеся первым крестовым походом, обернувшимся против христиан, могут обратиться к трудам: Функ-Брентано “История Франции. Середина века”, с. 276, Уорнер, там же, и монументальному труду П. Беллперрона “Крестовый поход против Лангедока и альбигойцев в 1202–1249 годах”, представляющий особую ценность, поскольку он освещает

Поднялись столбы дыма, почти вертикальные в безветренном воздухе.

Они умирали достойно и почти не издавали криков.

Пьетро не упал в обморок. Он хотел, но не мог. Он обонял этот запах. Для него было бы благодеянием, если бы он лежал без сознания. Благословением. Но он сохранял ясный ум. Его просто рвало до тех пор, пока все у него внутри не стало сырым и пустым; он содрогался от чудовищных спазм. Готье взял его за руку и повел прочь.

И тут Симон де Монфор преградил им дорогу.

– Помни, ты отвечаешь за этого парня! – прорычал он.

Не отвечая ему, Готье протянул руку и распахнул ворот рубашки Пьетро. У того на шее висела тонкая цепочка, а на цепочке серебряный крестик. Его подарила ему Ио. Только поэтому он и носил его.

А катарии отрицали всякое вещественное изображение, они умерли бы, но не повесили бы на себя крест.

– Вижу, – проворчал Симон. – И все-таки странно, что...

– Что тут странного, господин, – сказал Готье, – что деликатно воспитанный мальчик, непривычный к оружию, не обладает желудком солдата?

– Странно, что вы взяли себе в оруженосцы такого юного парня, сир Готье, – заметил Симон.

– Я спас ему жизнь и потом узнал, что он сирота и вообще один на свете. Когда меня посвящали в рыцари, я поклялся

защищать таких, как он. Помимо того, во французском языке и в латыни, да и в любом языке, о котором я слышал, есть такое слово – милосердие. На каком языке вы говорите, господин Монфор?

Симон встретил взгляд Готье.

– На языке правосудия, – прогремел он, – которому часто мешает это милосердие, о котором вы говорите. Но, ладно. Просто не забывайте, что я буду следить за вами, сир Готье...

Он повернулся на каблуках и зашагал прочь.

На следующий день началась атака Сент-Марселя.

Еретики сражались, как демоны. После падения Безье они знали, какова цена отказа от сопротивления. В первый же день сражения Готье рассеял сомнения Монфоров навсегда.

У обоих Монфоров были стальные нервы. Зачастую братья оказывались в сотне ярдов впереди своих солдат, в самой гуще схватки. В тот первый день Готье увидел, что Гай полностью окружен и его теснят со всех сторон. Готье любил сражаться. В пылу битвы он мог забыть, что не видит, в чем виноваты эти еретики, что они ему почти нравятся. Он встал на стременах и зычно крикнул:

– За Бога и Монтроза!

И бросился в атаку.

Его копьё пролетело рядом с Гаем де Монфором и попало рыцарю-еретику в самый центр щита. Более легкая лошадь южной породы шарахнулась назад так, что сломала себе спину. Копьё Готье разломалось у него в руке на множество кус-

ков. Он выхватил меч, и сталь сверкнула под солнцем. Готье привстал в седле, отпустил поводья и, держа меч обеими руками, начал крушить малорослых лангедокцев, нанося удары направо и налево по их шлемам, и каждый удар бросал противников на взрыхленную копытами коней землю, и они оставались лежать там.

Однако при всей его мощи противников для него одного оказалось слишком много. И тут Пьетро понял, что Готье не может вырваться из этого кольца стали, что он может погибнуть, и неожиданно для себя обнаружил, что наклонился к шее своего коня и скачет не от битвы, а в ее гущу.

Безоружный, с не покрытой шлемом головой. У него в голове пело, закипая в крови, отдаваясь в топоте копыт, восторженно ликуя: “Я не боюсь, я не боюсь, я не боюсь!”

Его легкий конь ударил лангедокского боевого коня в бок, но этот удар толкнул южного рыцаря, и его копье промахнулось и не попало в спину Готье. Юный норманн получил время на то, чтобы обернуться и превратить ударом меча шлем провансальца в стальной лом на расколоте черепа. Пьетро покатился по земле, пытаясь укрыться от мелькающих конских копыт, и увидел, как Симон де Монфор мчится по полю, как Божий гром, и лангедокские рыцари расступаются перед ним, а эти трое – Гай, Готье и Симон – атакуют их. Они втроем бросились на двадцать с лишним рыцарей и порубил» шестерых из них, остальные в панике поскакали к городским воротам Сент-Марселя.

Теперь Готье скакал обратно, остальные за ним, он осадил своего коня, соскочил с седла и поднял Пьетро на руки.

– Отпустите меня, – прошептал Пьетро, – я в порядке...

Готье от всей души расцеловал его.

– Теперь мы квиты, Пьетро, – сказал он. – Потому что сегодня ты спас мне жизнь.

Гай и Симон спешили рядом с ними.

Симон протянул руку в стальной перчатке.

– Я не знаю, как вас благодарить, сир Готье, за жизнь моего брата, – сказал он, и голос его срывался от волнения. – Но вы должны знать, что мы навсегда ваши должники.

– Этого мало, Симон, – сказал Гай. – Мы должны еще кое-что сказать. Я требую, брат, чтобы ты здесь и сейчас извинился перед сиром Готье за то, что подвергал сомнению его честь и веру!

– Я без всякого принуждения приношу свои извинения, – отозвался Симон.

– У вас были основания для сомнений, – сказал Готье. – Пьетро, садись сзади меня. Мы найдем тебе нового коня. Этот, я боюсь, погиб.

Симон посмотрел на Пьетро и засмеялся.

– Парень достаточно быстро оправился от своей слабости, когда вы, сир Готье, оказались в опасности, – сказал он. – Клянусь кровью Господа! Никогда я не видел ничего подобного – броситься в атаку даже без ивовой палочки в руках. Мы должны проследить, чтобы он поупражнялся с оружием.

Таким образом, до конца осады города Пьетро ежедневно занимался тренировками с оружием. Он был достаточно осторожен и не выказывал всего своего мастерства. А по ночам он молился о душе того рыцаря, причиной гибели которого он стал, спасая жизнь Готье.

Рыцари Лангедока, многие из них преданные католики, которые защищали свою землю от вторжения, а вовсе не еретики, отстаивающие свою веру, были люди храбрые и хорошие воины. А армия крестоносцев начала страдать от недостатка продовольствия. В конце концов крестоносцы отказались от осады и отступили за Тарн.

Готье от тревоги места себе не находил. Раньше он боялся столкнуться со своим дядей на поле боя. Теперь же он страшился, что никогда больше не увидит Туанетту. Симон обещал возобновить осаду, как только с севера придут подкрепления и припасы. Крестоносцы остановились лагерем севернее реки.

Прошла неделя, и в лагерь прибыл барон Анри Монтроз. После взаимных приветствий, когда де Монфоры громко восхваляли храбрость Готье, он отвел отца в сторону. Пьетро по просьбе Готье пошел с ними.

– Все безрезультатно, отец, – сказал Готье. – Я не видел дядю Роже. Что же касается Туанетты...

– Ее там нет, – сказал барон Анри.

– Ее там нет? Во имя Господа Бога, отец...

– Я ошибался, сын мой, – с тяжелым вздохом произнес

барон. – Понимаешь, Туанетта никогда не читала письмо моего брата.

– Но ты писал, что Гуго сказал...

– Знаю. Гуго послал ей письмо со служанкой. Туанетта сказала ей: “Я отправляюсь по Господнему делу” – и положила письмо на постель, не сломав печати...

– Тогда откуда Гуго знает его содержание? – спросил Готье.

– Когда он обнаружил письмо, печати были сломаны. Похоже, что Жанна боялась, что ее накажут за участие в этом деле, и она решила по какой-то глупой причине, что для нее будет лучше, если мы будем думать, будто Туанетта исчезла из-за этого письма, а не вопреки ему...

– Как тебе удалось выяснить это, отец? – прошептал Готье.

– Я сказал Гуго, что беспокоюсь за твою судьбу, что ты можешь погибнуть здесь, у стен Сент-Марселя, пытаясь спасти сестру. Жанна при этом присутствовала и разрыдалась. Гуго начал успокаивать ее, и она призналась...

– Тогда где же Туанетта?

– В Марселе, – вмешался Пьетро, – или около него. Где же еще, мой господин?

– Клянусь жизнью Господа! – прошептал Готье. – Это все тот дурак пастух и его крестовый поход детей!

– Мальчик прав, Готье, – сказал барон.

Готье поднялся.

– Тогда мы должны, – сказал он, – отправиться к Симону

де Монфору и просить у него разрешения уехать. Боюсь, что нам даже придется рассказать ему почему... избежать этого нельзя...

Готье оказался прав. Ему пришлось рассказать Симону обо всем. Военачальник очень не хотел лишаться такого доблестного рыцаря. Но Готье поклялся на ноге Святого Аликвиуса, вложенного в большой серебряный шар на рукоятке его меча, что вернется, чтобы принять участие в осаде. После этого Симон, хотя и очень неохотно, разрешил им уехать.

Местность, по которой они ехали, была прекрасна. Они миновали перевалы в горной цепи Монтань Нуар, тянущейся сплошной грядой на юг, где она смыкается с Пиренеями. В горах было очень красиво. Иногда перевал оказывался на высоте более трех тысяч футов, и зеленые долины и серебряные ленты рек лежали внизу под ними, освещаемые солнцем. Однако горы очень замедляли их путешествие. У них ушло два дня, чтобы покрыть короткое расстояние между Сент-Марселем и Лодевом.

Пьетро видел, как огорчают Готье эти задержки. Тем не менее медленный выющийся подъем по горным тропам доставлял ему удовольствие. Так хорошо было оказаться вдали от смертоносной веры Симона де Монфора. Пьетро не хотел убивать людей. Особенно таких, которых даже их враги признавали хорошими людьми, ведущими добропорядочную жизнь.

С горных склонов дул холодный ветер и трепал его чер-

ные волосы. Он думал о существовании убийства. Тут ему пришло в голову, что, если бы в тот день, когда Готье угрожала опасность, у него в руках оказался меч, он тоже убивал бы. Но без радости. В мире, в котором он жил, каждый почти обязан был убивать, чтобы выжить. Даже настоятели монастырей отправлялись воевать со своими соседями-феодалами. Пьетро решил, что убить человека не так уж дурно, если на то есть серьезные причины, но постыдно гордиться убийством. Он наклонился в седле вперед, обдумывая эту мысль. Многие рыцари убивают. Война составляет смысл их жизни. Но явление, которое недавно вошло в жизнь, – наслаждение от медленного убийства, притом самыми ужасными способами, какие только может измыслить изощренный ум, так что смерть человека становится унижительной, лишенной достоинства, а тело его превращается в сожженное или искромсанное месиво, в котором уже не видно подобие Божие – все это, понимал Пьетро, душевная болезнь людей, совершающих подобные дела.

Да, он будет убивать. Если представится случай, он сразит графа Синискола и его сыновей. Люди, которые подвергли пыткам Исаака и Донати, которые отняли у него любимую Ио, не могут и дальше идти своим кровавым путем, они должны быть наказаны. Но мучить тех, кто занимается мучительством, означает стать одним из них...

Странно, что теперь даже церковь начинает благословлять такие меры против своих врагов. Неужели прелаты настоль-

ко слепы? Неужели они не видят, что, как бы ни были высоки и благородны цели, за которые они сражаются, они пачкают эти цели теми средствами, к которым прибегают? Это опасный путь. Если мало-помалу церковь превратила чистое и возвышенное учение Иисуса в новое язычество, из которого образ Его почти изгнан или изменен до неузнаваемости – то это хотя бы помогло ей выжить.

Но убийство – нет. Наместники Бога на земле не могут прибегать к методам сынов человеческих. Если ты изгоняешь человека из этого мира стенающим от боли, когда его плоть пузырится, лопается и отваливается от костей, когда его мозги закипают в черепной коробке, ты убиваешь нечто большее, чем человека. Ты убиваешь единственное явление на земле, которое выше всего этого, которое может существовать, только оставаясь надо всем...

Больше он об этом не будет думать. Здесь так холодно и тихо. Временами они оказывались выше облаков, так что весь мир, окутанный туманами, лежал внизу, под ними. Копыта коней барона Анри и Готье и тяжелых боевых коней, которых они вели в поводу на случай неожиданного боя, гулко стучали по дороге.

Пьетро начал испытывать некое умиротворение. Вероятно, когда придет время ему возвращаться на Сицилию, разорванные нити его судьбы можно будет связать заново. Энцио Синискола вдвое старше Иоланты. Возможно, Бог приберет его – он погибнет от болезни или от рук врагов прежде, чем

Пьетро вернется. Ио станет вдовой, молодой вдовой и...

И вдруг он почувствовал, как им овладело отвращение. То, что побывало в лапах этого чернорободого животного, неизбежно испоганено. Он припомнил с почти физической ясностью, как это было той ночью, но его болезненное ощущение настоятельно стирало из памяти собственное худое, испытывающее наслаждение тело и подменяло его квадратной фигурой Энцио. Он старался отогнать эту картину, но она не исчезала. словно он стоял рядом и наблюдал подлинный физический акт этого предательства.

Самое страшное, что в этом видении лицо Ио никогда не менялось. В нем не было отвращения, – ни даже равнодушия, вынужденной уступчивости, нет, – О Господи и синие глаза Твои! – только ненасытная жажда, пылкая страсть, которую он помнил, и это обращено было к Энцио, не к нему!

Я схожу с ума, подумал он... Ио его ненавидит...

К этому времени там мог уже родиться ребенок. Это уже совсем другое дело. Помесь зверя и ангела.

Ребенок, зачатый от горячего выплеска чужих чресел, который должен был быть его ребенком. Отвратительный, ненавистный, противоестественный.

Вдруг он подумал, что не жаждет смерти Энцио. Ведь если тот умрет, Ио придет к Пьетро и приведет с собой сына или сыновей, само присутствие которых будет ежедневно, ежечасно напоминать о том, чего нельзя помнить...

Путь от Лодева до Нима они проделали за один день, ми-

новав огромный акведук, построенный века назад римлянами. Дамбы, между которыми струилась вода, поросли зеленью.

Еще день ушел на то, чтобы добраться от Нима до Арля. А от Арля до Экса почти два дня, потому что все дороги были забиты. Детьми. Несчастные, оборванные дети, которые брели обратно домой; на их лицах лежала печать отчаяния.

Барон Анри и Готье всматривались в лица встречных девушек, даже в лица тех – а их, да поможет им Бог, оказалось очень много, – чьи фигуры уже начали округляться плодами грешной любви. И каждый раз, заметил Пьетро, когда они отворачивались, на их лицах облегчение смешивалось со страхом.

Наконец по предложению Пьетро они остановили группу оборванных, голодных детей, чтобы расспросить их.

– Стефан обманул нас, – устало сказал один из них. – Море не расступилось перед нами. Но два судовладельца предложили бесплатно перевезти нас в Святую Землю. Наши товарищи заполнили семь кораблей, но ведь нас было более двадцати тысяч, они не могли взять нас всех...

Мальчик помолчал, поглядывая на них.

– Мы были ужасно огорчены, что остались на берегу. Но теперь, похоже, ясно, что нам повезло: из семи кораблей два утонули на Сардинии – ни одна душа не спаслась. Остальные пять направились в Египет и Тунис, где эти подлые моряки продали наших товарищей в рабство неверным!

– Тебе не попадалась девушка с волосами чуть темнее меда и карими глазами, очень милая и добрая? – спросил Готье.

Мальчик, который разговаривал с ними, посмотрел на Готье.

– Господин, – устало сказал он, – я знаю шесть тысяч таких девушек. Она либо утонула около Сардинии, либо ее продали какому-нибудь злому сарацину на потеху, или... или вы встретите ее на этой дороге.

Барон Анри сурово посмотрел на него.

– Ты не это хотел сказать, – прогремел он. – Почему ты замаялся на середине фразы и сказал что-то совсем другое?

– Потому что... что пользы во лжи? Несколько сот девушек из числа наших товаров схватили ночью в Марселе бандиты и продали в худшее рабство, чем любому сарацину. – Его лицо искривилось в горькой усмешке. – Похоже, что те господа в Марселе, которые из-за болезней или своего безобразия вынуждены покупать... известные услуги... им надоели истасканные и дешевые женщины, которых им предлагали для развлечения. Наши девушки молодые, свежие и в большинстве невинные. Простите меня, господин, но вы сами спросили меня...

– Дай ему кошелек, Готье, – сказал барон Анри, – чтобы облегчить ему путешествие...

Готье выполнил его просьбу.

– Спасибо, господин, – поблагодарил его мальчик и крикнул: – Эй, вы, попрошайки, сегодня мы наконец поедем как

следует!

Ни барон Анри, ни Готье, ни Пьетро долгое время не про-
ронили ни слова. Потом у Готье вырвалось:

– Если мы не встретим ее здесь на дороге, я молю Бога,
чтобы она была мертва!

Барон Анри покачал головой.

– Нет, сын мой, – мягко сказал он. – Ты знаешь так же
хорошо, как и я, что в Туанетте нет греховности. На свете
не было девочки лучше, более преданной церкви. Если ее
постигла такая ужасная судьба, это ни в коей мере не ее вина.
Мы должны найти ее, и, если найдем, Готье, я прошу тебя –
ни слова упрека, ни слова!

Теперь я понимаю, подумал Пьетро, откуда на свете бе-
рутся такие рыцари, как Готье.

– Вы слишком быстро поддаетесь унынию, господа, – об-
ратился он к ним. – Мы встретим вашу прекрасную Туанетту
на этой дороге... не бойтесь...

Но они ее не встретили.

Они приехали в Марсель утром и, не останавливаясь, что-
бы отдохнуть или поискать прибежища, отправились в га-
вань и приступили к расспросам – занятию заведомо безна-
дежному.

Ими двигает и человеческая способность сохранять на-
дежду перед лицом неудач и их любовь к Антуанетте, ду-
мал Пьетро, пока они совершали свой медленный и тягост-
ный обход гавани – расспрашивали об отпльвших кораблях,

описывали девушку матросам, которые, конечно, не могли запомнить одну из столь многих...

Так они провели день, и ночь опустилась на город, погрязший в пороках выше всякого человеческого разума, – пристанище разбойников еще со времен Юлия Цезаря. Они сидели у гавани, поглядывая друг на друга в наступившей темноте. Каждый из них ждал, что другой скажет то, что должно быть сказано.

Пьетро прочистил горло.

– Мои господа, – торопливо произнес он, – мы заняты поисками вашей Антуанетты, так ведь? Тогда мы не можем пренебречь еще одним путем, открытым для нас. Вы можете, если хотите, отказаться от него. Вы можете допустить, что она лежит где-то на дне моря, или – упаси Господь – стала рабыней какого-нибудь сарацинского эмира или шейха. Но в душе вы всегда будете сомневаться. Я думаю, что ни один из вас не будет спать спокойно, пока остается вероятность того, что вы оставили ее в руках людей, скотство которых заставило бы устыдиться любого язычника...

Готье громко застонал.

– Ты прав, мой мальчик, – вздохнул барон Анри. – Но как мы можем найти ее в этом мире человеческой жестокости? Здесь, в Марселе, Бог знает сколько таких домов с дурной славой...

– Очень просто, – заявил Пьетро. – Мы будем изображать из себя посетителей этих заведений и требовать у содержа-

тельниц, чтобы они показали нам свой товар...

– Но, – запротестовал барон, – в моем возрасте!

– А я, – загремел Готье, – никогда за всю свою жизнь не переступал порог такого дома!

– Господь благословит тебя за это, сын мой, – сказал барон Анри.

Пьетро пожал плечами.

– Что важнее, господа, ваша гордость или прекрасная девушка Антуанетта? – спросил он. – Могу заверить вас, что седина совсем не редкий гость в таких домах – совсем наоборот, потому что тяга к прекрасному полу с возрастом возрастает. Что касается вас, сир Готье, то старые фурии, содержащие такие дома, будут только приветствовать такого красивого и, по-видимому, богатого мужчину, как вы...

– Пьетро, – сказал Готье, обращаясь к отцу, – видно, родился тысячу лет назад.

– Мы, естественно, должны разделиться, – предложил барон Анри, – иначе мы потратим в три раза больше времени.

– В два раза, – поправил его Пьетро. – Я Должен буду ходить с одним из вас. Я ведь не узнаю госпожу Антуанетту, если увижу ее.

– Клянусь жизнью Господа, Пьетро, – выругался Готье, – я ведь рассказывал тебе, как она выглядит!

– Вы описали ее мне, сир Готье, так, – сказал Пьетро, – как она выглядит в ваших любящих глазах. Как вы представляете, сколько в Марселе девушек с волосами цвета меди и

карими глазами? Я готов держать с вами пари, что половина молодых женщин в этом городе в какой-то степени подойдет под это описание. У нее есть какие-нибудь родимые пятна? Родинка или шрам?

– Нет, – ответил Готье. – Я понял тебя, Пьетро. Отец, ты хочешь, чтобы Пьетро отправился с тобой? Он отлично владеет оружием, несмотря на свой невысокий рост, и, если возникнут неприятности...

– Я сам справлюсь, – сказал барон Анри. – Забирай своего оруженосца, Готье. Кроме того, мне будет стыдно до глубины души приходиться в такое место с юношей, который годится мне в сыновья...

– И это будет, к тому же, вызывать подозрение, – заметил Пьетро. – Ну, что ж, господа, пошли?

Они медленно встали.

Пьяный моряк, к которому обратился с вопросом Пьетро, прекрасно все знал.

– Клянусь смертью Господа нашего! – расхохотался он. – Веселый дом? Вы можете выбирать – постучать в дверь любого дома на любой улице, ведущей от порта. Даже если это не так, они с готовностью превратят свой дом в публичный при виде таких прекрасных и благородных господ... По вашему виду я уверен, что вы не откажетесь оплатить кувшин вина старому Жану...

Старый Жан получил свой кувшин.

Они разделились. Готье с Пьетро пошли одной улицей, ба-

рон Анри другой. Молодые люди остановились перед дверью одного из домов. На двери была вывеска, а ниже ее покачивался под морским ветерком красный фонарь.

Вывеска гласила: “Серая кошка”.

Готье остановился под вывеской, его лицо подергивалось. Он поднял руку, чтобы постучать, но тут же отдернул ее.

– Ну? – спросил Пьетро.

Готье постучал.

Окошечко в двери открылось, и из него выглянула женщина. Старая женщина, с лицом древним, как сам грех. Пьетро заметил, как загорелись у нее глаза при виде их богатой одежды.

– Заходите, господа, – закудаhtала она и широко распахнула дверь.

В доме было темно и дурно пахло. Вином. Мужским потом. Женской плотью.

– Вино для господ, – промурлыкала старуха, – прежде чем они перейдут к другим удовольствиям?

– Не пейте его! – резко предупредил Пьетро.

– У меня честный дом, – заявила старуха. – Пьер, подай кувшин!

Пьер оказался персонажем словно из ночного кошмара. Даже видя его воочию, Пьетро не верил своим глазам.

Старая ведьма взяла из его грязных рук кувшин, налила себе стакан и выпила.

– А теперь, – продолжала она, – если господа хотят при-

соединиться ко мне, вино подается бесплатно. Здесь вином не торгуют. Мы торгуем другим товаром...

Пьетро взял стакан. Вино было невероятно плохим. Одного глотка было достаточно. Он поставил стакан.

– Хотите посмотреть девочек? – спросила старуха.

– Да, – пробормотал Готье.

– Пьер! – закричала женщина.

Он привел девушек. Их было двадцать. Разного роста, возраста, полноты, цвета кожи – от блондинок с далекого севера до негритянок из Африки. Все они были в платьях из тонкого шелка, прозрачных как стекло.

Пьетро не смотрел на их фигуры. Его внимание привлекли их лица, их глаза.

Он глянул на Готье. Молодой норманн стоял как каменный.

Глаза тех, кто постарше. Спокойные. Полные такого холодного яростного презрения ко всему роду человеческому, что Пьетро не выдержал их взгляда.

Глаза других, помоложе. Их две или три. Глаза жаркие и ищущие. Проститутки по призванию, те, которым на роду написано заниматься этим с момента, когда они достигли половой зрелости. Уверенные в себе. Смело разглядывающие Готье. Оценивающе.

Пьетро прошел мимо. Искать следовало среди остальных. Среди новеньких, молоденьких, свеженьких. В их глаза страшно было заглядывать.

Черные провалы, заполненные ужасом. Глядящие по ту сторону смерти и ада.

Они же мертвые, подумал Пьетро. Живые, но уже мертвые.

Что-то в их глазах было еще. Помимо ужаса. Это не все время читалось в них. Пьетро уловил это, когда новенькие случайно взглядывали на собственное тело. Он пытался разгадать, что это. Для него это стало игрой – пытаться понять, чем полны их глаза, когда эти девушки смотрят на себя.

Ненавистью? Но этого следовало ожидать. И кроме того, эта ненависть была необычной – но в чем необычность?

Потом он увидел. Эта ненависть была обращена на них самих.

Они, медленно добирался Пьетро до истины, словно выстраивая в мозгу нечто из массивных глыб гранита, они ощущают себя испачканными до такой степени, о которой я могу только догадываться. На их душах лежит такой слой грязи, что они никогда уже не очистятся... Но – Пресвятая Богородица – почему они ненавидят себя?

Он боролся со своей догадкой. Мужчины – так много мужчин, что их лица стираются в сознании этих жалких существ. Так что мужчины становятся понятием отвлеченным и не могут быть объектом ненависти. Но ненависть живет. Разъедает, гноится. Пока они не начинают обращать ненависть внутрь себя, на свои прекрасные молодые тела, которые стали их проклятием. Пока эта мягкая и нежная плоть,

которая делала их предметом вожделения, не оказывается отвратительнее кожи прокаженных...

И на этой неверно направленной ненависти воздвигается безнадежность, мысль, что, если с ними могут совершать такое, если каждую ночь с ними творят такое, чему нет названия ни в одном языке, значит, они за пределами – даже милости Божьей.

На них было тяжело смотреть. Видеть молодых, прелестных женщин, которые ненавидят свое податливое юное тело такой ненавистью, в которую трудно поверить, хотя вот она здесь, и приходится в нее верить, – это действовало на него угнетающе.

Я, подумал Пьетро, уже никогда не смогу смотреть на девушку с тем же ощущением радости, как раньше...

– Ну как, господа? – спросила старуха.

Готье фыркнул.

– Ни одна из них мне не нравится, – заявил он.

– И мне тоже, – поспешно добавил Пьетро.

Старая фурия уставилась на них.

– Может, одну из негротяночек? – предложила она. –

Многие мои клиенты считают их необычными и очень забавными...

– О, святые очи Господа нашего! – взорвался Готье. – Уйдем отсюда!

Когда они вышли на улицу, он привалился к стене и замотал головой.

– Пьетро, Пьетро! – застонал он. – Что за мерзкое животное человек!

Пьетро пожал плечами.

– Мы должны осмотреть и другие дома, мой господин, – сказал он. – Много других...

Утром они вернулись в гавань. Там сидел, обхватив руками голову, барон Анри. Они сели рядом. Никто из них не проронил ни слова. Говорить было не о чем.

Они нашли жилье в городе. На следующую ночь они предприняли новую попытку. И на другую ночь. И многие последующие ночи. Они потеряли им счет.

Конец этому положил Пьетро. В одном таком доме он показал на девушку, стоявшую в центре, которая была моложе других и вся тряслась от страха.

– Я возьму вот эту, – объявил он.

Готье уставился на него.

– Она крестьянка, – зашептал ему Пьетро, – и наверняка одна из заблудших детей. Она удивится, что я хочу только поговорить с ней. Это шанс...

– Я подожду тебя, – громко сказал Готье.

В маленькой комнатушке девочка прижалась к стене, глядя на него глазами затравленного зверька. Пьетро вытащил из пояса кошелек.

– Слушай меня, – зашептал он. – Мне от тебя ничего не надо. Только кое-какие сведения. Одну мою знакомую девушку украли и продали в дом вроде этого. Она последова-

тельница Стефана Крестоносца...

– Как и я, – выдавила из себя девочка. – Она твоя любимая?

– Да, – солгал Пьетро. Эта ложь поможет, он знал.

– Как ее зовут? – спросила девочка.

– Антуанетта, Антуанетта Монтроз. Ты помнишь ее? Она очень хорошенькая – с темными волосами, как старый мед, карие глаза...

Глаза у девочки оставались пустыми.

– Нет, господин, – грустно сказала она.

О Боже, подумал Пьетро, опять ничего...

– Не уходи, – попросила девочка. – Если ты быстро уйдешь, они подумают, что я тебе не понравилась, и будут меня бить!

Пьетро присел на край постели.

– Попробуй вспомнить, – попросил он. – Может, ты видела похожую.

Вдруг глаза девочки засветились.

– Я... я не знала вашу Антуанетту, господин, – выговорила она, – но в ту последнюю ночь, когда схватили меня, была большая облава. Многих девушек схватили. Из них только нескольких продали сюда. Остальных повезли в “Черный бык” – это самый большой такой дом в городе, в него ходят многие важные господа...

Пьетро протянул ей кошелек. Девочка в темноте на ощупь пересчитала монеты.

– Здесь хватит, чтобы купить мою свободу. О, господин, да благословит вас Господь!

Она подошла к нему, чтобы поцеловать, и вдруг отшатнулась.

– В чем дело? – спросил Пьетро.

– Я... я больна, – всхлипнула она. – Но теперь я выздоровею. Я буду молиться Богородице нашей. Я буду молиться и за вас, мой господин.

– Благодарю, – отозвался Пьетро. – Теперь я могу идти?

– Да... и благослови вас Бог...

Пьетро выскользнул в коридор.

– Как она вам понравилась? – осведомилась хозяйка заведения с неким подобием улыбки на лице.

– Замечательно.

Он схватил Готье за рукав.

– “Черный бык”, – прошептал он. – Она может быть там!

Она действительно оказалась там.

Она стояла на помосте и пыталась прикрыть руками свою наготу. Пьетро не мог смотреть на нее. Он сразу же догадался, что это она, по стыду, написанному на ее лице. Все остальные давно перешагнули эту грань. Он сделал единственное, что могло подсказать ему чувство приличия. Он повернулся спиной к Готье и его сестре и остался так стоять, ожидая.

Готье вскарабкался на помост и набросил на сестру свой плащ.

– Вот эта, господин? – похихикала старая ведьма. – Вы хорошо выбрали. Она новенькая, почти девственница и...

Больше она ничего не успела произнести. Она свалилась на пол и завизжала, схватившись за голову. Первый раз в жизни Пьетро ударил женщину. Рука побаливала, и это ощущение было приятным.

Однако поступок этот оказался не слишком осмотрительным. Он сразу это понял. На крики старухи в дверях появились двое невероятно грязных вышибал с дубинками в руках.

Пьетро видел, что Готье поднял Антуанетту на руки, – он не сможет даже обнажить свой меч. Но Пьетро вновь испытал то чувство, которое толкнуло его безоружным броситься в гущу схватки, спасая жизнь Готье. Но теперь это чувство окрасилось яростью. Холодной, беспощадной яростью – совершенно убийственной.

Он вклинился между Готье и волосатыми вышибалами, выхватив свой кривой сарацинский клинок. Он стоял, чуть пригнувшись, балансируя на полусогнутых ногах.

– Кончай с мальчишкой, – прорычал один из вышибал. – Он с ножом...

Они бросились на Пьетро. Он видел взметнувшиеся дубинки, но, когда дубинки опустились, его на этом месте уже не было. Он шагнул в сторону, как это делают танцоры, и вложил весь свой вес в удар, ощутив в состоянии, близком к экстазу, как клинок сквозь одежду вошел в тело, потом Пьет-

ро выдернул клинок, и горячая влага пролилась на его руку, а он уклонился от дубинки второго вышибалы и резанул острым как бритва клинком по его лицу так, что появилась красная полоса от уха до уголка рта, рана раскрылась как жуткий новый рот, здоровяк вышибала выронил дубинку и опустился на пол рядом со своим уже мертвым товарищем, вопя, как женщина.

– Уходим, – сказал Готье.

Никто их не преследовал. Они уже добрались до дома, когда Пьетро словно ударило.

Он убил человека.

И он совершенно не терзался по этому поводу. Он машинально открыл рот, чтобы произнести: “Прости, Господи, его душу...”, но вновь закрыл его, так ничего и не сказав. Такой душе даже у Господа не может быть прощения. Ибо человеку, жившему за счет торговли телами невинных девушек, место только в аду. Впервые существование ада представилось Пьетро оправданным.

Он чувствовал себя прекрасно. Из этой схватки можно было вынести кое-какие уроки. Здоровенным громилам он противопоставил быстроту и ловкость и победил. Он подумал, что крупные противники побеждали его потому, что он, как глупец, применял против них их же приемы. Больше такого не будет. Отныне он станет придерживаться собственных правил.

Сражаться верхом на лошади против человека, всяще-

го двести фунтов, когда сам ты вешишь сто тридцать, просто глупо. А поскольку этот противник еще и вооружен, то его, Пьетро, быстрота уже не имеет значения. Однако должен существовать какой-то способ...

Он посмотрел в окно на коней, привязанных к изгороди. Он долго смотрел на них, ничего не видя.

Бедняга Готье, подумал он, это выше его сил. Готье мог перенести что угодно другое, но...

Потом Пьетро уже внимательно посмотрел на коней. Рыцарь укрыт доспехами. Но его конь не защищен. Ноги коня можно переломать. Брюхо можно проткнуть. А когда конь рухнет, его хозяин окажется на земле оглушенный или без сознания. Вот это может сделать человек маленького роста – проворный. Конечно, это не по-рыцарски, это нечестная игра. Но кто за всю его короткую жизнь играл с ним по-честному?

Он убил человека. Он способен на это. А ведь Энцио Синискола, его братья, его отец – все они еще живы.

Он услышал звуки, доносившиеся из соседней комнаты. Звуки исходили откуда-то из глубины горла. Скрипучие, задавленные, приглушенные – ужасные. Это Готье. Мать Божья, почему он теперь плачет?

Пьетро прошел в ту комнату. Готье стоял на коленях, уткнув голову в колени сестры. Было видно, как сотрясается от рыданий его большое тело.

Пьетро посмотрел на девушку. Она не плакала. Она уже

выплакала все слезы.

Пьетро внимательно пригляделся к ней. Она была хорошенькая. Не красавица, но безусловно хорошенькая. На ее лицо, со странным содроганием подумал Пьетро, раньше наверняка было приятно смотреть.

Теперь же, подумал он, ее лицо ужасно.

Он не сразу понял, откуда этот ужас. У нее были правильные черты лица. И хотя ее карие глаза ввалились, а под ними образовались большие синие тени, Антуанетта де Монтроз все равно оставалась хорошенькой.

Потом он понял. Она, как и все остальные, подумал он, как и все другие. Мертвые глаза. Пустые, тусклые. Бегающие из угла в угол комнаты, словно ожидая кого-то...

Кого-то отвратительного. Эти глаза ничему уже не удивляются.

Они смирились. Они полны ненависти, обращенной внутрь, это – перенос на себя самое омерзения, которое ей следовало бы испытывать к тем, кто надругался над ней.

Пьетро понял, что она проклинает Бога за то, что он дал ей эти нежные руки и ноги, эти полушария груди. Она возненавидела желаемое. Она может изувечить себя – а возможно, избрать своим уделом смерть.

Пьетро положил руку на плечо Готье.

– Не плачьте, – сказал он. – Время плача прошло. Теперь мы должны сделать все, чтобы жизнь вашей сестры стала радостной.

– Радостной! – взорвался Готье. – Святой Боже!

Глаза Антуанетты остановились на Пьетро.

– Я, – начала она ровным голосом, спокойным, до странности бесстрастным, – беременна. Я понятия не имею, кто отец этого ребенка. Готье плачет, потому что мы должны рассказать об этом отцу, когда он придет...

Пьетро почувствовал тошноту.

– Почему вы говорите об этом? – вырвалось у него.

– Потому что ты оруженосец моего брата. Ты будешь жить с нами. Как можно скрыть от тебя такое обстоятельство? Кроме того, ты выглядишь добрым. – Она смотрела мимо него. – Странно, еще не так давно я скорее умерла бы, чем сказала такое. Теперь я могу сказать все, что угодно, – и это не имеет никакого значения.

Ее белая рука гладила Готье по голове, ерошила его волосы.

– Наверное, я умру, Готье, – произнесла она все тем же ровным, бесстрастным голосом. – Женщины, случается, умирают при родах. Тогда ты будешь свободен от меня и никто не будет знать, что твоя сестра шлюха.

– Туанетта!

– Это правда, – сказала Антуанетта. – Почему же я не должна говорить этого?

– Потому, моя госпожа, – отозвался Пьетро, – что все, что сделали с вами, ни в коей мере не ваша вина. И еще потому, что вы раните своего брата, произнося такие грубые слова...

Она смотрела на него, склонив голову набок, чтобы лучше разглядеть его лицо.

– Ты добрый, – сказала она, – но не мудрый. То, что происходит с нами, всегда наша вина, ибо в конечном счете с нами нельзя сделать ничего, чего мы не позволили бы.

Она начинала сердить Пьетро. Ему было ее жалко, но она раздражала его.

– Вы маленькая и хрупкая девочка, – сказал он. – Как вы могли сопротивляться?

– Я могла умереть, – сказала она просто. – В первый раз в этом не было греха, потому что я не знала, что они собираются делать со мной. Но потом-то я знала. Я предпочла подчиниться, чтобы сохранить свою жизнь. А некоторые другие девушки не подчинились, они умерли...

– Я понимаю, – прошептал Пьетро.

– В чем грех? Нет, ты не понимаешь, Пьетро. Бог не требует от нас, чтобы мы сохраняли наши жизни. Жизнь не так уж ценна или существенна. Бог требует от нас, чтобы мы оставались верными добру, чтобы мы никогда не склонялись перед злом. Так много людей рождаются на свет, добрый Пьетро. У нашего Отца Небесного нет недостатка в подданных. И в конце концов совершенно неважно, буду ли я жить дальше. А вот то, что я предала Его, что я приняла страшное зло как цену за мою маленькую жизнь, вот это грех – непростительный грех...

– Вы не правы, – возразил Пьетро. – Но сейчас не время

обсуждать это. Как только вернется ваш отец, мы должны выехать в Монтроз...

Барон Анри вернулся только под утро. Лицо его было серым от тревоги и страха.

– Отец, – сказал Готье, – мы нашли ее.

Пьетро вовремя подставил барону кресло. После этого он отвернулся. Невозможно было смотреть на озаренное радостью лицо старика – тем более зная, что эта радость будет недолгой.

– Где она? – прошептал барон Анри.

– Там, – показал Готье на соседнюю комнату. – Я думаю, что она спит.

Однако она не спала. Когда отец опустился на колени рядом с постелью, сжимая ее в объятиях, она отвернула голову, избегая его поцелуев.

– Нет, отец, – произнесла она, – не надо, не надо!

Барон Анри уставился на нее.

– Ты не хочешь, чтобы я поцеловал тебя, Туанетта? – спросил он.

– Нет, отец.

– Но, Туанетта, до сих пор...

– До сих пор я была твоей дочерью. Наверное, в чем-то недостойной твоей любви. Но только в самой малости, отец. – Она смотрела мимо него за дверь. – Но не в большом. Не в таком огромном. Не в таком ужасном.

Барон Анри замер. Он сидел, глядя на нее.

– Дай мне твою руку, отец, – попросила Антуанетта. – Нет-нет, не снимай перчатку...

Удивленный барон протянул ей свою большую руку, привыкшую наносить удары и награждать, всегда повинуюсь воле Бога.

Антуанетта поцеловала его руку.

– Вот, – сказала она, – я поцеловала тебя, отец, и не замарала твою прекрасную плоть...

– Не замарала? – загремел барон. – Ты?

– Да, отец. Я. Такая, какой я теперь стала.

Она отвернулась к стене и начала плакать.

Пьетро не раз видел, как люди плачут. Но таких рыданий он не слышал. Никогда.

Готье взял отца за руку и вывел из комнаты.

– Готье, Бога ради... – начал барон Анри.

– Она беременна, отец, – сказал Готье. – Мы нашли ее в “Черном быке”. Ее взяли туда силой и надругались над ней. Но она винит себя, как ты видишь...

Могучие пальцы барона сжали руку его сына.

– Ты говоришь... ты говоришь, что у нее будет ребенок?

– Да, отец.

– О Боже! – прошептал барон Анри.

Пьетро знал, о чем он сейчас думает. Дом Монтрозов будет навеки обещен. К тому времени, когда они доберутся до Парижа, даже если им удастся найти какого-нибудь мелкого дворянина, готового за определенную цену жениться на

Антуанетте, будет слишком поздно. Дочери больших баронов должны выходить замуж торжественно. И любая обойденная жизнью старуха, способная считать с помощью пальцев двух своих рук, сможет установить дату их позора.

В комнате все еще царило молчание из-за двери им были слышны рыдания Антуанетты.

Пьетро вздохнул. Я могу это сделать, подумал он, если, конечно, они позволят мне... Они оба люди высокого положения, гордые, и они оба подумают о цене. Этой огромной беде они противопоставят другую, и кто знает, какую они сочтут хуже. Публичный позор для Антуанетты, для них, или тайный стыд, что она должна выйти замуж за низкородящего...

И все-таки я могу пойти на это. Ради Готье. Ради моего друга, который так часто вел себя по отношению ко мне столь благородно. Ради этого старика с добрым сердцем, который заслужил лучшего в жизни. Ради – меня самого.

Он остановился. Ради себя. Эта отвратительная мысль пришла незваной. Эта мысль сразу же обесценила благородство его жеста, превратила предполагаемую жертву с его стороны в фарс...

Я могу взять в жены это опороченную, запятнанную молодую женщину, которая носит в своем чреве семя Бог знает какого уродливого и неотесанного мужлана, признать его своим ребенком, независимо от того, какое чудовище может из него вырасти... Но одно дело пойти на это из любви к

моему другу, из благодарности за его доброту ко мне, и совсем другое решиться на поступок, который должен быть актом сострадания, одновременно прикидывая все возможности, открывающиеся для моих амбиций.

Нет, я не могу. То, что делает человек, менее важно, чем то, почему он это делает. Я не могу приобрести знатность такой ценой. Я не могу воспользоваться бедой моих друзей ради того, чтобы проникнуть в тот мир, в котором хочу жить...

Готье уронил голову и неожиданно разрыдался. Это было ужасно.

Пьетро посмотрел на него.

Есть ли в этом мире добрые деяния, размышлял он, не перемешанные со злом? И что такое все мои прекраснодушные сомнения сейчас, как не грех гордости? Я не пойду на это ради себя и ради этой моей гордости. Ради того, что я называю своей честью, я откажу им в их единственном шансе... Он вновь услышал плач Антуанетты.

Пьетро вздохнул.

– Господа, – сказал он, – есть выход...

Они оба уставились на него.

– У госпожи Антуанетты беременность не больше месяца.

Если она выйдет замуж сейчас, в этом городе...

– Но мы здесь, – возразил Готье, – никого не знаем.

Пьетро склонил голову и сказал совсем тихо:

– Вы знаете меня.

Готье воззрился на него.

– Святой Боже! – вырвалось у него.

– Взвесьте все обстоятельства, – продолжал Пьетро. – Это правда, что я человек низкороденный, сын серва. Но воспитан я как человек благородный. И кто во Франции знает что-либо о моем происхождении? На Сицилии, как видел сир Готье, у меня весьма высокие связи, вплоть до самого императора. И эти связи обещают еще большее...

– Это правда, отец. – В голосе Готье зазвучала надежда. – Посудите сами, отец. Пьетро старый друг императора Фридриха. Я сам видел, как радушно его принимали при дворе в Палермо. Он говорит и пишет на латыни лучше любого церковнослужителя, по-арабски говорит как сарацин. Кроме того, он знает греческий, французский, прованский, Бог знает сколько языков... У него прекрасные манеры, лучше наших. Да ты и сам заметил это...

– Я заметил, – сказал барон Анри. – Кроме того, молодой человек красив и предан нам. И все-таки в этом есть обман...

– Бог простит нам такой обман! – воскликнул Готье. – Или ты предпочитаешь взамен этого маленького обмана вернуться в Монтроз и чтобы каждая завистливая дама на несколько миль вокруг нашего замка с презрением показывала пальцем на Туанетту? Почему она не может вернуться после романтического побега вместе с мужем, приятным итальянским рыцарем, которого встретила в Лангедоке, когда навещала своего дядю?

Пьетро принялся смеяться.

– Вам следовало быть трувером, – сказал он, – так хорошо вы сочиняете.

– Так как, отец? – спросил Готье.

– Я согласен, – устало ответил барон Анри. – Мы можем отдать им Пти Мур. Вместе с приданным Туанетты это обеспечит им пристойную жизнь. Остальное, молодой человек, будет зависеть от вас.

– Доверьтесь мне, господин.

– Значит, все решено, – радостно сказал Готье. – Ты, отец, не знаешь Пьетро так хорошо, как знаю его я. Он замечательный спутник и верный друг. Однажды я спас ему жизнь, он же спас меня дважды – один раз в Сент-Марселе, а другой раз прошлой ночью, когда стоял с одним только кинжалом против двух громил с дубинками. Пьетро, я рад, что все так кончилось. Хорошо приобрести такого брата...

– Нет, не все решено, – сказала от дверей Антуанетта. – Не все решено, Готье.

Все трое обернулись к ней.

– Я знаю, что согласно обычаю девушек выдают замуж, не спрашивая их желаний... Я... я понимаю, что у меня нет никакого права, особенно сейчас, высказывать желания. Но ты обещал мне, отец, что никогда не выдашь меня замуж против моей воли...

– Обещал, – сказал барон Анри. – Но, Туанетта...

– Послушайте вы все. Грех мой – и я не собираюсь уходить от наказания. Добрый Пьетро, я благодарна тебе за твое

благородное предложение. Но, понимаешь, я не люблю тебя. Я понимаю, что эти слова удивляют тебя. Ты на редкость красив... красивее любого мужчины, которого я когда-либо видела...

– Туанетта, – простонал Готье.

– Пожалуйста, дорогой брат. Господин Пьетро к тому же добр, великодушен и очень храбр. Я видела, как он сражался против тех двух. Как же вы можете просить его взять в жены такую грязную и порченную девушку? Чтобы спасти мою честь? Ее спасти уже нельзя. Дать имя моему ребенку? Так ведь получит он имя или нет, разве он перестанет быть ба-стардом?

А она колючая, подумал Пьетро.

– Прекрасная Антуанетта, – произнес он, придав своему голосу твердость, – вы говорили о своем грехе, о своем наказании. Ладно. Ну а как быть с вашим отцом и вашим братом? С любовью, которую они к вам питают? Какое право вы имеете навлекать на них грех или наказание, зная, что они ни в чем не виноваты, если не считать, что баловали вас?

Антуанетта с удивлением смотрела на него.

– Вы можете нести свое наказание, которого вы, по-видимому, жадете. Но не забывайте, что каждый, едва получивший посвящение рыцарь будет насмехаться над домом Мон-трозов, что ни один гость не приедет, чтобы повеселиться в замке вашего отца, что свои последние годы он проведет в одиночестве – из-за вас! А Готье? Ему придется сражать-

ся каждый день, отвечая на бесчисленные оскорбления, которые станут его участью – брат сестры, которой надо стыдиться. И самое худшее в том, что на самом деле ей нечего стыдиться, а просто она упряма и бессовестно горда!

– У меня нет гордости, – прошептала Антуанетта.

– Разве? А мне кажется, что вы гордитесь тем страшным, что случилось с вами, – против вашей воли и без вашего согласия. Вы настаиваете на том, что все происшедшее воспринимали как ваш грех, а на самом деле это была трагедия и грех по отношению к вам. Продолжайте изображать из себя жертву. Но святые мученики умирали, веруя, во имя любви к Господу, а не изображая себя героинями! Вы сказали, что не испытываете ко мне любви. Это не имеет значения. Возможно, если вы постараетесь, это придет – так же, как и я буду смиренно и усердно стараться выучиться любить девушку, которая бросила свой дом и любящего отца ради того, чтобы следовать за безумным пастухом за море, думая смягчить церковными песнопениями храбрых воинов, которые любят Бога так же, как и мы, хотя и называют Его другим именем...

– Bravo! – закричал Готье.

– В этом ваш грех, – устало продолжал Пьетро. – В этом, и больше ни в чем. Что касается всего остального, то я забыл обо всем. И даже будущий ребенок не будет напоминать мне о прошлом. Я постараюсь вырастить его как собственного – чтобы он любил Бога, почитал святых и слушался старших. Больше мне, госпожа, нечего добавить...

Антуанетта посмотрела на него.

– Это правда, отец? – прошептала она. – Люди действительно будут презирать тебя и Готье – из-за меня?

– Да, – ответил барон Анри.

Антуанетта перешагнула через порог. Она подошла к Пьетро и протянула ему руку.

– Тогда я выйду за вас замуж, господин, – сказала она ему, – и буду молить Господа, чтобы не причинить вам больше горя...

Их обвенчали в часовне городского собора. Сразу же после обряда они покинули город. К наступлению ночи они доехали до Экса и подыскали дом, где остановиться.

Когда Пьетро увидел, что Готье снял две комнаты – одну для своего отца и себя, другую для Пьетро и новобрачной, он забеспокоился. Он не был влюблен в эту странную молодую женщину. Он разберется с этой своей женьбой значительно позднее.

Забываясь о ней, он потушил свечи и разделся в темноте. Лежал, ожидая ее. Ждал долго. Он очень устал и в конце концов заснул. Потом проснулся и обнаружил, что Антуанетта не ложилась в постель.

Он встал, накинул плащ. Нашел свечу и зажег ее. Антуанетта свернулась клубочком в большом кресле и плакала во сне. Он тронул ее за плечо. Она вскочила так, словно к ней прикоснулось раскаленное железо, и открыла рот, собираясь закричать. Потом закрыла его.

– Не прикасайся ко мне! – стала просить она. – Пожалуйста, Пьетро, пожалуйста!

– Я и не собирался прикасаться к вам, – холодно произнес Пьетро. – Ложитесь в постель. Я устроюсь в кресле. Вам нужно отдохнуть – завтра...

Усевшись в кресло, он слышал, как она плачет. Он ощущал себя одиноким, грустным и беспомощным. Он злился на себя, но понимал, что поступил правильно и достойно.

– Пьетро, – позвала Антуанетта.

– Да, моя госпожа?

– Подойди сюда.

Пьетро подошел к постели и остановился.

– Ляг... ляг рядом со мной...

Пьетро лег.

– А теперь обними меня, но не больше... добрый мой Пьетро! Во имя милосердного Бога – ничего больше...

Он обнял ее. Она вся дрожала. Тело ее было холодным как лед. Он слышал, как стучат ее зубы.

– Теперь ты видишь, что со мной? – плача, спрашивала она. – Это не из-за тебя, Пьетро... они... другие делали это... Когда Готье, мой родной брат, хотел поцеловать меня, мне стало плохо. Я... я не могу переносить объятий моего отца! Понимаешь, Пьетро? Эта тошнота сидит во мне... Ты должен проявить терпение... Может быть, после рождения ребенка...

Пьетро погладил ее волосы.

– Засни, – прошептал он. – Засни, моя маленькая, моя потерянная...

Вот так, в летний вечер в году 1212, когда миндальное дерево за окном отражало серебряный лунный свет, провел Пьетро ди Донати свою первую брачную ночь.

И многие последующие.

5

Замок в Монтрозе оказался довольно старомодным. Квадратная главная башня, сложенная из больших камней, возвышалась над стенами с бойницами и надвратными башенками. Пьетро знал, что квадратные башни – не слишком удачные сооружения. После того как вернулись крестоносцы, повидавшие крепости неверных, они стали строить круглые башни. Эти башни оказались гораздо лучше квадратных. Их практически невозможно было разбить тараном, поскольку он скользил по округлым стенам.

Не хотел бы я, думал Пьетро, обороняться в этом замке.

Он посмотрел на свою жену. Она руководила служанками в тысяче и одном приготовлении к предстоящему празднику. Прошла уже неделя, как они приехали в Монтроз, и Антуанетта выглядела отдохнувшей. Щеки ее немного порозовели. На нее приятно было смотреть, но только если вы не заглядывали ей в глаза.

Если она сможет, думал Пьетро, перешагнуть через этот ужас, живущий в ней, она станет для меня хорошей женой. Она добрая и нежная и, кроме того, хорошенькая...

Конечно, потребуется много времени. Может быть, ребенок поможет ей излечиться. Он будет маленький и беспомощный и выведет ее из этой погруженности внутрь себя. Возможно. А возможно, и нет. Может, он только будет напо-

минать ей...

Все они страшились этого праздника. Но его необходимо было устроить. Причем как можно скорее. Все знатные соседи должны быть приглашены, и будет официально объявлено о бракосочетании. Между собой Пьетро и Готье договорились в удобный момент сообщить всем, что бракосочетание состоялось гораздо раньше, чем это произошло на самом деле. Сообщить как бы случайно, в общем разговоре. Не слишком подчеркивая, но все-таки так, чтобы этот факт запомнился.

Пьетро снабдил их подходящей версией – которая, впрочем, могла оказаться и правдой, хотя бы частично. Во время его последнего посещения фермы Паоли Джина много рассказывала ему о детстве и юности Донати, в том числе и о широко распространенном среди местных жителей убеждении, будто Донати на самом деле сын барона Орри Гростета, владевшего Хеллемарком до того, как Рудольф Бранденбург силой оружия отнял его у норманнского рыцаря. Поэтому можно было утверждать, что Пьетро единственный потомок благородной фамилии, переживающей тяжелые времена, не слишком вырываясь за рамки истины.

Думая об этом, Пьетро улыбался. Его скептический ум полагал гораздо более вероятным, что его отец скорее был зачат каким-нибудь солдатом, норманном, чем самим бароном. У баронов слишком много развлечений под рукой, чтобы они стали возиться с деревенскими девушками. Но, по-

скольку у него не было доказательств ни за, ни против, этой версии предстояло утвердиться или рухнуть самой по себе.

Пьетро смотрел, как Туанетта вытащила драгоценные гобелены, которые вывешивали только по большим праздникам. На них были изображены подвиги легендарного предка Монтрозов барона Луи, который сражался вместе с Карлом Великим и погиб рядом с Роландом, защищая Ронсевальское ущелье. Некоторые из этих гобеленов вышивала сама Антуанетта, выказав незаурядное мастерство. А нынешний праздник был именно таким важным событием, поскольку от него зависело, смогут ли они спокойно жить в Пти Муре, маленьком замке в нескольких лье отсюда...

Жаркие споры вокруг праздника заняли половину прошедшей недели. Барон Анри и Готье собирались устроить большое представление и пригласить как можно больше гостей. Антуанетта настаивала на небольшом приеме или хотела вообще обойтись без него. Пьетро в конце концов был вынужден включиться в эти споры, поддержав своего новоиспеченного тестя.

– Неужели ты не понимаешь, дорогая Туанетта, – сказал он достаточно мягко, – что мы должны заткнуть им все рты? Когда ты родишь ребенка, явно раньше времени, начнутся разговоры, а этим праздником мы хотя бы самых доброжелательных убедим в том, что нам нечего скрывать.

– Как вы все пожелаете, – послушно сказала Антуанетта, но лицо ее оставалось ледяным.

Вообще она постепенно оттаивала. Пьетро казалось, что она смиряется со своей участью, особенно когда она поняла, что Пьетро не настаивает на своих супружеских правах.

Он не считал, что таким образом ведет себя благородно. Правда заключалась в том, что молодая жена не вызывала у него желаний. Его сверхчувствительный темперамент восставал против близости с беременной женщиной, даже если раньше она была для него желанной. А главную роль здесь играла гордость – любовь для Пьетро всегда была чувством взаимным, он никогда не испытывал мужской похоти, требующей удовлетворения любой ценой. Одного взгляда на оледеневшее от ужаса лицо Антуанетты было достаточно, чтобы возникшее желание умерло раньше, чем наполовину созрело.

Пьетро вышел во двор и поглядел, как женщины расставляют большие столы. Скатерти выглядели прекрасно, салфетки продеты в массивные серебряные кольца. У каждого прибора лежали нож и ложка²⁸, а между каждыми двумя приборами стояли серебряные кубки, выполненные в виде льва, дракона или птицы, так что два соседа могли пить из одного кубка. Пирог из хорошей белой муки, украшенные сахарной глазурью, лежали перед каждым гостем, а серебряная миска для супа полагалась, как и кубки для вина, одна на двоих.

Слуги устанавливали под балдахином помост, на котором

²⁸ Вилки тогда еще не были изобретены.

должен был сидеть барон Анри с несколькими самыми знатными гостями. На кухне бушевало пламя, все было готово для того, чтобы жарить мясо – барон Анри еще в день приезда послал своих лесничих на охоту.

Для Пьетро не находилось никакого дела. В замке он все еще был чужим, а Готье, барон и Туанетта прекрасно со всем управлялись. Пьетро вернулся в дом и отыскал портниху, которая готовила ему наряд для предстоящего торжества. Наряд должен был выглядеть великолепно, по этой части Пьетро мог кое-чему поучить простоватую северную знать.

Он нарисовал портнихе на куске пергамента эскиз своего костюма – будучи отличным каллиграфом, он и рисовал очень хорошо. Когда портниха увидела этот эскиз, она уронила иголку и захлопала в ладоши от восторга. Костюм напоминал одежду, которую он носил в юности, и соединял в себе восточную роскошь с сицилийским вкусом. В этом костюме не было никакой особой новизны – если не считать производимого им общего впечатления. Туника была короткой и перехвачена поясом, штаны плотно облегли ноги и соединялись с чулками так незаметно, словно это единое целое, но разного цвета.

Пелерина, отороченная мехом, тоже была короткой, но чуть длиннее туники. Во времена, когда мужская одежда была длинной и ниспадающей, Пьетро самым скандальным образом открывал свои ноги почти целиком. Он выбрал для своего костюма темно-красный цвет, прекрасно оттеняющий

его смуглую кожу. По чулкам из черного шелка спиралью шли вверх ярко-красные полосы. мех черной куницы оторачивал по низу пелерину, а куртка была оранжево-красная, более светлая, чем пелерина и штаны. Пьетро прекрасно умел пользоваться сочетанием оттенков одного основного цвета. Этот его наряд был красно-черный с преобладанием красного.

Он сожалел, что, несмотря на жару, ему придется надеть плащ. Отороченный мехом плащ, отделанный венецианской парчой, служил подтверждением благородного происхождения. Туфли из красного бархата были украшены черными нитями. Он поручил портнихе пришить на плащ среди маленьких черных розеток рубины, чтобы и цвет драгоценных камней соответствовал общему замыслу.

Несмотря на все свои злоключения, Пьетро вовсе не стал бедняком. Когда он покидал с Исааком Сицилию, он по совету Исаака взял с собой все свои драгоценности, так как золотых дел мастер предвидел, что их придется закладывать, если граф Синискола потребует слишком большой выкуп за жизнь Донати. Иоланта сохранила их для него. И, будучи девушкой не только романтической, но и весьма практичной, она передала их Пьетро, когда они бежали из Хеллемарка.

Пьетро радовался этому обстоятельству. Оно обеспечивало ему независимость от семьи его жены. На следующий день после их приезда в Монтроз он продал несколько драгоценных камней помельче, и даже после того как купил басно-

словно дорогие ткани для своего костюма, у него в кошельке оставалось немало золотых монет.

Портниха закончила работу над костюмом. Пьетро поблагодарил ее и дал ей серебряную монету – таких денег она не видела никогда в своей жизни.

– Спасибо, добрая женщина, – сказал он ей. – Вы хорошо все сделали.

Он взял костюм и шапочку, украшенную так же, как и костюм, рубинами, хотя, поскольку их у него оставалось немного, эти и другие, пришитые к туфлям, были из стекла, он их тайно купил в деревне несколько дней назад.

Только он положил костюм на кровать под балдахином, как в комнату вошла Антуанетта. Она остановилась в дверях и увидела костюм.

– Пьетро, – прошептала она, – это очень красиво. Надень его, пожалуйста.

– А не слишком ли рано одеваться? – спросил Пьетро.

– Нет, некоторые гости из менее знатных уже приехали. И кроме того, мне хочется увидеть тебя в этом костюме.

Пьетро одевался, а Туанетта сидела на краю кровати, рассматривая его очень серьезными глазами.

– Ты знаешь, Пьетро, – сказала она, – ты выглядишь совсем как принц.

– Благодарю, – рассмеялся Пьетро и наклонился, чтобы поцеловать ее, но она поспешно отстранилась.

– Прости, – сказал Пьетро.

– Не надо, – прошептала Туанетта. – Я преодолею это. Ты такой добрый, такой терпеливый. Я хочу преодолеть. Я могла бы любить тебя. Я каждую ночь молюсь Пресвятой Деве, чтобы она помогла мне полюбить тебя. Я буду гордиться, что у меня муж такой изящный, такой красивый. Сегодня все девушки будут завидовать мне всем сердцем...

– Не такой уж прекрасный, – с горечью сказал Пьетро. – Деревенщина без денег, у которого нет никаких шансов когда-нибудь стать рыцарем...

– Отец посвятит тебя в рыцари или попросит графа Форбрюна сделать это.

– Нет, – возразил ей Пьетро, – так нельзя. Неужели ты не понимаешь, Туанетта, что я должен завоевать это право? Я не хочу, чтобы рыцарство досталось мне по удачному стечению обстоятельств. Я хочу завоевать это звание честно, храбрыми поступками...

– Большинство рыцарей не завоевывали рыцарское звание храбрыми делами, – подчеркнула Туанетта. – Они сначала получали рыцарство, а потом уже отправлялись на войну. Многие из них никогда не совершали ничего отважного. Гораздо чаще они грабили, убивали, творили всяческое зло. Кроме того, ты уже совершил доблестные поступки. Ты спас жизнь моего брата – и мою. А после этого ты совершил еще более достойный поступок, и еще более благородный – ты взял в жены женщину, уже не девушку, беременную. Бог знает от какого отвратительного подонка, – ты сделал это из

чувства верности моему брату и из жалости ко мне...

Пьетро подумал, что она опять начнет плакать, и поспешно сказал:

– Тебе пора одеваться, моя маленькая. Нам скоро выходить.

Пришли служанки и стали одевать ее. Он ждал. Когда они кончили, она выглядела прелестно. Одна из старших служанок пощипала ей щеки, чтобы они разругались, и Пьетро, взяв ее за один палец, повел вниз по лестнице.

Веселый гул голосов во дворе замолк. Тишина волнами распространялась от того места, где они стояли, пока все гости не заметили их и не повернулись в их сторону, довольно бесцеремонно рассматривая иностранца.

Пьетро почувствовал, что лицо у него горит. Но он высоко держал голову, направляясь к помосту и ведя за руку жену. Туанетта смотрела только на свои туфли и не поднимала глаз.

За их спинами возникал шепот:

– Клянусь кровью Господа нашего, кто бы он ни был, она не унизила себя этим браком!

– Говорят, он незаконный сын императора Фридриха...

– Не болтайте глупостей, Фридрих не старше его...

– Клянусь ногтем Святого Антония, я заставлю моего портного сшить мне такой костюм! Ничего более красивого я не видел в своей жизни...

– И все-таки странно. Она исчезла из Монтроза Бог знает как давно. Барона Анри не было, когда она уехала, это я знаю

из верного источника. А когда они вернулись, с ней приехал этот парень. Мы ведь не знаем, он, может, всего-навсего жонглер или какой-нибудь бродяга...

– Бродяга? В таком костюме?

– А откуда вы знаете, кто платил за этот костюм?

– Я знаю одно – Монтрозы не так богаты, чтобы покупать такие рубины. И еще одно – камни такого размера нельзя купить ни во Франции, ни в Лангедоке.

Впечатление, подумал Пьетро, благоприятное. Хотя есть и другие мнения. Если Бог нам поможет, мы выиграем...

И тут грянули трубы, прекратившие всякий шепот. Гости сразу же двинулись к длинным дубовым столам, расставленным под навесами из пестрого шелка. У входа стояли двое представительных слуг, один держал в руках серебряный таз с водой, а другой предлагал гостям длинное яркое полотенце. При входе каждый гость вытягивал руки, первый слуга лил на них воду, а второй проворно вытирал их.

Главный епископ занял свое место во главе длинного стола, а барон Анри встал через два места от него левее. Обычно барон сидел рядом с епископом, но сегодня почетные места были любезно оставлены для Пьетро и его молодой жены. Еще правее на особо почетном месте стоял статный граф Форбрюн, чья фамилия никогда не переставала интриговать его вассалов, поскольку его леса, видит Бог, были достаточно зелеными.²⁹

²⁹ Foretbrun (фр.) – темно-коричневый лес.

Каждого гостя провожала к его месту целая армия приближенных, это были в основном молодые люди из знатных фамилий, довольные тем, что могут оказать честь своему сюзеру, барону Анри. Все стояли, пока Огаст, епископ Монтроза, произносил молитву на латыни.

После этого все уселись за столы. Наступила тишина, которую нарушил звон цимбал, вслед им вновь запели трубы, и сир Гуго, сенешал, появился в нарядной ливрее, размахивая белым жезлом, подобно фельдмаршалу, командующему вереницей слуг, растянувшейся через весь двор от кухни. Каждый слуга держал на плече большое блюдо со всевозможным жареным мясом. Гости радостными криками приветствовали заднюю часть оленьей туши, которую водрузили на стол.

Главный специалист по разделыванию мяса продемонстрировал свое высокое мастерство, отрезая большие куски предписанным приемом, держа мясо двумя пальцами и большим пальцем, а флейтисты тем временем выводили свои трели. Виночерпии разливали вина в кубки, а оруженосцы и молодые рыцари-вассалы барона выполняли акт вежливости – брали мясо из рук слуг и клали его знатым гостям – как говорилось, из знатных рук в знатные...

Пьетро не мог есть. Вид такого количества мяса отбил у него всякий аппетит. Он потягивал вино из кубка, деля его с Туанеттой. Она тоже ничего не ела. Все знатные дамы одобрительно улыбались, принимая это за проявление обуревающей ее любви.

Помимо оленя на стол подали также голову кабана в растительном масле, говядину, баранину, свиные ножки, жареного кролика и пироги.

Гости с аппетитом поглощали все. Никто не разговаривал. Два шута устраивали представление перед столом, взбираясь на шест, установленный на голове у третьего, ловили яблоки на острия кинжалов, глотали огонь.

К тому времени, когда от мяса остались только объедки, гости пришли в говорливое настроение. Началось испытание для Пьетро.

– Господин барон! – загремел голос Огаста. Он всегда говорил так громко, поскольку был глуховат. – Мы ничего не знаем о вашем зяте. Он выглядит красиво и рыцарственно. Но кто он? Кто его предки?

Он прокричал это через головы Пьетро и Антуанетты.

Пьетро почувствовал, как напряглась его жена, и взял ее за руку.

– Мужайся, любимая, – прошептал он.

Барон Анри принял вызов.

– Вам, конечно, известен дом Гростет... и барон Орри, который покинул эти места много лет назад?

– Конечно, – проревел епископ. – Парень их родственник?

– Внук... хотя и по женской линии. Семья его отца принадлежит к благородному роду итальянских баронов Роглиано...

“О Боже, спаси мою душу, – подумал Пьетро. – Слышали

бы эти слова Ганс, или Марк, или Вольфганг!”

– Я рад, что в нем течет и французская кровь, – произнес епископ. – Я, конечно, не хочу этим обидеть наших итальянских друзей...

– Никто не обижается, – спокойно заметил Пьетро.

– Что ты сказал? – прокричал, епископ, прикладывая ладонь к уху.

– Я сказал, что я тоже рад! – крикнул Пьетро.

Епископ хлебнул вина.

– Барон, – спросил он, – в самом деле не было никаких неправильностей? Я слышал про побег...

– Вы правильно слышали. Моя дочь встретила мессира Пьетро в Лангедоке, куда он бежал, поскольку его семья, неуклонно придерживавшаяся стороны императора, подверглась вооруженному нападению гвельфов. Их обвенчал ваш друг Клемент, епископ Марсея, в соборе...

Вот это мастерский удар, подумал Пьетро. Упоминание имени священнослужителя, совершившего обряд венчания, снимает все подозрения. Все понимали, что барон Монтроз не стал бы упоминать столь определенно эту деталь, если бы имело место нечто сомнительное. Теперь Огаст знал, у кого спрашивать, если у него оставались какие-то подозрения. И то, что барон сообщал ему эту информацию, должно было убрать его подозрения.

Гости отрезали себе новые куски хлеба, а старые, пропитавшиеся мясным соком, швыряли собакам, сидящим под

столом.³⁰ Пьетро отметил, что и здесь существовали различия, соответствующие степени знатности. У знатных гостей для мяса были серебряные тарелки, у более мелких дворян – безземельных рыцарей и им подобных – оловянные, а зажиточные горожане – выходцы из простонародья, некоторые из них даже сыновья сервов, разбогатевшие за последние годы и ставшие важными персонами, – разрезали мясо прямо на скатерти.

– Значит, никаких неправильностей, – гремел голос епископа. – И все-таки странно...

– Что вам кажется странным, мой господин? – спокойно спросил Готье, хотя он вынужден был повысить голос, чтобы епископ расслышал его. – Моя сестра соединилась перед святым престолом с человеком благородных кровей, хотя его судьба могла сложиться и лучше. Мой отец и я не нашли в этом ничего, вызывающего сомнения. А теперь, когда Фридрих Гогенштауфен с помощью нашего великого короля возвысился над гвельфами...

Он не успел закончить фразу, так как в этот момент вновь зазвучали скрипки и флейты и сир Гуго внес лебедя, выглядевшего совсем как живой, с позолоченным клювом, посеребренным туловищем, лежавшего на синем печеном тесте, изображавшем воду, и украшенного флажками. Это произ-

³⁰ Первоначально куски мяса клали на большие куски хлеба. Затем под хлеб стали подставлять тарелки, как указано в тексте – оловянные или серебряные, в зависимости от ранга гостя. Хлеб же ели редко, отдавая его обычно беднякам и собакам.

ведение кулинарного искусства на некоторое время заняло все общество, а потом внесли королевского павлина, запеченного в собственных роскошных перьях.

Гости наелись и напились уже настолько, что готовы были одобрить все на свете – даже этого неизвестного и подозрительного итальянца, отхватившего такой приз.

Пьетро держал холодную руку Антуанетты, не замечая этого. Его мысли странным образом не имели ничего общего ни с этим празднеством, ни с шумом вокруг, ни с вином. Веселье достигло своего апогея, ибо барон Анри распорядился внести любимую всеми новинку – огромный пирог, запеченный в лохани. Пьетро, никогда не видывавший ничего подобного, не мог понять, в чем тут фокус, но все остальные пирующие смотрели на этот пирог глазами, горящими от удовольствия и предвкушения чего-то особенного. Барон Анри встал и взмахнул кинжалом. Одним ловким движением он рассек верхнюю корочку, и из пирога вылетела целая стая маленьких птичек.

О Боже, подумал Пьетро. Что еще они придумают?

Ответ на этот вопрос оказался несложным, и, слегка поразмыслив, он мог бы найти его сам: знатные гости, которые не расставались со своими призовыми соколами даже в спальне, быстренько выпустили этих охотничьих птиц и послали в погоню за маленькими птичками.

Соколиная охота всегда радовала Пьетро, но сейчас, как ни странно, радости не было. Глядя, как большие соколы па-

рят над беззащитными птичками, а потом камнем падают вниз, он думал о когтях, разрывающих живую плоть, и старые раны на его теле заныли.

Маленькие, беззащитные, и над ними парят кречеты – как неминуемая смерть. Как рок.

У этих маленьких птичек не больше шансов, чем было у него против Марка и Вольфганга. Чем было у Донати и Исаака против рыцарей Синискола. Чем у Туанетты против ее насильников...

Маленькие птички. Люди похожи на этих маленьких птичек – игрушки судьбы, обманутые роком. Люди вслепую бредут по жизни, и в том, что с ними случается, нет никакого смысла – а Господь Бог на небесах только смеется.

Более всего Пьетро хотелось сбежать отсюда, оказаться одному, разобраться в собственных мыслях. Но он понимал, что это почти невозможно.

Зазвучали скрипки, флейты, гобои, трубы и лютни, дамы протянули кавалерам руки для танца. Пьетро не знал этих французских танцев и некоторое время сидел, наблюдая за ними. Он был не прочь просидеть так весь вечер, но высокая белокурая девушка прорвалась между танцующими и схватила его за руку.

– Пойдемте, сир Пьетро, – просила она. – Потанцуйте с вашей дамой, а потом со мной!

Пьетро поднялся и протанцевал с Туанеттой танец, называющийся “Урони кольцо”, а потом танец “Гирлянда” – с

высокой блондинкой, и его ждал неожиданный и приятный сюрприз, потому что этот танец завершался тем, что каждый рыцарь должен был поцеловать свою даму в щеку. Произошло ли это случайно или намеренно, Пьетро так никогда и не узнал, но Иветта – он уже узнал ее имя – повернула голову так, что поцелуй пришелся ей прямо в губы. Она весело рассмеялась.

Пьетро бросил быстрый взгляд через плечо, чтобы увидеть, наблюдает ли за ними Туанетта. Она наблюдала. Это беспокоило его. Он не хотел огорчать ее. Тем более таким ребяческим способом.

Он стал избегать прелестную Иветту и замысловатый танец “Галлиар” танцевал с женой. Каждый раз, когда он приближался к ней с поклоном, он искал на ее лице признаки недовольства. Но ничего похожего не обнаружил.

Да ведь я ей совершенно безразличен, подумал он огорченно. Если я сегодня вечером уеду из замка с Иветтой и вернусь только утром, ей это будет все равно...

Это его задевало. Жизнь заставила его повзрослеть не по годам, но, когда дело касалось его сердца, семнадцать лет давали себя знать. Поэтому следующий танец – неистовый турдион – он танцевал с Иветтой.

В разгар танца, когда они кружились, держа друг друга за руки, она прошептала:

– Почему я не первая увидела вас, сир Пьетро!

Пьетро улыбнулся.

– Последнее лучше, чем первое, прекрасная Иветта, – сказал он, поклонился и вернулся на свое место рядом с молодой женой.

В то время как гости попроще развлекались зрелищем танцующего медведя, жонглерами и тремя танцовщиками, выделявавшими довольно вульгарные па, великий норманнский трувер Раймонд, которому аккомпанировал на арфе прекрасный музыкант, услаждал знатных гостей звучными строфами “Песни о Трое”, заставляя дам всхлипывать, когда он пел о судьбе королевы Гекубы, о странствиях сира Улисса и о верности дамы по имени Пенелопа.

Многие простолюдины уже спали на траве к тому времени, когда мэтр Раймонд закончил свое пение. Кое-кто из знатных гостей тоже устал. Заметив это, барон Анри дал знак заканчивать празднество, предложив свое гостеприимство тем, кто в нем нуждался.

Пьетро было счастлив, когда смог взять Антуанетту за палец и провести ее наверх, в их комнату. Но по дороге их остановил Готье.

– Мы победили! – прошептал он. – Я получил с десятков приглашений в знатные дома с просьбой привезти с собой тебя, Пьетро. Некоторые дамы очень заинтересовались тобой, так что ты, сестричка, присматривай за ним получше...

Антуанетта передернула плечами.

– В настоящий момент я не могу думать ни о чем, кроме сна.

– Тогда отправляйся спать, – рассмеялся Готье. – Тебе придется утром встать пораньше, чтобы проводить меня...

– Как? – прошептала Антуанетта. – Куда ты отправляешься, Готье?

– Обратно в Сент-Марсель, – вздохнул Готье. – Я обещал Симону де Монфору. А кроме того, все еще остается проблема с дядей Роже...

Пьетро глянул на него.

– Я еду с вами, – сказал он.

– Смотри, Пьетро, мужчина, который только что женился, не должен тут же уезжать на войну...

– Послушайте, Готье, – обратился к нему Пьетро, – я дал клятву служить вам, и я намерен выполнять этот обет. Кроме того, Туанетте нужно какое-то время, чтобы свыкнуться со своим положением замужней дамы...

Готье глянул на сестру.

– Я понимаю, – спокойно произнес он. – Туанетта, ты хочешь, чтобы он уехал?

– О да, – поспешно отозвалась Антуанетта. Потом она поняла, как бестактно прозвучали ее слова. – Если... если он хочет, – добавила она, запинаясь.

– Да, я хочу, – сказал Пьетро.

– Понимаю, – повторил Готье. – Тогда будь готов к утру, Пьетро.

Он повернулся и покинул их.

Они стали подниматься к себе.

Утром Пьетро и Готье выехали из Монтроза. Ехали они молча. Проблема, которая занимала умы их обоих, была слишком деликатной, чтобы обсуждать ее даже между такими близкими друзьями.

На войну, думал Пьетро, да, на войну, это гораздо лучше, чем оставаться здесь. Туанетта приняла мою услугу, пусть и неохотно, но совсем не меня. Остаться здесь – это к добру не приведет. Я не из того материала, из которого делают святых, и непременно придет время, когда я захочу обладать ею. Или, получив отказ от нее, брошусь к какой-нибудь другой женщине...

Невольно перед его глазами возник образ Иветты. Вот еще одна проблема. Если бежать от этого опасного искушения трусливо, то по крайней мере это мудрая трусость. Замок Джеффри, принадлежащий графу Харвенту, чьей женой была Иветта, находился слишком близко. А графу подступало к шестидесяти, тогда как Иветте еще предстояло отметить свое восемнадцатилетие.

За все время долгого и утомительного пути от Монтроза до Лангедока в разговорах не было нужды. И Пьетро, и Готье знали, почему им надо торопиться, и безжалостно погоняли своих коней. Только мужество графа де Фокса и всех защитников Сент-Марселя позволило им приехать вовремя, до того, как город пал.

Они добрались до лагеря Симона де Монфора, расположившегося у стен города, когда каждую ночь велись бои. Ка-

тапульты, баллисты, конные арбалеты слали в город непрерывный поток снарядов. Пьетро видел, как один за другим летели глиняные горшки с греческим огнем. Там, где они разбивались, вспыхивали новые пожары.

Симон радушно приветствовал Готье.

– Вы приехали вовремя, – объявил он. – Завтра мы принимаем штурм. Ну, а сейчас я хочу послать им небольшой подарок.

Пока он говорил это, до их ноздрей донеслось сильное зловоние.

Что за дьявол, подумал Пьетро.

– На крыше вон того дома, – пояснил Симон, – они соорудили цистерну для дождевой воды. Мы отрезали их от всех других источников воды. Но этим мерзавцам повезло, и пошли дожди. Так что теперь они на долгое время обеспечены водой. Я хочу подпортить им это дело. Пошли!

Вонь становилась все сильнее.

Они шли за Симоном де Монфором, и Пьетро чувствовал, как его тошнит. Вонь с каждым шагом усиливалась. Потом он увидел источник этой вонючки.

Дохлая лошадь. Сдохшая уже давно.

Солдаты натянули стреляющее устройство самой большой катапульты, способной метнуть камень весом в полтонны. Но сейчас вместо камня они пристроили туда дохлую лошадь.

Квадратная цистерна со всех сторон была окаймлена ог-

нем. Они могли хорошо ее разглядеть.

– Эту честь мы предоставим вам, – обратился к де Монфору Уильям, архиепископ Парижский, командовавший осадными орудиями.³¹

Симон разразился громким хохотом.

Резким движением он освободил согнутую доску, раздался громкий скрип, доска распрямилась и выбросила лошадь, которая перелетела через крепостную стену. Было видно, как из цистерны брызнула во все стороны вода, окрашенная заревом пожаров.

– Отличное наведение на цель, ваше церковное сиятельство! – загремел Симон.

Действительно, Уильям, несмотря на свое епископское звание, был хорошим артиллеристом.

– А теперь, – злорадно произнес Уильям, – если мы будем баллистами метать туда мелкие камни, чтобы они не могли

³¹ Уильям, архиепископ Парижский, был одним из величайших военных гениев, которых выдвигала церковь в тринадцатом столетии. Он сформировал собственную армию германских крестоносцев и перешел через Тарн в Лангедок вскоре после Симона де Монфора и его брата Гая. Он присоединился к ним около Сент-Марсея, и только благодаря его военному искусству этот город в конце концов был взят летом 1212 года. Войны против альбигойцев закончились в 1219 году после тридцати лет опустошений. С победой крестоносцев погибла высокая культура Лангедока, родины трубадуров. Симон де Монфор, принимавший участие в нечеловечески жестоком крестовом походе против Константинополя в 1204 году и прославившийся как своим целомудрием, так и набожностью – хотя и не милосердием и терпимостью, – был убит при второй осаде Тулузы (1218) – один из редких случаев поэтической справедливости – камнем, выпущенным из катапульты группой женщин.

вытащить эту тушу, то к утру эту воду пить будет нельзя. Итак, пошли, я должен отдохнуть.

Симон, Гай, архиепископ Уильям, несколько других военачальников и Готье отправились в лагерь. Пьетро последовал за ними.

Он увидел прелата с большим железным кистенем на поясе. Святой Боже, какие только фокусы не выкидывает жизнь! Закон запрещает священнослужителям “поражать острием меча”. Но поскольку закон ничего не говорит о столь деликатной операции, как вышибание человеку мозгов с помощью кистеня – короткой рукоятки с цепью на конце, на которой висит гладкий железный шар, – то таким оружием воюющие епископы вроде Уильяма считали возможным пользоваться для убиения врагов Господа нашего.

Пьетро почувствовал, что сыт всем этим по горло. Он припомнил, что человек сам выбирает меру своего терпения, и он смело обратился к архиепископу:

– Ваша светлость, я теряюсь в догадках...

– О чем, юный оруженосец? – загрохотал Уильям.

К удивлению Пьетро, лицо епископа при ближайшем рассмотрении оказалось довольно дружелюбным.

– Наша вера, – начал Пьетро, – учит нас быть милостивыми к нашим врагам... – Пьетро все время ощущал, что острые, как сталь, глаза Симона не упускают его из вида. – Но очень трудно примирить милосердие с бросанием гниющего трупа животного в их питьевую воду!

– Пьетро! – предупредительно сказал Готье.

– Оставьте юношу, – объявил Уильям, – из него получится умный спорщик, а я, клянусь честью, люблю таких. А вам, господин Симон, следует помнить, что различия в мнениях не обязательно являются ересью. Пусть юноша говорит свободно, не мешайте ему!

– Ваша воля, монсиньор, – отозвался Симон, но голос его звучал сурово.

– А вы, мессир...

– Пьетро. Пьетро ди Донати, – представился Пьетро.

– Итальянец? Они хитрые бестии. Теперь о лошади. Вот это и есть воплощение милосердия.

– Каким образом? – удивленно спросил Пьетро.

– Каждый день, пока длится эта осада, в городе люди погибают без покаяния. Если моя лошадь хотя бы на один день приблизит их сдачу, я таким образом спасу многие души. Понимаешь, сын мой, они не должны умирать ради своей ереси. Выбор принадлежит им. Они могут раскаяться даже на костре, и после соответствующего наказания Бог примет их опять в свою паству...

– Но, господин, – возразил Пьетро, – а если человек на самом деле не раскаивается, а только притворяется из страха смерти?

– Бог разберется, – невозмутимо ответил Уильям. – Такие только отсрочат свое знакомство с адским огнем.

– Я слышал, – вставил Пьетро, – что их вера, какая бы

она ни была странная, порождает много добродетельных и добрых людей...

– Правильно, – согласился Уильям. – Но добродетель, юноша, это еще не все. Человек должен еще и верить. Среди язычников встречаются хорошие люди. Султан Саладин был удивительно хорошим человеком. Я иногда думаю, что у Бога должен быть ад помягче для таких, как он. Без пыток, например, и чтобы у них был шанс прийти после смерти к истинной вере...

Он замолчал, глядя на огонь. А потом он привел Пьетро первый довод в защиту крестовых походов, который имел какой-то смысл.

– Пойми, – спокойно начал он, – я сражаюсь не против их добродетели, а против их заблуждений и их распространения. Церковь Божия, находящаяся в людских руках, совершает ошибки и грешит – хотя я уже вижу, что господин Симон с радостью сжег бы меня за эти слова. Но я здесь представитель Бога. Однако, дорогие господа, и все земные царства совершают ошибки гораздо более ужасные, более тяжкие, чем любые грехи, к которым церковь, к несчастью и невольно, бывает причастна. И тем не менее ни один человек не предлагает уничтожить правление королей!

Эти еретики, хотя их жизнь может быть безупречной, – в чем я сомневаюсь – не предлагают ничего взамен того, что они собираются разрушить, – взамен Божьей крепости, защищающей от человеческого насилия, от сползания обще-

ства в хаос и от несправедливости королей!

Есть у нас и недостойные священники, и утопающие в роскоши настоятели – это обычно младшие сыновья знатных господ, которые устраивают их в церковь, чтобы избавиться от них, – но в миру существуют и плохие короли, и жестокая знать, и тем не менее на них только ворчат. А эти люди готовы разрушить организацию, которая занимается обучением, помогает бедным, проявляет милосердие даже по отношению к евреям и сарацинам³² и ограничивает произвол богатых и власть имущих, заботится о вдовах и сиротах, – единственная организация на земле, которая без устали трудится во имя добра.

А что они предлагают взамен? Систему, запрещающую деторождение и проповедующую самоубийство. Систему, разрушающую инициативу развития ремесел, ибо она возводит в идеал бедность, систему, которая уничтожает таинство брака и сводит отношения мужчины и женщины к телесной похоти и появление детей к чистой случайности!

Так что, мессир Пьетро, катаризм – это абсурд, отравляющий простые умы. Против него мы должны сражаться!

³² В то время как местные священники слишком часто призывали к ненависти, сами Папы, включая могущественного Иннокентия III и Григория IX, создателя инквизиции, вели себя весьма терпимо по отношению к евреям и сарацинам. Начиная с Григория I и кончая Иннокентием IV почти все они находили поводы запрещать насильственное крещение, отрицали древние обвинения в ритуальных убийствах, возмещали стоимость украденного и запрещали массовые насилия (см. Дюран, там же, с. 388).

– Благодарю вас, мой господин, – сказал Пьетро. – Вы очистили мне мозги. Если бы только мы могли сражаться без жестокости – убивать, когда это необходимо, без медленных пыток. Я не верю, что Бог требует этого. Когда мы совершаем такое – мы становимся на одну доску с теми, кто порочит нашего Спасителя, украшает Его голову короной с рогами и прокалывает Его тело.

– Тебе, – сказал Симон, – следовало бы родиться девушкой. Сир Готье, вы никогда не сделаете из него рыцаря.

– Если стать рыцарем, – заметил Пьетро, – значит стать мясником, то я с радостью останусь оруженосцем!

– Следите за ним поостроже, Готье, – загремел Симон. – Порой он уж слишком меня раздражает!

– Не следует давать волю своему раздражению, – мягко заметил Уильям. – Юноша прав. А я иду спать. Утром нам понадобятся все наши силы...

Пьетро не мог заснуть. Всю ночь раздавались удары таранов о стены и скрип метательных машин. Он думал об умирающих людях. Это были тяжелые Думы. Дети. Старички. Женщины. Воины. Священнослужители. Камни, выбрасываемые метательными аппаратами, не знают различий.

Обстрел продолжался весь день без перерыва. Альбигойцы слишком устали, слишком обессилели, изголодались, а за ночь невыносимая жажда совсем подкосила их. Но не это решило их судьбу. Среди них было немало людей, которые, зная, что могут спасти свои жизни ценой отречения от ере-

си, готовы были обменять веру на жизнь. Жажда сохранить жизнь была очень сильной, и большинство не было готово умирать во имя абстрактной идея, ради убеждений.

Но их предводители и слышать не хотели о сдаче. Некоторые из них, вроде графа Фуа, совершили слишком много преступлений, чтобы сдаваться на верную смерть от пыток. Ночью они совершили последнюю вылазку.

И Симон де Монфор, этот Божий Молот, разбил их. Не без потерь. Больших, тяжелых потерь.

В пылу битвы Пьетро потерял Готье. После боя он отправился на его поиски. То, что он увидел во время этих поисков, запомнится ему на всю жизнь. Крестоносцы озверели из-за своих потерь. Еретиков, надеявшихся на пощаду после раскаяния в своих ошибках, постигло разочарование. Крестоносцы не щадили никого.

Пьетро обходил поле битвы в поисках Готье. Каждый раз, когда он натыкался на груду убитых лошадей и людей, в которой лежало по двадцать и более трупов, он руками разгребал эти кучи, вытаскивая воинов из-под их коней. Некоторые еще были живы и стонали, когда он освобождал их.

Это была очень трудная работа. Особенно потому, что было плохо видно. Темнело, и к тому же слезы застилали ему глаза. И все время мучили рвотные позывы.

Я никогда не привыкну к этому, думал он, никогда...

Сражение – другое дело. В пылу и азарте битвы он мог забыть свой страх. Он даже начинал увлекаться схваткой. Но теперь, каждый раз, когда он видел, как один из крестоносцев во имя Господа Бога скакал, привязав за ноги к хвосту своего коня еще живого лангедокского рыцаря, Пьетро испытывал спазмы рвоты.

Или когда он слышал стук молотков по гвоздям, которыми приколачивали руки и ноги распинаемых вниз головой на оливковых деревьях. И еще – дикие вопли.

Крестоносцы разожгли в центре поля битвы огромный костер, и каждые несколько минут французские рыцари вдвоем, втроем притаскивали жителей Сент-Марселя, раскачивали их за руки и за ноги и швыряли в костер.

В городе творилось нечто еще худшее. Повсюду можно было видеть, как рыцари задирали у женщин подола платьев, закручивали их вокруг головы, двое или трое держали

ее, а остальные выстраивались в очередь.

Это происходило повсюду. В домах. На порогах домов. Посреди улицы. В соборе перед алтарем Господа.

Пьетро подумал о Туанетте.

Я клянусь перед лицом Бога, клянусь честью моей матери, что никогда не приму участия в этом.

Некоторые из насилуемых были совсем девочки, не достигшие половой зрелости. Были и седые плачущие старухи.

Я должен найти Готье, со слезами на глазах думал Пьетро. Должен – Туанетта никогда не простит мне, если...

Он сам вдруг удивился, поняв, как это для него важно.

На него никто не обращал внимания. Все были поглощены собственными развлечениями.

Он выехал за пределы горящего города и ехал мимо колодцев, доверху набитых трупами, мимо костров из живых людей, мимо горящих стогов сена, мимо деревенских домов, где крестьянские дочери с плачем пытались убежать от хочущих пьяных солдат.³³

Он не мог вынести всего этого и решил уехать подальше, туда, куда не достают крики, где не видно этих сцен, не слышно запахов. Он въехал на гумно небольшого крестьянского дома и спешился. Дом был пуст, хозяин предусмотрительно бежал со своей семьей. Пьетро обрадовался этой пу-

³³ Уорнер (там же, том II, с. 68) пишет, что город после взятия подвергся всевозможным жестокостям. Подробности же почерпнуты из труда Г. Ламба “Крестовые походы”.

стоте. Ему не хотелось бы видеть этих людей. Особенно пока он на лошади и вооружен.

Он подошел к колодезю и заглянул в него. Колодец был чист. Никто не бросал туда останков животных или людей. Пьетро поднял вверх деревянную бадью и попил. Вода была холодная и вкусная.

Он взял бадью и пошел к своему коню. Погода стояла жаркая, и конь был весь в мыле. Когда Пьетро подошел к нему, конь пронзительно заржал.

И вдруг из-за сарая ему ответило ржание другого коня. Пьетро осторожно поставил бадью на землю, вытащил меч и медленно двинулся вокруг сарая. Там он увидел другого коня.

Боевой конь со сбруей, которую Пьетро так хорошо знал. Конь Готье.

Пьетро бросил меч в ножны и побежал к двери сарая, распахнул ее. Готье был там, он сидел на тюке соломы, глядя на тело человека, лежащего рядом. Пьетро увидел, что человек этот жив.

Он подошел к Готье и наклонился. Ему не надо было ничего спрашивать. Раненый мужчина был барон Роже де Сент-Марсель. Он был поразительно похож на барона Анри и на Готье. Он тихо говорил что-то Готье.

Он истекал кровью.

Пьетро нагнулся и принялся осматривать раны Роже. Если ими немедленно заняться, то еще есть шанс спасти ему

жизнь. Перевязки остановили бы кровотечение, и, если не будет заражения, он может выздороветь. Однако Готье не двигался.

Пьетро пришло в голову, что его молодой хозяин находится здесь уже некоторое время, возможно, даже несколько часов. И тем не менее он ничего не предпринял. Он сознательно предоставил своему дяде умирать.

Вера, которая порождает такую жестокость, подумал Пьетро, но тут же остановил себя. Готье не принадлежит к фанатикам, чья вера исключает милосердие. Пьетро знал о его внутренних сомнениях, о том, что Готье симпатизировал еретикам. Тогда, во имя Пресвятого Господа, почему?

– Кто это? – прохрипел Роже.

– Пьетро, о котором я тебе говорил, – вздохнул Готье. – Дядя Роже, ну пожалуйста...

– Парень, который женился на Туанетте? Красивый парень... и храбрый, судя по всему, что ты мне рассказывал...

– Дядя Роже, во имя Господа Бога!

– Во имя Господа Бога, Готье? Но ты ведь сегодня видел, что творят во имя Господа Бога.

– Я никогда не опущусь до того, чтобы оказаться хоть как-то причастным к этому, – прошептал Готье. – И все-таки...

Роже протянул руку и похлопал Готье по руке.

– Что есть в этом мире, в котором мы живем, такого, мой мальчик, – слабым голосом произнес он, – ради чего я хотел бы задержаться на земле? Кроме того, это догмат мо-

ей веры, что, раз уж мы совершили последний обряд соборования, мы рискуем утратить нашу душу, если выздоровеем. Я не наносил себе эти раны, так что это не самоубийство, племянник. Я просто не буду вмешиваться в то, что происходит...

– “Терпение”? – спросил Пьетро.

– Да-да, – подтвердил Роже. – Кто научил тебя нашей вере?

– Готье, – отозвался Пьетро.

– Замечательно, – прошептал Роже. – Вы оба Доживете до триумфа нашей веры...

– Что вселяет в вас такую уверенность, сир Роже? – Он задал этот вопрос не в насмешку и даже не из бесчувственности, а потому что так уж был устроен его мозг. Страсть к познанию была сильнейшей его страстью.

– То, что я видел. То, что я узнал. Слушайте, в тысяча двести втором году я стал крестоносцем. На следующий год я присоединился к крестовому походу против Египта. Что случилось, вы знаете. Эти подлые венецианцы, которые любят золото больше, чем Господа Бога, направили его против...

Он замолчал, и лицо его исказилось от боли.

– Дядя Роже! – взмолился Готье.

– Ничего, – прошептал Роже. – Это пройдет. О чем я говорил?

– Что венецианцы изменили направление удара, – сказал

Пьетро.

У него в голове начал созревать план действий. Разговор скорее утомит Роже. Когда он потеряет сознание, Пьетро перевяжет его раны. Готье, по всей видимости, обещал ему не делать этого, но ведь Пьетро ничего не обещал.

– Да. Они заставили нас напасть на Константинополь. Вместо неверных идти против христиан. Они выгодно торговали с Египтом и имели с ним секретные договора. Обманутый, как и все остальные, я принял участие в том, что мне представлялось справедливой попыткой вернуть свергнутому королю его трон...

– Дядя Роже, – опять стал просить Готье. – Ты не должен разговаривать. Ты теряешь силы и...

– Я должен говорить, Готье. Это мой последний шанс. У меня есть что сказать. Очень важные вещи. Я тогда верил в высокое предназначение рыцарства. Я верил в религию, в которой был рожден. Когда я уезжал из Константинополя, от этой веры ничего не осталось...

Он замолк, глядя в пространство, глаза его сверкали от гнева.

– Они сожгли в городе мечеть вместе с молившимися в ней. Пламя уничтожило все на три мили вокруг. Венецианцы разграбили все лучшее – драгоценные камни, рабов, статуи, великие произведения искусства – ты знаешь четверку бронзовых коней, так великолепно скачущих над площадью Святого Марка в Венеции? Венецианцы украли их в Константи-

нополе. Но и другие крестоносцы не отставали от них. Они не знали цены произведениям искусства, но они различали золото, когда видели его, и серебро, даже если эти драгоценные металлы украшали алтари Господа Бога. Вероятно, они не считали за грех осквернять церкви еретиков...

Готье больше не пытался остановить его.

– Они устроили конюшню в прекрасном соборе Святой Софии – красивейшей церкви во всем христианском мире. Они разжигали костры украденными из библиотек рукописями – бивачные костры страницами Софокла! Они чистили свои шлемы бессмертными творениями Еврипида... Ты знаешь, Готье, как я всегда почитал знания. Когда пленный грек рассказал мне, что наши благородные французские, венецианские, фламандские рыцари уничтожили единственное полное собрание произведений этих гигантов, я плакал... Я всегда глубоко, уважал наших женщин-монахинь. Моя сестра, твоя тетка, главная настоятельница женского монастыря Святого Жилия, но ты это знаешь... А наши рыцари получали извращенное удовольствие, насилуя греческих монахинь, срывая с них их священные одеяния прямо на улице...

– Неудивительно, что вы утратили веру в рыцарство, – заметил Пьетро. – Но, сир Роже, Папа Иннокентий особой буллой запретил нападение на Византию...

– Это мне известно... Но когда наши вожди подсунули ему коварную приманку – воссоединение Восточной церкви с Римской – воссоединение только на словах, потому что

греческие священники бежали и стали распространять свою веру повсюду – он снял свой запрет и послал к ним своих легатов и благословение! За эту оргию грабежа, убийств и насилий мы в итоге получили от Его Святейшества мягкий укор...³⁴

Готье твердо посмотрел на своего дядю.

– Дядя Роже, если ты хочешь обратить нас в веру альбигойцев, то я должен предупредить тебя – ты напрасно расходуешь свои силы. Грехи людей – это не грехи Бога, религиозная служба не исключает ошибок. И все-таки религия, в которой мы родились, единственная истинная, только через ее посредство Бог говорит...

Роже улыбнулся ему.

– Я завидую тебе, – прошептал он. – Иногда я сомневаюсь,

³⁴ Все описания позорного четвертого крестового похода основаны на прекрасном изложении этих событий Джеффри де Виллегордом. Если автора данного романа будут упрекать, что он судит об этих событиях с точки зрения сегодняшнего дня, то можно вспомнить, что Иннокентий III отлучил крестоносцев от церкви сразу же, как только узнал об их предательском нападении в 1202 на Зару, единственный выход к морю для католической Венгрии. Его Святейшество простил их с условием, что они вернут награбленное. Они приняли прощение и оставили награбленное себе. Сотни благородных людей вернулись домой, не желая принимать участие в подобном преступлении. Из этого следует, что этические воззрения тринадцатого века позволяли распознавать грабеж, даже если он прикрывался религиозными идеями. Мы располагаем описанием зверств в отношении монахинь, которое принадлежит перу самого Иннокентия (см. Гиббон. “Упадок и разрушение Римской империи”, том VI, с. 171). Даже когда чрезмерные амбиции толкнули Иннокентия на признание объединения Восточной церкви с Римской, Папа продолжал протестовать против преступлений крестоносцев, однако, приняв один результат похода, он не мог прибегать к более жестким мерам.

говорил ли когда-нибудь Бог человеку – и вообще – есть ли Бог...

– Дядя Роже!

– Прости, – тихим голосом выговорил Роже. – Я не хотел тревожить твою душу. Я уже стар... н я умираю. Для меня важно высказать тебе все это – прояснить мое собственное знание, если не больше...

– Готье, Бога ради, – поспешно сказал Пьетро, – дай ему выговориться.

– Я... я вернулся в Лангедок. И там я нашел ученых, которые перевели для меня Евангелие. Я прочитал его и понял, насколько вера альбигойцев лучше, правильнее нашей. Мы возвели храмы во имя Того, кто входил в храмы не более трех раз за всю Его жизнь, да и то лишь затем, чтобы спорить с учеными и изгнать оттуда воров! Мы набили церкви золотом и серебром для прославления имени Господа, который презирал богатство и не обладал ни землями, ни золотом. Мы выстроили ритуал, роскошный и совершенно языческий, во имя Господа, который учил нас запереться и молиться, чтобы никто этого не видел...

– Дядя Роже, – почти плакал Готье, – подумай о своей душе! Сейчас не время богохульствовать...

– Я знаю, знаю... Таков вечный ответ. Но среди нас всегда должны находиться люди, которые задают вопросы, которые рождаются для того, чтобы спрашивать. Мы, сомневающиеся, рождаемся раньше, чем приходит наше время, по-

тому что люди оказываются не готовы. Никогда не было, и я сомневаюсь, что когда-либо произойдет такое чудо, которое разумный, бесстрастный вопрошающий не сможет легко подвергнуть сомнению; но когда разуму и терпимости будет предоставлена свобода в этом мире? Люди нуждаются в чудесах, в святых мощах, в обломках подлинного креста – которых сейчас берется столько, что можно засадить лесами всю землю...

Готье отвернулся. На его лице Пьетро увидел страх и смятение. Его простодушное сердце не знало, чем защищаться от этих аргументов.

– Люди нуждаются в чудесах, потому что жизнь в наше время так безобразна и ужасна. Сила управляет людьми кровавыми руками. Люди добрые и нежные не имеют шансов против сильных... Неудивительно, что они хватаются за соломинку – за бредни истерического пастуха, уводящего детей, за галлюцинации мужчин и женщин, которых следует запираить в клетку, ибо они могут причинить вред и себе, и другим. Мы... мы доказали это. Мы сделали статую Богоматери горбатой и одноглазой – такой уродливой, что ею можно было пугать детей. Мы приписали ей множество чудес, надеясь показать нашим друзьям их глупость, когда мы разоблачим нашу мистификацию...³⁵

– Это не помогло, – заметил Пьетро.

³⁵ История с фальшивой Богоматерью заимствована у Ли (“История инквизиции в средние века”, том I, с. 103).

– Нет. Они отказывались верить нам, когда мы говорили, что сами вырезали ее из дерева и что ее вовсе не выбросило море, а когда мы объясняли им, как устраивали подложные чудеса, они рассказывали нам о других чудесах, которые совершала помимо нас наша самодельная Богоматерь. Жизнь так трудна – они ищут спасения от нее легким путем – безоговорочная вера в любую чепуху их больше устраивает, нежели каменистая тропа истины...

Он откинулся на солому, улыбаясь. Пьетро понимал, что силы оставляют Роже. На какое-то мгновение он испытал искушение указать этому убежденному скептику на чудо, свидетелями которого они являются, – совершенная победа человеческой воли над слабостью плоти. Истекающий кровью, умирающий Роже Сент-Марсель говорил с силой и убежденностью о проблемах, близких его сердцу. Пока он говорил о них, он мог преодолевать боль, забыть о своей слабости. Его воля, как стальная, возвышалась над разбитым кровоточащим телом. Теперь он замолк, и силы покинули его.

Прошло еще некоторое время, пока Роже забылся сном. Пьетро тут же склонился над ним, промывая и перевязывая его раны, а Готье смотрел на это, и на его молодом лице было написано сомнение.

– Я... я обещал ему, Пьетро, – пробормотал он.

– А я нет, – резко отозвался Пьетро.

Роже раз или два шевельнулся, пока Пьетро трудился над ним, застонал. Но он был слишком слаб, чтобы совсем

проснуться.

Они сидели около барона Роже в темноте, нарушаемой только мерцающим огоньком фонаря, который Готье принес из крестьянского дома. Они не разговаривали. Расхождение во взглядах у них оказалось слишком большим, и теперь они оба понимали это. Они сидели, глядя на раненого. Старались не заснуть. Но они были на ногах еще до рассвета и весь день участвовали в битве. Они за весь день ничего не ели и только выпили немного воды.

Некоторое время муки голода не давали им заснуть. Потом Готье вышел к своему коню и достал из седельной сумки хлеб и сыр. Пьетро позаимствовал из крестьянского дома кувшин вина. Но он был так возмущен грабежами, которые видел за день, что оставил на столе в уплату за вино монету, в двадцать раз превышающую стоимость этого вина.

Они хотели дать барону Роже немного вина, но не смогли разбудить его. А когда попытались влить вино ему в горло, он только закашлялся.

Вино согрело их. Винные пары добрались до их голов. Они сидели, зевая, моргая глазами, борясь со сном. Борьба эта оказалась бесполезной.

Ночью, пока молодые воины спали, барон Роже Сент-Марсель проснулся от острой боли, но с ясной головой. Он обнаружил, что все его раны перевязаны.

Он сорвал повязки, которые присохли к ранам, и из них хлынула кровь.

Роже посмотрел на спящих молодых людей и улыбнулся.

– О Господи, – прошептал он, – я поручаю их Твоему покровительству, чтобы Ты благословил их и хранил все дни их жизни...

И он откинулся на пропитанную кровью солому. Он остался живым и в здравом уме, пока не взошло солнце, и умер, когда солнечный свет коснулся его глаз.

Пьетро и Готье похоронили его, выкопав яму лопатой, найденной на ферме. На могиле они водрузили маленький деревянный крест, на котором Пьетро вырезал надпись:

“Здесь лежит храбрый рыцарь и доблестный господин, да примет Бог в своей неизреченной милости его душу”.

Они не рискнули вырезать его имя или место рождения, чтобы крестоносцы не надругались над могилой.

Пьетро глянул на Готье.

– Что дальше, мой господин? – тихо спросил он.

– Назад в Монтроз! – загремел Готье. – И если Симон де Монфор потребует, чтобы мы и дальше ему служили, пусть ищет нас там. Но, клянусь небесами, пусть приходит вооруженным!

6

Когда Готье Монтроз и госпожа Симона, его молодая жена, с которой он обвенчался шесть месяцев назад, подъехали к маленькому замку Пти Мур, они увидели Пьетро раньше, чем приблизились к крепостным стенам.

Он оказался на арене для турниров. Пьетро был один, а на другом конце поля – целая толпа рыцарей и вооруженных солдат, наступающих на него.

– Бог и Монтроз! – загремел Готье и соскочил с лошади. Один из слуг держал поводья его боевого коня, на которого Готье и пересел и поскакал к месту схватки.

Однако приблизившись, он придержал коня. Он увидел, что у Пьетро оружие деревянное, а у его противников – затупленное.

– Клянусь смертью Господа нашего! – выругался Готье. – Что он еще затеял?

Ему стало ясно, что бой всего лишь учебный. Но даже в этом случае такой хрупкий парнишка, как Пьетро, может серьезно пострадать при столкновении с любым из этих здоровых парней, а их было пять или шесть.

Пьетро сидел на вороном жеребце. Он был весь напряжен. Пора, подумал он, и поскакал навстречу противникам. У него не было даже копыя.

Когда они встретились в середине поля, Готье увидел лю-

бопытную сцену. Пьетро соскользнул с седла вбок, так, что его уже не стало видно. Потом, к ужасу Готье, он, как акробат, сделал сальто и приземлился на ноги. Он оказался под конями.

Пьетро не бежал. Он пританцовывал между мелькающими копытами и, как только улучал возможность, бил коней по передним или задним ногам деревянным топором. Топор был смазан какой-то липкой краской, оставлявшей след. Пьетро весело смеялся, когда мощные рыцари крутились вокруг него, мешая друг другу, пытаясь поразить его своим поддельным оружием. Вот он обнажил деревянный меч, на острие которого был насажен шарик с краской, и с ликованием колот коней в животы.

Готье и его молодая жена подъехали к навесу, под которым расположилась Антуанетта. Около нее сидела маленькая дочь. Девочка была – слава всем святым – крохотная и смуглая, как Пьетро. Все соседи дивились такому сходству. Она родилась суровым зимним днем в начале 1213 года. Теперь ей уже миновал год – шла весна 1214 года.

– Какого дьявола, что это Пьетро делает? – спросил Готье, даже не поздоровавшись с сестрой.

– Тренируется, – улыбнулась Туанетта. – Это его теория. Он обдумывал ее целый год, а сегодня он в первый раз испытывает на практике против опытных рыцарей...

– А это не опасно? – спросила Симона.

Туанетта покачала головой.

– Вовсе нет. Я много раз видела, как он проделывал это против оруженосцев и солдат и ни разу не получил ни одной царапины.

– А в чем его теория? – спросил Готье, не отрывая глаз от дикого танца Пьетро.

– Пьетро маленького роста. Он весит от ста тридцати пяти до ста сорока фунтов – и никогда больше. Он утверждает, что для него биться с норманнскими рыцарями, такими крупными мужчинами, просто самоубийство. Поэтому он придумал, как побеждать их. Скорость, говорит он, против силы. Конь вместо доспехов. Опрокиньте коня, и противник повержен...

– Клянусь очами Господа Бога! – загремел голос Готье. – Смотрите!

Пьетро ударил деревянным топориком по передним ногам боевого коня с такой силой, что конь рухнул на колени, сбросив седока на землю вперед головой. Рыцарь остался лежать ошарашенный. Потом он попытался встать. Пьетро молниеносно оказался над ним, колотя деревянным топором по шлему. Все остальные остановили коней и, сидя в седлах, хохотали.

– Сдаюсь! – кричал поверженный рыцарь. – Клянусь смертью Господа, сир Пьетро, вам это удалось! Вы убили меня!

Пьетро прекратил колотить и помог рыцарю встать на ноги. Потом оба сели на коней и поскакали к деревянному забору.

– Посмотри ноги своего коня, – смеялся Пьетро. – Будь мой топор стальным, вы все шестеро уже валялись бы бездыханными на земле...

– Это совсем не рыцарская манера сражаться, – сказал сир Тулон, почесывая голову, – однако...

– Судите сами, – продолжал Пьетро, – если бы мы с вами встретились в турнире, то первым же ударом копья вы выбрали бы меня из седла. В турнире человек моего сложения не имеет никаких шансов. Когда я действую так, как сейчас, у меня появляется шанс, – но не забывайте – я сильно рискую. Все, чего я хочу, это хоть какого-то шанса одержать победу.

Рыцари спешили и приветствовали дам. Когда же они осмотрели отметины, которые Пьетро оставил липкой краской на ногах их коней, они перестали улыбаться и задумались.

– Сир Пьетро, – сказал барон Тулон, – я думаю, что мы должны попросить вас кое о чем. Из уважения к рыцарскому сословию, к которому вы принадлежите, будет лучше, если вы станете держать вашу новую тактику в секрете...

– Почему? – спросил Пьетро.

– Боевой конь является основой нашей силы. Разве вы не понимаете, что крестьяне и сервы могут использовать вашу тактику против нас?

– Вряд ли, – улыбнулся Пьетро. – Эта тактика требует большого проворства и умения, а где вы видели крестьянина, который двигался бы проворнее буйвола?

Это соображение их несколько успокоило.

Представлять рыцарей Готье не было необходимости – они знали его раньше, чем познакомились с Пьетро. Что же касается его дамы, то все эти рыцари были гостями на свадьбе Готье в Монтрозе.

Пока они ехали к замку, Пьетро посматривал на Готье. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что Готье счастлив. Счастье переполняло его. Что же касается госпожи Симоны, то каждый раз, когда она поднимала глаза на своего рослого мужа, в ее глазах светилось обожание.

Пьетро не мог удержаться, чтобы не глянуть на лицо своей жены. Святой Иисус и Пресвятая Богородица! – подумал он. Все еще – после двух лет брака! Нянька унесла маленькую Элеонору. С того дня, как она родилась, Пьетро не видел, чтобы Антуанетта хоть раз взяла ее на руки. Он вынужден был нанять кормилицу – молодую женщину из деревни, хотя у Туанетты хватало молока.

– Я не могу, – сказала она своим холодным, размеренным голосом, – когда оно прикасается ко мне. Оно. Только через месяц она перестала называть ребенка “оно”, да и то лишь после того, как Пьетро довольно резко поговорил с ней.

Столбы были расставлены в саду, и хотя это был не большой праздник, а просто случайная встреча соседей, повара Пьетро превзошли сами себя. Все крепостные Пьетро трудились на него гораздо усерднее, чем на любого другого хозяина. Он был добр к ним.

– За два года, – радовались они, – он еще ни разу никого не ударил. И он всегда внимательно выслушивает наши жалобы и пожелания...

Когда старый Жак из-за болезни не мог выплатить Пьетро арендную плату, тот простил ему ее. Когда этот темный осел Пьер, решив воспользоваться мягкостью хозяина, отказался выходить на барщину, Пьетро только лишил его земельного надела, после чего Пьер, бестолковый и никчемный, не имея ни смелости, ни ума, чтобы стать разбойником, начал голодать. Он пришел к Пьетро просить прощения, и Пьетро взял его обратно, не ударив его и даже не обругав.

А когда бедняжка Эглентина забеременела от бродячего фокусника, который называл себя Гросбэф – каково было его подлинное имя, знал один лишь Бог, – Пьетро нашел ей хорошего мужа, сына торговца из города, причем, люди поговаривали, не пожалел ради этой деревенской девушки немало ливров.

Такое неслыханное поведение, естественно, привело к тому, что крестьяне Пьетро просто обожали его. Не было в их глазах такой награды, какой не заслуживал бы сир Пьетро.

За столом Туанетта непринужденно болтала с бароном Тулоном и сиром Перонье. Пьетро знал, что многие рыцари в округе завидуют тому, какая у него прекрасная жена.

Если бы они только знали, думал Пьетро, если бы они только знали...

Многие мужчины возненавидели бы Антуанетту. Но

Пьетро не походил на большинство мужчин своего времени. Главное чувство, которое он испытывал к своей жене, была жалость.

По правде говоря, имелась еще пара других причин, влияющих на его отношение к Туанетте. Он посмотрел через стол на осанистого графа де Харвента и покраснел. Граф Джефри был такой достойный человек. Благородный и хороший христианин.

О Боже, подумал Пьетро, за этот грех моя душа будет проклята навеки...

Но что может поделать человек с грехом, от которого не в силах отказаться. Он не любил Иветту. Он ненавидел все в их отношениях. Их потаенность. Стыд, который он испытывал, предавая такого человека. Он не вынес бы Иветту в качестве жены и знал это. Она была просто великолепным и горячим животным с потрясающим телом. Какое тело! Мягко-округлое, с длинными ногами и маленькими ручками, ласки которых возбуждали мужчину до безумия.

Чего ей не доставало, так это ума. Несколько раз они встречались в обществе, и он был вынужден разговаривать с ней – это было ужасно. Мужчина должен иногда разговаривать со своей женой. Пьетро удивлялся, как столь умный человек, как граф Джефри, терпит ее.

С маленькой Мартиной, дочерью местного торговца, чьи дела заставляли его часто уезжать из дома, было лучше. Мартина была полненькая, мягкая и теплая, но ей недостава-

ло опустошающей страстности Иветты. Не то чтобы она была холодной. Она – Пьетро подыскивал подходящее слово – просто нежная.

У Иветты, догадывался Пьетро, опережая знания своего времени, это вид заболевания. В моменты страсти ее красивое лицо становилось уродливым. Похоть сжигала ее, и в ней не оставалось места ни для нежности, ни для любви.

Она, с грустью осознал Пьетро, использует меня так же, как я использую ее. Мы служим друг другу – она тушит во мне пламя, которое поджигает Туанетта, но не может погасить, а я компенсирую ей возраст ее мужа и его бессилие...

– Ты очень молчалив, брат наш, – заметила Симона.

– Знаю, – отозвался Пьетро, – иногда мне бывает трудно думать по-французски.

– А на каком языке ты думаешь? – спросила жена Готье.

– Обычно на арабском, или на сицилийском наречии, или на смешении этих двух языков. Это языки моего детства...

Симона с удивлением воззрилась на него. Но, чувствуя его настроение, не стала дальше вовлекать его в разговор.

То, что он совершает, это грех. Смертный грех. И все-таки этот грех удерживает его от чего-то, что он не вынесет. Он ведь сицилиец, и в нем бурлит горячая кровь Италии. Раньше или позже, если бы не интрижки с Иветтой и нежной бедняжкой Мартиной, его естественные желания заставили бы его попытаться изменить отношения между ним и Туанеттой. Стоит только посмотреть на незажившую боль в ее

глазах, чтобы понять, насколько это было бы ужасно.

Лучше уж моральная мерзость этих его грехов...

В конце концов он заметил, что лица рыцарей, сидящих за столом, посерьезнели.

– Да, – говорил Готье, – боюсь, что это означает войну. С тех пор как наш великий король отнял в тысяча двести четвертом году Шато Гийяр у короля Англии, Иоанн, этот жестокий монарх, места себе не находит от ярости...

– Он выжидает давно, – заметил граф Харвент. – Это произошло десять лет назад...

– Раньше он не решался, – ответил Готье. – Но теперь ситуация изменилась. Наш король поддерживает в Германии молодого Фридриха против племянника Иоанна Оттона. Так что теперь Иоанн Безземельный может рассчитывать на поддержку гвельфов. Фридрих держится твердо, – как я слышал, даже становится все сильнее. Но если эта наполовину английская свинья сможет сокрушить главный оплот Фридриха – нашего славного короля Филиппа, – гибелины в Германии разбегутся немедленно. У короля Иоанна есть и другие союзники. Мы отняли у него Анжу и Нормандию, но его агенты там действуют. Графы Фландрии и Булони и так не любят нашего короля, а платные агенты короля Иоанна во Фландрии и Германии тратят деньги, не считая. Герцоги Брабанта присягнули Иоанну. Лимбург, граф Голландский, объявил мобилизацию. А не далее как вчера я получил известие, что граф Солсбери собирает под свои знамена тысячи фла-

мандских наемников. Что же касается Оттона, то он будет в состоянии привести столько саксонцев, что вам легче будет сосчитать песчинки в океане.

Рыцари сидели, поглядывая друг на друга. На лицах у них было написано отчаяние. Какие шансы у Франции против такого количества врагов? Многие ее лучшие воины все еще в Лангедоке сражаются с упрямыми еретиками.

Туанетта перегнулась через стол.

– Если начнется война, мой господин, – прошептала она, – ты тоже должен будешь отправиться на нее?

– Да, – ответил Пьетро и попытался заглянуть ей в глаза. Да-да, думал он, я должен буду отправиться. Может случиться, что я даже буду убит и ты станешь свободной. И хотя он ненавидел сражения и убийство, он вдруг обрадовался этой войне.

Это будет славная война, на которой будут решаться судьбы великих держав. В этой войне будут сражаться достойные рыцари, уважающие правила войны. Пленных можно будет выкупать. За ранеными будут ухаживать. Погибшие будут достойно погребены. Не то что в Лангедоке, где идет разграбление прекрасной и беззащитной страны с такой жестокостью, от которой тошнит и которая не знает жалости...

Однако на лице Антуанетты он не увидел радости. В ее карих глазах была тревога. Она выглядела так же, как любая другая жена, узнавшая, что ее мужу угрожает опасность.

“Благодарю тебя, сын Девы Марии! – возликовал Пьет-

ро. – Если угроза войны заставляет ее смотреть на меня так, то я прошу – пусть грянет война!”

– Нам надо поговорить об этом, – шепнула Антуанетта. – Позднее.

– Хорошо, – отозвался Пьетро.

– Теперь в любой день, – вздохнул Готье, – может прискакать королевский посланец с вызовом. Вы знаете, господа, как я люблю сражаться. Но сейчас, я Должен признаться, я чувствую странное нежелание ехать...

– Совсем не странное, сир Готье, – заметил граф Джефри. – Я тоже должен оставить молодую жену, которая бесконечно дорога мне, хотя я часто думаю, что жениться в моем возрасте на столь молодой женщине было большой глупостью...

Сидевший рядом с Пьетро молодой рыцарь, сир Гарнье, вдруг прикрыл лицо рукой, чтобы скрыть смех.

Пьетро посмотрел на него. Много или мало он знает? Более всего Пьетро не хотел явного скандала. Надо будет расспросить Гарнье. Однако как подступиться к такому разговору? Дьявольски трудно расспрашивать о таких делах, не обнаруживая собственной вины. Но коль такая сплетня бродит, лучше, если он будет знать об этом.

Граф Джефри встал и предложил прощальный тост за сира Пьетро. Это была еще одна проблема. Поскольку Пьетро стал владельцем Пти Мур, все окрестные рыцари были уверены, что он посвящен в рыцари. Чтобы поддерживать это

заблуждение, ему пришлось заказать для себя герб. Ярко-синий на красном фоне с прекрасно выполненной загадочной надписью по-сарацински. Надпись гласила: “Аль Саффа”. Он никогда не переводил ее никому, предпочитая сохранять таинственность. “Аль Саффа” – “Проливающий кровь”.

Таким он станет, если Господь вознаградит его и позволит вернуться на Сицилию. Кровь Синискола. Только ради этого он учился искусству сражаться.

Пьетро проводил своих гостей до стойл, где их ждали лошади. Когда молодой Гарнье приготовился сесть в седло, Пьетро задержал его.

– Я хотел кое о чем спросить вас, – прошептал он.

– Конечно, сир Пьетро, – улыбнулся Гарнье. – Я к вашим услугам.

Это был очень приятный рыцарь, к тому же очень красивый, как заметил Пьетро.

Не придумав никакого другого подхода, Пьетро задал вопрос в лоб:

– Почему вы улыбнулись, когда граф говорил о госпоже Иветте?

– Ах это, – рассмеялся Гарнье. – Этот скандал всем известен. Не проходит ни одной ночи, чтобы, когда этот благородный, но пожилой воин отправляется спать, щедрая Иветта не убегала из замка на свидание с рыцарем...

– А вам, – спросил Пьетро, заставляя свой голос не дрожать, – известно имя этого рыцаря?

– Рыцаря? – воскликнул Гарнье. – Святой Боже! Я мог бы назвать вам хоть пять, если бы хотел...

– И вы, сир Гарнье, – улыбка Пьетро была совершенно спокойна, – без сомнения, в их числе?

– Нет, теперь нет. Признаюсь, что был – еще три недели назад. Но во мне есть некоторая привередливость. Я никогда не имею дел с женщинами из веселых домов из страха перед наследством, которое мог оставить мне мой предшественник. Зачем же я буду рисковать, даже если дама носит высокую фамилию? Когда я в случайном разговоре с двумя друзьями выяснил, что делу ее благосклонность с ними – и другими, – я самым нежным образом распростился с ней...

– Благодарю вас, сир Гарнье, – прошептал Пьетро.

– Не стоит благодарности. А вот вам действительно повезло с женой. Она ангел, к которому не может быть никаких упреков.

Глядя вслед ему, Пьетро почувствовал, что его подташнивает. Он получил удар по самому уязвимому месту – гордости. Он романтизировал даже свои низменные отношения с Иветтой, приносил в них поэзию – сочинял для нее песни, которые часто пел ей во время их свиданий.

Их свиданий. Его и еще скольких других? Его тошнило от отвращения и стыда. И от... ревности. То, что было между ним и Иветтой, отвратительно, и он ненавидел эти отношения. Но теперь, когда он должен оборвать их, он не хотел этого. Слишком много воспоминаний. Вряд ли хороших, если

поразмислити об этом. Они были такими... телесными. Тело, прильнувшее жаркой летней ночью к другому телу, потному оттого, что больше походило на сражение, чем на любовь, усталое от полной опустошенности – если не считать того, что опустошенность Иветты никогда не бывала окончательной, – и он знал с подступающим страхом, что через минуту-другую эти дьявольские руки...

– О Боже, сын Святой Марии, – взмолился он.

Он никогда больше не пойдет к ней. И в сегодняшнюю ночь, и во все последующие.

У него с ней на сегодняшний вечер назначено свидание. Ничего, пусть подождет.

Однако долго ли она будет ждать, прежде чем вызовет другого?

Ладно, он поедет. Но только для того, чтобы бросить ей в лицо горькие обвинения. В ее прелестное лицо. Такое прелестное лицо.

Дурак, почти плакал он. Дурак, дурак, дурак!

В состоянии этого душевного смятения он совершенно забыл, что Антуанетта выразила желание поговорить с ним. Он прошел в свою комнату, переоделся и выехал из замка до того, как стемнело.

Он прилег на траву у опушки леса. Ждать ему пришлось долго. Он лежал, яростно жуя травинку и глядя, как постепенно темнеет небо.

На краю вселенной засветилась бледная звезда. Синева

неба стала пурпурной, потом черной. Зажглось множество звезд и тонкий яркий полумесяц.

Он услышал топот ее коня. Без сомнения, после сегодняшнего инсценированного турнира граф Харвент рано лег спать. Пьетро встал.

Она подъехала туда, где он стоял, и соскочила с коня. Он подхватил ее на руки. Потом отпустил и шагнул назад.

– Дорогой, – прошептала она, – дорогой, дорогой...

– Ты... ты уличная женщина! – выпалил он ей в лицо. Он хотел употребить более короткое, более грязное слово. Но, увидев в лунном свете ее лицо, он не мог произнести его. Он понимал, как нелепо оно прозвучит.

Иветта посмотрела на него. Потом очень медленно откинула голову и громко рассмеялась.

– Бедняжка Пьетро! – прошептала она. – Я оскорбила его... оскорбила этого бедного маленького гордеца!

– Ты... ты... – почти заплакал он.

– Нет, я не такая, – засмеялась она. – Такие женщины берут деньги. А я нет. Скажи лучше, прекрасный Пьетро, что я щедрая женщина. Прекрасная дама, щедро дарящая себя по доброте сердечной. А у меня, любимый, очень доброе сердце...

– Не надо, – прервал ее Пьетро. – Не называй меня любимым!

– Но ты действительно моя любовь, – прошептала она, подходя к нему ближе. – Моя маленькая смуглая любовь со

всем огнем Италии в жилах...

Пьетро отступил на шаг.

– Должно быть название, – сказал он, – для таких женщин, как ты...

– Конечно есть, – отозвалась Иветта. – Их много. И ты все их произносил: “Радость моей жизни. Лунный свет моего наслаждения. Сладкий сокол, раздирающий когтями мою душу”...

– Перестань!

– Ты очень поэтичен, мой Пьетро. Могу я несколько утешить тебя? Вот что я скажу тебе: ты, мой неутомимый, ты, дорогой, лучше их всех!

Он не ответил ей. Не мог.

Иветта подошла еще ближе.

– А теперь, – прошептала она, – давай забудем все эти глупости. Мы здесь вдвоем, и только это имеет значение. То, что я делала с другими в другие ночи, касается только других ночей и других мужчин. Сегодняшняя ночь, Пьетро, наша. Используем ее лучшим образом.

Он задыхался, не в силах вымолвить ни слова.

Она протянула к нему руки. Ее длинные пальцы играли его густыми выющимися волосами. Ее рот нашел его рот и начал двигаться, мягкий, чуть вывернутый, и кончик языка, горячий, влажный, ищущий, прилипающий в этом мимолетном, дьявольском изошренном действе, проник в его рот, медленно прижимая его плоть к чужой, женской, раскален-

ной настолько, что не было уже сил сопротивляться.

Кровь барабаном стучала у него в висках.

Он оторвался от нее. Тысячи дьяволов плясали в нем и завывали. Он занес руку за спину.

– Ты хочешь ударить меня? – прошептала Иветта. – Ударь, Пьетро! Ведь этого ты никогда не делал...

Его рука бессильно упала.

Иветта запрокинула голову и расхохоталась. Это был звонкий смех. Проклятый смех. Он вырывался из ее горла как весенний ручеек. Серебряный. Сладкий. Он струился и струился.

– Ты... – задохнулась она, – ты такой смешной, Пьетро! Такой смешной...

Он отвернулся. Ее смех бился у него в ушах. Он почти бежал к своему коню. Но кто-то тронул его за руку, очень легко.

– Подожди, муж мой, – прошептала Антуанетта. Ярость вытекла из него. Он стал холодным. Как лед. Его трясло.

– Госпожа Харвент, – спокойно сказала Антуанетта, – вам лучше вернуться к вашему мужу. Пойдем, Пьетро.

Пьетро пошел за ней. Стыд, который он испытывал, был самым ужасным, самым отвратительным ощущением на свете.

Антуанетта не произнесла ни слова. Всю дорогу домой она молчала. Лицо ее в лунном свете было прелестно и ясно.

Пьетро не мог этого перенести. Ни одна женщина на свете

не может видеть такое и не...

Но Антуанетта не была такой, как все женщины на свете. Она была самой собой.

Она могла.

– Спокойной ночи, муж мой, – сказала она и пошла к маленькой комнате, в которой спала последние два года.

– Туанетта! – взмолился Пьетро. – Туанетта, Бога ради...

– Мы поговорим позднее, – сказала она. – После того, как я обдумаю все...

Думать, видимо, ей пришлось долго и тщательно. Ибо на протяжении последующих двух недель июня она разговаривала с ним со спокойной веселостью и только о случайных мелочах жизни. Часто беседовала с Симоной, так как Готье и его молодая жена задержались у них.

Пьетро с трудом сохранял спокойствие. Он сводил Готье в оружейную мастерскую и показал ему новые доспехи, которые заказал специально для себя. Оружейник ужасно сопротивлялся, изготавливая эти доспехи. Глянув на них, Готье согласился с оружейником. Шлем был легким, – слишком легким, по утверждению Готье, хотя с надежной прокладкой изнутри. Кольчуга без рукавов прикрывала только грудь, опускаясь чуть ниже поясицы, оставляя руки и ноги незащищенными. Щит представлял собой маленький круг, прочный, но такой небольшой, что мог прикрыть только часть груди Пьетро.

Оружие для атаки тоже создавалось по этому принципу

– на удивление тяжелый маленький топор с таким острым лезвием, что им можно бриться. Пьетро доказал это, сбрив им трехдневную щетину с подбородка. Меч оказался таким коротким, что почти смахивал на кинжал, и очень легким, так что когда Готье взвесил его в руке, то даже не ощутил его веса.

– Это оружие рассчитано на меня, – объяснил Пьетро. – Неужели ты не понимаешь? Одень меня в такие доспехи, какие носишь ты, и я с трудом смогу двигаться. Единственное, чем я обладаю, это быстрота, подвижность. Поверь мне, я заставлю эти игрушки работать...

– Не пройдет и часа в сражении, – застонал Готье, – как тебя разрубят на части!

Пьетро посмотрел в ту сторону, где сидели Антуанетта и Симона. Симона держала на руках маленькую Элеонору.

– Возможно, – прошептал он, – это было бы не так уж плохо, Готье.

На следующее утро прибыл королевский посланец.

Пьетро услышал звук трубы и спустился, чтобы встретить посланца.

– Король, – прокричал посланец, – приказывает вам явиться со всеми вашими людьми, включая юношей, которые могут ухаживать за лошадьми или таскать дровишки! Да будет вам известно, что Оттон Германский вторгся во Францию! Он стоит сейчас в Валансьене, и войско его так многочисленно, как саранча, опустошившая в древние времена

Египет. Король нуждается в вашей помощи, приходите!

Пьетро заметил, как расширились глаза Антуанетты. Может быть, теперь, подумал он, хотя бы теперь она сможет простить меня...

Но она не проронила ни слова.

Пьетро и Готье начали приготовления. Они пригласили настоятеля монастыря в Фондюбуа и исповедались ему в своих грехах. Потом они составили завещания и передали ему, он заверил их своей подписью и сказал, что завещания будут храниться в аббатстве. Готье распорядился, чтобы в случае его гибели на поле боя его похоронили у церкви в Монтрозе. Пьетро, не предполагая, что его может постигнуть такая участь, оставил такое же распоряжение – он должен быть похоронен в Пти Мур, в освященной земле. Он завещал пятьсот ливров на обедни за упокой своей души.

Это были грустные дни. Наблюдая за этими мрачными приготовлениями, Симона плакала.

Огромные темные глаза Антуанетты были сухими. Но она не отводила их от лица мужа.

Стоял жаркий июль. Пьетро не мог заснуть. Завтра он отправляется на войну – в нелегкий поход против плохо вооруженных и уступающих числом еретиков. Германские рыцари считались самыми сильными и самыми грозными воинами в христианском мире. Даже мысль о том, что если французы одержат победу, то Фридрих станет не номинальным, а подлинным императором Римской империи, не слишком помо-

гала Пьетро.

Он сидел у окна, глядя в темноту. Было уже очень поздно, но он потерял всякую надежду заснуть. То, что он сделал, нельзя простить, но теперь, когда он будет смотреть смерти в лицо, она могла бы найти в своем сердце несколько нежных слов. Слов, которые сейчас для него так много значат.

Он устало поднялся и начал раздеваться. Потом лёг на широкую постель и уставился в потолок. В тот самый потолок, на который он в одиночестве смотрел столько ночей.

Поначалу он не был уверен, что это ему не почудилось. Он лежал и прислушивался. Потом вновь услышал этот звук, теперь он уже был уверен. Шорох босых ног по полу.

Она тихо подошла и села на край постели.

– Мой господин, – осторожно позвала она. – Ты спишь?

– Нет, Туанетта, – ответил Пьетро.

Она уже приготовилась ко сну, и на нее было очень приятно смотреть. Лунный свет струился на нее сквозь окно, и все ее тело казалось серебряным. Очень красиво. Согласно обычаю, она спала обнаженной.

– Выслушай меня, – шептала она. – То, что я должна сказать тебе, очень трудно выговорить, муж мой. Не смотри на меня. Отвернись и слушай.

Пьетро отвернул лицо.

– Я очень старалась научиться любить тебя. Тебя... и моего ребенка. Я... я не смогла. Я молилась Пресвятой Деве, молилась самому Господу Богу – ничего не помогло. То, что

во мне, это как смерть...

Пьетро лежал не двигаясь.

– Я разговаривала с настоятелем. Я всегда испытывала тягу к религии. Он предложил мне все же постараться выполнить данный мною тебе обет. И тогда – если я не смогу, – тогда наш брак может быть расторгнут. Тогда я смогу уйти в монастырь. Я хочу этого, Пьетро... так хочу! В монастыре я обрету покой – буду слушать заутреню и вечерню и молиться весь день...

Пьетро застонал.

– Я не буду, – с горечью сказал он, – стоять на твоём пути.

– Симона обещала взять мою дочь и вырастить ее, как свою собственную. Для маленькой Элеоноры это будет гораздо лучше...

Пьетро молчал.

– Я была уверена, что ты поймешь. Я и сейчас уверена. Только – Господи, помоги мне? – я теперь не уверена в другом – смогу ли я оставить тебя... сейчас.

Пьетро обернулся и глянул на нее.

– Да-да, – всхлипывала она. – Посмотри на меня! Я хочу – о, Пьетро, мой Пьетро, я плачу каждую ночь с тех пор, как я узнала про нее, – я хочу спать с тобой!

Пьетро встал, протянул руки и схватил ее в объятия, но слишком поспешно.

– Подожди! – воскликнула она. – Я еще не готова... Пожалуйста, Пьетро, пожалуйста!

Он положил ее на постель, нашел в темноте ее губы. И тут почувствовал, как она содрогнулась. Ее тело, такое теплое еще секунду назад, стало ледяным, окостенело от холода.

– Пьетро, – всхлипывала она. – Бога ради, Пьетро, отпусти меня, отпусти, отпусти меня...

Он разомкнул свои объятия. Она, пошатываясь, отошла от кровати, потом согнулась пополам, и ее вырвало на пол...

Пьетро лежал, опираясь на локоть, и смотрел на нее. Когда кончились ее страшные спазмы, он поднял глаза к небу.

– О Господи, – взмолился он, – сделай так, чтобы битва, на которую я завтра уеду, стала последней битвой в моей жизни...

Она вернулась к кровати и опустилась рядом на колени. Она протянула руку и стала гладить его волосы.

– Ты видишь, дорогой, – прошептала она, – я не создана для тебя. Я старалась – честно старалась, – но я ничего не могу поделать с собой. Я люблю тебя, Пьетро. Но моя любовь не от мира сего. Теперь ты будешь свободен от меня. Найдется другая женщина, нежная и красивая, которая принесет тебе счастье...

– Такая, как Иветта? – жестоко спросил Пьетро.

– Нет. Это я... я толкнула тебя к ней. Ты мужчина. От тебя нельзя ожидать, что ты станешь жить как монах. Я простила тебя. И не проси у Бога себе смерти в этой битве. Я молилась, чтобы ты жил и обрел счастье. Господь услышит мои молитвы – ибо я очень близка к нему... теперь...

Утром, когда приехал настоятель, чтобы благословить рыцарей, собравшихся в Пти Мур, который занимал среди всех замков центральное положение, Пьетро и Антуанетта заперлись с ним больше чем на час. Перед тем как они вышли, были принесены соответствующие клятвы, подписаны необходимые документы. Решать этот вопрос должен будет совет епископов, но Жорж, настоятель аббатства Фондюбуа, был уверен, что они согласятся. Будучи человеком мудрым, он чувствовал, когда люди говорят правду.

После этого Пьетро отправился на войну. На вершине холма он обернулся и посмотрел на прелестный маленький замок Пти Мур. Он никогда больше не увидит его. В этом он был уверен.

Пьетро и Готье – ветераны прошлых войн и люди, много путешествовавшие, ехали налегке. У них с собой было всего два мула с поклажей и двое слуг. По дороге на Перонн они могли убедиться в правильности своей умеренности.

Стояла жара. Все дороги, ведущие к Перонну, месту сбора войска, назначенному королем, были забиты. Сюда съезжались отряды со всей Франции. А в этой самой феодальной из всех феодальных стран их съезд превратился в беспримерно пышное зрелище.

Каждый час в город вступали новые знамена. Небеса содрогались от барабанного боя, грома труб. Знатные бароны въезжали в город на верховых лошадях, их боевых коней вели на поводу справа от хозяев. Они прибывали с многоцвет-

ными шелковыми шатрами, с сундуками, набитыми роскошными одеждами, драгоценностями. Они везли с собой запасные доспехи и оружие, вина, продукты, шутов и менестрелей для развлечений, соколов и гончих псов для охоты.

Пьетро с удивлением рассматривал их. Трудно было поверить, что эти люди собрались на столь ответственное дело, как защита родной земли. Бесконечные караваны мулов, растянувшиеся на целые мили, вливались в город.

А следом за ними тянулись тысячи коробейников со всевозможными талисманами и амулетами, вылечивающими раны и спасающими от смерти, с шелками и кружевами для прекрасных дам этих господ. Затем – менестрели, которые ударяли по струнам лютен и пели. И шуты, фокусники, а вдобавок еще одна армия – отвратительные женщины, без которых, очевидно, не обходится ни одна война. Солдат нуждается в утешении, прежде чем пойдет на смерть.

– Клянусь распятием Господним! – выругался Пьетро. – Они что, думают, будто отправляются на турнир?

Готье пожал плечами.

– Многих ждет смерть, – сказал он. – Неужели ты, Пьетро, хочешь лишить их этого последнего роскошного представления?

– Нет, конечно, – отозвался Пьетро. – Прости мне мое дурное настроение, сир Готье...

Готье положил руку в железной перчатке на плечо Пьетро.

– Я все понимаю, – спокойно сказал он. – Но ты, Пьетро,

должен знать одно. Для меня ты все равно останешься братом. Горячо любимым братом. У тебя большое будущее. Мне не нравится, что ты отправляешься на битву в таком настроении. Переверни страницу, Пьетро! Впереди у тебя чистые страницы, на которых предстоит писать. Что ты напишешь на них? Я думаю, героические дела и новую любовь, достойную тебя. Вперед! Переверни страницу, Пьетро!

Ожидание сражения всегда самое тягостное. Вскоре стал ощущаться недостаток в продуктах, поскольку приходилось кормить такое количество ненужных ртов. И – как в каждойлетней военной кампании в истории – люди стали умирать, как мухи, от дизентерии. Уже спустя неделю воду нельзя было пить. В городе стояла такая вонь, что Готье и Пьетро разбили свой лагерь в пяти милях в стороне.

Когда двадцать пятого июля пришел приказ выступать, все обрадовались. Готье, представляющий здесь своего отца, заседал в Королевском Совете. Он там не выступал, но внимательно слушал. Никто не знал, что собирается предпринять Гвельф. Французские рыцари надеялись схватиться с ним на равнине вблизи Камбре, но некоторые опытные воины были уверены, что он минует эту равнину и двинется прямо на Париж.

Двадцать шестого они остановились в Турне, на границе в Фландрией. Никто не спал в эту ночь. Разведчики принесли известие, что гермацы движутся к Бовине – пустоши в девяти милях отсюда.

Пьетро наточил свое оружие и смазал легкую кольчугу. Это будет сражение, которое сам он не выбирал. Завтра ему предстоит скакать в бой и рисковать жизнью ради чужой страны...

Но эта земля встретила его хорошо и обращались с ним справедливо. Земля, где он нашел друзей, где, если бы не злая судьба, с радостью он готов был жить и умереть и вырастить своих сыновей французами.

И кроме того, ставкой сейчас была судьба Фридриха. Если звезда Пьетро не обещает ему ничего хорошего, то ведь это та же звезда, под которой родился и Фридрих. Он связан с Фридрихом.

Если в Бовине судьба императора повернется к лучшему, не будет ли это значить, что и его судьба...

Он, улыбаясь, смотрел на серый рассвет. Странное чувство, нарождавшееся в его груди, было надеждой.

Несмотря на ранний час, лагерь уже был на ногах. Французы хотели явиться в Бовине первыми. Предстояло переправиться через реку Марке и занять позиции, чтобы болота оказались у них на флангах. Тогда Отгон не сможет напасть на них неожиданно. В то же время, если его войско двинется на Париж, французы смогут нанести ему смертельный удар...

Пьетро ехал верхом, проклиная про себя жару. Улитка и та двигалась бы быстрее. Их движение замедляли караваны мулов. С пяти часов утра и до полудня войско ползло по жа-

ре и пыли, и к тому времени, когда пехота и мулы перешли мост через Марке, епископ Гарен из ордена госпитальеров, храбрейший из воинов-священнослужителей, вернулся с рекогносцировки.

Пьетро и Готье сидели на траве неподалеку от короля. Это место они выбрали не без расчета – во всяком случае, со стороны Пьетро. Если выпадет случай совершить нечто героическое, то где найдешь для этого место лучше, чем на глазах короля?

Епископ соскочил с коня.

– Хорошие новости, сир, – рассмеялся он. – Германцы будут биться. Рыцари в полном вооружении, и пехота позади.

Король Филипп встал.

– Спаси нас, Господи, – прошептал он.

Пьетро знал, что имеет в виду король. Пешие солдаты и значительная часть обоза переправились через реку, но рыцари и конные солдаты все еще находились на этом берегу. Германцы должны быть довольны. Они могут свободно поскакать к Френч Фут и уничтожить обоз.

Готье встал.

– Поехали, – спокойно сказал он. – На высоких конях, Пьетро!

Выехать на высоком коне означало показаться с полным вооружением, стоя на стремянах, устрашая противника своей гордостью. Однако Пьетро не ощущал в себе никакой гордости. Как ни странно, он не ощущал и страха. Он был со-

вершенно спокоен, садясь в седло. Он поскачет рядом с Готье, будет сражаться вместе с ним, но то, что случится дальше, казалось, не имело большого значения.

Филипп Август заметил, как они двинулись с места.

– Только двое? – пробормотал он. – Заметьте этих рыцарей, господин Гарен, – от таких, как они, зависит судьба Франции.

– Тот, который повыше, это Готье Монтроз, – сказал епископ Гарен. – А второго я не знаю.

Увидев их, некоторые воины-простолюдины поскакали вслед за ними. Ни одного рыцаря. Только Пьетро, Готье и эти воины. Один высокорожденный, а остальные сыновья слуг и вилланов, и в их руках, затянутых в стальные рукавицы, судьба империи, судьба Европы.

– Привязать шлемы! – скомандовал Готье. Он не кричал. Это был тот случай, когда кричать не следовало, когда шепот звучал как барабанный бой. – Готовы? – спросил он.

Все кивнули.

– В атаку! За Бога, Святого Дени и Францию! Вперед!

Впоследствии Пьетро никогда не мог вспомнить, как именно все происходило. Общая картина не получалась. Только отдельные фрагменты. Мускулы коня под его ляжками, твердеющие буграми – обмякающие – снова твердеющие, летящие комья земли и развевающаяся черная грива Амира. Теперь на мост, бревна гремят под копытами, весь мост дрожит, внизу под ним зеленая вода Марке, и вот

опять под копытами коня земля, вокруг дерева, пролетающие мимо поля, очертания которых расплываются от быстроты скачки. Крепко сжав в руке копьё, Пьетро чувствует, как вспотела его ладонь, охватывающая древко, но надеется, что рука не соскользнет. Потом – германцы.

Могучие рыцари на могучих конях. Они ждут, а Пьетро, Готье и двадцать воинов атакуют армию.

Потрясение, испытанное, когда они ударили. Звук удара расколол небо и соединился со скрежетом металла о металл, ржанием коней, со всхлипами раненых. Они повернули вспять, Пьетро смеялся, его белые зубы сверкали на смуглом лице.

Сработало! Часть его новой тактики оправдала себя. Этот прием со свисанием с седла на бок коня так, что ты перестанешь быть мишенью – и копьё германца вонзилось в пустоту, и инерция несостоявшегося удара оказалась так сильна, что рыцарь потерял равновесие, а Пьетро вонзил свое копьё в не защищенное кольчугой место, выбил рыцаря из седла, и тот рухнул, умирая.

Они отступили перед надвигавшимися на них тысячами рыцарей. Готье, Пьетро и пятнадцать оставшихся невредимыми воинов. Потом новая атака. За Бога. За Святого Дени. За Францию. Это продолжалось столько раз, что Пьетро потерял счет. Его руки болели от взмахов смертоносного маленького топора, который разрубал шлемы, как нож разрезает мягкий сыр.

Он был несколько раз ранен, но большей частью это оказались царапины. Пьетро спасало его проворство, а Готье – сила.

Но это все могло привести только к одному исходу. Осталось уже только одиннадцать воинов. Все они были ранены. Готье истекал кровью, но львиный рык его продолжал греметь: “За Бога и Монтроза! За Святого Дени! За прекрасную Францию!”

И вдруг воцарилась тишина. Пьетро устало откинулся в седле, тупо глядя на германцев, превышающих их численностью в тысячу и больше раз, – они натянули поводья лошадей и одурело рассматривали эту горсточку воинов, которых могли бы раздавить, если бы сделали еще одно усилие.

Горсточка воинов. Готье, Пьетро и воины из Шампани, которые оглянулись и увидели, что вся французская армия уже перешла по мосту через Марке, ее знамена трепетали на легком ветру и доспехи сверкали под лучами солнца.

Горсточка воинов, которая только что спасла Францию.

К ним подскочил епископ Гарен.

– Король распорядился, чтобы вы все присоединились к его охране! – крикнул он. – Король не хочет терять вас из вида!

Готье посмотрел на Пьетро и ухмыльнулся.

– Новая страница твоей жизни, мой мальчик, – сказал он. – И, видит Бог, мы только начали заполнять ее.

Они подъехали к тому месту, где развеялся большой ко-

ролевский штандарт – алое знамя из венецианской парчи. И высшие вельможи Франции расступились, чтобы пропустить их.

– За то, что вы сделали, благодарю вас, – спокойно сказал Филипп Август. – После сражения вы узнаете меру королевской благодарности! А пока что присоединяйтесь к нам. Впереди еще дела, которые предстоит выполнить...

Опять ожидание. Священники ходили по рядам, отпуская грехи. То и дело доносились слова: “Моя вина”. Кони подрагивали кожей, пританцовывали от напряжения, воины обливались потом под лучами палящего солнца.

Жарко. Словно в преддверии ада. Мухи. Запах людской и конский. А напротив них, в ожидании, войско Оттона.

И так в течение часа – на расстоянии полета стрелы. На правом фланге напротив отрядов графов Понтье и Дрюю стояли наемники графа Солсбери и воины предателя Булона. Левее их располагались фламандские конники, которых было такое множество, что конца их рядам не было видно. И противостояли им только рыцари Шампани и Бургундии.

А в центре под большим алым штандартом король.

Прямо напротив Пьетро был виден германский центр. Огромная масса фламандской и германской пехоты, а позади лучшие рыцари императора. Легко можно было разглядеть Оттона. Он выделялся самым высоким ростом. Он сидел на боевом коне около своего штандарта, который, вопреки обычаю, находился не в руках знаменосца, а водружен был на

высокую тележку, запряженную четверкой лошадей.

Пьетро смотрел на большого бело-зеленого дракона, летящего над древком, увенчанным золотым орлом. Этот зверь должен быть повержен. Такова воля Господа.

Пьетро чувствовал себя превосходно. Сегодня его звезда будет благосклонна к нему. После этого часа он больше не будет игрушкой судьбы, а станет хозяином самому себе. Он знал это с полной уверенностью, не имевшей ничего общего с логикой.

Стоявшие впереди пехотинцы дрожали от страха. Пьетро испытывал жалость к этим солдатам. В каждой битве они принимали на себя главный удар и гибли без счета. Рыцаря от серьезных ран обычно предохраняют хорошие доспехи и воинская выучка. А вот городских рекрутов безжалостно топчут копытами и рубят на куски.

Пьетро услышал, как молился король.

– Святой Боже, – вслух произносил король, – я всего лишь человек, но я еще и король. Твое дело защитить короля. Этим ты ничего не утратишь. Куда бы Ты ни пошел, я буду следовать за Тобой.

Жара. Мухи. Приглушенное звяканье оружия.

За спиной у короля королевский капеллан Уильям Бретонский и еще один священнослужитель возвысили голоса.

– Благослови, Господи, мою силу, – пели они. – Ты, который научил мои руки и мои пальцы сражаться!

Епископ Гарен ехал вдоль строя воинов.

– Раздвигайтесь пошире! – гремел его голос. – Или вы хотите, чтобы германцы обошли вас? Эй, вы, там! У вас что, нет щита, что вы прячетесь за спину другого рыцаря?

Две тысячи французских рыцарей. Пять тысяч простых воинов. Двадцать пять тысяч пеших солдат.

Тридцать тысяч пеших германцев, фламандцев и англичан. Полторы тысячи рыцарей. Шесть тысяч воинов.

Две линии, растянувшиеся на полторы мили, стоящие друг против друга, а между ними поля, прекрасные и ровные, как площадка для турнира.

Потом правый фланг воинов атаковал фламандцев.

Фламандцы легко отбросили их назад с криками “Подумайте о ваших дамах!”, словно здесь был всего лишь турнир. Вмешались рыцари из Бургундии и Шампани, фламандцы с трудом сдерживали их напор.

В центре ничего не происходило. Только ожидание.

Потом началось.

Весь германский центр двинулся вперед сразу. На солнце засверкали острия копий, шлемы, кольчуги. Земля затряслась от топота их коней, трубы гремели. Пехота шла размеренным шагом, их клич “Хох! Хох!” как громом ударял по французскому центру.

Французские пехотинцы дрогнули. Они стали бросать оружие и удирать.

– Откройте им проход! – закричал Готье. – Пропустите вилланов!

Линия расступилась, и рекруты из коммун пробежали вглубь.

Пьетро протянул Готье руку, и они пожали друг другу руки. Теперь в атаку ринулись все французские рыцари. На всем протяжении линии противостояния. Они без труда пробились сквозь ряды германской пехоты и столкнулись с контратакой тевтонов.

Пьетро больше не видел Готье. Он был слишком занят. Его маленький топор оказался бесценным. С его помощью он делал то, чего никогда не смог бы совершить мечом. Каждый раз, когда германский рыцарь схватывался с ним, Пьетро раньше или позже ухитрялся перерубить топором шею коня противника и свалить гиганта тевтона на землю, где пехотинцы его приканчивали.

Он продолжал искать глазами Готье, но не видел его. Зато от того, что он увидел, у него застыла кровь в венах. Сир Уго да Монтиньи в отчаянии размахивал большим штандартом, отовсюду доносились крики: “Король! Король!”

Пьетро бросил своего Амира в эту схватку. Фламандские копейщики захватили короля Филиппа врасплох, без свиты, один из них зацепил своей алебардой кольчугу у шеи короля и стащил его с коня. Пьетро оказался там в тот момент, когда король рухнул на землю. Все время битвы Пьетро старался следовать за Филиппом.

И вот теперь изобретенная им тактика хорошо послужила ему. Он скатился с седла и оказался среди фламандцев, его

маленький топор одним ударом перерубил древко алебарды, а следующим взмахом отсек руку пехотинцу, который орудовал этой алебардой. В две минуты Пьетро очистил пространство вокруг короля. Фламандцы никогда не видывали такой работы топором. Пьетро бросался на их пики и перерубал их, как только они угрожали королю, у короля уже появилась возможность вытащить из ножен свой меч и они втроем – король, Пьетро и Уго – оборонялись против пятидесяти с лишним фламандских солдат, пока не прискакал сэр Питер Тристен во главе группы французских рыцарей и, соскочив с коня, не помог королю взобраться в седло. Остальные рыцари рубили фламандцев на куски. Никто из фламандцев не спасся.

Но когда Пьетро снова сел на Амира, у него кровоточило около дюжины колотых ран. Ни одна из этих ран не была глубокой или тяжелой, но все вместе они почти лишили его сил. Пьетро покачивался из стороны в сторону, цепляясь за луку седла, он задыхался, в глазах помутилось, все тело болело, окровавленный топор его висел на ремешке. Но когда Филипп Август приказал идти в новую атаку, Пьетро поскакал вместе со всеми.

После этой атаки армия Оттона рассыпалась. Пьетро увидел, как рухнул на землю Оттон и как саксонцы подняли его и подвели ему другого коня, хотя это стоило им жизни трех сотен солдат. Оказавшись в седле, Оттон повернул коня и ускакал прочь с поля боя. Бежал, как овца. Как пес, которого

отхлестали. Он не останавливался, пока не добрался до Валансьена.

Это решило исход битвы. Фламандцы и голландцы бежали толпами. Но германские рыцари сражались до последнего.

Потом сопротивление оказывал один только предатель Реджинальд Булонский, для которого поражение означало одно – смерть от пыток. Потребовались усилия всей французской армии, чтобы сокрушить его.

Но Пьетро уже ничего не видел. Он свалился с седла, и только держатель королевского штандарта Уго успел подхватить его. В этот день у Пьетро все получалось как надо. Он даже свалился от ран и усталости не где-нибудь, а на глазах у короля.

Его положили на землю перед королевским шатром, и личный лекарь короля стал перевязывать его раны. Он хлопотал над хрупким телом Пьетро, когда подъехал Готье, соскочил с коня и схватил Пьетро на руки.

– Сир Готье, – спросил король, – этот юноша ваш друг?

– Больше чем друг, почти брат, который бесконечное количество раз спасал мне жизнь, – прошептал Готье, не отрывая глаз от лекаря. – Он не умрет?

– Вряд ли. У него не тяжелые раны. И заработал он их с честью, защищая нашего короля.

– Быть может, сир Готье, – сказал Филипп, – вы предложите, чем лучше наградить этого юношу, который получил раны, сражаясь с пятьюдесятью противниками, защищая на-

шу персону?

– Да, мой король, – сказал, вставая, Готье, – знаю, чем его наградить. Посвятите его в рыцари! Он низкорожденный, но он прекрасно воспитан и он жаждет получить рыцарское звание всем сердцем и душой. Для человека его происхождения такое звание стоит дорого. Но, я думаю, мой господин, что сегодня Пьетро заплатил эту цену...

– Пьетро, странное имя... – заметил король.

– Он итальянец, мой господин, много лет служивший Фридриху Сицилийскому, которого Ваше Величество только что сделали императором на самом деле.

Король улыбнулся.

– Когда он оправится, приведите его ко мне. А сейчас вам лучше забрать его в свою палатку.

Спустя три дня Пьетро ди Донати, сын кузнеца и виллан, преклонил колена перед королем Франции и получил удар чести.

– Встаньте, сир Пьетро из Пти Мура, – сказал король. – Прославляйте Господа Бога, вашего короля и всех благородных дам – не этого дня не позволяйте никому сомневаться в вашем высоком звании!

Никто не будет сомневаться. В этом Пьетро был уверен. Он посвящен в рыцари величайшим королем христианского мира. Но он не испытывал ликования. Он был хозяином замка, в который не мог вернуться. По правде говоря, у него нет дома, все богатство его составляет только выкуп за тех

германских рыцарей, которых его оруженосец предусмотрительно связал, когда Пьетро искалечил их лошадей.

Теперь его жизнь лежала перед ним открытой книгой. Но страницы в ней оставались чистыми.

Что же сумеет он написать на них?

Пьетро посмотрел из своего окна на кривые улочки Эксла Шапелля и тяжело вздохнул. Он жил в Германии уже девять месяцев, после того как по его просьбе король Филипп послал его к Фридриху с известием о великой победе в Бовине. Девять месяцев – достаточно долгий срок, на взгляд Пьетро. Не то что ему было плохо в Германии. Во-первых, Фридрих заново посвятил его в рыцари. Императору были не чужды человеческие слабости, и он не скрыл легкого недовольства, когда узнал, что король Франции собственноручно посвятил Пьетро в рыцари. На следующий день после своей коронации он совершил процедуру посвящения Пьетро в рыцари вторично, перед сборищем всех германских принцев. И подарил Пьетро великолепный набор доспехов и оружие, украшенное драгоценными камнями, которое Пьетро не собирался использовать, поскольку его собственное оружие, хоть и помятое в боях, устраивало его гораздо больше.

Во-вторых, его жизнь в Германии складывалась из почти утомляющего безделья и беспрерывных развлечений. Чередовались бесконечные праздники и пиры. Охота здесь была отличная, превосходившая все, что могла предложить по этой части Италия. Никогда он не видывал таких огромных кабанов, как в горах Шварцвальда. И не было недостатка в дичи для соколиной охоты...

Однако Пьетро перевалило уже за двадцать. И он тосковал по Сицилии. Сердце его испытывало голод. После Туанетты он жаждал утешения. Он все чаще думал об Иоланте, а иногда даже об Элайн. Он помнил, что она прекрасна, как ангел. И жестока, как сама смерть. Иногда по ночам он мечтал об Иветте и потом обнаруживал, что его жесткая подушка влажна от слез. Должно же быть в этом мире припасенное для него счастье. За свои двадцать лет он испытал столько боли, что хватило бы на целую жизнь.

Позавчера во время коронации он принял из рук Фридриха крест крестоносца. Но с этим придется подождать, пока сам Фридрих будет готов к отплытию. Время давило на Пьетро. Он так хотел вновь увидеть Сицилию. Сицилию и дикую Анкону.

Анкону раньше Сицилии. Роккабланку – любимую и ненавидимую. Башни Хеллемарка. Потом Кастельмаре – Палермо – дом.

Он долго отсутствовал. Очень долго. Он устал, и ум его отравлен горечью. На теле его шрамы от ран. Когда идет дождь, они ноют. В двадцать лет ум его похож на ум старика, отягощенного мудростью книг и горьким жизненным опытом. Он был молодым мужем, не познавшим тела своей жены. Он дал свое имя дочери, которая не была его дочерью. Он сражался против людей, перед которыми преклонялся с обожанием, которое люди, подвластные житейским соблазнам, часто испытывают по отношению к людям не от мира

сего.

Сражался он и в других битвах, против врагов страны, которая его усыновила, и своего короля.

Он завоевал славу и рыцарское достоинство. Он уже не был сыном серва. Люди обращались к нему “господин”. Он стремился к этой славе и к этому положению всю жизнь, а теперь, когда получил все это, они ничего не значили, меньше, чем ничего, и в солнечном свете дней, которые ему еще предстоят, проглядывала серая краска.

В двадцать лет у него в уголках глаз уже виднелись морщины и волосы на висках начинали седеть. Он прожил свою юность, так и не узнав ее.

Когда он начинал перебирать струны своей лютни, они напевали только печальные песни. Он частенько теперь пел дикуватые арабские тристишия, звучавшие для западного слуха совсем не как музыка. Его печаль была сродни печали пустыни. Печали пустоты. Печали одиночества.

Он всегда отличался красотой. Когда он был мальчиком, его красота была мягкой. Казалась почти девичьей. Став мужчиной, он обрел нечто большее, чем красоту, – в нем появилось нечто необычное. Его черные глаза печально смотрели из-под густых бровей. В уголках его широкого, жесткого рта всегда таилась боль. Он был худым, слишком худым, но при этом сильным и жилистым. Он отличался спокойствием, и большинство людей, знавших его, никогда не видели его улыбающимся.

Женщины смотрели на его смуглое лицо и гадали, откуда эта скорбь, это ощущение потери. И думали, как бы утешить его...

Но Пьетро их не замечал. Он был погружен в мечты, его преследовали воспоминания. И в эти тягучие июльские дни, омывающие своим светом извилистые мощеные улицы и дома древнего города, где верхние этажи строили шире нижних, чтобы меньше платить налогов, так что улицы всегда были затенены, мечты и воспоминания охватывали его с невыносимой силой. Они мучили его, разрывали ему сердце.

Он пошел к императору Фридриху и прямо изложил ему свои проблемы.

– Сир, – сказал он, – я хочу вернуться на Сицилию. Прошло уже много лет, и я умираю от желания вновь увидеть Палермо. Здесь очень хорошо, но все-таки это не Сицилия. Сицилия только одна...

Фридрих смотрел мимо него в пространство. Пьетро разглядел тоску в его голубых глазах.

– Да, – прошептал Фридрих, – Сицилия на свете одна – единственное подражание раю на земле. Великий Боже, как я хотел бы оказаться там!

– Вы вернетесь туда, сир.

– Да, но когда? Иметь дело с этими местными князьками! Каждая дорожная пошлина, каждый речной брод становятся предметом государственного разбирательства. Каждая ссора с вассалом, каждая привилегия церкви. Видит Бог, меня уже

тошнит от всего этого!

– А когда вы вернетесь, сир, вы должны будете вновь покинуть Сицилию и отправиться в Святую Землю, – напомнил ему Пьетро.

– Не говори мне об этом. Мы с этим разберемся... Значит, ты хочешь вернуться?

– Да, сир.

Теперь ему уже не казалось странным говорить “сир” двадцатилетнему императору. Как и Пьетро, Фридрих выглядел старше своих лет. Те, кто когда-то звали его Апулийским мальчиком, теперь, глядя на его рыжеватые волосы, вспоминали его деда, Фридриха Барбароссу, – рыжебородого Фридриха Первого, покоящегося ныне в Кайзергофе, с его рыжей бородой, прорастающей сквозь каменные склоны горы.

– Поезжай, – сказал Фридрих. – А когда я вернусь, ты получишь баронство – помнишь?

Пьетро уехал на следующий же день, взяв с собой пять мулов и трех слуг. Путешествие по Германии заняло несколько недель. Он проезжал через тихие старинные города, названия которых звучали как музыка: Экс, Кобленц, Франкфурт, Вюрцбург, Нюрнберг, Мюнхен, Инсбрук, потом путь его вел в горы к Бреннерскому перевалу. Здесь было удивительно тихо и холодно. На вершинах гор лежал снег. Пьетро подумал, что в горах есть нечто, очищающее человеческое сердце.

Мерный стук копыт. Ночью костер, пламя которого вы-

хватывает из темноты мгновенные очертания снов. А потом начался спуск сквозь утренние туманы. И внизу, у него под ногами, – Италия.

Север Италии, куда Пьетро спустился с гор, представлял собой плоскую равнину. Поля, где под ветром колышется пшеница. Совершенно другая страна по сравнению с Анконой, не похожая и на Сицилию. И все равно сердце его пело, когда он осматривался вокруг. Почему-то даже в этой северной части страны ему явилось ощущение дома.

Его как будто что-то подгоняло. Его раздражали остановки, необходимые для того, чтобы отдохнуть, поесть. Он заставлял своих слуг оставаться в седле, когда уже темнело, поднимал их на ноги, когда рассвет еще только намечался на востоке небосклона.

Однако путь его все более отклонялся к востоку, к Адриатике. Это было плохо. Он был в этом уверен. Сицилия расположена напротив носка итальянского сапога. Дорога, отклоняющаяся к востоку, удлиняет его путь. Но Анкона лежит на адриатическом побережье. Там, в нескольких милях от морского берега, куда доносятся крики морских чаек и гром прибоя, из тумана грозно вырастает Роккабланка. Памятник его несчастьям. Место, где от пыток умер Исаак. Место, откуда в Рецци пришли солдаты, чтобы убить его отца. Место, где барон Роглиано зачал Иоланту, чтобы затем отдать ее в руки силача Энцио...

Ио. В ней все дело. Ио – его беда, стимул его жизни, его

тоска. Ныне жена бородатого Энцио. Вероятно, мать его сыновей...

От одной этой мысли Пьетро становилось нехорошо. Этого не может быть. Должен быть какой-то выход, какая-то возможность вырваться из паутины. Какой-то способ возродить давнее, любимое.

При приближении к Роккабланке его захлестнули воспоминания. Каждое дерево, каждый камень вызывали у него сердцебиение. Здесь они скакали, сбегав из замка. Здесь свернули, тут возвращались по собственным следам.

Он повернул коня в сторону от большой дороги, в сторону от Роккабланки, пока не очутился в том месте, которое всегда мысленно именовал прекрасным сицилийским выражением “соловьиное место”.

Здесь. О Боже, здесь.

У него разрывалось сердце. Сейчас был день, но ничто здесь не изменилось. Как и раньше, здесь обитали соловьи. Мягкая трава хранила память о яростных и нежных объятиях, о невыразимом экстазе, хранила аромат любви.

Он заплакал, не стесняясь этого.

А вот и другое место, один вид которого заставил зануть его раны. Место, где он потерпел горькое поражение и жизнь ему спас лишь отважный Готье. Где Иоланту, которая уже стала плотью от плоти его, кровью от крови его, оторвали от него; там навсегда осталась кровоточащая рана, так что по ночам он почти ощущал, как сочится его кровь.

Когда он вновь сел в седло, лицо его было совершенно спокойным. Похожим на гранит. Столь же жестким. Столь же неподвижным. То, что у него сейчас на уме, ушло из жизни. Но прежде всего – Ио. Если после этого он умрет, его жизнь только добавит к ставке, уравновешивающей баланс, – он и жизнь станут квиты.

Пусть так и будет, решил он и повернул коня к наполовину отстроенному городу Рецци.

Пристанище он нашел на постоялом дворе, который держал горожанин, служивший когда-то у Исаака и Абрахама бен Иегуда. Руфффио, хозяин постоялого двора, помнил Пьетро.

– Здесь все уверены, мессир Пьетро, что вы погибли, – сказал он. – Для вас не самая лучшая идея возвращаться сюда. Если мои господа Синискола узнают, что вы живы...

– То я умру, – сухо закончил за него Пьетро. – Но умрут и они.

– Вы один, – встревоженно продолжал Руфффио, – а в схватке эти ваши оруженосцы не очень-то помогут вам. Я говорю вам, мессир Пьетро...

– Сир Пьетро, – поправил его Рейнальдо, один из оруженосцев Пьетро. – Ты что, не знаешь, как следует обращаться к рыцарю, ты, толстый свинячий сын?

– Рыцарю? – изумленно переспросил Руфффио. – Как это может быть? Отец мессира Пьетро был вилланом и...

– Мессир Пьетро, как ты называешь его, – сказал Рейналь-

до, — был посвящен в рыцари на поле боя самим королем Франции и еще раз в Эксе императором Фридрихом, за заслуги перед короной. Так что пусть твой язык найдет более уважительный тон, пока ты не распростился со своим языком!

— Простите меня, мой господин, — пробормотал Руффио, и в голосе его прозвучала необычная нотка. Удивление? Да. Но и нечто большее. Нечто смахивающее на радость. То, что произошло с Пьетро ди Донати, представилось низко-рожденному содержателю постоянного двора лучом надежды. Сын серва стал рыцарем. Трещина в стене. Еще одна трещина, поскольку есть и другие. Он, Руффио, уже протащил свое толстое тело сквозь одну такую трещину. Он больше не привязан к земле. Ему принадлежит постоянный двор. Здесь останавливаются знатные особы. Предполагается, что он в их присутствии будет вести себя униженно, но он может вести себя чуть менее униженно, чем крестьянин в поле, воняющий навозом и собственным потом. В стенах появляются трещины. В таких городах, как Венеция, Пиза, Генуя, сыновья сервов, случается, живут во дворцах. Золото начинает прекрасно заменять благородное происхождение. По всей Италии горожане отвоевали у своих сеньоров некоторые привилегии и льготы. А в городе умный человек, занимающийся торговлей, может составить себе состояние. Пока в конце концов он не сможет одеваться более богато, чем знатный господин. Пока он не сможет оплатить образование

своих сыновей и купить – часто, теперь очень часто – младших сыновей своего господина, его самого, в мужья для своих дочерей. Человек с воображением, каким был Руффио, мог обрадоваться успеху Пьетро с особенным удовольствием...

– Не надо, Руффио, – сказал Пьетро, – не обращай внимания. Я вообще удивляюсь, что ты жив, памятуя, что случилось с Рецци...

– О, многие спаслись, – отозвался Руффио. – Главным образом те, у кого хватило денег выкупить свои жизни. Добрый еврей Абрахам, мой хозяин, оказался среди них...

Пьетро хлопнул Руффио по плечу. Вот это действительно была радостная новость. Абрахам жив! Пьетро любил Абрахама бен Иегуда. Тот преподавал ему много уроков о том, как вести дела в мире торговли. Конечно, Абрахам не был таким ученым, как Исаак, но его изощренное деловое чутье во многом способствовало успехам предприятий Исаака.

– Где он сейчас? – спросил Пьетро. – Как его дела?

– На Сицилии, господин. Люди говорят, что он перенял дела Исаака и они пошли в гору, как и не снилось Исааку. Я думаю, что из них двоих Абрахам более расторопен. Он будет рад узнать, что вы живы.

– Как и я обрадовался, узнав, что он спасся, – сказал Пьетро. – Какие еще новости, добрый Руффио? Скажи мне, как поживает... госпожа Иоланта?

– Я ждал от вас этого вопроса, господин, – ухмыльнул-

ся Руффио. – Здесь все знали, что госпожа сбежала с вами. Каждый низкорожденный мужлан на многие мили вокруг радовался в глубине души. Естественно, это стало известно моим хозяевам Синискола и породило вражду между ними и Роглиано...

– А как госпожа? – прошептал Пьетро.

– У нее все в порядке – насколько может быть все в порядке у дамы, которая беспредельно ненавидит своего мужа. Многие говорят, что поэтому у них нет детей...

Глаза Пьетро впились в лицо Руффио. Его глаза засверкали. Нет детей. Раз нет этой нити, связывающей ее с Энцио, то открываются почти безграничные возможности... Он внимательно изучал лицо Руффио.

– У тебя есть дела с кем-нибудь внутри замка?

Руффио встревожился. Потом затряс головой.

– Нет, господин, – сказал он. – И даже если бы у меня были такие дела, вы должны понимать, какая опасность грозит горожанину, когда он вмешивается в дела знатных людей...

– Я это понимаю, – заметил Пьетро. – Но мой посланец не будет иметь никакого отношения к моему плану. От него потребуется одно – передать подарок госпоже...

Руффио обдумал такой вариант.

– Джакопо, виноторговец, – в конце концов объявил он, – имеет дела с Роккабланкой. Господин Энцио много пьет. Говорят, что его любовь к вину может сравниться только с его страстью к золоту.

– Жадная свинья, да? – задумался Пьетро. – Это, похоже, открывает какие-то возможности...

– Да, господин. Это сир Энцио дал Абрахаму возможность спастись. Граф Алессандро никогда не освободил бы еврея – он ненавидит людей этого вероисповедания всем сердцем. А у сира Энцио эта ненависть быстро остывает при виде золота...

– Прекрасно, – объявил Пьетро. – Руффио, будь так добр, дай мне чернила, пергамент и побольше гусиных перьев.

– Чернила я могу вам принести, – сообщил Руффио. – Что касается перьев, то мне надо только выдернуть их из хвостов моих гусей. А вот пергамент дело другое. Его трудно найти, а когда уж найдешь, то он дьявольски дорог...

Пьетро полез за пояс и вытащил оттуда кошелек.

– Пошли мальчика, – сказал он, – пусть купит лист пергамента, хорошо очищенного, мягкого и без пятен.

– Как скажете, господин, – отозвался Руффио и с достоинством принял кошелек.

Ему было приятно оказать Пьетро честь. Другой мог бы позавидовать внезапному взлету сына Донати. Но не Руффио. Он сам начал карабкаться вверх и в душе лелеял надежду подняться еще выше. Зависть, вспомнил Пьетро, болезнь, порождаемая безнадежностью...

Лист пергамента, который принес младший сын Руффио, оказался слишком большим для целей Пьетро. Он присел к столу и отрезал кусок. Руффио стоял рядом с ним, очинял

гусиные перья и расщеплял их кончики, чтобы лучше держались чернила. Руффио умел читать и писать. Он научился всему этому после того, как выкупил свою свободу у сеньора.

Пьетро сидел перед листом пергамента и хмурился. Он прекрасно знал, что хочет высказать, но не мог решить, на каком языке писать. Ио знает латынь, но ее знает и Энцио. Вульгарную латынь, без сомнения, могут прочитать оба. Пьетро проклял предубеждение, которое помешало ему выучить немецкий язык за время пребывания в этой стране. Ио говорила и читала на языке своих отцов, а Энцио не понимал на нем ни слова. Что же касается других языков, которые из любознательности выучил Пьетро, то ни Ио, ни Энцио их не знали.

В конце концов он вынужден был писать на языке, который Энцио мог понять. Это во много раз увеличивало опасность и обязывало передать послание совершенно тайно.

Тем не менее это надлежало проделать. Он склонился над листом пергамента и начал писать своим великолепным почерком на сладчайшем тосканском наречии, которое стекало с его пера музыкой и поэзией, так что читавший из-за спины Руффио вздохнул:

– Как это замечательно! Это должно размягчить даже каменное сердце, господин...

– Ты должен забыть эти слова, – очень серьезно произнес Пьетро.

– Я их уже забыл, господин, – отозвался Руффио.

Оставалась проблема – как передать это послание Ио. Пьетро встал и направился в находящуюся поблизости винную лавку Джакопо.

– Флягу твоего лучшего вина, – приказал он.

Бросив один-единственный взгляд на одежду Пьетро, Джакопо поспешил в погреб. Через мгновение он вернулся, неся каменную флягу, запотевшую от холода погреба.

– Вы только попробуйте, господин, – стал умолять он. – Один глоток, и господин поклянется, что даже в раю ангелы не наслаждаются таким нектаром, и...

– В этом нет нужды, – прервал его Пьетро. – Я не собираюсь пить это вино. Это подарок даме. Я хочу, чтобы ты передал его. Ты сам, Джакопо, а не кто-нибудь из твоих помощников. Ты меня понял?

– Да, господин, – пролепетал Джакопо.

– Отлично. Это вино для госпожи Иоланты Синискола. Я хочу, чтобы ты его передал ей в руки – не через какую-нибудь ее служанку. Вместе с вином передашь этот пергамент, который я привязываю к горлышку фляги. Если она соблаговолит ответить, принеси мне ответ на постоянный двор “Знак золотой цапли”, получишь за это сверх платы за вино.

– А также, если сир Энцио...

– Молчать! – прикрикнул Пьетро. – Ты много раз доставлял фляги в Роккабланку. Почему вдруг Энцио станет спрашивать тебя?

– Но если он спросит, господин, – хныкал Джакопо. – Что

я ему скажу?

– Что вино заказала госпожа. Она ведь иногда заказывает тебе вино?

– Довольно часто, – просиял Джакопо.

Действительно, вероятность того, что Энцио Синискола начнет расспрашивать его, была очень невелика. А если этот богатый молодой господин получит благоприятный для себя ответ, то кто потом взвесит кошелек, который он может швырнуть своему посыльному?

– Ладно, – сказал Пьетро. – Тогда отправляйся. А если ты при этом будешь думать о кошельке, который получишь по возвращении, то поторопишься. Я буду ждать тебя...

Был уже вечер, и Руффио у очага поворачивал на вертеле гуся на ужин. Рейнальдо и Уолдо, оруженосцы Пьетро, расправились с этим гусем, запивая его добрым вином Руффио, а Пьетро обнаружил, что не способен есть эту вкусно приготовленную птицу. Он не мог проглотить ни кусочка. Его желудок восставал при одной мысли о еде.

Они сидели в общей комнате постоялого двора Руффио. Хозяин отвел им лучший стол, но он был так далек от двери, что Пьетро приходилось вытягивать шею, чтобы видеть входящих. И с каждым разом он все более хмурился. Уже стемнело, а Джакопо не появлялся.

“О Господи, сын Святой Марии! – думал Пьетро. – Что могло задержать его?”

Он едва успел подумать об этом, как дверь открылась. Ти-

хо. Очень тихо. Он встал.

Прислонясь к дверному косяку, на него смотрела Элайн Синискола.

Пьетро почувствовал, как что-то перевернулось у него внутри. Нечто, похожее на боль. Похожее на радость.

Она изменилась. Казалась выше ростом. Последний раз, когда он ее видел, закутанную в меха, в тот морозный день, когда ее дыхание поднималось струйками от лица, в ее глазах было...

Смятение. Смешанное со страхом – переходящим в ненависть.

Она стала мягче. Но ненависть все еще жила в ней. Он заметил, как она вспыхнула, когда он посмотрел на нее.

Странно. И самое странное во всем этом, подумал он, что ее ненависть не порождает ответную ненависть. Если бы не Ио, я мог бы полюбить эту надменную ведьму. Эту колдунью, наделенную красотой, которая ослепляет меня, сжигает так, что я теряю всякую мужественность при виде ее, и не могу отрицать этого, не могу вымолвить ни слова...

– Я должна была, – произнесла она своим чистым, сладким голосом, – увидеть тебя сама...

– Что? – задохнулся Пьетро. – Что вы должны были увидеть сами?

– Причину смятения моей кузины. Я была у нее, когда явился твой посланец. Я предположила, что это должен быть ты, месье Пьетро. Я нашла повод уйти, что было нетрудно,

ибо она так явно хотела, чтобы я ушла...

– А теперь, когда вы увидели меня? – спросил Пьетро.

– Я прошу тебя уехать. Сейчас же – не повидав ее. Моя кузина Ио очень дорога мне – несмотря на все наши ссоры. А сир Энцио возвращается сегодня ночью вместе с моим мужем, если святые сохранят его... Что ты можешь дать ей, кроме новых неприятностей? Или себе – кроме смерти?

– Вот это, – безо всякого выражения сказал Пьетро, – очень порадовало бы вас...

Элайн затрясла головой.

– Нет, – сказала она, – мне стыдно, что я позволила низко-рожденному мужлану так взволновать меня. Теперь мне все равно, если ты будешь жить. Я даже хочу, чтобы ты остался жив, потому что мой долг защищать жизнь животных и вообще низших по положению...

Пьетро окаменел. Видя его лицо, Рейнальдо встал рядом.

– Должны ли вы слушать все это, господин? – спросил он.

Пьетро вздохнул. Его оцепенение прошло.

– Да, Рейнальдо, – сказал он. – Должен...

– Мой муж Рикардо, – продолжала Элайн, – не раз упрекал меня за то, что у меня не хватает терпения переносить безумие Ио. Но это не имеет значения. Мы зря тратим время, мессир Пьетро. Я прошу тебя – пожалуйста, уезжай.

– А если я откажусь?

– Это будет стоить тебе головы. Ты не оставляешь мне иного выхода, как сообщить сиру Энцио о твоём приезде, и

все, что последует...

– Падет на мою голову, – улыбнулся Пьетро. – Пусть так и будет. Я не собираюсь уезжать, пока не увижу Ио. Мою Ио, которую вырвали из моих объятий эти бездушные бандиты, которых вы называете благородными.

Элайн полуобернулась.

– Ты, – сказала она, – заслужил свою смерть.

– Возможно, – заметил он. – Напомните обо мне вашему супругу. Я надеюсь, что он чувствует себя хорошо...

– Мой муж, – без всякого выражения сказала она, – умирает. Где же справедливость в этом мире, если Рикардо умирает, а такое ничтожество, как ты, будет жить!

– Я сожалею, – сказал Пьетро.

– Не надо. Он не нуждается в твоём сожалении. И я тоже не нуждаюсь, хотя я обречена смотреть, как он годы чахнет от болезни, которая неизвестна ни одному из живущих лекарей. Энцио повез его на воды в Компанию – эти воды вылечивают. Они возвращаются сегодня вечером. О Боже! Почему я рассказываю тебе обо всем этом?

– Есть облегчение в том, чтобы рассказать кому-нибудь, – заметил Пьетро, – даже низкорощенному мужлану...

Она посмотрела на него.

– Ты не уезжаешь? – спросила она.

– Нет, – ответил Пьетро.

Она открыла рот, собираясь что-то сказать...

Но в этот момент в комнату ворвался Джакопо с белым от

страха лицом и бросился в ноги Пьетро.

– Кошелек, мой господин, – задыхался он. – Сегодня вечером я заработал его, это правда! Я надеюсь, что проживу достаточно, чтобы истратить хотя бы половину – или хотя бы четверть...

Пьетро бросил ему кошелек с серебром. Джакопо подхватил его и, повернувшись, уперся взглядом прямо в лицо Элайн.

– О Боже! – застонал он и выбежал из комнаты так, словно все гончие ада гнались за ним.

– Проворный малый, – заметил Рейнальдо. – Можно подумать, что сам дьявол гонится за ним.

– Не сам дьявол, – мрачно заметил Пьетро, – но, возможно, его сын.

С этими словами он вытащил кинжал из ножен и замер в ожидании.

Элайн смотрела на него. Он так никогда и не узнал, что она хотела сказать. Ибо оба они одновременно услышали топот конских копыт. Одна лошадь. Один всадник. Наверняка это был не Энцио. Уж он прискакал бы с двадцатью вооруженными людьми с уже обнаженными мечами. Одна лошадь.

Взгляд Пьетро скользнул по лицу Элайн. Матерь Божья, этого не может быть. Безрассудство – это одно, но если его догадка справедлива, то это уже за гранью безрассудства. Здесь подходит только одно слово – самоубийство.

Он отнял руку от рукоятки кинжала и стоял неподвижно.

Это мгновение длилось бесконечно – Иоланта стояла в дверях и смотрела на него, забыв об Элайн, не видя ее, не замечая ни Уолдо, ни Рейнальдо, ни Руффио, ни случайных посетителей постоянного двора. Все они, как и вообще все люди, живущие на земле, не существовали для нее, не жили. Она вся сосредоточилась, впитывая новый образ своей любви, своей потери, своей тоски. В этот момент горького откровения Пьетро понял, как редко воплощение человеческой мечты совпадает с этой мечтой...

Он сравнивал ее с Элайн. Она выигрывала, спора нет. Рядом с ледяным совершенством – ее свежее широкоскулое лицо не прекрасное, но живое. Рядом с этим холодным, напряженным смятением, ее ослепительная ясность, радость, светящаяся в ее серых глазах, согревали его, поглощали его.

А она уже бежала к нему.

Ее рот, прижавшийся к его рту, словно возник из его памяти. Этот горячий, влажный рот искал его, жаждал, требовал. Теперь в нем не было нежности.

Как у Иветты, неожиданно подумал Пьетро и удивился, что такая мысль пришла ему в голову. Она слегка отодвинулась от него, но ее руки продолжали держать его, а глаза были такие откровенные. И он с болью подумал, что в этом есть уродство, и он, о Боже, он...

– Где твоя комната? – просто спросила она.

– Наверху, – прошептал Пьетро.

– Пойдем, – сказала она.

Пьетро повернулся, уверенный в том, что глаза всех, присутствующих в комнате, устремлены на них, и он испытал ужасную, отвратительную тошноту, которая холодными щупальцами схватила его сердце.

Элайн шагнула вперед. Это ее движение было исполнено неопишуемой грации, как у танцовщицы. Но лицо ее было искажено и почти уродливо.

– Ты... ты шлюха! – сказала она.

Но взглянула на нее. Ее серые глаза оставались мягкими.

– Шлюха? – переспросила она. – А какая женщина не шлюха, дорогая кузина? Всем нам оплачивают пользование нашим телом той или иной монетой. А моя монета, я думаю, самой благородной чеканки. Это великая радость – чистая любовь мужчины, который любит меня. Не замки, земли, не соединение наших владений, устроенное нашими отцами ради выгоды. Подчиняться этому – вот настоящая проституция. Владения Синискола должны вобрать все земли в их границах. Ради этой большой и благородной цели меня продали Энцио, а тебя Рикардо. Ты говоришь, что любишь своего мужа. Тогда, дорогая кузина, откуда эта горечь? Потому ли, что ты завидуешь мужеству, с которым я грешу, – или, может быть, ты сама домогаешься этого прекрасного рыцаря с красивой наружностью, нежным сердцем и сильным телом, не испорченным отвратительными пороками, происходящими от распущенности?

Вот в этот момент Элайн ударила ее. Сильно, по губам.

Пьетро поймал руку Ио. Тошнота в нем превратилась в черную желчь. То, о чем он так давно мечтал, свелось к кабацкому скандалу между двумя женщинами, чье высокое происхождение и положение не помешали им вести себя с той же женской злобностью, какая свойственна любой кабацкой девке, или подтверждали подлинный демократизм всех женщин без исключения.

– Тебе не нужно держать меня, любовь моя, – засмеялась Ио. – То, что она ударила меня, только подтверждает мои слова. Мне жаль тебя, Элайн. Я не стыжусь моей любви к Пьетро, в отличие от тебя с твоей интрижкой с Андреа. Вашему детскому флирту не хватает воли и чувства, чтобы перерасти в настоящий грех, уважаемый всеми людьми больше, чем простая прихоть...

Элайн задохнулась. Слова Ио больно ударили ее. Она повернулась и выбежала из комнаты.

– Пойдем, – вновь сказала Ио.

Но путь им преградил Руффио.

– Госпожа, – сказал он, – простите меня. Но я очень хочу умереть в собственной постели, от старости. Ваш муж через час сожжет этот постоялый двор, а мой труп будет прикован в центре этого погребального костра, если я соглашусь на... это... Бога ради, госпожа, забирайте вашего прекрасного и приятного рыцаря и уезжайте – куда угодно. Потому что я уже лишился половины всех моих сбережений только за то, что предоставил место для этого безумства...

– Руфффио прав, Ио, – сказал Пьетро.

– Тогда уедем отсюда, – прошептала Ио.

Пьетро вышел вместе с ней и остановился в темноте, ожидая, когда конюх приведет его коня.

Но это продолжалось одно мгновение. Потому что она снова схватила его и прильнула всем телом к его телу, не просто губами к губам, а грудью, всем туловищем, бедрами, которые медленно двигались, так что, когда он слышал звук копыт своего коня и отстранился, кровь в его венах стучала бешеной барабанной дробью...

– К нашему месту, Пьетро. – Ее рот коснулся его уха. – Наше место – где поют соловьи и высятся тополя, помнишь? Там мы будем в безопасности. О, дорогой мой, дорогой мой, сколько времени с тех пор прошло!

Пьетро ничего не ответил. Не мог. Его мысли сталкивались в мозгу в сумасшедшем ритме. Вот оно. Не Ио – а это. Это уродливое. Эта страсть без нежности, эта обнаженность тела со всей своей отталкивающей откровенностью, и все это идет от ненависти, от мести Энцио, а не из любви ко мне. Любовь убила нежность, это – откровенность желания, и у меня нет выхода...

Я любил эту женщину. Тогда, в былое время, наше соединение было великолепным, естественным и правильным, ибо то, что мы обрели – любовь, наши мечты, музыка наших душ, оказалось сильнее отделенности наших тел, и не было уже двух любовников, было единение крови, дыхания, плоти, ог-

ня, духа, нечто новое, возникшее в мироздании...

Они быстро скакали в темноте. Луны не было видно, звезды спрятались за тучи. И тем не менее они нашли то место, которое искали. И когда Пьетро соскочил с коня, тучи рассеялись и над холмами показался тонкий полумесяц, и он смог разглядеть ее.

Он почувствовал, как сердце его разрывается. Это лицо, красивое, любимое лицо, каждую черточку которого он помнил, смотрело на него, и глаза были такими голодными, в них светилась не только физическая страсть, но нечто большее...

Жажда утешения, успокоения.

Он почувствовал, что готов заплакать. Что же сделали с ней такое, чтобы она стала такой? Что разрушило ее ясность, ее способность подчинять себе жизнь? Она изменилась. Она по-прежнему была красива, почти прекрасна. И все-таки она изменилась.

Потом ее рот прильнул к его губам. Где-то в его сознании рухнула некая преграда, отделявшая рациональную часть мозга.

Она разрывала своими пальцами его одежду, кожу. Они словно разрушили друг друга. До конца. Но это было не сладкое разрушение, как раньше. Это была сама смерть, страшная пытка, и в тот момент, когда жизнь готова была выплеснуться из него, оставив позади себя пустоту, граничащую с ночью, со смертью, он услышал ее стон. Один только стон. Страшный.

Он медленно возвращался к жизни. Его возвращали к жизни ее острые ногти. Ему вернул дыхание ее рот, чуть сведенный судорогой и немного соленый. От слез. От крови.

Теперь на смену всему пришла нежность.

Они не утратили ее, во всяком случае, не совсем. Они заново обретали ее. Они могли теперь целовать друг друга нежными губами. И когда страсть вновь овладела ими, она была чистой.

В серых утренних сумерках они ехали обратно к Рецци. Они уже почти доскакали до развилки, от которой одна дорога ведет к Роккабланке, а другая – к Хеллемарку, когда Энцио со своими подручными напал на них.

Пьетро успел убить двух из них, прежде чем они схватили его. Он отчетливо понимал, что остался жив только потому, что Энцио приказал не убивать его. Это было бы слишком быстро. И слишком милосердно.

Энцио сидел на огромном коне, его белые зубы сверкали сквозь черноту бороды.

– Ты хорошо сражался, мессир Пьетро, – сказал он. – Я очень уважаю храбрых мужчин... – Он замолчал, улыбаясь. – И все-таки порой их постигает разочарование. Зачастую они умирают не так достойно, как сражались...

Пьетро не произнес ни слова.

– Отвезите его в замок, – весело сказал Энцио. – Но обращайтесь с ним деликатно. Мы должны беречь его здоровье.

Иоланта наконец обрела голос.

– Энцио, – произнесла она. – Бога ради... Не надо... Пожалуйста, Энцио... Я буду делать все, что ты скажешь отныне и до конца моей жизни... Энцио!

Энцио не ответил ей. Он двинул коня в ее сторону, улыбка, ставшая почти неотъемлемым выражением его лица, обнажила ровные белые зубы. Он не торопился. Он подъезжал к ней медленно. И не переставал улыбаться.

Пьетро видел, как Энцио занес свою руку в железной перчатке далеко за спину и потом ударил ее с такой силой, что звук удара прокатился как взрыв.

Ио была крупной женщиной. Но этот удар вышиб ее из седла, она упала лицом вниз, рыдая.

Энцио спешил. Он склонился над ней, одним коленом уперся в ее поясницу и запустил пальцы правой руки в ее волосы. Потом медленно ткнул ее лицом в грязь.

– Ешь свою грязь, шлюха, – ласково сказал он. – Это твоя привычная еда.

– Господин Синискола, – сказал Пьетро, и голос его звучал глухо, напряженно, в нем клокотала ярость. – Вы собака и сучий сын. Мужчину, который оскорбляет женщину, следует вешать, как преступника. Но я прошу вас, пусть мне развяжут руки и дадут меч. Мы вдвоем решим наш спор. А если я одержу победу, ваши люди смогут расправиться со мной. Но имейте достоинство сразиться со мной.

Энцио медленно поднялся.

– Достоинство? – рассмеялся он. – Ты говоришь о досто-

инстве, мессир Пьетро? Какая будет мне честь убить сына серва? Мой отец отречется от меня, если я скрещу свой меч с сыном шлюхи. Жаль, что я не могу удовлетворить твою просьбу, ибо, как ни странно, ты проявил недюжинное умение сражаться...

Пьетро посмотрел на Ио. Она пыталась очистить от грязи глаза, ноздри. Мелкие камни оставили царапины на ее лице, оно кровоточило.

– Сир Энцио, в другое время, – продолжал Пьетро, – я не стал бы говорить вам это, потому что хвастовство не украшает мужчину. Но я был посвящен в рыцари в Бовине Филиппом, королем Франции, и еще раз, в Экс ла Шапелле, твоим законным повелителем императором Фридрихом, за заслуги перед короной. Так что, поверьте мне, вы можете сражаться со мной, не терпя бесчестия...

Он заметил, что Ио смотрит на него и глаза ее сияют. В этот миг она была прекрасна. С лицом, выпачканным грязью и кровью, она все равно была прекрасна. Как мало красота, вдруг подумал Пьетро, зависит только от внешности.

В глазах Энцио внезапно промелькнуло коварство.

– Все равно я не буду сражаться с тобой, – рассмеялся он. – Это может не понравиться моему господину, императору, если, предположим, я убью тебя, поскольку ты его любимец. Нет, мессир... простите меня, господин, сир Пьетро, наверное, будет лучше, если я задержу вас как почетного гостя лет этак на десять, пока он не забудет о твоём существо-

вании... Конечно, если в течение этих лет с тобой не случится какого-нибудь несчастья...

Он обернулся к своим людям.

– Хватит этих глупостей! – крикнул он. – Поехали!

К величайшему удивлению Пьетро, их путь лежал не в Роккабланку, а в Хеллемарк. Еще до того, как они добрались туда, Ио удалось подъехать ближе к нему.

– Почему в Хеллемарк? – спросил Пьетро.

– Хеллемарк теперь принадлежит ему, – прошептала Ио.

Энцио оглянулся на них.

– Как романтично! – расхохотался он. – Торопитесь наговориться, голубки. Скоро кончатся все ваши разговоры...

– Ему? – спросил Пьетро. – Но твой отец... твои братья?

– Умерли. Почти наверняка от яда. Умерли в одну неделю, в горячке, а лекарь, которого граф Синискола по доброте своей прислал лечить их, болтал о вмешательстве демонических сил!

Пьетро посмотрел на нее.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Твой отец был хороший человек, и Ганс тоже. И Марк и Вольфганг были скорее подвержены дурному влиянию, нежели сами грешили...

– У меня есть теперь кого оплакивать... больше, чем их, – прошептала Ио. – Пьетро, Пьетро, любовь моя...

Она не могла договорить.

– Не оплакивай меня, – сказал Пьетро.

– Оплакивать? Чтобы я хоронила тебя? Оплакивать – да я

разорву небеса моими стенаниями, затоплю весь мир слезами и покину его еще более безумной, чем мои братья! Оплакивать? Тебя? Тебя, мой Пьетро, ради которого я с радостью буду умирать неделями в самых страшных мучениях, какие только может изобрести этот гнусный зверь, мой муж. О, любовь моя, моя погибшая любовь, я не переживу тебя и часа!

– Нет, Ио, – прошептал Пьетро, – я еще жив, а из темниц, бывало, бежали...

– Бежали? Ты когда-нибудь видел этот колодец под Хеллемарком?

– Да, – выговорил Пьетро, и голос его прозвучал безнадежно.

В подземной тюрьме было очень темно. Пьетро слышал, как где-то поблизости капала вода. Пол был склизким. От холода Пьетро все время трясло. Он сидел в этом колодце три дня и три ночи. Он определил это по тому, когда ему приносили еду. Пища была грубая и простая, но здоровая. Энцио не собирался морить его голодом.

Странно было то, что Энцио не прибег сразу же к пыткам. Неужели он на самом деле боялся вызвать неудовольствие Фридриха? Но Пьетро знал, что это не так. Даже если бы император каким-нибудь чудом оказался в Италии, он никогда не мог бы узнать, что произошло с Пьетро.

Нет, Энцио останавливало нечто другое. Нечто ужасное

Пьетро думал об этом, когда услышал над головой какой-то шум. Он напрягся, и, несмотря на холод, на лбу у него выступил пот. Он много раз смотрел смерти в лицо. Но не такой смерти. Не в таких обстоятельствах. Не в одиночестве и беспомощным. Он видел, как умирали люди под пытками, и знал, что есть грань, за которой самый мужественный человек начинает кричать и молить о пощаде. Он не был самым мужественным человеком на земле. Сейчас он испытывал страх. Чудовищный обессиливающий страх.

Он не хотел умирать. Он не хотел оставлять Ио беспомощной в руках этого зверя. Он хотел прожить достаточно долгую жизнь, чтобы исправить многое, что давно требует исправления. Только после этого он, возможно, захочет умереть. Он не знал.

Звуки, раздавшиеся у люка, были негромкими. Энцио и его подручные производили бы больше шума. В этих же звуках было что-то тайное, пугающее

Он услышал, как повернулся в замке большой ключ. Потом люк тихо подняли и вниз спустилась лестница. Пьетро выжидал. В проеме люка появился факел, осветивший лестницу. Потом стали видны приподнятые юбки и сверкающие белые ноги.

– Ио! – задохнулся Пьетро.

– Тихо! – сказала она. Потом глянула вверх. – Джулио, Бога ради, брось нам сюда факел.

В люке показалось бородатое лицо тюремщика, и он ки-

нул им факел. Пьетро ловко поймал его.

Он стоял, глядя на нее.

Ио бросилась к нему и прильнула губами к его губам. Это был бесконечный, болезненный поцелуй.

Пьетро оторвал ее от себя.

– Ио, Бога ради...

Она плакала.

– У нас так мало времени, – всхлипывала она, – и я должна тратить его на объяснения...

– Где он? – спросил Пьетро. – О Боже, Ио, я не хочу, чтобы тебя тоже убили. Скажи мне...

Она прижала свою мягкую руку к его губам.

– Уехал. В Перуджу. У него там женщина. Видит Бог, у него женщины в каждом городе Италии.

Пьетро уставился на нее. В том, что она говорила, не было никакого смысла.

Она заулыбалась, хотя слезы все еще лились из ее глаз. Она взяла из его рук факел и воткнула его в расщелину в стене.

– Ты не умрешь! – шептала она. – О, любовь моя, любовь моя, ты будешь жить! Он собирается отпустить тебя!

Пьетро отступил на шаг и смотрел на нее.

– Какой ценой, Ио?

– Я... я напомнила ему, что Исаак оставил тебе на Сицилии состояние. Ты знаешь об этом?

– Нет, – ответил Пьетро.

– Нам сказал об этом Абрахам перед тем, как Энцио отпустил его. Он, вероятно, думал, что Энцио держит тебя пленником. Так что теперь Энцио послал гонцов к Абрахаму за твоим выкупом. После этого ты останешься нищим, Пьетро... но ты будешь свободен!

Но было еще нечто. Пьетро понимал, что Энцио алчный зверь, но какова должна была быть цена, ради которой такой гордый человек, как Синискола, смирился с ролью обманутого мужа?

– А что еще? – спокойно спросил он.

– О чем ты? – переспросила Ио, но взгляд ее сместился в сторону.

– Об остальной цене, – сказал Пьетро.

– Частично я уже заплатила, – прошептала она, – а остальную цену он получит... после того, как освободит тебя...

– Какова эта цена, Ио?

– Пьетро, пожалуйста!

– Какова цена? – повторил Пьетро.

Ио сбросила накидку с плеч, обнажив тело до пояса. Потом она повернулась к нему спиной.

– Это была часть цены, – прошептала она. – Но это больше не повторится, любовь моя...

Пьетро прислонился к стене, ему стало нехороша

– Святой Боже! – вырвалось у него.

– Не огорчайся, – сказала Ио. – Это не такая уж высокая цена за твою жизнь. И он больше не будет делать это, или...

Пьетро выпрямился. Ио сказала больше, чем намеревалась. Одно только слово “или”.

– Или – что? – прошептал Пьетро.

– Пьетро, Пьетро, не заставляй меня говорить тебе... Ради Бога, Пьетро...

– Нет, даже ради Него. Говори, Ио...

– Остальная цена, – всхлипывала Ио, – я перестану прибегать к таким приемам, благодаря которым я не начинаю ему сына...

Пьетро уставился на нее.

– И ты думаешь, что я соглашусь спасти себе жизнь такой ценой?

– Нет. Но я думала, что сумею скрыть это от тебя. Но тебе уже не приходится выбирать, любовь моя. Посланцы уже уехали на Сицилию. И я дала слово... О, любимый, у нас так мало времени. Половина уже прошла. Пожалуйста, Пьетро, я так хочу тебя... Пока его нет, Джулио каждую ночь на один час будет пускать меня сюда. Ты не должен, ты не можешь отнимать у нас время этими разговорами о цене и о чести! Я всего этого не понимаю... Я знаю только одно – что я больна, так я хочу тебя, мое тело изнывает от желания, а ты стоишь и терзаешь меня!

Пьетро протянул руки и нежно прижал ее к себе.

– Но если у Джулио есть ключ, – сказал он, – почему мне не...

– Только от этой темницы, – ответила Ио. – А там еще

много дверей, ворот и башен, и подъемных мостов, арбалетчиков и солдат... Если я выведу тебя из этой башни, ты через несколько минут будешь мертв... Пьетро, хватит разговаривать, Бога ради!

Я буду свободен, подумал Пьетро. Когда появится здесь Фридрих. И стану бароном. И тогда Хеллемарк подвергнется осаде, какой люди еще не видывали, и я привяжу Энцио к хвосту моего коня и двадцать раз протащу его вокруг крепостных стен, а потом четыре лошади разорвут его на куски!

Он крепче обнял ее.

Она почти подавила рыдания.

И вдруг Пьетро отпустил ее.

– Нет, Ио, – сказал он. – То, что мы делали, нельзя делать, когда у тебя вся спина в клочьях... Завтра, послезавтра...

– О Боже! – Ио бросилась в его объятия.

– Ио! – задохнулся Пьетро.

– Мне будет больно, – зашептала она. – Будет очень больно, но эту боль я могу вынести. Другую боль я не могу вынести, не хочу выносить. Любимый мой, неужели ты не видишь, что я могу выбирать только между большей болью и меньшей, и эта меньшая боль ничего не значит, она меньше, чем ничего, тогда как от той большей боли я умираю? Пьетро, ты глупец, ты сладкий и нежный глупец, которого я люблю, которого хочу, который мне нужен!

Ей было больно. Очень больно. Она плакала от боли.

Это было ужасно. И прекрасно.

За два месяца заточения Пьетро у них было двадцать таких ночей.

На двадцать первую Ио пробралась в темницу, и глаза ее были мертвы.

Пьетро встал, глядя на нее в мерцающем свете факела.

– Он... он вернулся, – прошептала она. – О, Пьетро... Пьетро...

Он обнял ее, стал гладить ее плечи.

– Говори, Ио, – тихо сказал он.

– Абрахам умер! Он был очень стар, а тюрьма и путешествие оказались для него слишком тяжелыми... И на Сицилии нет никого-никого, кто обладал бы достаточной властью и мог заплатить за тебя выкуп. Твое наследство заперто в сундуках императора... Энцио вне себя от ярости... О, Пьетро, мой самый дорогой...

Ее голос захлебнулся в слезах.

– Значит, – Пьетро облизал сухие губы, – это будет сегодня?

– Я... я не знаю! Он измучен путешествием и... – Она замолчала, глядя на него. – Вот, – сказала она почти спокойно. – Возьми это...

Он, и не посмотрев, знал, что это. Кинжал. Он знал, зачем она дает ему кинжал.

– Сегодня ночью... или завтра, – прошептала она. – Какая разница? Ты умрешь. Но он не должен стать победителем, Пьетро, не должен! Я могу себе представить его лицо,

когда он обнаружит, что обманут, что не будет ни пыток, ни меня...

– Ни тебя? – спросил Пьетро.

– Да-да! Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя? Мы так долго были разъединены... Я думаю, что теперь им уже никогда не удастся разъединить нас вновь...

Она подняла руки, рванула на себе рубашку и обнажила одну грудь.

– Я буду первой, – прошептала она. – Всего лишь один удар, и все будет кончено, и ты будешь вне досягаемости Энцио и его пыточных дел мастеров. А они такие умелые, Пьетро, поверь мне, что могут исторгнуть вопль из каменного идола.

– Нет, – сказал Пьетро.

Она уставилась на него.

– Ты боишься? – прошептала она.

– Нет. Да – но не в том смысле, какой ты имеешь в виду. Я не хочу умирать. И я не хочу, чтобы ты умерла. Мне кажется, что должен быть выход.

– Поверь мне, Пьетро, – произнесла Ио. – Выхода нет.

Пьетро при свете факела рассматривал ее лицо.

– Скажи мне, – спросил он, – у Энцио есть другие пленники?

Она удивилась и отрицательно покачала головой.

– Тогда, – ликующе сказал он, – соседняя камера не занята!

– Да. Но, Пьетро... я не понимаю...

– Он тоже не поймет! Позови сюда Джулио. Из всех ценностей на свете самое дорогое для нас – время.

Он ждал, пока она взберется по лестнице; через минуту в темнице появился Джулио.

– Да, господин? – пробормотал он.

– В твоей власти спасти нас, – сказал Пьетро. – Есть, конечно, известный риск, я это допускаю. Но риск не слишком большой. Я думаю, что ты любишь госпожу Иоланту настолько, чтобы рискнуть. Я прав?

Ио спустилась по лестнице и стояла рядом, пока он не кончил говорить.

Джулио посмотрел на нее.

– Пожалуйста, Джулио! – всхлипнула она.

– Хорошо, – выдавил из себя Джулио, глядя на ее слезы. – Но господин Энцио жестокий человек, и любая ошибка... Если он узнает...

– Но он не догадается! – выпалил Пьетро. – Гляди, Джулио, вся прелесть моего плана в том, что ты ничего о нем не знаешь. Я ударю тебя по голове и заберу твои ключи. Или ударь себя сам, если предпочитаешь – достаточно сильно, чтобы была кровь. Энцио будет думать, что я тебя одолел.

– Но, – возразил практичный Джулио, – у меня нет ключей от всех ворот, ведущих из замка. Все равно вас поймают...

– Это уж моя забота, – сказал Пьетро.

Ио приблизилась и положила руку на руку Джулио.

– Пожалуйста, Джулио, – попросила она.

– Ладно, – согласился Джулио, – только постарайтесь не проломить мне череп.

Пьетро уже был готов, держа камень в руке.

– Поверни немного голову, – сказал он.

Джулио повиновался.

Пьетро ударил камнем настолько сильно, что стражник, какой он ни был здоровый, свалился на пол, как мешок.

– Пьетро, – начала Иоланта.

– Прости, – рассмеялся Пьетро. – Я все объясню позже.

Идем!

Они проворно вскарабкались по лестнице и перебежали в помещение, которое было по существу коридором и где были двери в две другие темницы.

– Подожди, Пьетро, – простонала Ио.

– Послушай, Ио. Я не могу бежать через ворота и стены. Мы оба знаем это. Но я могу спрятаться, пока ложный след не уведет Энцио и его солдат так далеко от Хеллемарка, что...

– Где ты можешь спрятаться, чтобы он не нашел тебя? Энцио знает Хеллемарк как ладонь собственной руки...

Пьетро улыбнулся ей.

– Там, – сказал он, – где ему и в голову не придет искать меня. Скажи мне, любовь моя, где пленник станет скрываться в последнюю очередь?

Ио уставилась на него.

– В другой... в другой темнице! Конечно! И я...

– Ты перекинешь веревку через дальний участок стены. И пока они будут обыскивать все окрестности в поисках меня, я спущу другую веревку и заберу тебя с собой. К тому времени, когда они прекратят поиски, мы будем уже на полпути к Сицилии... Вперед!

Он крепко поцеловал ее перед тем, как спуститься по веревочной лестнице в одну из темниц. На ее лице он ощущал слезы, но похоже, что это были слезы радости. Слезы надежды.

Ждать было трудно. Очень трудно. Света здесь не было, и он не мог определить течения времени. Он выжидал достаточно долго. Уже наступила ночь.

Он без труда пробрался в отдаленную часть замка, ибо знал Хеллемарк как родной дом. Пьетро предполагал, что Энцио забрал с собой почти всех своих людей, так что задние башни останутся без стражи. Там, где остановился Пьетро, ров был самым глубоким, а за ним скала, на которой стоял Хеллемарк, круто обрывалась. В этом месте атаковать замок было труднее всего, и даже когда шли войны, эта часть крепостной стены почти не охранялась.

Но Ио там не было. И не было веревки. Ио обещала приготовить веревку, но он ее не нашел.

Он стоял, дрожа от усталости, от голода, от дурных предчувствий, когда увидел направляющегося к нему мужчину. Пьетро вытащил кинжал и пригнулся, приготовившись к

прыжку, когда увидел на плече у мужчины веревку.

Это был Джулио. Когда он подошел поближе, Пьетро увидел, что голова у него перевязана. Пьетро вышел из темного угла.

– Джулио! – тихо позвал он.

Тот обернулся.

– Господин? – прошептал он. – Ну да, это вы, которого хранят и святые и демоны! Вот ваша веревка. Берите быстро один конец и спускайтесь! Один Бог знает, какой я дурак, что иду на такой риск...

– А госпожа? – прошептал Пьетро. – Где она? Она говорила...

– Господин Энцио настоял, чтобы она поехала вместе с ним в погоню за вами. Я считаю, что это очень жестоко. Он сказал, что не думает, чтобы она хотела упустить такую великолепную охоту...

– Святой Боже! – вырвалось у Пьетро.

– Перед тем как они уехали, – продолжал Джулио, – госпожа сумела переговорить со мной. Она дала мне этот толстый кошелек, чтобы облегчить ваше путешествие, – и еще сказала вот что: “Передай ему, чтобы уходил и, когда он обретет богатство, чтобы выступил против своих врагов и забрал то, что всегда принадлежало ему. Но пусть он не будет по-глупому нетерпелив и дождетя того дня, когда сможет выступить, окруженный лесом копий, во главе превосходящих сил... Я так долго ждала, – сказала она, – что еще два

или три года ожидания не погубят меня... Но его поражение и его смерть заставят меня, не получив отпущения грехов, отправиться в ад...”

Он замолчал, глядя на Пьетро.

– Она также сказала, что шлет вам свою любовь...

– О Святой Боже! – всхлипнул Пьетро.

– Берите веревку, господин, – сказал Джулио.

Пьетро повиновался. Ему не оставалось ничего другого. Спускаясь по веревке в застойную вонь рва, он вспоминал в подробностях те двадцать ночей. У него было тяжелое предчувствие, что ему придется вспоминать их всю оставшуюся жизнь.

И что вся оставшаяся жизнь, полная этих воспоминаний, будет сплошным адом.

Поначалу все шло легко. Слишком легко. Это должно было насторожить его. Он понимал, что ему не следует направляться в Рецци. Нужно было пробираться на юг через пустынную местность между Хеллемарком и Рокка д'Аквилино и постараться раздобыть лошадь в одном из маленьких городков, расположенных за замком Рикардо. Рикардо Синискола, наверное, даст ему лошадь, ибо он испытывает к Пьетро не ненависть, а скорее благодарность за то, что Пьетро помог Иоланте спасти Рокка д'Аквилино от нападения Андреа.

Но там теперь была Элайн, жена Рикардо. Хозяйка Рокка д'Аквилино. И это она, с горечью припомнил Пьетро, направила Энцио по его следу.

Нет. Он будет плестись пешком по крайней мере еще миль тридцать, прежде чем рискнет купить лошадь. Деньги у него были. В кошельке, который Ио прислала ему, достаточно денег, чтобы купить целый табун лошадей. На эти деньги он

может купить все что угодно – кроме счастья, кроме покоя.

Он находился в подлеске у большого леса, где обычно охотилась знать из Роккабланки, Хеллемарка и Рокка д'Аквилينو, когда слышал трубные звуки охотничьих рогов. Лай собак. Они были близко, слишком близко. Он увидел их почти сразу же после того, как услышал.

Увидел Энцио, едущего впереди. А рядом с ним – Ио. С мертвыми глазами. В ее глазах были смерть и ад.

Пьетро бросился бежать прочь от тропы, по которой они ехали. Глаза его застилали слезы. Он бежал как безумный, не таясь, так что топот его ног громко отдавался среди деревьев.

Позади он слышал лай гончих псов. Он пропал и понимал, что пропал, – сама смерть преследовала его с лаем. Но он продолжал бежать, задыхаясь, ничего не видя, пока не вывалился из подлеска прямо в руки охотникам.

Когда он смог разглядеть хоть что-нибудь, он увидел, что они одеты в зеленые с золотом ливреи Рокка д'Аквилينو. А во главе их, на серой в яблоках кобыле, сидела госпожа Элайн.

Он отвесил ей медленный, насмешливый поклон.

– Человек не может убежать от своей судьбы, так ведь? – сказал он. – Я не сомневаюсь, что господин Энцио щедро наградит вас за...

Она не ответила ему. Просто сидела и смотрела на него.

– Говорят, что молитвы умирающего имеют особую силу, – продолжал Пьетро, не пытаясь сопротивляться двум

дуючим охотникам, которые держали его. – Я буду поминать вас в своих молитвах – конечно, если ваш кузен оставит мне язык, чтобы произносить молитвы.

Она все смотрела на него.

– Почему, – прошептала она, – почему вы будете молиться за меня, мессир Пьетро?

– Чтобы Господь и Богоматерь дали вам сердце, такое же прекрасное, как ваше лицо.

Лай собак раздавался совсем близко. Он слышал, как они заливались, взяв след.

– Ваша красота не знает себе равных, это дар Божий. Я думаю, что вы, госпожа Элайн, позорите этот дар – своей гордостью, жестокостью, ненавистью. В конце концов вы утратите ее – и эта утрата будет вызвана воспоминанием о том, что вы обрели на пытки человека, который никогда не причинял вам вреда, только за то, что он совершил то, чего не мог не совершить – полюбил даму, самую прекрасную, какая когда-либо жила на свете... а теперь трубите в ваши рога и зовите его!

– Руджиеро, Родольфо! – вдруг сказала ясным голосом Элайн. – Отнесите его на склон, мимо которого мы только что проехали, и укройте ветками. И несите его так, чтобы его ноги не касались земли и не оставляли ни следов, ни запаха.

Пьетро уставился на нее, его темные глаза расширились от изумления.

– Пошли! – скомандовала она. – Торопитесь.

Пьетро вдруг подумал, что все-таки есть Бог на небесах, чьи пути неисповедимы, чей суд непредсказуем и чья милость порой оказывается совершенно безграничной.

Охотники подняли его на руки и понесли.

Ждать ему пришлось недолго. Минут через двадцать, когда они убрали ветки и листья с его распростертого ничком тела, она стояла рядом, наблюдая.

– Посади его сзади себя, Родольфо, – приказала она. – Будет лучше, если мы доберемся до дома как можно скорее.

С этими словами она поскакала, не дав ему сказать хоть слово благодарности.

В Рокка д'Аквилино времени оказалось больше.

Пьетро стоял перед ней, остро ощущая неприглядность своего вида – порванная и грязная одежда, двухмесячная борода. Помимо того, он вообще испытывал душевное смятение.

– Я благодарю вас, милостивая госпожа, – сказал он. – Однако, отдавая должное вашему милосердию, я должен задать вам вопрос – почему? Я несколько раз встречал вас, и вы никогда не сообразовали обронить хоть одно вежливое слово, а теперь вы спасаете мне жизнь. Вы, не смущаясь, солгали Энцио, спрятали меня, привезли сюда... я... в смятении...

Она посмотрела на него, я в глазах ее была тревога.

– Я сказала бы вам, – произнесла она, – если бы сама знала. Назовите это порывом, назовите безумием. Я отдала вас в руки Энцио, но я запомнила его жестокость и раскаялась в

своём поступке. Я во многом раскаиваюсь, мессир Пьетро, – в моей гордости, в моей собственной жестокости. Господь наказал меня на этой земле...

Пьетро ждал продолжения.

– Ио была права. Я завидовала ее великой любви. Я не завидовала тому, что у нее есть вы, хотя вы, как она правильно сказала, прекрасны, нет, я завидовала самой любви. Ибо я имела эту великую любовь, но потеряла ее – из-за безрассудства моего мужа. Он был ранен на турнире. Рана зажила, но все вокруг нее гноится. Врачи говорят, что он не проживет и года.

– Я очень сожалею, – прошептал Пьетро.

– Я знаю. Я верю, что вы сожалеете. У вас достаточно воображения и сердечности, чтобы сочувствовать утратам других. Но хватит об этом. Пройдите в покои. Мой сенешал даст вам чистую одежду и коня, чтобы вы продолжили ваше путешествие.

Но в ту ночь он не уехал. Не уехал потому, что Элайн Синискола попросила его задержаться. Она взяла его за руку и повела в комнату Рикардо. Ее муж спал – или он был без сознания.

– Смотрите, – сказала Элайн.

Пьетро глянул на единственного из графов Синискола, который отличался и красотой, и благородством. Сейчас он был похож на скелет, обтянутый желтой кожей, глаза его провалились, губы запали и оскалились в жуткой улыбке. Пьет-

ро задумался, как задумывались и многие до него, о неисповедимых путях Господа, Провидения, судьбы, которые обрекают благородных и добрых людей на такие ужасные, непереносимые муки, позволяя грубым, жестоким, неправедным людям наслаждаться жизнью. И жившая в нем надежда, что его собственные беды могут, должны быть преодолены, дрогнули при виде этой изнуренной плоти, которая когда-то была живым человеком, мечтавшим, надеявшимся...

Когда он обернулся к Элайн, то увидел, что она плачет.

Он не мог утешить ее, потому что сам был безутешен. Он мог теперь лишь понять ее, разобраться наконец в темных побуждениях, заставлявших ее набрасываться на Ио, на него, на все проявления счастья, которые терзали ее по контрасту с обрушившимся на нее горем.

Пьетро молча вознес молитву за душу Рикардо.

Несмотря на всю свою усталость, Пьетро не мог уснуть в эту ночь. В полусне он услышал какой-то шум за дверью. Он встал, взял свой меч и открыл дверь.

Элайн билась в руках какого-то мужчины. Пьетро не мог разглядеть ни его лица, ни ее – было слишком темно. Он смог только различить напряженную борьбу двух тел и услышать затем, как Элайн взмолилась:

– Отпусти меня, отпусти меня, отпусти! Он еще жив, и ты бесчестишь его таким образом!

– Но ведь ты любишь меня, – рычал мужчина. – Меня, а не этот гнилой труп!

– Я в этом больше не уверена! – выкрикнула Элайн.

Пьетро в темноте схватил мужчину за плечо и оторвал его от Элайн.

Он услышал, как тот вырвал меч из ножен. Тогда он сделал выпад, раздался звон меча о меч, посыпались искры, и его меч, лишь слегка отраженный мечом противника, достиг цели, и через мгновение Пьетро услышал, как упал на пол меч.

Элайн вскрикнула – и больше не было слышно ни звука, кроме их дыхания.

Мужчина повернулся и бросился бежать по коридору. Пьетро сделал было шаг вслед за ним, но она схватила его за руку и непустила его.

– Оставьте его! – всхлипывала она. – Бога ради, мессир Пьетро, пусть уходит!

– Кто он? – спросил Пьетро.

– Мой кузен Андреа, – пробормотала она. – Хотя вас это не касается – и я боюсь, что вы убили его.

– Нет, – отозвался Пьетро. – Там только царапина, хотя я жалею, что было плохо видно и я не смог ударить точнее.

В темноте он почувствовал, как ее глаза уперлись в него.

– При первых лучах рассвета вы покинете этот дом, – сказала она ровным голосом. – Ваша лошадь будет готова. Вы уедете и никогда не вернетесь сюда.

Пьетро смотрел на нее. Он не мог разглядеть ее лица. И он жалел, что не видит его. Может, ее лицо что-то сказало

бы ему – помогло бы понять ее.

– Хорошо, – сказал он, – я уеду и не буду больше беспокоить госпожу нежелательным вмешательством...

Когда утром он уезжал, она уже была на ногах и пожелала ему доброго пути. Но глаза ее ничего не выражали. И, проскакав галопом по подъемному мосту, он подумал, что никогда не узнает степень ее двуличия – степень ее предательства по отношению к Рикардо. Или – а ведь этим в конечном итоге оборачивается всякое предательство – степень ее предательства по отношению к самой себе.

Больше всего удивляло Пьетро то, что его это задело. Он не знал почему. Он любил Ио, потерял ее. Он должен вступить на полный опасностей путь, чтобы вновь завоевать ее. Но когда он вспоминал о некрасивой сцене в темном коридоре, у него почему-то щемило сердце.

Пройдет еще немало времени, пока Пьетро познает собственное сердце.

Четыре года, прошедшие между апрелем 1216 года, когда Пьетро наконец добрался до Палермо, и сентябрем 1220-го, когда Фридрих пересек Альпы и спустился в Италию, оказались одним из худших периодов в жизни Пьетро. Причина была простая – он был полностью лишен всякой возможности предпринимать что-либо в отношении Иоланты. Первые шесть месяцев он потратил на безуспешные попытки получить огромное наследство, насчитывающее несколько миллионов таренов, которое оставил ему Исаак. Это оказалось совершенно безнадежным делом. Люди Фридриха, управляющие островом, не выказывали ни малейшего желания отдавать такие деньги или даже часть их из императорских сундуков без прямого приказа самого Фридриха.

Пьетро написал Фридриху, но для того, чтобы письмо дошло с Сицилии до Германии, требовалось от трех до пяти месяцев – если оно вообще туда доходило, – а Фридрих не торопился с ответом. Когда Пьетро в конце концов получил ответ императора, в нем было только сказано, что Фридрих сам по приезду займется этим делом. Тем не менее это письмо в одном смысле оказалось весьма ценным – в нем признавались претензии Пьетро на наследство.

Благодаря этому простому признанию за подписью Фридриха, скрепленной императорской печатью, Пьетро смог

просуществовать эти четыре года. Он получил возможность занимать деньги у банкиров, которые рады были одолжить ему и больше – в надежде завоевать расположение Фридриха. Но Пьетро ненавидел влезать в долги. Он ограничивался лишь суммами, на которые мог прожить достаточно скромно со своими оруженосцами Уолдо и Рейнальдо. В любом случае никто не одолжил бы ему достаточно денег, чтобы заплатить двум или трем сотням наемников, необходимых для штурма Хеллемарка, а деньги ему были нужны только для этого. Так что ему не оставалось ничего другого, как ждать.

Ждать Фридриха. Ждать, когда что-нибудь случится. Что-нибудь, способное изменить ход вещей. Способное поддерживать в нем надежду.

К весне 1219 года он уже не мог больше терпеть. От отчаяния он сел на коня и в сопровождении Уолдо и Рейнальдо поехал по направлению к Рецци.

Хозяин постоялого двора Руфффио смотрел на него с нескрываемым ужасом, восхищением и не без страха.

– У господина железные нервы! – сказал он. – Вернуться сюда в сопровождении всего двух вооруженных людей! Сир Пьетро, вам надоела жизнь?

– Нет, – сказал Пьетро, – мне не надоела жизнь. Откупоривай бутылку, мой добрый Руфффио. А теперь я жду от тебя новостей.

Руфффио принес флягу.

– Что хотел бы знать мой господин?

– Все, – сказал Пьетро. Где-то в глубине мозга у него зрел сумасшедший план. Как-нибудь он проскользнет в Хелле-марк. Как-нибудь он вытащит Ио оттуда. А потом они вдвоем будут скакать...

– Сир Энцио, – рассказывал Руффио, – ужасно непопулярен. Многие рыцари бросили службу у него. Его сервы постоянно на грани восстания, так плохо он с ними обращается. А когда крестьяне так настроены, урожай бывает ничтожным...

– А граф Алессандро? – спросил Пьетро. Странно, подумал он, что я должен спрашивать сначала о нем, откладывая вопрос, ради которого я скакал все эти трудные лье, но неважно. – Граф Алессандро, – повторил он, – расскажи мне о нем.

– Граф Алессандро в Риме, старается замести следы своего предательства до того, как прибудет император. В Рокка-бланке остается только Андреа, и причины, по которым он там сидит, его не украшают. С тех пор как господин Рикардо, да упокоится его душа, умер три года назад в Рокка д'Аквилينو, праздные языки постоянно связывают имена Андреа и госпожи Элайн. Говорят, в ней причина того, что Андреа задерживается здесь, вместо того чтобы ехать в Рим. Эти свиньи болтают, что эта связь началась еще до того, как умер сир Рикардо...

Пьетро вновь удивился горькому уколу своей памяти. Поведение Элайн, ее моральные устои или отсутствие их его не

касаются Г И тем не менее, когда он вспоминал ту борьбу в темном коридоре, он вновь чувствовал себя... как обманутый любовник. Или муж, которому наставили рога.

– А почему, – спросил он, заставляя свой голос оставаться спокойным, – он не женится на госпоже? Она ведь теперь вдова.

– Он не может, – ответил Руффио. – Разве вы не знаете, что они двоюродные брат и сестра? Это запрещенная степень родства. Его Святейшество запретил браки между родственниками в четвертом колене. Это мудрый запрет, потому что иначе все знатные роды окажутся в инцесте, ради того чтобы сохранять свои владения в руках одной семьи.

Пьетро смотрел на круглое, доброе лицо Руффио. Дальше откладывать было нельзя. Он должен задать этот вопрос – ради ответа на который он приехал, который прятал в глубине сознания, последняя его надежда...

– А как поживает госпожа Ио? – прошептал он.

– Как вам сказать, – начал Руффио и замолчал. – Мой господин, – произнес он наконец, – я не знаю, как сказать вам это...

Пьетро поднялся и уставился на него.

– Там теперь есть ребенок, сир Пьетро, – выговорил Руффио. – Сын. И госпожа на редкость счастлива. Говорят, что она целые дни поет...

Пьетро почувствовал, что у него подгибаются ноги. Он сел, очень медленно.

Я все еще могу осуществить мой замысел, думал он. Пробраться в Хеллемарк, убить Энцио и взять Ио себе в жены. О Матерь Божья! Как предал меня самый глубокий из всех женских инстинктов. Ио не Антуанетта. Она женщина, истинная женщина, и она может любить этого ребенка, хотя он зачат от презираемого ею мужчины...

И все равно я могу сделать это. Убить Энцио и весь остаток моих дней видеть его лицо в облике этого мальчика! Жить с сознанием, что эта сладкая плоть, принадлежащая теперь мне, уступала в горячем экстазе потному телу этого зверя... Я думаю, что окажусь бессильным рядом с ней. Мне кажется, что эта мысль породит во мне отвращение, подобное отвращению Антуанетты, и прекрасная плоть Ио будет пахнуть порчей и скверной, и меня будет тошнить от ее поцелуя... О Боже, Боже! Какой я слабодушный дурак!

– Мне очень жаль, господин, – сказал Руффио. На его круглом лице была написана тревога.

Пьетро вынул из пояса серебряную монету и положил ее на стол.

– Не тревожься, – сказал он. – Ты только что спас жизнь, возможно, и мою тоже. Поехали.

Он не вернулся на Сицилию. Вместо этого, поскольку все были уверены, что Фридрих в скором времени появится в Италии, Пьетро со своими людьми двинулся в направлении Венеции. Но перед этим он совершил один ранее не планируемый поступок.

Он нанес визит госпоже Элайн.

К его удивлению, она встретила его приветливо.

Она была одета, как и положено вдове, во все белое, и этот цвет очень шел ей. Ее лицо было серьезным и спокойным, глаза более не источали ненависть. Теперь в них был мир. Приятие.

И все равно она волновала его. При этих белых одеждах ее красота в мрачных залах замка смотрелась как плач. В ее взгляде, когда она смотрела на него, не было тепла. В ее взгляде не было вообще ничего. Даже интереса. И все равно она волновала его.

И вдруг он осознал – я могу полюбить эту женщину. Я сошел с ума. Даже думать об этом безумие. Я слишком одинок. После Ио – после утраты Ио – подобные фантазии рождаются слишком легко. Фантазии? Нет. С первого дня, когда я увидел ее, Элайн волновала меня. В ней есть что-то от Цирцеи – если она ненавидит меня, это даже лучше. Все лучше этого полного отсутствия интереса. Она заживо хоронит меня под глыбами этого холодного безразличия... Я должен покинуть это место. Еще один день в этом зачарованном замке, и я утрачу свою душу...

Однако он задержался на целых три дня. Он сопровождал ее к могиле Рикардо и преклонил колени позади нее, пока она молилась. Он сидел с ней за обеденным столом, и она разговаривала с ним с изысканной вежливостью. Часто она замолкала, и он не нарушал ее молчания. В таких случаях

она, похоже, забывала о его присутствии.

Уезжая в Венецию, он испытывал двойственное чувство. То, что он утратил Ио, было ужасно, утрата была слишком горькой, чтобы ее можно было перенести. Но думать об Элайн было не так горько, и он думал о ней.

Она вела себя с ним мягко и дружелюбно. Вежливо. Слишком вежливо. Ее учтивость была проявлением самодисциплины. Она училась снисходительности знатной дамы, которая всегда мягка и добра к тем, кто ниже ее. Особенно к тем, кто ниже ее. Она не знала об изменении в его положении или не снисходила до того, чтобы упоминать об этом. Для нее он все еще был сервом.

Это причиняло ему боль. Он даже не был уверен, почему это причиняет боль, но так оно и было. Боль застряла в его сердце, как колючка. Он не любил Элайн Синискола, хотя ее красота восхищала его. Он не любил ни одну женщину – за исключением одной, которую навсегда потерял.

Тем не менее Элайн уязвила его гордость. Он обнаружил, что долгий путь до Венеции придумывает разные планы, как унижить ее. И все эти планы, как ни странно, кончались одинаково – тем, что эта холодная и далекая красавица протягивала ему свои белые руки, предлагая свою любовь. Что было чистой воды фантазией, и он знал это.

Через три недели он добрался до Венеции.

Там он провел еще один трудный год. Он утешался пьянством и азартными играми, – с временными проблесками

любовных интрижек. Потом он не мог припомнить ни лиц, ни имен своих партнерш. И все это не приносило утешения. Не раз он выставлял разочарованных женщин из своего жилища с тяжелым кошельком в руке в виде вознаграждения за то, чего не произошло, потому что в нем внезапно вспыхивало отвращение и он ненавидел себя ненавистью, которую невозможно было утолить.

Наконец в конце 1220 года Фридрих прибыл в Верону, после долгого отсутствия он вновь ступил на итальянскую землю. Пьетро поехал встретить его. Ехал он с взятой займы роскошью в сопровождении двадцати вооруженных людей, предоставленных ему крупным венецианским банковским домом, который оплачивал его жизнь в Венеции. В ночь, когда он приехал, они с Фридрихом проговорили до рассвета, не как император с подданным, а как старые друзья. Узнав, что у Фридриха плохо с деньгами, Пьетро предложил ему заем в миллион таренов из своего наследства, как только они доберутся до Сицилии.

– Ты хочешь купить меня, Пьетро? – улыбнулся Фридрих. – В этом нет необходимости. Я обязан тебе своей жизнью. Конечно, я возьму у тебя эти тарены. Вынужден взять. Но вне зависимости от того, предложил ли ты их мне или нет, ты получишь свое баронство.

– Как обстоят дела в Риме, сир? – спросил Пьетро.

– Лучше. После смерти Иннокентия³⁶ там избран человек,

³⁶ Иннокентий III умер в Перудже в июле 1216 года. Незадолго до этого он

с которым легче ладить. Гонорий вполне соответствует моему представлению о хорошем Папе. Конечно, он храбро пытается следовать примеру Иннокентия и требует от меня всего, что хотел получить тот старый коварный слуга Божий, но у него нет силы характера противостоять мне...

Сейчас в Риме Герман Залца, Великий Магистр моего Тевтонского ордена, занят всеми приготовлениями. Он со-

открыл четвертый Латеранский собор словами: “Я хочу преодолеть вместе с вами этот перевал, прежде чем пострадаю”. Он умер пятидесяти шести лет от роду. Он был одним из величайших людей своего века, да и всех иных веков. Он мог бы стать блистательным королем или императором, к чему его таланты подходили больше, нежели к его положению главы римско-католической церкви. Весь конфликт Фридриха с папством, да и вся Реформация родились из надменной концепции Иннокентия, что церковь должна контролировать все грани светской жизни. Достаточно привести одну цитату: “Когда мы перешагиваем порог тринадцатого века, мечта о мировом господстве, умершая вместе с императором, возрождается в политике Папы. Перед нами встает фигура Иннокентия III, гордого римского патриция, знатока церковного права, который, заняв папский престол в тридцать семь лет и используя временное ослабление империи, поднял власть Папы на небывалую ранее высоту. Это при нем Западная церковь подчинила себе Константинополь, это он отлучал Англию и Францию от церкви, это он организовал самый успешный из испанских крестовых походов, это он добился от властителей Англии, Арагона и Португалии подчинения их стран Святому престолу, это он без колебаний сначала отлучил короля Иоанна, а затем, когда преступник подчинился ему, отменил Хартию вольностей и отлучил от церкви баронов, которые ее поддерживали. Этот энергичный политик очистил от германцев Центральную Италию и Сицилию, стал хозяином Рима, предотвратил опасную оппозицию своему сицилийскому подопечному, мальчику Фридриху, разжег ужасную гражданскую войну в Германии, а затем возводил на императорский трон и свергал с него на условиях, наиболее выгодных Римской церкви, и наконец сокрушил самую грозную альбигойскую ересь в Южной Франции, а вместе с ней и культуру блистательного народа”. Г. Фишер. “История Европы”, (гл. XXII, с 265).

ветует, чтобы Папа согласился на мой трюк с присоединением Сицилии к империи путем коронования моего сына Генриха на сицилийском троне. В любом случае это совершившийся факт. Отлично было придумано! Я клялся на всех порослячьих косточках, которые эти старые негодяи выдают за святые мощи, что никогда не присоединю Сицилию к империи – от моего имени! Они не обратили внимания на эту маленькую фразу, Пьетро, – а я перехитрил этих святош! Какое имеет значение, что Генрих становится королем, если ему всего восемь лет и я должен править как его опекун? Что ты думаешь об этом, Пьетро?

Пьетро улыбнулся.

– Только то, – сказал он, – что я молю Бога никогда не потерять ваше расположение, сир. Иначе вы устроите какой-нибудь фокус, благодаря которому я буду низвергнут в ад без ведома дьявола, только вашим приказом.

Фридрих запрокинул голову и разразился хохотом.

– Как хорошо ты меня знаешь, Пьетро!

– Это потому, что я знаю себя, сир. Мы родились в одном и том же месте, в один и тот же час, в один и тот же день. У моей матери начались схватки, когда она смотрела на родовые муки благородной и святой королевы, давшей вам жизнь...

Фридрих уставился на него.

– Ты можешь доказать это, Пьетро? – спросил он.

Пьетро был несколько удивлен тоном, которым император задал этот вопрос.

– Конечно, сир. Вашему величеству нужно только спросить любого из старых жителей Иеси. Мое рождение и обстоятельства, сопутствовавшие ему, занесены там в церковную книгу. Святые отцы посчитали это чем-то вроде чуда и записали день моего рождения и день, когда меня крестили. Я думаю, что я единственный ребенок в Иеси, день рождения которого записан в церковной книге, ведь обычно записывают только дату крещения.

Фридрих смотрел на Пьетро, лицо его побледнело.

– Вот, – резко сказал он, – причина того чувства, которое я испытывал к тебе почти с первого дня, как тебя встретил. Ты не должен выезжать из дома, Пьетро, – только в сопровождении моей охраны...

– Почему, сир? – удивился Пьетро.

– Как ты не понимаешь? Один и тот же день, одно и то же место, один и тот же час, под воздействием одних и тех же звезд! Это делает тебя моим вторым “я” – все, что случится с тобой, почти наверняка в тот же момент обрушится и на меня! Охраняя твою жизнь, Пьетро, мой духовный брат, я охраняю мою собственную!

Пьетро с трудом удержался от улыбки. Этот могущественный король, самый блистательный среди всех европейских монархов, человек, говорящий на семи языках и пишущий на девяти, владеющий всеми известными в мире науками, оказывается, жертва самых невежественных предрассудков. Но уже через мгновение его острый ум насторожился. Фри-

Фридрих назвал его своим духовным братом. Что такое по сравнению с этим титул барона? Если Фридрих II, величайший король христианского мира, то он, Пьетро Донати, отныне второй по могуществу человек в Европе – не боящийся никого, не страшщийся потерять расположение императора, не подвластный самым могущественным вельможам Италии. Фридрих никому не позволит тронуть и волоса на его голове.

– Меня охватывает дрожь, – говорил Фридрих, – когда я думаю об опасностях, которым ты подвергался. Почему бы еще мы оказались вместе перед тем кабаном? И опасности, угрожавшие мне, повторялись в твоей жизни. Скажи мне, Пьетро, ты оказывался в плену и за тебя требовали выкуп?

– Да, сир, – ответил Пьетро.

– Это как меня держал Дипольд Швейнспоунт! Это последнее звено. Все остальное о тебе я знаю. При каких обстоятельствах это случилось?

Пьетро рассказал.

– Тебе следует жениться, – заявил Фридрих, когда Пьетро закончил свое повествование. – У меня есть сын, и это ломает схему...

– Люди говорят, – улыбнулся Пьетро, – что у вас, сир, двое сыновей.

– Верно. Второй сын – Энцио, которого родила знатная германская дама. Странно, что он наречен тем же именем, какое носит твой злейший враг. Ты понимаешь, Пьетро? По-

всюду эта связь! В именах, в событиях – ты должен жениться.

– Почему, мой господин?

– Потому что пока у тебя не будет сыновей, злая судьба может постигнуть моих. Но я не могу нарушить мои законы и отнять жену у человека, чтобы отдать ее тебе, как бы ты ее ни любил...

– Я... я больше не хочу ее, – прошептал Пьетро.

– Хорошо... но почему? Твоя любовь так быстро остыла?

– Нет. Но там есть ребенок. Даже если она станет вдовой после естественной смерти мужа, неужели вы думаете, что я смогу выносить вид мальчика, повторяющего облик человека, которого я ненавижу? Однако я не могу причинить вред ребенку. Ваше Величество, ведь любовь – чувство собственническое, ревнивое. Воспоминание о физической близости с тем, кого я презираю, будет как клеймо на ее лбу...

– Я понял. Тогда я сам найду тебе невесту.

Пьетро глянул на императора. Фридрих способен на такое, Пьетро знал это. При своем непомерном высокомерии он не задумается привести за руку какую-нибудь девушку и сказать совершенно спокойно, не представляя себе, что кто-то может ему возразить: “Пьетро, вот твоя невеста”.

И эта девушка будет прекрасна. Фридрих – отличный знаток женской красоты. Но все равно она окажется подарком – неким предметом, не способным возродить к жизни сердце мертвое для всех, кроме...

Он не завершил мысли. Это не было больше правдой. Дав-

но уже не было.

– Я знаю, какой тип женщин тебе нравится, – хихикнул Фридрих. – Тот же тип, который нравится и мне. Высокие, стройные блондинки, которые выглядят ледяными, но под этим снежным покровом кипит адский огонь! О да, Пьетро, мы с тобой дети Козлиной звезды. Нами управляет созвездие Козерога – Сатурн был в зените, когда мы родились. Мы рождены под знаком Сатурна, и мы похожи друг на друга: могучее честолюбие, дьявольская хитрость – и разрушающие все страсти. Дай-ка мне подумать.

– Сир, – поспешно вставил Пьетро, – если вы разрешите, я могу назвать такую женщину. Но не девушку – молодую вдову... Однако я прошу Ваше Величество не торопить события до тех пор, пока я не получу титул барона. Она самая гордая дама на земле. Каждый раз, когда я вижу ее, она откровенно или скрыто пренебрегает мной, всегда по причине моего низкого происхождения. Однако теперь, я думаю, ее презрение поуменьшится...

– Ее имя? – потребовал Фридрих.

– Не могу ли я, – сказал Пьетро, – пока сохранить его в секрете, даже от вас, мой господин?

– Нет, – загремел Фридрих. – Все, что ты, Пьетро, делаешь, касается меня. Это дело нужно завершить безотлагательно. Называй ее имя!

Пьетро смотрел в сторону, и в глазах его была грусть.

– Ее имя, – прошептал он, – Элайн. Элайн Синискола.

– Синискола! – повторил Фридрих.

– Да, сир. Она кузина этой семьи. Как и в вас, сир, в ней половина германской крови, она белокурая. Неким странным образом я любил ее почти всю жизнь. Я сказал “странным образом”, ибо, возможно, я вообще не любил ее. Может ли мужчина – разумный мужчина – любить женщину, которую видел всего пять раз за всю жизнь? Женщину, которая вдобавок оскорбляла его самыми жестокими словами во время трех из этих пяти встреч...

– А в двух остальных случаях? – спросил Фридрих.

– В одном случае, – прошептал Пьетро, – она спасла мне жизнь, потому что раскаялась в том, что предала меня в руки своего кузена. А последний раз, год назад, она вежливо посадила меня за стол вместе с собой как почетного гостя, говорила мне добрые слова и пожелала мне благополучного путешествия.

– Она полюбила тебя, – сказал Фридрих. – Это совершенно ясно.

– Нет, сир. Ее вежливость была слишком холодна, слишком безразлична. Женщина не смотрит на мужчину, которого любит, так, как смотрела на меня тогда Элайн...

– И тем не менее ты любишь эту дочь твоих врагов?

– Я не знаю, сир, – честно признался Пьетро. – Скажем так: из всех молодых женщин на земле, за исключением одной, которая теперь потеряна для меня, я полагаю, что смогу полюбить Элайн...

– Почему? – спросил Фридрих.

– Потому что никогда с тех пор, как я знаю Ио, никто не поколебал мою привязанность к ней – за исключением этой самой Элайн. Может быть, это просто из-за ее красоты. Ибо она, сир, необыкновенно прекрасна. А может, это странный заскок, свойственный людям, которые вечно стремятся к недостижимому, – не знаю. Возможно, она принесет мне только вред. Я почти уверен, что так и будет. И тем не менее я мечтал о ней бессонными ночами, даже... даже, сир, до того как я потерял мою госпожу Иоланту...

– Ты, – загремел Фридрих, – употребил в отношении ее одно неправильное слово. Ничто, чего пожелает Фридрих Гогенштауфен для своего подданного и друга, не может быть недостижимым.

– Пожалуйста, сир, – попросил Пьетро, – не приказывайте ей выйти за меня замуж. Если вы это сделаете, то все, чего я добился – слабые ростки расположения, которые я, возможно, сумел заронить в ее сердце, – будет сметено, как срывает осенние листья неожиданная буря. Любовь не возникает по приказу. Это чувство деликатное, мой господин. Вы можете заставить ее выйти за меня замуж, но тем самым вы вынудите ее возненавидеть меня. Я не хочу, сир, просто обладать женским телом. А я хочу, чтобы ее глаза вспыхивали при виде меня, хочу видеть, как они теплеют от нежности при моем прикосновении... Я хочу любви, сир...

– Быть по-твоему, – сказал Фридрих.

Путешествие по Италии было долгим, потому что они должны были принять приглашение посетить многие города. Пьетро заметил, что Фридрих подтверждает права городов – но только те права и привилегии, которыми они уже пользовались под властью империи. Он не обронил ни единого слова насчет Сицилии. Генуя, Пиза и Венеция нуждались в подтверждении своих прав на пользование гаванями на острове, поскольку Сицилия была той точкой, откуда корабли отправлялись в дальние плавания. Но даже верным генуэзцам Фридрих сказал, что ни при каких обстоятельствах не предоставит никаких привилегий на Сицилии, пока не придет туда.

Они неторопливо двигались через Апеннины по дороге Виа Фламиниа. Когда они оказались вблизи Рима, их встретил посланец Папы.

Папа Римский, объявил посланец, хочет получить заверения, что империя не претендует на Сицилию, что Сицилия будет по-прежнему только в наследственном владении королевы-матери Констанции. Его Святейшество хочет, чтобы Фридрих обещал не назначать иностранных должностных лиц обеих Сицилии и не использовать отдельную печать.

Фридрих, смеясь, согласился на все условия. Какое значение имеют все эти юридические формулы, когда в действительности Сицилия принадлежит ему?

Двадцать второго ноября Фридрих со своей королевой и свитой спустился с горы Монте Марио по дороге Виа Три-

умфале в Рим. Пьетро ехал непосредственно за королевской четой, что указывало на особое расположение к нему императора, что не преминули заметить завистливые бароны. Процессия остановилась у маленького моста за городом, где Фридрих подтвердил права и привилегии римлян.

Затем процессия двинулась вперед, знамена развевались, барабаны отбивали торжественный марш, но негромко, потому что это был священный час, который нельзя осквернять шумом и музыкой. Около ворот Порто Коллина, вблизи бань Диоклетиана, Фридриха встретили священнослужители и отдали ему положенные императору почести. Священники выстроились в три ряда во главе процессии и повели ее к площади Святого Петра с воздетыми вверх крестами, размахиванием кадилами и церковными песнопениями.

Это была очень трогательная процессия: босые монахи медленно шагали впереди, распевая, барабаны замолкли, трубы тоже, слышно было только пение священников, медленное цоканье копыт по камням и звон монет, которые гофмейстеры Фридриха швыряли в толпу. Даже люди, дравшиеся из-за этих монет, делали это молча. Потом выступил городской префект с поднятым к лицу мечом и вслед на нем – император и его королева.

Пьетро гадал, как будет вести себя Фридрих во время определенных моментов церемоний. Дед Фридриха Барбаросса, в честь которого его называли, в свое время вызвал суматоху на несколько недель, отказавшись держать стремя,

когда Папа садится на коня, что должно было символизировать подчинение светской власти духовной, и оба – и Барбаросса, и Оттон – отказывались делать обычные пожертвования, которые сейчас щедро разбрасывали гофмейстеры Фридриха. Пьетро знал, что в результате Барбаросса вынужден был короноваться тайно, а коронацию Оттона сопровождали крупные сражения...

Фридрих пока являл собой величину неизвестную. Он мог с презрением отказаться от выполнения унижительных моментов церемонии, а мог просто проигнорировать их важность, относясь к ним как к несущественным и пустым формальностям, не стоящим его внимания.

Они доехали до площади перед собором Святого Петра, и почетный караул вновь сменился. Римские сенаторы с большим достоинством выстроились справа от короля, чтобы подвести его коня к ступеням собора.

Когда Фридрих и Констанция спешили, торжественная процессия начала втягиваться в собор. Его Святейшество Папа Гонорий стоял на верхней ступеньке в центре. Справа от него выстроились кардиналы, слева дьяконы. Дальше на ступеньках располагались священнослужители рангом ниже.

Фридрих медленно восходил по лестнице, и все вокруг затаило дыхание. Все помнили историю с Барбароссой, а ведь это был его внук. Фридрих с почти театральным изяществом склонился перед Папой и вместо того, чтобы поцеловать од-

ну расшитую золотом туфлю, поцеловал обе.

Пьетро улыбнулся. Он гадал, заметили ли другие в смиренности Фридриха то, что видел Пьетро. Вероятно, нет. Мало кто знал императора так хорошо, как он. Это ироническое преувеличение, говорившее: я не придаю значения таким пустякам, даже этим вы не можете унижить меня. В итоге победа будет за мной, и в летописи моей жизни то, кто держал чье стремя и кто кому целовал ноги, не будет иметь никакого значения...

Гонорий любезно поднял Фридриха, обнял его и поцеловал в щеку. Фридрих передал Папе требуемую дань в золоте.

После этого вся процессия, в которой теперь перемешались приближенные короля и Папы, двинулась к часовне Санта-Мария в Туррибусе.

Опустившись на колени в первом ряду скамеек, Пьетро отчетливо слышал голос Фридриха:

– Я клянусь перед нашим Господом и Святой Девой всегда быть защитником Его Святейшества Папы и единственной, истинной, благословенной вечно Церкви Христовой каждый час и в счастье и в беде до конца моих дней.

Серьезно ли относился Фридрих к своей клятве? Пьетро не мог быть уверен. Голос Фридриха звучал абсолютно искренне. Но ведь Фридрих превосходный актер... Такой актер, подумал Пьетро, что порой убеждает сам себя...

Папа поднялся по ступеням к алтарю, дабы вознести молитву, Фридрих же остался внизу, чтобы быть принятым в

братство Ордена Святого Петра. Первосвященники католической церкви считали, что император не может оставаться мирянином. Обладая такой властью над людьми, он должен, полагали они, хотя бы частично, посвящать эту власть прославлению Господа Бога. Поэтому Фридриху, как и его предшественникам, следовало принять помазание рук и между лопатками священным елеем и вступить в Орден в качестве светского брата. Даже и в этом крылось унижение. До Иннокентия императоров возводили в сан епископов, но Иннокентий понизил их статус, одновременно вознеся себя...

Каждый последующий шаг в церемонии коронации напоминал танец, великолепно отрепетированный и точный. Фридрих, вновь облачившийся в императорский наряд, прошел через серебряные ворота в собор Святого Петра, там его встретили песнопениями и молитвами кардиналы, потом он остановился перед гробницей Петра и был помазан перед статуей Святого Маврикия.

Далее следовала исповедь перед алтарем Святого Петра, и Папа Гонорий поцеловал Фридриха в щеку в знак мира. Приближенные расположились вокруг, как хорошо отлаженная актерская труппа. Папа вознес молитву.

Пьетро наблюдал за всем этим с удивлением и благоговением, заставляя себя помнить о том, насколько человечество умеет гипнотизировать себя представлениями и торжественными церемониями. Тем не менее это стоило запомнить – коронацию Фридриха Гогенштауфена в Риме...

Пахло фимиамом, кардиналы пели, Фридрих вышел вперед, в этом одеянии и всей своей осанкой он почти напоминал Бога. Он склонился перед Папой. На него возложили митру, корону...

Потом он принял из рук Гонория меч и трижды взмахнул им, демонстрируя тем самым, что он теперь защитник наместника Христа.

Только теперь – после долгого ожидания, после стольких лет, начиная с его детства и смерти отца, после двадцати трех долгих лет, с тех пор как в возрасте трех лет он стал коронованным императором, – он получил скипетр и державу.

Пьетро было интересно, что чувствует сейчас Фридрих, которому Папы так долго отказывали в его законном наследстве, сейчас, когда церковники чествуют его, когда гремит хор: “Фридриху, прославленному непобедимому императору римлян долгие годы и слава!”

Торжество? Нетерпение? Или, подобно самому Пьетро, пустоту свершения, которое пришло слишком поздно?

Потом короновали королеву. Во время последующего богослужения Фридрих отложил корону и мантию и выступал помощником Гонория, как иподьякон Всевышнего...

Когда они вышли из сумрака собора на солнечный свет, Фридрих подержал Папе стремя, потом прошел несколько шагов, ведя на поводу коня Папы, тем самым вновь выйдя за рамки требования церемониала.

Он не придает значения мелочам, подумал Пьетро, но ко-

гда дело дойдет до серьезного, он будет страшен...

Серьезные дела не заставили себя ждать. Первое, что сделал Фридрих, вступив в Апулию, – это издал указ, в котором объявил все пожалования, дарственные, все привилегии, все подтверждения титулов за последние тридцать лет со дня смерти Вильгельма Второго, последнего норманнского короля, утратившими силу. Все германские феодалы в Италии в одну ночь оказались нищими, большинство норманнских рыцарей постигла та же участь, как и многих итальянских, включая всех, кто получил свои владения от гвельфа Оттона.

Как, к примеру, графы Синискола. Или сир Пьетро ди Донати из Пти Мура, чье наследие подпало под этот роковой указ.

Фридрих не торопился. Он заставил даже своего друга Пьетро мучиться целых десять дней, прежде чем утвердил его наследником Исаака. Это наследство составило четыре миллиона таренов – оно уменьшилось до трех миллионов благодаря так называемому займу Пьетро короне. Так называемому, ибо Пьетро знал, что никогда не попросит Фридриха вернуть ему эти деньги. А Фридрих никогда не побеспокоится о такой чепухе, как возврат долга...

Пьетро сидел за длинным столом с письменными принадлежностями, подсчитывая земли, владения, замки, отходящие короне. Большинство этих владений Фридрих распорядился тут же вернуть при условии, что они могут быть в любое время отняты, если королевская власть того потребует.

Большинство феодалов подчинилось. Многие не подчинились. Например, граф Аджелло, брат того Дипольда Швейнспунта, который владел Кайяцио и Аллиоре, граф Сора, менее крупные аристократы, которым принадлежали замки в Неаполе, Гаете, Аверсе, Фоджии. И самый страшный из всех – граф Мализе. И чуть менее страшные – граф Алессандро Синискола и его сыновья.

Используя силу баронов, которые, став свидетелями его коронации в Риме, исполнились благоговейного страха и подчинились ему, Фридрих крушил восставших одного за другим. А сиру Пьетро ди Донати он дал одно из самых важных поручений – взятие Хеллемарка и Роккабланки.

Пьетро не хотел осаждать Хеллемарк – во всяком случае сейчас. Роккабланка, конечно, иное дело. Но приказ императора был законом.

Когда Пьетро выехал туда, его сопровождали более тысячи рыцарей, несколько сотен простых воинов, а также пехота.

В первую очередь – Хеллемарк, в отношении которого у Пьетро в седельном мешке лежала подписанная Фридрихом бумага, отдававшая Хеллемарк ему и его наследникам в вечное владение.

Оценивая ситуацию, Пьетро ощущал беспокойство. Он не хотел использовать катапульты и баллисты. Мог ли он быть уверен, что один снаряд не попадет в...

Нет, придется прибегнуть к долгой серии ложных атак, ис-

пользовать тараны. В этом искусство осады.

Он расставил своих людей вокруг замка и перерезал все пути бегства из него. Через месяц он с помощью голода может заставить Хеллемарк сдаться, но это будет означать, что голодать будет и Ио и ее ребенок.

Но я ненавижу этого ребенка, говорил он себе. Но это не помогало. Он не может так поступить. Это ребенок Ио – ее плоть, ее дыхание, ее душа. Дитя ее огня. Ее нежности. Конечно, этот ребенок проклят черной кровью Синискола. Наполовину зверь, но наполовину – ангел. Нет, не мог он. Он все еще оставался дураком – любящим дураком, который не мог воевать против женщины, которую любил, и против ее ребенка.

Три бессонные ночи провел он, обдумывая план действий. Потом он стал бросать свои войска вновь и вновь на штурм, производя много шума, а втайне его саперы рыли ход под стены, укрепляя подкоп промасленными бревнами. Весь проход под стенами заполнили фашинами, пропитанными маслом, и подожгли.

Энцио был поглощен обороной против таранов. Он удивлялся, почему ни один камень не брошен в замок. Это его беспокоило. Он видел в этом дурное предзнаменование.

У него было пять дней на беспокойство. На шестой день утром саперы подожгли свой гигантский факел. На рассвете огромный кусок стены со страшным грохотом разлетелся на куски. Через образовавшийся пролом Пьетро во главе сво-

их солдат въехал в замок. Все было кончено за двадцать минут. Воины Энцио оказались настолько ошеломлены, что не смогли оказать серьезного сопротивления.

А потом, к изумлению своих людей, он позволил Энцио Синискола покинуть замок. Ио в замке не оказалось. При первом известии о предстоящей осаде Энцио отослал ее и ребенка в безопасную Роккабланку.

Пьетро обрадовался этому обстоятельству. Он не хотел видеть Иоланту. И уж тем более не хотел видеть ребенка.

И он не хотел лишать жизни отца этого ребенка. Не сейчас. Убить сейчас Энцио значило бы связать себя неприемлемыми для него обязательствами. Он все еще любил Ио, но не мог стать отчимом сыну Энцио. Он не мог представить себе, как он сможет жить, если это живое напоминание о прошлой интимной близости ее с ненавистным ему человеком будет играть у его ног. Такое было ему не под силу.

Он не потребовал с Энцио ни одного медяка в качестве выкупа.

А после того как его враг уехал, новый молодой барон Пьетро, владелец Хеллемарка, сел на камень и заплакал – на глазах у своих солдат, которых недавно вел в бой, храбрый как лев.

На следующий день он направил своих саперов восстанавливать стены. В самом разрушенном месте, где саперы рыли подземный ход, по приказу Пьетро, так хорошо знавшего Хеллемарк, они заложили камни фундамента в скалу, так

что возведенную стену уже никогда нельзя будет подорвать.

Потом он сел вместе со своими военачальниками и стал разрабатывать дальнейшую стратегию.

– Я не хочу брать штурмом Роккабланку, – сказал он. – Я хочу только одного – чтобы они сдались императору. При этом я, по своим личным мотивам, хочу убить всех Синискола, кроме Энцио из уважения к его супруге, чтобы она не стала вдовой... А теперь слушайте, как мы будем действовать...

В последующие дни начались лихорадочные приготовления. Каждому пятому солдату были приданы пять арбалетчиков. Все они были расставлены в хорошо замаскированной траншее, вырытой перед стенами. Каждый арбалетчик получил двух помощников, у которых была только одна задача – натягивать лебедкой тетиву арбалета и передавать взведенное оружие в руки стрелка, как только он выпустил стрелу. Таким образом Пьетро преодолел медлительность стрельбы арбалетчиков. После нескольких дней практики его люди могли выпускать непрерывный поток стрел, так что любой рыцарь будет подстрелен раньше, чем доскачет до траншеи.

Потом он со своими мастерами весьма искусно соорудили живую изгородь, за ней вторую и третью, в их зелени были спрятаны копья, направленные под таким углом, чтобы распарывать животы атакующим коням.

На крепостных стенах стояли метательные машины, бро-

сающие стрелы размером с копьё. Баллисты, мечущие горшки с греческим огнем, бросающие огромные камни.

Солдаты с благоговейным восторгом следили за этими оборонительными приготовлениями. Но ведь император приказал их господину, молодому барону, подчинить Роккабланку. Это вряд ли удастся с помощью оружия защиты.

Пьетро улыбался.

– Вы знаете, – говорил он, – что в здешних краях нет более могучей крепости, чем Роккабланка. Ее можно взять, но только ценой огромных потерь. Вы все, до последнего пехотинца, хорошо служили мне. Я не хочу жертвовать ни одной жизнью без крайней необходимости.

Хеллемарк взять было нетрудно, потому что я знал его слабые места, но у Роккабланки, которую я тоже прекрасно знаю, нет слабых мест, ни одного. Это великолепное произведение строителя... а теперь слушайте внимательно. Некоторые из вас знают, что Синискола совершили в отношении моих друзей и моей семьи страшные преступления. Во мне живо одно желание, оно разрывает мое сердце с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать лет, – убить всех, в чьих жилах течет эта кровь.

Роккабланка меня совершенно не интересует. Я не хочу захватывать ее. Эту крепость наш император хочет получить целой и невредимой. Скрываясь за этими стенами, Синискола могут принести нам больше вреда, чем мы им. Чтобы выморить их голодом, потребуется полгода. Против этих самых

толстых в Анконе стен наши тараны и тяжелые стрелы будут как блохи против слона...

– Я вижу, куда клонит мой господин, – рассмеялся Уолдо. – Надо выманить их. А на равнине, которую мы устроили, пролить их кровь.

– Да, – отозвался Пьетро. – Но без радости, мой Уолдо. У меня нет вашей германской способности радоваться убийству. Мы просто выполняем долг, восстанавливаем давно погнанную справедливость... И еще одно. Господина Энцио не убивать. Это приказ. При любых обстоятельствах ему должна быть сохранена жизнь.

– Да простит меня мой господин, – вмешался Рейнальдо, – но этого я не понимаю. Насколько я знаю, из всех Синискола он причинил господину самые ужасные страдания. Любой, кто не слеп, видит, что госпожа любит вас, а не его...

– Молчать! – прикрикнул Пьетро. – Пойми, Рейнальдо, эта дама очень дорога мне. Но она его жена перед Богом и мать его сына. Я не хочу, чтобы она стала вдовой...

– Но, мой господин, – ухмыльнулся Рейнальдо, – ей не придется оставаться вдовой...

Я слишком добр к ним, подумал Пьетро. Они пользуются моей добротой, и от этого страдает дисциплина. Но я не могу вести себя иначе. Они только люди, и они преданы мне.

– А ребенок, Рейнальдо?

Рейнальдо был сицилиец, в нем жила поэзия этой земли, чувствительность, свойственная сицилийцам.

– Я понимаю, – пробормотал он. – Для моего господина госпожа, которая любит его, она как потерянная жена, а ребенок как незаконнорожденный сын другого мужчины, так ведь? Мой господин сицилиец, я тоже. Такие чувства я понимаю. Простите меня, мой господин, за мое предположение...

Пьетро грустно улыбнулся ему.

– С твоего разрешения, мой добрый Рейнальдо, – сказал он, – мы сейчас оставим мои личные дела и вернемся к делам военным. Весь наш план зависит от того, сумеем ли мы выманить графов Синискола из-под защиты этих стен и заставить атаковать нас. Они не дураки, а большие хитрецы. Значит, мы должны быть хитрее их...

Если бы граф Алессандро предпринял дополнительные меры предосторожности и поставил бы часовых за крепостные стены и за ров, он мог бы раскрыть часть плана Пьетро. Ибо в ночной темноте один лучник подобрался близко к стенам Роккабланки и затаился в яме, которую он с тремя другими солдатами вырыл у самого рва. Те трое вернулись, оставив его одного.

Но граф Алессандро слишком понадеялся на крепостные стены. Он ничего не знал о притаившемся там стрелке с колчаном, полным стрел, у которых вместо острых наконечников были просмоленные тряпки.

В Роккабланке Ио в то утро кормила сына. Ему было уже четыре с половиной года. Обычно ей доставляло удовольствие глядеть на мальчика. Но не сегодня. Сегодня мог на-

чаться давно ожидаемый штурм. Странно, что Пьетро до сих пор не атаковал. Не они ли тому причиной? Да, он должен напасть. У него есть приказ императора подчинить мятежных аристократов этой местности. Прошлой ночью она узнала, что держатся только графы Синискола. После падения Хеллемарка сюзерены помельче быстренько отправили послания Пьетро и императору с выражением готовности выполнять феодальные повинности...

Она почти кончила кормить мальчика кашей, которую маленький Ганс – на это имя она согласилась, поскольку никогда не назвала бы сына именем кого-нибудь из Синискола и не могла дать ему имя, которое всем сердцем хотела бы дать, – выплевывал тут же, как только она засовывала ему в рот ложку. Это был нервный ребенок, худенький и жилистый. Он отличался смуглой красотой, которая радовала ее. И все же...

Вот тогда она услышала, как первый камень ударил о стены. Мальчик завопил, но мать в первый раз за четыре года не обратила на это никакого внимания.

Она пробежала коридорами, поднялась по узкой винтовой лестнице и оказалась на крепостной стене. Там она увидела Энцио, который стоял с отцом и братьями.

– Они сошли с ума? – спросил граф Алессандро.

Она увидела, о чем он говорит. Пьетро во главе всех своих рыцарей на полном скаку мчался к крепостным стенам.

В этом не было никакого смысла. Чтобы взять замок, нуж-

но бить по стенам таранами, или подобраться к ним под прикрытием железного панциря, или лезть на стены по приставным лестницам, или перебираться на стены с башен на колесах. Или вести подкоп, как сделал Пьетро в Хеллемарке. Пьетро не дурак. Он опытный воин. Так почему же – во имя неба! – бесполезно атакует, словно враги открыто противостоят ему на поле боя?

Она услышала свист стрел. Она не хотела смотреть в ту сторону, но не могла удержаться. Внизу, прямо под собой, она увидела, как встал во весь рост лучник, скрывавшийся в яме, и прицелился в Пьетро.

Она вскрикнула. Ее голос был словно зазубренный нож, разрезающий шелк. Мужчины Синискола услышали ее.

– Дура! – заорал Энцио. – Иди вниз, где тебе положено быть!

– Пьетро! – вновь закричала она. – Бога ради – Пьетро!

Он не мог слышать ее. Она увидела, как пальцы лучника отпустили тетиву. Стрела вырвалась, ее яркое оперение прочертило свой путь в солнечном воздухе.

Она увидела, в последний момент, когда еще могла что-то видеть, как откинулся в седле Пьетро, древко стрелы торчало из его груди.

Сквозь грохочущую тьму, обрушившуюся на нее со всех сторон, она услышала ликующий голос графа Алессандро:

– Сотню таренов этому лучнику!

Больше она ничего не слышала. Ее вернула к жизни тряс-

ка. Из затемнения выдвинулось лицо Энцио. Выражение этого лица было странным – потрясение, смешанное с ненавистью и дикой радостью...

Она вдруг осознала – он ведь любит меня! Это чудовище, за которое меня выдали замуж, – у него слезы на глазах!

У нее не было времени анализировать свою реакцию на это открытие. Ибо она тут же вспомнила причину своего обморока. В ее сердце зародилось что-то темное и ужасное. Нечто бесформенное. Нечто безумное. Но с когтями. Они рвали ее внутренности. В ней не осталось уже ничего, кроме крови. И боли. Самой ужасной, неопишуемой, непереносимой боли на свете.

Он мертв, подумала она. Мертв.

Потом она заметила, что Энцио смотрит на нее. Не сознавая того, она произнесла эти слова вслух.

– Да! – сказал Энцио. – Он мёртв! И теперь все дьяволы в аду могут насладиться его душой!

Она не ответила ему. Ее глаза медленно поползли с его лица вниз. По его телу. Без всякого намерения. Потом ее глаза расширились. В зрачках загорелся огонь.

На поясе Энцио висел кинжал из самой лучшей стали.

Она действовала так внезапно, что острие кинжала сверкнуло молнией прежде, чем он увидел. И клинок ударил. Энцио пытался перехватить ее руку, но опоздал. Впрочем, не совсем опоздал. Он помешал ей вонзить кинжал себе в самое сердце. Клинок вонзился ей выше левой груди с такой

силой, что острие его вынырнуло у нее в левой подмышке.

Энцио стоял, тупо глядя на нее, видя, как набухают первые капли крови, как они превращаются в струйку.

Она лежала, улыбаясь ему.

– Вытащи его, Энцио, – прошептала она. – А то очень больно.

Он схватился за рукоятку и дернул. Но лезвие прочно застряло в теле. Ему пришлось упереться другой рукой в ее плечо. Когда в конце концов он вырвал клинок, хлынула кровь.

– Будь добрым к Гансу, – прошептала она и потеряла сознание.

Он схватил ее на руки и побежал в спальню. Служанки забинтовали рану. Пришел лекарь и прижег рану раскаленным железом. Энцио стоял неподвижно рядом. Он собственными руками пытал людей до смерти. Он приезжал домой с поля боя раненый, еле держась в седле, его доспехи бывали окрашены его собственной кровью. Он был Синискола и не лишен мужества. Но сейчас ему стало плохо. Он громко плакал – как ребенок.

Вот так получилось, что старший сын графа Синискола не принял участия в атаке на Хеллемарк.

Вечером кучка рыцарей прискакала обратно в Роккабланку. Кучка из тех нескольких сотен, которые бросились преследовать людей из Хеллемарка, уносивших с собой тело своего барона.

Андреа, младший сын графа Алессандро, копия отца, самый красивый из всех Синискола, пришел в спальню, где лежала Иоланта. Он вошел очень медленно, из дюжины его ран сочилась кровь. Он остановился, глядя на старшего брата. Он пытался говорить, но не мог. Его губы двигались, складывая слова, но ни один звук не вырывался из этих губ.

Энцио молча смотрел на него. Потом увидел его глаза и вскочил, схватив брата за руки.

– Говори! – вырвалось у него. – Бога ради, Андреа, рассказывай!

– Нас обманули, – с трудом выговорил Андреа. – Он был там, вел их за собой, без единой царапины. Он держал в руке стрелу – у нее вместо наконечника смоляной вар. Нас обманули!

– Этот лучник, – прошептал Энцио, – был посажен туда им самим, чтобы выманить нас за крепостные стены... А наш отец бросил этому негодяю сотню таренов!

Андреа упал в кресло.

– Это, – сказал он тихо, так тихо, что Энцио пришлось напрячь свой слух, чтобы расслышать его, – уже не имеет никакого значения... наш отец... мой брат...

Энцио смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова. Вопрос застыл в его глазах.

Андреа медленно кивнул.

– И Ипполито, – прошептал он, – и Людовико... Нас, Синискола, разбил выскочка, сын серва. О Боже, Боже! Как он

нас разбил! Как овец, как стадо свиней. За всю мою жизнь, Энцио, я не видел столько прекрасных рыцарей...

Ио шевельнулась. Застонала.

– Что с ней? – прошептал Андреа. – Это не ты?..

– Нет. Она думала, что он убит, и выхватила мой кинжал.

Андреа, Бога ради, я заклинаю тебя! Она не должна знать – никогда, – что он жив...

Андреа грубо рассмеялся.

– Ты так низко пал, мой брат? Ты готов на все, лишь бы сохранить свое грязное, побывавшее в чужих руках добро?

Энцио вскочил. Потом остановился, бормоча:

– Слишком много покойников, слишком много, не будем ссориться, Андреа...

– Нет, – сказал Андреа, – мы не можем ссориться. Как будет смеяться этот негодяй, если два последних наследника Синискола убьют друг друга.

Он встал и принялся ходить взад и вперед, забыв о своих ранах.

– Он разбил нас, Энцио, потому что он серв. Потому что в его голове грязные, не рыцарские замыслы... Например, поставить сменщиков, которые заряжают тяжелые арбалеты и передают их стрелкам, так что мы оказались под непрерывным обстрелом. Или установить копья под живыми изгородями, так что когда наши самые храбрые рыцари поскакали за отцом, за Ипполито, Людовико и мной, наши кони напоролись на эти копья, и через минуту образовалась груда из

конских туш, разорванных, ржущих. Те, кто скакали позади нас, уже не в силах остановить своих коней врезались в эту грудь, а с крепостных стен и из траншеи свистели тяжелые стрелы, потом катапульты стали посылать вниз арбалетные стрелы, большие, как дротики, которые валили наших коней на землю, а метательные машины бросали в нас каменные снаряды, пока вся земля не покрылась останками людей и коней, а под конец они стали метать в нас горшки с греческим огнем...

Он замолчал, смачивая языком пересохшие губы. Посмотрел на Ио, потом снова на брата.

– Мы бежали – те из нас, кто остался жив. Но он, – быть может, адский огонь сожрет его душу – предвидел и это. Он выехал из леса во главе группы всадников, которая была в три раза многочисленнее нас! Будь он проклят! Будь он проклят! Я никогда не прощу ему то, что он сделал потом...

– Что? – прошептал Энцио.

– Он поднял руку и приказал, чтобы две трети его отряда отошли, и стал сражаться с нами, не имея перевеса в числе! Я могу пережить, когда меня побеждают превосходящей численностью, но он приказал им остаться в стороне. Он сражался со мной...

Энцио ждал продолжения рассказа.

– Ты знаешь, как он мал ростом? Он был как змея, он был повсюду, пока я рубил мечом воздух и задыхался, а он сидел в седле и смеялся, играя со мной острием своего меча, не

промахиваясь, нанося уколы, пока у меня все вокруг не закрутилось, и тогда он вытащил боевой топор, который обрушил на шею моего коня, бедное животное рухнуло, и я вместе с ним... Трое моих рыцарей бросились ко мне, и он убил одного из них, – по-моему, это был Франческо, – остальные подхватили меня. Но все уже было кончено. Со мной вернулась горсть, ты их видел, и это, Энцио, с его разрешения, с его милостивого разрешения. Этот сын дерьма стоял там, и разрешил нам уехать без выкупа, и не преследовал нас – он говорил прекрасные слова и вел себя как рыцарь, – вот этого я не могу ему простить!

– Он уже однажды отпустил меня без выкупа, – прошептал Энцио. – Я его не понимаю – моя жизнь стоит между ним и возможностью обладать Ио, и он не посягает на мою жизнь...

– У него ум змеи, – медленно произнес Андреа. – Есть пытки страшнее, чем телесные. Как тонко он умеет использовать их! Унижает нашу знатность, действуя более благородно, чем любой аристократ, – с изяществом швыряя горящие угли на наши души...

– Надо, чтобы лекарь посмотрел твои раны, – сказал Энцио.

– Надо, надо, – прошептал Андреа, но не двинулся с места.

Утром слуга разбудил братьев.

– Господа! – кричал он. – Пройдите на стены, я вас умоляю...

Еще не совсем проснувшиеся и не оправившиеся от усталости, они последовали за ним и увидели.

Процессия монахов из аббатства – все со свечами. С пением мессы. Впереди шел сам настоятель, высоко держа крест. А за ним – двое монахов впереди каждого гроба, двое позади – три гроба, которые несли на плечах рыцари. С непокрытыми головами, без оружия. А в гробах застывшие тела, укрытые знаменами благородного дома Синискола.

– Пусть откроют ворота, – прошептал Энцио.

Они спустились во внутренний двор, процессия втянулась туда. Монах вышел вперед и передал Энцио послание. Энцио прочитал и передал послание Андреа.

“От Его Светлости Пьетро, милостью Божьей и даровани-ем Его Величества Фридриха Второго, императора Римской империи, барона Роглиано, данное его собственной рукой в замке Хеллемарк двадцатого декабря 1220 года от Рождества Христова.

Господам Синискола, с приветствием.

Я возвращаю вам тела ваших братьев и вашего отца, чтобы вы могли похоронить их по христианскому обряду. Они много грешили при жизни, но пусть Бог будет им судьей. Они пытали моего отца и моего опекуна до смерти, я убил их по-рыцарски, на поле боя, без ненужной боли и с полным почетом.

И тем не менее я сожалею о содеянном, так как мне представляется, что возмездие – дело Господа Бога, а не людей. Поэтому я поручил настоятелю монастыря, чтобы отслужи-

ли молебн о спасении их душ, за что я заплатил.

Теперь, что касается замка Роккабланка. Я выполняю, как вам известно, приказ Его Величества заставить вас сдатьсся. Поскольку у вас нет ни людей, ни средств далее защищать замок, я предлагаю вам в течение недели сдатьсся Его милости настоятелю, которому поручаю принять эту сдачу от имени императора.

У меня нет интересов в Роккабланке. У меня нет желания ступать на эту землю. Я только выполняю приказы моего сюзерена. Поэтому я предлагаю предстать перед ним в его временной ставке в Фоджии и отдаться на его милость. Вы будете в безопасности, поскольку я уже написал ему, испрашивая его милосердия к вам, имея в виду несчастья, которые уже обрушились на ваш дом. До сих пор Его Величество всегда благосклонно относился к моим просьбам.

Если вы не подчинитесь в течение пяти дней, я, к сожалению, вынужден буду атаковать.

Подписал: Пьетро, барон Роглиано”.

– О Боже! – прошептал Андреа.

На пятый день они сдали Роккабланку настоятелю. У них не было иного выхода. Настоятель в свою очередь разрешил им оставаться в замке, пока госпожа Иоланта не оправится достаточно, чтобы отправляться в дорогу.

В начале весны 1221 года в Фоджии Фридрих отказался возобновить дарственную на Роккабланку, послав вместо этого туда свой гарнизон. После этого, с некоторым опозда-

нием, он даровал им небольшое поместье около Лорето, ми-
лях в двадцати от Иеси, подчеркнув тем самым, что они обя-
заны этим снисхождением вмешательству нового барона Ро-
глиано.

Такова была месть Пьетро ди Донати.

Счеты между ним и семейством Синискола были далеко не сведены. Пьетро знал это. Уолдо и Рейнальдо, его рыцари, открыто утверждали, что оставлять в живых мужчин этой крови безрассудство. Так оно и было. Но Пьетро не хотел больше кровопролития. Существовали пределы, которые он не мог перешагнуть. Он вырвал у них когти. Пройдут годы, прежде чем они наберут достаточно сил, чтобы открыто напасть на него. А фанатичная преданность близких людей защищала Пьетро от убийц и отравителей.

На это Рождество у него оказалось много времени для раздумий. Он сидел перед большим пылающим камином в зале Хеллемарка с Уолдо и Рейнальдо. Но он с ними не разговаривал. На стене висело несколько ярких гобеленов – те, которые были вытканы руками Иоланты. Он смотрел на пламя, и в его мелькании возникали картины прошлого.

Есть дела, которые человек может сделать, и такие, которые ему не под силу. Он может одерживать победы, может страшно мстить своим врагам. Может стать рыцарем и бароном, властелином над людьми и землями, стать могущественным и уважаемым.

Но человек не в силах одержать победу над самим собой. Он не может заполнить пустоту в своем сердце Или заставить молчать свою память.

Всего в двадцати милях отсюда, в маленьком замке, владении графов Синискола, Рокка д'Аквилино, живет женщина. Молодая, ей всего двадцать три года. Все вокруг воспевают ее красоту, священник и вассалы убеждают ее выйти замуж. Все сведения, поступающие к Пьетро, барону Роглиано, подтверждают его воспоминания о ней. Элайн Синискола не только ему кажется красавицей.

И тем не менее он не навещал ее. Ему требовалось лишь маленькое усилие волн, чтобы встать и проехать эти двадцать миль. Можно повезти ей подарки, взять лютню и спеть ей песни любви и нежности.

Но он не мог сделать это усилие. Он обречен сидеть здесь перед огнем в мрачном безделье, глядя на гобелены, вышитые любимыми утраченными руками. Утраченными. Она теперь связана с Энцио узами столь крепкими, что разрушить их может только Господь Бог.

Пьетро, барон Роглиано. Он сам, шутя, придумал этот титул. Как его это когда-то радовало. Теперь ему это безразлично. Слова, которые уносит ветер. Почести, написанные тростинкой на поверхности воды.

За тридцать лет дом Роглиано четыре раза менял кровь. Сначала это были итальянские Роглиано, носившие это гордое имя по праву рождения. Они вымерли. Некоторые умерли естественной смертью, остальные пали от меча доблестного Орри Гростета, норманнского рыцаря, сподвижника последнего норманнского короля Сицилии Вильгельма Второго.

го, деда Фридриха по материнской линии. Потом Рудольф Бранденбург, отец Ио, в свою очередь истребил мечом норманнов, чтобы стать по праву завоевателя вторым чужеземцем, получившим владения и имя Роглиано. Потом Энцио с помощью яда и хитрости завладел Хеллемарком и поместьем, хотя в действительности он никогда не стал бароном Роглиано, поскольку в отсутствие Фридриха не мог получить подтверждения этого титула и носил его незаконно.

Теперь наконец Роглиано вновь стало итальянским владением. Но владел им холостяк. Человек, у которого нет сыновей. Мужчина, бездумно сидящий перед пылающим очагом и не решающийся поехать поухаживать за молодой женщиной.

“А как я могу? – думал Пьетро. – Как может человек петь и говорить нежные слова, когда сердце его мертво? Я могу отдать должное ее красоте, ибо она действительно прекрасна, но ведь она тут же увидит, как мало в этих словах искренности. Женщин в этих вопросах не обманешь. Говорят, что она не хочет вновь выходить замуж, поскольку была так счастлива с Рикардо, что не может забыть его. Я могу ее понять. Я во власти того же чувства. Счастье с Ио доставалось мне урывками, но это было – счастье.

Во имя рода Роглиано и моего господина Фридриха я обязан жениться. Но мне нужно время. Может, год, чтобы залечить свежие раны, зияющие поверх старых шрамов. Вот этого я не имел никогда в жизни – времени, которое принад-

лежало бы мне Время было не слугой, а тираном – хозяином. Теперь же, когда я стал господином, добился богатства и знатности и когда я окончательно знаю, что Ио потеряна для меня, время обернулось пустотой... Но теперь оно приобрело оттенок приятия, боль стала тупой, раны зарастают новым мясом – нежным и чувствительным, да, но это лучше, чем боль и кровь...”

Он услышал, как сзади возник Манфред, его сенешал. Пьетро не обернулся.

– Что там? – устало спросил он.

– Гонец от Его Величества, – прошептал Манфред, с трудом подавляя возбуждение. – Он отказывается передать послание кому-либо, кроме вас.

– Пришли его сюда, – сказал Пьетро, вставая.

Послание его мало интересовало, потому что он почти наверняка знал, что оно содержит. Он отправил императору срочное донесение с почтовым голубем, – способ, которому Исаак научился у арабов, а Фридрих теперь принял на вооружение, получив от Пьетро целую стаю этих ценных птиц. Пьетро сообщал ему, что взял Хеллемарк и что Роккабланка сдалась. В предыдущем послании Пьетро предупреждал, что Синискола, вероятно, предстанут перед императором и будут просить о милосердии, и ходатайствовал за них – главным образом ради Ио.

Пьетро был уверен, что послание императора содержит подтверждение получения всех этих сведений и, возможно,

новые инструкции. Он не удивился и тому, что Фридрих отправил письмо со специальным посланцем. Император не мог воспользоваться голубиной почтой, потому что в Хеллемарке долгое время не разводили голубей, и у них не было инстинкта дома. Кроме того, хотя голубиная почта была очень быстрой, она ограничивала размеры послания, поскольку голуби не могли нести большой кусок пергамента, а Фридрих привык излагать свои идеи и распоряжения с большими подробностями.

Пьетро взял у посланца свиток пергамента и сломал императорскую печать. Как он и ожидал, Фридрих выражал свое удовлетворение тем, как быстро Пьетро выполнил поставленную перед ним задачу, и соглашался с просьбой Пьетро предоставить Энцио возможность содержать жену и сына.

Но остальная часть послания оказалась настоящим шоком. Фридрих писал:

“Королева жалуется, что принц Генрих стал капризным и здоровье его не в лучшем состоянии. Мы знаем, что ты не разделяешь нашу твердую веру в то, что звезды управляют судьбой людей. Тем не менее нам представляется (Пьетро понимал, что Фридрих имеет в виду только себя. “Мы” обозначало королевскую персону, оно никак не включало королеву. Фридрих – Пьетро хорошо это знал и улыбнулся своему знанию – не способен даже представить себе, что в женской голове может найтись нечто, заслуживающее упоминания. В этом отношении, как

и во многих других, он был настоящим сыном Востока) неоправданным риском, что ты продолжаешь нарушать схему наших жизней, связанных звездами. Мы посылали в церковь Иеси за записями. Они во всех деталях подтверждают твои слова. Мы приказали привезти к нам старых жителей города – свидетелей событий, сопровождавших наше рождение и твое. Ах, Пьетро, что это за чудо! Как ты справедливо сказал, мы почти что стали причиной того, что ты родился в тот же день...

Поэтому мы высказываем нетерпение в связи с тем, что ты откладываешь это дело. Поскольку другие дела улажены, мы приказываем тебе посетить избранную тобой даму – нам сообщили, что она живет неподалеку в Рокка д'Аквилино, – и начать осаду ее сердца.

Если же она выразит нежелание, мы будем вынуждены взять дело в свои руки. По нашим законам, данным в Капуе, ни один подданный не может жениться без нашего согласия. Его мы даем вам с большой охотой. Более того, если дело не будет слажено к нашему удовлетворению до конца февраля, мы сочтем возможным отдать даме королевский приказ.

Как только ты женишься, мы пришлем тебе гороскоп, который укажет лучшие дни и часы для соития, чтобы облегчить зачатие наследника мужского пола.

Благодарим тебя и шлем тебе наше благословение.

Подписано: Фридрих

Король и император.

Фоджиа, декабрь 1220”.

До конца декабря. Немногим более двух месяцев. Пьетро стоял, держа в руках послание, глаза у него стали задумчивыми.

– Мой добрый сенешал, – сказал он, – проследи, чтобы этого рыцаря накормили и обошлись с ним вежливо. Ответ я отправлю завтра.

Его взгляд устремился на стены, где висели вышитые золотом и пурпуром гобелены с изображением подвигов исчезнувшего дома Бранденбургов.

– И вот еще что, Манфред, пришли ко мне одну из служанок...

Когда девушка пришла, она нашла Пьетро все еще сидящим перед очагом.

– Да, господин? – проговорила она.

– Мария, – сказал Пьетро, – сними эти гобелены со стен. Меня уже тошнит от их вида...

Он наклонился, уставившись в огонь.

Следующий день оказался холодным, дождь бил в лицо ледяными иголками. Пьетро со своими двадцатью вооруженными людьми оделся в теплые одежды и меха. Двое слуг вели в поводу мулов, груженных дорогими подарками. Под плащом на Пьетро был великолепный наряд. Он надел не кольчугу, а костюм из красного бархата, темного, как вино или загустевшая кровь, вышитый золотой нитью и украшенный рубинами. Внутри его сапог для верховой езды на нем бы-

ли бархатные туфли с золотым узором. На шее висела большая золотая цепь с кулоном, на котором был выдавлен придуманный им герб его дома.

Он не сомневался, что Элайн примет его. Правила приличия требовали, чтобы знатному господину или даме предоставлялось убежище, если они пришли с миром. И все-таки он волновался. Странно это было – ехать просить руки женщины, которая никогда не скрывала своего отвращения к нему и чьей руки он собирается просить по совершенно необычным мотивам...

Это правда, что владетельные бароны редко женятся по любви. Но их побудительные мотивы обычно основательны и разумны – соединить поместья, заполучить в свои сундуки богатство вдовы...

Но состояние Элайн было ничтожным и скорее представляло бремя, нежели преимущество. Она была бедна, что совершенно не беспокоило Пьетро, поскольку его собственное состояние было весьма значительным и все увеличивалось.

Если бы он любил, все выглядело бы иначе. Но в его сердце только тлели угольки, оно оказалось недоступно для любви. В эту ситуацию без любви его вверг приказ императора, приказ, рожденный непомерным безрассудным суеверием, недостойным столь великого человека. Это было единственное слабое место в броне Фридриха, единственное темное пятно. Император уже приказал монахам Цистерцианского ордена заняться научными экспериментами, которые

сделают сельское хозяйство на Сицилии самым передовым в Европе. Создавались ученые трактаты о выведении новых пород скота – некоторые из них написаны самим императором, – об улучшении мясных пород, о выращивании густошерстных пород овец. Фридрих хватался за все. Он знал пути перелетов птиц, его ученые с поразительной точностью предсказывали погоду. Были даже попытки управлять погодой. Император поговаривал о создании светского университета, где трудились бы юристы и сарацинские ученые, которые могли бы исследовать все пути истины, не будучи скованы контролем церкви. Он раздавал пенсии математикам и геометрам, его острый ум проникал сквозь мрак незнания и предрассудков. За исключением этого. Он верил, что звезды контролируют жизнь людей. Он не приступал ни к одному новому делу, пока его провидцы не составят гороскоп, определяющий, подходящее ли для этого время.³⁷ Поэтому Пьетро должен произвести на свет сына, чтобы сохранить связь, существующую, по убеждению императора, между ними. Поэтому он должен жениться на этой женщине, которая, вероятно, ненавидит его, – на женщине, которая, возможно, не способна открыть свое сердце для любви...

³⁷ Доказательством любопытной противоречивости человеческой природы может служить то, что такой скептик и циник, как Фридрих, был способен верить в вопиющую чепуху. Однако именно таким он был. Женившись на Изабелле Английской, он отказался вступить с ней в сексуальный контакт до того дня и часа, который астрологи называли самым благоприятным для зачатия ребенка (см. Канторович, там же, с. 407).

Ехали они медленно, потому что погода стояла ужасная. Даже плащи из меха не могли предохранить от холода. Они выехали задолго до рассвета, но до Рокка д'Аквнлино добрались, когда уже темнело. Главным препятствием и проклятием была грязь. Кони ощупью находили дорогу и передвигались очень медленно.

Когда они подъехали к замку, на стенах уже горели факелы. Но стража у ворот встретила их дружелюбно. После многих лет службы у доброжелательного Рикардо, которого любили все соседи, стражники перестали относиться подозрительно ко всему остальному человечеству. Пьетро был рад этому. После самого поверхностного осмотра, когда выяснилось, что у его свиты нет никакого оружия, кроме кинжалов, начальник стражи послал известить госпожу, даже не спросив у Пьетро его имени.

Ее ответ последовал немедленно. Ворота широко распахнулись, и госпожа Элайн приветствовала Пьетро в дверях маленького дворца. Она все еще носила белые вдовьи одежды. Она была невысока ростом, хорошо сложена и изящна.

Она была прекрасна.

В этот момент он шагнул в освещенный коридор, и она увидела его лицо.

Он заметил, как она замерла. Ее вообще отличала бледность, но сейчас ее лицо стало белым. Смертельно белым. Долгое мгновение она стояла, глядя на него.

– Вы! – прошептала она. Слово вырвалось будто из глубин

невыносимого отвращения.

Пьетро не отрывал от нее глаз.

– Вежливость, – сказала она, – запрещает мне отправить вас назад в такую ночь. И все-таки я прошу вас покинуть мой дом завтра как можно раньше. Я... у меня много бед, но такого горя я еще не испытывала – принимать у себя убийцу моих родственников!

Пьетро отступил. Из всех возможных вариантов, которые он перебирал в голове, этот не приходил ему на ум. Самый простой, самый логичный – что эта дама, самых гордых кровей Италии, так прореагирует на смерть своих родственников, которых всегда весьма уважала.

Тем не менее именно этот отпор подействовал на него возбуждающе. В сундуках, груженных на одного из мулов, было достаточно оружия и доспехов для его двадцати рыцарей, чтобы в пять минут взять замок. В распоряжении Элайн не было вооруженных людей, о которых стоило бы говорить. Только присутствие Фридриха в Италии и любовь к ней соседей были причиной того, что ее владения – и она сама – не были давным-давно захвачены силой.

Она не может выгнать его – такова была его первая мысль. Но он тут же передумал. Она может. Менее всего на свете Пьетро был способен воевать с женщиной. Вдруг он почувствовал себя почти счастливым. Оказалось, что приказу императора будет очень легко подчиниться. Он всегда презирал женщин-куколок. Главное обаяние Ио заключалось в ее

огненном темпераменте.

Святой Боже! В какие-нибудь пять минут все его возвышенные возражения рухнули! Что он за глупец, если от этого отпора у него так закипела кровь!

Он отвесил ей глубокий поклон.

– Как пожелает госпожа, – сказал он. – Мои люди и я покинем Рокка д'Аквилино в течение часа. Но прежде я прошу госпожу об одолжении – чтобы она распорядилась и моих рыцарей накормили и коней тоже накормили и помыли. До Хеллемарка долгая обратная дорога.

Она немного оттаяла, но самую малость.

– Вам не надо уезжать ночью, – сказала она. – Вы можете остаться и поужинать. Только не просите меня, чтобы я оказала вам честь и села с вами за стол...

– Я не буду просить вас об этом. Но об одном я попрошу – чтобы госпожа выслушала из моих уст историю моей вражды с ее родственниками. Даже преступнику разрешают сказать слово, прежде чем его повесят. Госпожа прокляла меня, не выслушав ни слова из моей истории...

– Я знаю достаточно, – сказала она. – Это вы первый начали все раздоры, когда много лет назад похитили мою кухню Иоланту...

– Вы верите в это? – с сомнением в голосе спросил Пьетро.

– Нет, – сказала она. – Не верю. Я знаю Ио. Энцио был дураком, когда женился на ней. Она из хорошей семьи, но от этого она не стала благородной дамой и это не помешало ей

обладать моралью девки со скотного двора!

Лицо Пьетро окаменело.

– Если бы вы, госпожа, были мужчиной, я убил бы вас за эти слова.

– Пусть вас это не останавливает. На ваших руках достаточно крови мужчин Синискола, чтобы вас остановило то, что я женщина...

Пьетро покачал головой. Все шло плохо. Он осмотрелся вокруг. Ее сенешал провел его рыцарей в зал для ужинов. Пьетро вдруг схватил ее за руки.

– Сядьте, – резко сказал он. – Хотите вы или нет, но вы выслушаете меня. Я достаточно страдал от рук Синискола. В ответ я всегда вел себя с ними по-рыцарски – хотя они этого не заслуживали... Вы помните осаду Рецци?

– Да, – прошептала она.

– После той осады ваш дядя, граф Алессандро, повесил моего отца на оливковом дереве, подвергнув перед тем таким пыткам, что меня тошнит при одной мысли о них. Увенчал он эти свои деяния тем, что взял золото, которым мой опекун хотел выкупить жизнь моего отца, после чего повесил моего опекуна вниз головой на парапете Роккабланки, предварительно распоров ему живот. А Энцио схватил меня после того, как вы сказали ему, где я, и бросил меня в темницу, из которой я в конце концов бежал только благодаря тому, что у вас изменилось настроение... Вы помните это?

– Да, – сказала она. – И теперь сожалею о своей глупости,

когда помогла вам!

– Неважно, – сказал Пьетро. – В ответ на эту и другие подобные любезности я сражался с вашими родственниками на поле боя, выполняя приказ императора, поскольку они не пожелали, чтобы он рассмотрел их дарственную на земли. Я убил их – это правда. Но в честном бою, подставляя себя под удары их мечей. Я мог захватить их в плен и подвергнуть пыткам – но во мне нет этих звериных инстинктов, столь характерных для ваших родственников...

Я оказал им честь после их гибели, отправив их тела в сопровождении монахов в Роккабланку для погребения. Я спас жизнь Андреа, отпустив его. Я подарил жизнь Энцио, причем не один раз, а дважды. И поскольку я в известном смысле христианин, я наказал настоятелю отслужить мессу по их душам.

Более того, я попросил моего сюзерена, императора, дать Энцио и Андреа поместья, чтобы в какой-то мере компенсировать их неприятности. Неприятности, которые они навлекли на себя своим упрямством, а я был только орудием...

Элайн смотрела на него. Ее рот сжался в узкую полоску.

– Вы надеетесь, что я поверю всему этому? – спросила она.

– Почему бы нет, – ответил Пьетро. – Поскольку здесь каждое слово правда.

– Такая же правда, – резко сказала Элайн, – как и то, что вы наставили рога моему кузену Энцио с его женой?

– Да, такая же правда, – отозвался Пьетро. – Такая же, как

и то, что мы с Ио еще детьми дали друг другу торжественную клятву в вечной любви. Такая же правда, как и то, что ее вырвали силой из моих объятий и против ее воли отдали, обливающуюся слезами, этому животному! Вы ведь присутствовали на свадьбе. Вы видели, как она была рада стать женой вашего кузена.

Элайн отвернулась.

– Да, – прошептала она, – я видела... и я пожалела ее. Однако, господин, – мир обезумел, если я должна называть господином сына серва, – она не могла выйти замуж за вас, поскольку вы низкорожденный...

– Ни один род не был с самого начала благородных кровей. Каждое баронство в Италии в прошлом начиналось с разбойников, которые строили какое-то укрепление и грабили всех проезжающих, Разбойников, которые принимали в вассальную зависимость разбойников помельче и с помощью их мечей выбивали из живых людей патент на благородное происхождение. Так будет не всегда, госпожа, придет время, когда люди поймут, что доброта сердца и возвышенность души являются единственными свидетельствами благородства – а не случайности рождения...

– И этим вы, уж конечно, обладаете? – с горечью спросила Элайн.

– Нет, – сказал Пьетро и посмотрел в сторону. – Если бы я обладал этими качествами, я простил бы ваших кузенов за преступления против моей семьи и моих друзей. Я бы мог

следовать учению милосердного сына Марии. Но я не могу их простить. Меня душит ненависть – о которой я очень сожалею.

– Почему? – прошептала Элайн.

– Из-за вас, госпожа. Я одинокий мужчина. Я смирился с утратой Ио – которая, несмотря на ваши резкие слова, великая женщина, дама высокой чести. Видите ли, уже много лет, с того первого дня, когда вы повернулись ко мне спиной, когда я посмотрел на вас, в тот самый день, когда ныне покойные братья моей бедной Ио были посвящены в рыцари, я хранил в моем сердце запретную мечту о вас. Это была замечательная мечта. Каждый раз, когда я видел вас, эта мечта становилась все ярче. И ничто – ни ваши оскорбления, ни жестокие слова – не могло поколебать эту мечту. Вы самая красивая женщина, какую я когда-либо встречал. И я – да поможет мне Бог – восхищался этой красотой.

В моей жизни было много несчастий. Я устал от горя, от одиночества. Я хочу провести остаток моих дней в мире, окруженный сыновьями, которые вырастут благородными людьми. Кроме того, это желание моего императора, чтобы я женился...

Элайн недоверчиво посмотрела на него.

– Вы думаете, – прошептала она, – что я выйду замуж – за вас?

– Да, моя госпожа, – сказал Пьетро.

Элайн встала, глядя на него в упор.

– Даже если бы я знала, сир Пьетро, – сказала она, – что вы никогда не обнажали меч против моих родственников, мой ответ был бы таким же. Боже бессмертный! Чтобы женщина оказалась столь беззащитной перед таким оскорблением! Теперь, когда моего мужа нет в живых, за мной могут ухаживать конюхи, от которых несет потом и конским навозом...

Пьетро встал и бросил на нее долгий взгляд.

– Я вижу, что ошибся, – спокойно сказал он. – Я намеревался жениться на благородной даме, чтобы мои сыновья были, как и я, хорошо воспитаны. Но вряд ли они получат такое воспитание от женщины со злобным характером и выражающейся так, как не позволит себе торговка рыбой...

– Убирайтесь! – закричала она. – Я не хочу больше видеть вас!

– Я сейчас доставлю себе огромное удовольствие не видеть вас, – сказал Пьетро. – Но прежде я брошу вам вызов. Храбрый рыцарь всегда принимает вызов – так же как и рыцарственная дама. А ваш муж, насколько я слышал, был и храбрым рыцарем и человеком чести – единственным Синискола в истории, который мог претендовать на это последнее определение...

Она стояла, глядя на него.

– А теперь вот мой вызов. Я предлагаю госпоже расследовать всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, что произошло с жителями Рецци, почему они взбунтовались и какая судьба постигла их после того, как они потерпели по-

ражение. Затем, если госпожа не возражает, чтобы она поинтересовалась судьбой Липольда Бранденбурга, дяди Ио, благородной госпожи Бриганды, ее матери, а позднее – ее отца и братьев. Пригласите к себе лекаря графа Алессандро, расспросите его, но только не прибегая к пыткам. Дайте ему заверения, что его никто не тронет, а потом наградите его кошельком с золотом, чтобы вы были уверены, что он говорит вам правду. Я знаю, как умерли мой отец и мой опекун, но госпожа не верит правде, когда слышит ее из моих уст. Я прошу ее постараться услышать эту правду от тех мужчин и женщин, которых она знает и кому доверяет. И если после этого она найдет в своем сердце ненависть ко мне, я больше ничего не смогу предпринять...

Пьетро уехал, а Элайн все еще сидела в большой зале перед горящим очагом и смотрела на огонь.

Конечно, он лгал мне, говорила она себе, он лгал, лгал, лгал!

Странно, что я должна повторять это себе столько раз. Сын серва, низкорожденный крестьянин, правда, с манерами принца и лицом, поразительно тонким и грустным – о Боже, не схожу ли я с ума? – простолюдин стоит передо мной и бросает обвинения в адрес высокородных людей... Мой дядя Алессандро никогда...

Но тут на память ей пришел случай, когда одна крестьянка в ужасном горе цеплялась за стремя графа Алессандро, умоляя его пощадить ее сына, приговоренного к виселице за

браконьерство. В языках пламени Элайн увидела лицо своего дяди, до неузнаваемости искаженное гневом, он привстал в седле и стал хлестать женщину по лицу, по спине и по рукам, его рука металась на фоне синего неба и обрушивалась на женщину, хлыст разрывал ее жалкую одежду, проступала кровь, а женщина со стонами цеплялась за стремяна, и он наконец пришпорил коня, и тот рванулся, протащив женщину футов двадцать; она свалилась лицом в грязь и лежала там, плача.

На следующий день граф повесил ее сына.

О Боже, о Боже, всхлипывала Элайн, почему я должна думать об этом? Я выбросила это воспоминание из головы, я забыла его – его и лица мальчиков, у которых животы провалились от голода, висевших над рвом Роккабланки. Они расплачивались жизнью за пойманного кролика. За такую маленькую пушистую зверюшку – человеческая жизнь, бессмертная душа...

Я не хочу задумываться над этим! Не хочу! Не хочу!

Почему? Если он лгал, ничего не подтвердится.

А если... если он не лгал?

Она не хотела думать. Последствия могли оказаться слишком страшными.

Пьетро вложил в ее голову мысль, которая там раньше не существовала, – чего стоит аристократизм рождения, если он не сопровождается аристократизмом поведения? Она была дамой благородного происхождения, но в его упреке была

правда, она вела себя как торговка рыбой. Она вспомнила слова своей покойной матери, благородной Гильды Саксонской: “Знатные люди обязаны вести себя благородно – и чем больше расстояние между ними и теми, с кем они имеют дело, тем больше должно быть благородства”.

Так мало людей разделяют это убеждение. Ни один человек из тех, кого она знала, не считал своим долгом распространять свое рыцарство на отношения к крестьянам и сервам. Конечно, она всегда была добра к ним, но за этой безличной добротой – проявляемой гораздо чаще и в большей степени по отношению к щенкам, котяткам, – вела ли она себя с людьми ниже себя действительно благородно?

Ее щеки вдруг вспыхнули от стыда. Ей пришло в голову, что Пьетро из Хеллемарка вел себя гораздо более вежливо. Даже когда он рассердился, он не опустился до грубости – не считая, пожалуй, того момента, когда схватил ее за руки. Она посмотрела на свои руки. Они оставались белыми и гладкими. Его хватка была жесткой, но деликатной.

Я должна их вымыть, вдруг решила она во гневе. Я должна смыть с них прикосновение грязных клешней этого крестьянина!

И тут она неожиданно вспомнила, как выглядят руки Пьетро – тонкие, с длинными пальцами, с подстриженными и чистыми ногтями. Руки рыцаря. Руки принца...

Я сошла с ума, подумала она, однако ее мозг принялся бесконтрольно, с женской точностью вспоминать все детали

его одежды и поведения. За ней ухаживали и раньше. Многие появились, не прошло и месяца со смерти Рикардо. Однако ни один из них даже слегка не заинтересовал ее.

А этот крестьянин взволновал. Этот сын серва, маскирующийся под рыцаря, под барона. Маскарад действительно превосходный. Ни один мужчина не вел себя с ней с такой естественной вежливостью. Compliments, которые он воздавал ее красоте, были изящны, говорил он на безупречном тосканском наречии без следа крестьянской грубоватости или неправильностей речи.

В зал вошел Рудольфо, ее сенешал. Он хмурился.

– Госпожа, странно, что они так поспешно уехали, – сказал он. – Никогда не встречал таких воспитанных рыцарей. Господин поручил мне передать вам это...

Он поклонился и вручил ей маленький ларец. Когда она открыла его, камни, лежавшие там, вспыхнули ярким многоцветьем. Они были прекрасны. Совершенно прекрасны.

Элайн была женщиной. Она не могла преодолеть искушения, взяла горсть драгоценных камней и, пропуская меж пальцев, позволила им сыпаться обратно в ларец, при этом они сверкали зеленым огнем, яркой белизной, багровыми каплями крови. Потом она захлопнула крышку ларца.

– Приняв этот ларец, Рудольфо, ты обрек себя на долгую и неблагоприятную поездку. Ибо завтра ты должен будешь вернуть его хозяину Хеллемарка, – сказала она.

Рудольфо уставился на нее.

– Прошу прощения у госпожи, – сказал он. – Все мы, слуги госпожи, которые любят ее всем сердцем, уверены, что она уже достаточно носит траур. Такая молодая, такая прекрасная дама должна снова выйти замуж – этот дом не должен оставаться без наследника...

– Ты предлагаешь, – сухо спросила Элайн, – чтобы я снова вышла замуж... за него?

– Я не знаю, госпожа. Его рыцари сказали мне, что он добивается вашей руки. Слишком рано судить, но я должен сказать, что за всю свою жизнь я не встречал более прекрасного и вежливого молодого рыцаря...

– Спасибо за ваше беспокойство обо мне, – вздохнула Элайн. – А теперь оставь меня. Впрочем, нет! Рудольфо, ты знаешь лекаря Артуро, который служил моему дяде графу Алессандро?

Лицо Рудольфо изменилось, когда он услышал это имя.

– Да, госпожа, – сказал он.

Элайн внимательно изучала его лицо.

– Почему лицо твое передернулось, Рудольфо, – прошептала она, – когда я упомянула моего дядю?

– Передернулось? Госпожа не должна думать...

– Не пугайся, Рудольфо, – сказала Элайн. – Есть вещи, которые я должна знать. Некоторые дела, которые затронул в разговоре хозяин Хеллемарка... – (Странно, с какой легкостью я произнесла эту фразу, как просто выскочило слово “хозяин”...)

Она посмотрела в глаза Рудольфо.

– Почему ты изменился в лице, Рудольфо? – снова спросила она.

– Я... я всего лишь бедный и безземельный рыцарь, госпожа, – просительно произнес Рудольфо. – Прошу вас, госпожа... люди прощались с жизнью за то, что высказывали мнения, неприятные для ушей благородных господ, которые задавали вопросы...

– Рудольфо, даю тебе слово, что тебе ничего не грозит, если ты будешь говорить свободно. Или ты хочешь, чтобы я поклялась волосами Святой Анны, вделанными в мое распятие? Если так, то пойди и принеси его.

– Мне достаточно слова моей госпожи, – прошептал Рудольфо. – Что хотела бы знать милостивая госпожа?

– Почему при упоминании имени моего покойного дяди у тебя так изменилось лицо? Вот и весь вопрос Пьетро из Хеллемарка убил моего дядю. Он хочет, чтобы я его простила, и уверяет, что его действия оправданы. Что ты на это скажешь?

– Простите меня, госпожа, – начал Рудольфо, – но любой человек, убивший вашего дядю, заслуживает оправдания и благословения всего поместья. Вы знаете, как называли его крестьяне?

– Нет, – прошептала Элайн.

– Граф Сатана. Я не сомневаюсь, что это льстило самому Сатане. Вспомните, госпожа, что это вы задали такой вопрос

и разрешили мне говорить свободно.

– Я не беру моего разрешения обратно. Расскажи мне все. Ты знаешь, что привело к осаде Рецци?

– Да, моя госпожа. Три года подряд был неурожай. Крестьяне голодали. Они просили вашего дядю о помощи. А он – он избил их. В конце концов они уже не могли видеть своих детей, умирающих на руках матерей. Они восстали. Граф Алессандро убивал их, как овец. Те, кто спаслись, бежали в Рецци, где некий Донати – белокурый гигант, человек бесстрашный и высоких достоинств, который был, как утверждали люди, сыном барона Орри из Гростета, бывшего барона Роглиано, – сражался с вашим дядей долгие недели.

Город, конечно, пал. И начались такие жестокости, что мой брат Николо, участвовавший в осаде, бросил службу у вашего дяди, только чтобы не участвовать в этих зверствах. Людей сажали на колья, распинали вниз головами, разрывали на части дикими лошадьми, четвертовали...

– Хватит, мой добрый Рудольфо, – прошептала Элайн. – Бога ради, ни слова больше!

– Вы просили меня, госпожа, – сказал Рудольфо.

– Да, я просила. Рудольфо, завтра утром отвези барону Пьетро обратно его подарок. А потом доставь мне Артуро, лекаря из Иеси. Кроме того, найди рыцарей, которые более пятнадцати лет были на службе у моего дяди. Я хочу спросить их...

– Могу я спросить госпожу зачем?

– Пьетро, барон Роглиано, сын того Донати, о котором ты рассказывал. Он низкорожденный. Но из твоих слов я вижу, что, возможно, есть причины, почему он с такой легкостью выступает в своей новой роли. Барон Орри был знаменитым рыцарем. Скажи мне, Рудольфо, это правда, что мой дядя убил этого Донати?

Рудольфо удивленно посмотрел на нее.

– Он возглавлял восстание, госпожа. Энцио, Ипполито, Людовико и Андреа пытали его собственноручно. Его одного они не передали в руки обычных палачей. О чем бедный Донати мог только пожалеть, потому что ваши кузены, госпожа, оказались гораздо опытнее по части пыток, чем обычные палачи. Донати мучился, прежде чем умереть, на четыре часа дольше, чем другие...

– О Боже! – прошептала Элайн.

– Простите меня, госпожа, – вымолвил Рудольфо.

А через несколько дней Рейнальдо, человек Пьетро, вернулся из Иеси, ликуя.

– Мы победили, господин! – смеялся он. – Она провела расследование. Она вызвала Артуро, этого убийцу-лекаря. Кроме того, она расспрашивала несколько старых рыцарей, служивших Синискола. Я готов держать пари на моего доброго коня, что через несколько дней господин получит от нее послание с приглашением приехать к ней.

– Я не так в этом уверен, Рейнальдо. Она ведь вернула мне подарки.

– Мой господин, – возразил Рейнальдо, – это ведь было до того, как она узнала правду...

Январь приближался к концу. Горы над Хеллемарком побелели от снега. Но из Рокка д'Аквилино не было ни слова.

Я должен забыть об этом, думал Пьетро. Я могу сказать императору, что готов жениться на любой другой молодой женщине, которую он сочтет подходящей. Она получила доказательства, и это не тронуло ее. Теперь она знает, что я прав, и все равно ненавидит меня.

Потом ему пришло в голову, что справедливость редко имеет существенное влияние на сознание человека. Когда тебе представляют доказательства того, что люди, которых ты любил, ужасны, это может возбудить еще большую ненависть. Действительно, что может быть ужаснее, чем мгновенное разрушение всего, во что ты верила всю жизнь, – благородства, доброты, чести любимых тобой людей? Чем может он заменить ей ее гордое сознание того, что она из рода Синискола?

Любовью? Нежностью?

Она может не принять их. А если говорить по правде, он не может ей их предложить.

Я могу любить ее, потому что она красива, потому что в ней есть огонь и величие, я могу попытаться сделать ее счастливой, я, который не может забыть, чье сердце исполосовано шрамами от старых ран, чья память полна воспоминаний об Ио... Святой Боже! Если я в конце концов женюсь на ней,

буду ли я по-прежнему по ночам в тайных уголках моей души плакать о любви, утраченной, но не забытой?

Утром он сел на коня и поехал один, без эскорта, в Рокка д'Аквилино. Рудольфо встретил его у ворот широкой улыбкой.

– Мы так долго ждали вашего возвращения, господин, – прошептал он. – Я рад, что мне выпала возможность сказать вам, что все мы, все ее люди, на вашей стороне. Мы убеждали нашу госпожу, чтобы она послала за вами...

– Что она, – сказал Пьетро, спешиваясь, – не сделала.

– Она в смятении, господин. Правда о преступлениях ее кузенов оказалась для нее страшным ударом. Она часто плачет и очень взволнована. Если господин будет с ней ласков и проявит побольше терпения...

– Откуда вы знаете, сир Рудольфо, – спросил Пьетро, – что она примет меня?

– Честно говоря, я этого не знаю, – признал Рудольфо. – Но думаю, что примет. Она очень деликатная дама, а вчера ее посетил настоятель. От него она услышала про постоянные мессы, которые вы заказали по душам людей, которые причинили вам столько зла. И о вашей рыцарской учтивости по отношению к их родственникам... Она долго плакала, но, я думаю, не так горько...

– Тогда пойдите, Рудольфо, и доложите ей обо мне.

Она не спустилась вниз приветствовать его, как в прошлый раз, но Рудольфо проводил его в ее апартаменты. Она

долго смотрела на него, прежде чем произнести:

– Я приветствую вас, барон Роглиано, – сказала она, отводя глаза.

Пьетро ничего не сказал. Он сел, изучая ее профиль при свете очага. Это было самое прелестное лицо, какое он видел в своей жизни. И самое печальное.

– Если мое присутствие, – прошептал он наконец, – неприятно вам, я уеду...

Она не ответила.

Он встал и протянул руку за своим плащом.

– Не уходите, – тихо сказала Элайн.

Пьетро вновь опустился в кресло.

Она продолжала молчать. Похоже, она боролась с собой. Он ничем не мог помочь ей.

– Из всех людей на земле, – сказала она наконец, – вы принесли мне больше всего горя. Во-первых, убив моих кузенов. А во-вторых, еще уничтожив их – в моем сердце...

– Я очень сожалею, госпожа, – произнес Пьетро.

– Не надо сожалеть. В чем здесь ваша вина? Вы не причинили бы им никакого вреда, если бы на них не было вины. Я провела расследование, которое вы предложили. Я не хотела заниматься этим. Но я наткнулась на некоторые сведения здесь, в моем собственном доме, которые подтвердили мне кое-что из того, что вы говорили. После этого я выяснила...

– Ну и?..

– Я выяснила, что вы не произнесли ни одного слова

неправды. Что они действительно убили вашего отца и того еврея – с помощью чудовищных пыток. Сам Господь Бог не сможет простить им того, что они сделали с жителями Рецци. С дядей Иоланты. С ее матерью – косвенно. С ее отцом и братьями почти наверняка – с помощью яда. Я приказала повесить того лекаря. Я, конечно, сожалею, но ведь я тоже Синискола – и я вам ничего не обещала...

Пьетро смотрел на нее. Он внезапно ощутил холодную дрожь.

– Когда я смотрю на вас, я ничего не могу понять. Вы действительно добры – или вы самый лукавый демон, когда-либо существовавший на земле? Вы не стали никого пытаться. Вы остановили большую часть своих превосходящих сил и сражались с ними на равных. Вы отпустили Энцио – хотя если бы вы убили его, то наверняка получили бы Ио. Вы отпустили Андреа. Вы истратили целое состояние на мессы по душам моих кузенов – оказали им эту честь после смерти... Мне это представляется чем-то большим, чем доброта...

– Тогда что же это?

– Я не знаю. Что происходит в вашей голове, сир Пьетро? Вы ведь не безумец. Старые солдаты рассказали мне, что вы сражаетесь с большим искусством и хитростью. Что вы перехитрили, перебороли и превзошли моих кузенов во всем. Вероятно, в таком случае, вы нашли путь превзойти их и в жестокости...

Глаза Пьетро потемнели от удивления. Он предугадал ход

ее мыслей. Была ли она не права? Он не был в этом уверен.

– Они умерли бы под пытками без стога. Синискола самые храбрые люди на земле и самые гордые. Даже умирая, они победили бы вас своим мужеством. Но вы не дали им этой возможности, не так ли? Вместо этого вы оказали им почет, проявили рыцарскую вежливость, заставили принять от сына серва самое коварное из поражений, самую жестокую пытку – осознание того, что человек, которого они презирают, превзошел их в рыцарстве, преподал им урок достойного поведения – человек, не имеющий права на благородство...

Пьетро сидел, выжидая.

– Объяснить это может только Священное Писание. Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Этим достигается истинная жестокая цель – уничтожается в человеке гордость. Ибо, платя человеку добром за зло, вы заставляете его мучиться угрызениями совести. Но почему я должна мучиться тоже – в сердце своем?

Она склонила голову, плача.

Пьетро подошел и очень осторожно обнял ее.

Она не отстранилась, не стала сопротивляться. Она припала лицом к его груди и только всхлипывала, как ребенок. Потерявшийся ребенок, испуганный темнотой.

Он запрокинул рукой ее голову и нашел ее рот. Она не сопротивлялась и этому. Но губы ее были холодны как лед. Безответны, как сама смерть. Постепенно она успокоилась.

– Я не знаю, – шептал Пьетро, все еще держа ее в сво-

их объятиях, – правы вы или нет. Я сам не знаю, почему я вел себя так. Мои поступки зачастую непонятны мне самому. Сейчас мне ясно одно – я могу полюбить вас, если вы мне это позволите. Вы можете заставить меня забыть Ио и обрести мир в душе...

Она подняла голову и смотрела на него.

– Вы, – прошептала она, – вы держите меня в своих объятиях. Вы поцеловали меня... Еще час назад я скорее умерла бы, чем позволила такое. Я могу поверить, что вы не знаете себя – потому что я сама тоже не могу разобраться в своих чувствах. Я должна ненавидеть вас, а я не могу. Я должна презирать вас за вашу крестьянскую кровь. А я не могу даже думать об этом – или верить этому, когда я вижу вас... Вы красивы, как принц, и так же хорошо воспитаны – и я... и я... о Боже, я боюсь!

– Бойтесь, что полюбите меня? – прошептал Пьетро.

– Да, – всхлипнула она. – Да, да!

– Не бойтесь, – нежно сказал Пьетро. – Я думаю, что вы никогда об этом не пожалеете. Это только вы думаете, что, выходя за меня замуж, вы бесчестите себя; людей уже больше не интересуется, как, где и от кого я рожден...

Она не двигалась, голова ее лежала на его плече.

– Говорят, – прошептала она, – что вы были посвящены в рыцари королем Франции за то, что спасли ему жизнь на поле боя. А потом вас посвятил сам император Фридрих за заслуги перед короной. Это правда?

– Да, – сказал Пьетро. – Но в этом вопросе, как и во всех остальных, вы не должны верить мне на слово.

– Вы не стали бы лгать, – устало сказала она. – Вы не могли получить Хеллемарк без согласия императора. Теперь вы барон, и ваши сыновья будут баронами, а через какое-то время никто не будет ставить под сомнение их знатность...

– Примерно так, – сухо сказал Пьетро, – рождается аристократия.

– Я знаю. А теперь оставьте меня до завтра. Уже поздно, и я хочу подумать...

– Вы дадите мне завтра ответ? – спросил Пьетро.

– Вряд ли. Мне нужно время, чтобы подумать. Может, месяц... или два. В это время вы здесь желанный гость. Возможно, таким образом я привыкну к вам...

Пьетро еще раз поцеловал ее. Она напряглась, но и только. Она не оттолкнула его, не отвернулась.

Месяц, подумал Пьетро. Или два. Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем Фридрих своим нетерпением испортит мне все дело?

Помоги мне Бог, если Фридрих не подождет, подумал Пьетро и последовал за слугой в отведенную ему комнату.

Теперь их отношения стали спокойными. Спокойными и зыбкими, как вода. И меняющимися, как вода. Иногда Пьетро казалось, что в ее глазах чувствуется теплота, когда она приветствует его. А в иных случаях он сталкивался с неожиданными, пугающими вспышками отвращения. Но каждый раз, когда она обрушивалась на него, обзывая конюхом, выскочкой из крестьян, рыцарем из простонародья, она при следующем его визите смиренно просила прощения. Когда это случилось в первый раз, Пьетро перестал к ней ездить. Тогда она послала за ним, сопроводив приглашение очаровательным письмом, написанным ее собственной рукой, полным детской непосредственности, орфографических ошибок, неловко построенных фраз.

Пьетро был почти уверен, что теперь она уже любит его. Он всем сердцем надеялся, что император не вмешается. Фридрих был очень занят. Во время коронации он принял крест из рук кардинала Гуго³⁸ из Остин и обещал в августе 1221 года отплыть в Святую Землю. Пьетро знал, что выполнить это обещание немислимо. Оставалась еще проблема с графом Молизе, который упорно отказывался подчиниться. Кроме того, Фридрих намеревался удалить всех сарацинов

³⁸ Впоследствии Папа Григорий IX, почти столь же грозный глава Римский церкви, как и Иннокентий.

с острова Сицилия. Мало-помалу он, не скрывая своих намерений, создавал монолитное государство. Теперь в Рокка-бланке стоял его гарнизон, как и в других замках, захваченных им. Даже Пьетро был уведомлен, что в течение двух лет он должен отдать Хеллемарк и построить у себя в поместье удобный жилой дом. Поместье оставалось ему, но замки и все другие укрепления могли принадлежать только императору. Это означало конец феодализма в Италии. Пьетро не сожалел, что становится свидетелем этого процесса. Вместе со строителями он разработал такой замечательный проект виллы, что, гордясь делом своих рук, послал копию проекта Фридриху.

Ответ Фридриха последовал немедленно и оказался характерным для императора.

“Мы, — писал он, — сняли копии с твоего проекта и послали их всем знатным людям, которые сдали нам свои замки. Нам твой проект представляется замечательным произведением строительного искусства. Мы известили наших подданных, что будем разрешать отклонения от твоего проекта, но только в незначительных деталях, настолько этот проект устраивает нас. Когда ты закончишь строительство, сообщи нам об этом, ибо, если государственные дела не будут держать нас, мы нанесем тебе визит и лично осмотрим все.

Кроме того, мы поручаем тебе разработать проект замка-крепости, который мы намерены построить в

Фоджии. Он должен быть недоступен для нападения и в то же время внутри удобен для жилья, как ты предусмотрел это для своей виллы.

Мы отметили с некоторым неудовольствием, что ты ничего не пишешь относительно женитьбы на госпоже Элайн. Мы хотели бы напомнить тебе, что осталось совсем немного времени до окончания срока, который мы поставили тебе”.

В этом письме было и многое другое, но Пьетро только пробежал остальное глазами. Он долго и с чувством ругался. Гордость еще раз подвела его. Он мог бы предвидеть, чем это кончится. Он совсем не хотел, чтобы его вилла повторялась по всей Италии, и, уж конечно, не желал, чтобы Фридрих вмешивался в его отношения с Элайн. Однако помешать императору он был бессилён.

Он подумал было, не рассказать ли Элайн, что Фридрих может взять дело в свои руки. Но он до боли отчетливо представил себе, какова будет ее реакция: все, чего он добился, весь постепенный осторожный процесс завоевания ее доверия, ее расположения рухнет в один момент перед лицом того, что она может рассматривать только как неприкрытую демонстрацию силы.

Пока что он был занят работой над проектом замка в Фоджии. Фридрих уехал из Фоджии, он вообще покинул Апулию и жил в Калабрии – на самом носке итальянского сапога. Пьетро знал, что торопиться нет необходимости, пройдут годы, прежде чем Фридрих соберется строить замок в Фод-

зии, но проект был конкретным делом, отвлекал от мыслей, которые терзали и беспокоили его.

Он сидел над проектом, советуясь со своими строителями о некоторых деталях, когда – это произошло второго марта – вошел его сенешал Манфред, почти лишившийся дара речи от изумления.

– Господин! – еле выговорил он. – Господин!

– Ты уже дважды сказал “господин”, – сухо заметил Пьетро. – Кончай с этим и говори, что тебя беспокоит?

– Внизу! Во дворе... госпожа! С большой свитой! Я впустил их – я знаю, что вы не хотели бы заставляя ее ждать...

– О Святой Боже! – вырвалось у Пьетро.

– С ней настоятель аббатства! Видит Бог, мой господин, это выглядит как свадебная процессия! Сопровождающие ее женщины украшены цветами – один Бог знает, где они нашли цветы в это время года... Не мог ли мой господин забыть?

– Не будь задницей, Манфред. Как я мог забыть день моей свадьбы? Госпожа еще только должна дать согласие...

Он сбежал по лестнице во двор. Элайн сидела на бело-снежной кобыле, богато украшенная. В волосах у нее были цветы, а платье... Мать Божья! – это было свадебное платье...

Пьетро протянул ей навстречу руки и помог спешиться. Он смотрел на нее, его темные глаза расширились от изумления.

– Я приехала, чтобы обвенчаться с вами, – произнесла Элайн. В ее голосе звенели льдинки.

– Но... – прошептал Пьетро.

– Конечно, – четко выговорила Элайн, – мой господин не столь безрассуден, чтобы не подчиняться приказам Его Величества Фридриха, императора Римской империи!

Пьетро задохнулся. “Святой Боже, сын Святой Марии! – подумал он. – Почему Ты не предотвратил это?”

– Я напишу ему, – поспешно сказал Пьетро, – и буду умолять его отменить этот приказ...

Голубые глаза Элайн были широко открыты и прозрачны и полны разрушительным сладким женским ядом.

– Почему? – спросила она. – Разве господин больше не желает жениться на мне?

– Да, я хочу. Да, да, Святой Боже! Только... Элайн... я хотел, чтобы вы пришли ко мне по доброй воле, а не по приказу короля...

– Сейчас это уже не имеет значения, – благозвучно произнесла она.

Слишком благозвучно. В ее голосе звучала нотка, которую он однажды уже слышал, но не мог припомнить, при каких обстоятельствах...

– Не будем заставлять Его Преосвященство ждать, – сказала она. – Мне сообщили, что чем скорее исполняются приказы короля, тем лучше

Теперь он вспомнил эту интонацию. Когда она сказала об

Артуро-лекаре: “Я его повесила...” – ее голос звучал так же. Ледяной голос.

– Тогда, – спокойно сказал он, – мои служанки отведут ваших людей в комнаты. Мне нужно время, чтобы переодеться. И Манфреду тоже потребуется время, чтобы подготовить все необходимое. Вы ведь понимаете, это несколько неожиданно...

– Неужели? – спросила Элайн.

Голос ее звенел, как стальной клинок, наполовину вынутый из ножен и сверкающий на солнце нестерпимым блеском.

Опять, вздохнул Пьетро, я должен жениться на женщине, которая не любит меня, и на этот раз все еще хуже, чем тогда... Антуанетта не ненавидела меня, она хотела полюбить меня, пыталась, а эта ненавидит меня ненавистью холодной и беспощадной, как смерть... Я побеждал мало-помалу, я постепенно преодолевал эту ненависть, но теперь – о, Небесный Сын Марии! – теперь...

Когда он спустился в маленькую часовню, на нем был не яркий наряд жениха, а скромный черный костюм. Правда, этот костюм был из венецианской парчи и украшен черным жемчугом. Даже в его перстне виднелся черный агат, а на шляпе красовались черные перья.

Элайн с некоторым удивлением посмотрела на него, но ничего не сказала.

Церемония была относительно короткой. Даже настоятель

чувствовал, что чего-то здесь не хватает.

Они сидели на возвышении за праздничным столом. Оба они ничего не ели, не обменялись ни единым словом, не касались друг друга руками. Манфред почти рыдал оттого, что пиршество не соответствует событию. На самом деле он сумел за короткое время совершить чудеса, но он-то планировал пир, который затмит все свадебные пиры в Италии. А этот пир оказался не так уж хорош, что-то из еды не успели приготовить, другие блюда, особенно мучные, подгорели.

Он хотел пригласить из деревни менестрелей, но там не оказалось таких мастеров, чтобы они своими песнями о нежной любви заставили женщин прослезиться.

Столы ломились он вин и всяческих блюд. И все-таки все это скорее походило на съезд гостей, приехавших на поминки...

Свадебные пиры зачастую тянутся несколько дней. Но не этот. Когда наступила ночь, гости, наскоро приглашенные, начали разъезжаться. И женщины неприлично рано начали готовить Элайн к брачному ложу, а знатные молодые люди облачили Пьетро в шелковый халат и проводили его к большой постели под балдахином. Варварский обычай того времени требовал, чтобы они ожидали в той же спальне до тех пор, пока он не выглянет из-за занавески и не сообщит во всеуслышание, что брачные отношения осуществились. Матроны могли потребовать, чтобы им предоставили доказательства девственности молодой жены. Но когда замуж вы-

ходит вдова, этот обычай был необязателен. Пьетро благодарил Бога за это.

Настоятель, благословив брачное ложе, поспешно отбыл. По звукам, доносившимся в спальню, Пьетро знал, что и все остальные последовали его примеру.

Он лежал не двигаясь. Тело его было холодным как лед. На другом краю постели лежала Элайн, неподвижная, как мраморная статуя. Он даже не слышал ее дыхания.

Он не делал попыток прикоснуться к ней, привлечь к себе. Потом в темноте, в тишине, он понял, что она плачет.

– Не надо, – прошептал он. – Пожалуйста, Элайн, не плачьте.

– Вы не могли подождать, – всхлипывала она. – У вас не хватило терпения... Вы побеждали, Пьетро, – с каждым днем я приближалась к тому, чтобы полюбить вас, а теперь...

– Что теперь? – спросил Пьетро.

– Браки заключаются на небесах, не так ли? Все, кроме нашего. Наш брак, мой господин, заключен в самой глубине ада!

– Элайн, – сказал Пьетро, – я не писал императору. Поверьте мне. Я каждую ночь молился, чтобы он не вмешался.

– Откуда же он узнал?

– Около года назад он приказал мне жениться. Я просил его дать мне время, зная его нетерпеливость мне становилось тошно от одной мысли, что мой господин Фридрих просто выберет какую-нибудь незнакомую мне девушку и ска-

жет: “Пьетро, получай свою невесту!” И я рассказал ему о вас – что с юности мечтал о вас. Я просил его разрешить мне повидать вас – предпочитая жениться на женщине, которую я могу полюбить, о которой храню нежные воспоминания – чем на какой-нибудь незнакомке...

Элайн замолчала.

– Пожалуйста, – прошептал Пьетро, – разве это нельзя понять? Разве такой путь не оказывал вам честь?

Элайн перестала плакать. Теперь она лежала спокойно.

– Почему? – прошептала она. – Почему Его Величество хочет, чтобы вы женились?

– Потому, – грустно сказал Пьетро, – что Фридрих и я родились в один и тот же день и в одном и том же месте. Наши жизни связаны с самого детства. Было множество странных параллелей между событиями его жизни и моей. Император, как человек суеверный, верит в то, что эти параллели должны сохраняться. У него есть сыновья – у меня их нет. Он боится за безопасность своих сыновей, пока я тоже не подчинюсь велению наших общих звезд...

Элайн неожиданно рассмеялась.

– Однако, – сказала она, – осуществление этих параллелей по его приказу невозможно. Во всяком случае, что касается меня...

Пьетро в темноте уставился на нее.

– Вы, господин, никогда не будете иметь сыновей от меня. Отправляйтесь к вашим служанкам и просите их родить вам

сыновей той же подлой крови, как кровь их отца! Но если вы когда-нибудь притронетесь ко мне с вожделением, я убью вас. Если мне это не удастся, я убью себя – потому что, видит Бог, никогда я не рожу ребенка свинской крестьянской крови!

Пьетро ощутил, как маленькие язычки пламени раздражения начинают бегать по его жилам. Его лицу стало жарко. Он поднял руку и раздвинул занавеси, чтобы увидеть ее. Раздражение в его крови стихло. Потом кровь вновь забурлила. Но не от гнева, не от злости.

Служанки согласно обычаю сняли с нее шелковый халат, когда она легла в постель. Его слуги сделали то же самое и с ним.

Она не пыталась укрыть себя чем-нибудь от его взора. Она насмешливо смотрела на него.

– А как, – хрипло спросил Пьетро, вставая, весь напряженный, – госпожа собирается воспротивиться мне?

– С помощью вот этого, – сказала она и вытащила из-под подушки сарацинский клинок.

Пьетро уставился на кинжал.

Потом отвел глаза. Он сидел неподвижно, глядя на горевшие на стенах факелы.

– Мой господин, – насмешливо сказала она, – храбрый и благородный рыцарь. Конечно, он не испугается маленького клинка в слабой женской руке?

Он почувствовал, как напряглись его мышцы, как замер-

ла кровь, как остановилось дыхание. Когда он повернулся, рывок его оказался невероятно быстрым.

Она вскрикнула, всего один раз. Руки, схватившие ее запястья, прижавшие ее к постели, были гибкими, ласковыми. Но твердыми.

Она посмотрела ему в глаза.

– Есть ли разница, – прошептала она, – между браком и изнасилованием?

Пьетро ей не ответил. Он склонялся над ней, медленно.

Ее голова моталась как у безумной. Налево, направо, в ярком облаке ее волос.

Но он нашел ее рот.

Рот был холодным как лед.

Но в нем проснулось желание. Он хотел ее.

Он целовал ее рот, ласкал своими губами. Медленно, нежно. Зная, что ее ненависть к нему чиста и ничем не затемнена. Но помня, что она женщина, которую любили. Которая любила. Что тело такой женщины знает, что такое телесный голод. Все помнит. Лед был тонким. Память разогревала кровь.

И все-таки она оттаивала так стремительно, что он поразился.

Он почувствовал, как ее губы, словно лепестки какого-то экзотического цветка, раскрылись и вдруг прижались к его губам, ищущие, впитывающие, пока кровь в его венах уже не стучала, а взорвалась.

Он откинулся назад и освободил ее руки.

– У госпожи, – прошептал он, – все еще есть ее сарацинский кинжал.

Она лежала, глядя на него. Ее зрачки расширились так, что радужная оболочка стала почти не видна, – только узкий голубой ободок вокруг черноты. Ее рот окаменел.

– Будь ты проклят! – всхлипнула она. – Пусть все дьяволы ада растерзают твою душу!

Ее руки взметнулись и обхватили его голову. Он услышал далекий и слабый звук упавшего на пол кинжала.

Их брак, говорила Элайн, заключен в самой глубине ада. Она была права. Ему не потребовалось и двух месяцев, чтобы убедиться в этом.

Два месяца в полном молчании, когда он глядел на нее, сидящую напротив него за столом.

Ее вспышки приносили почти облегчение. С криком, руганью. Она осыпала его новыми оскорблениями каждый раз, когда срывалась. Самыми грязными, самыми непристойными. Он не мог себе представить, откуда она знает такие выражения. Из чьих уст она их слышала.

Одно дело – ненависть. Любовь – совсем другое.

Может быть, они близнецы, соединенные живой плотью.

На следующий день после их свадьбы он думал, что между ними ничего уже больше не будет, что если он пожелает ее, то утоление этого желания будет действительно походить на насилие. Перемена, которую он обнаружил на следующее

утро, была совершенно неожиданной. Ошеломляющей.

Она уступила и ненавидела себя за это.

С меня хватит, думал он. У меня нет сил с ней бороться. Любой мой сын будет бастардом.

На следующую ночь он ушел в маленькую комнату и спал там. Или, вернее, пытался заснуть.

Так прошло три ночи.

На четвертую ночь произошла ее первая вспышка. Она кричала, говорила, как ненавидит его, клялась, что от него пахнет конюшней, хлебом, крестьянской хижинкой. Что она скорее умрет, чем родит ему ребенка...

Он молча слушал ее. Его темные глаза изучали ее. Потом, вздохнув, он ушел в маленькую комнату. Дверь оставалась открытой, и он слышал, как она плачет.

Через час она пришла к нему и, хныкая, залезла в постель.

Он был с ней очень нежен.

Она тоже была нежна. Она прижала свой рот к его уху, плакала и просила прощения.

На следующее утро она опять обрушила на него свою ярость.

Когда вспышек ярости не случалось, она к нему не приходила. Он понял, что эта ярость, хотя обрушивается она на его незащитную голову, в действительности обращена против нее самой. Против двойственности ее натуры. Когда ее потребность в нем оказывалась слишком сильной, когда эта потребность терзала ее плоть, Элайн искала облегчения в том,

что терзала его. Хотя это никогда не приносило ей успокоения. Когда она набрасывалась на него с бранью, это только возбуждало в ней страсть, сопротивляться которой она была не в силах.

А ночью она всхлипывала. Потом раздавалось шуршание ее босых ног по полу, туда, где он лежал в ожидании, зная, чего он ждет. Ее унижения от капитуляции.

Он не вынес бы этого, если бы не ее нежность. Но она никогда не становилась яростной, как Иветта, какой иногда бывала даже Ио. Элайн всегда была нежной, таяла в любви. Даже взрыв освобождающейся страсти, облегчение оборачивалось нежным взрывом. Но очень полным. Очень завершенным.

А утром в ее глазах опять кипела ненависть.

Каждая человеческая судьба имеет свой рисунок. Маятник качается, устанавливается равновесие. Секрет в том, говорил себе Пьетро, чтобы желать правильных вещей, понять, что необходимо для душевного здоровья, для развития твоего духа, и стремиться к этому. Но именно в этом и заключается проблема. То, в чем я нуждался, никогда не бывало простым, очевидным, тем, что мир ежечасно являет глазам человека.

Почести, знатность, богатство. Я обладаю ими, но в погоне за ними я и разрушил себя. Почести в мире, где знатность определяется длиной меча, кровь на руках становится доказательством права господствовать. Я приобрел золото и со-

кровища, за которые в этом мире нельзя купить ничего действительно стоящего: ни покоя в сердце, ни душевного здоровья, ни уважения людей доброй воли...

Он подошел к большому сундуку и открыл его. Там среди одежд лежал маленький белый крест. Крест крестоносца. Он взял его в руки, стал разглядывать.

Атаки на Египет продолжались начиная с 1217 года, но ничего не дали. В августе Фридрих обещал отплыть туда. Пьетро знал, что император не может сдержать это обещание. Гонимые псы времени гнались за ними по пятам здесь, дома. Пьетро знал намерения императора: послать туда Германа Залца с пятью сотнями рыцарей как символ его готовности помогать крестоносцам.

Египет. Далекая страна, лежащая под синим небом. Что может обрести там человек? Возможно, покой, возможно, смерть. Конец чудовищного голода и черных сомнений... (Не смотреть больше в глаза, полные отвращения, не слышать слов ненависти, положить конец даже любви, двойник которой – ненависть, конец...)

Это бегство. Он понимал это. Его совершенно не волновало, кто будет владеть Гробом Господним – сарацины, евреи или христиане. Он сомневался, да и не так уж его интересовало, знают ли люди после стольких столетий: чей это гроб и святой ли он? Живому воображению Пьетро отчетливо рисовалось отвращение, которое должно было выразиться на лице Иисуса при виде крови, проливаемой во славу Его име-

ни. Пьетро был честен с самим собой. Он знал, что это бегство. Он даже бесстрастно рассматривал соблазнительный вариант смерти на поле боя – вдалеке от дома. Он не боялся умереть, но ему была ненавистна мысль о смерти в поражении, о том, чтобы быть побежденным жизнью. Ему нужно время. Время на то, чтобы упорядочить свою жизнь, принять необходимые решения, определить, что в жизни истинно и прекрасно, полно смысла и стоит того, чтобы этого добиваться.

Он бежит, но он вернется. Вернется с величием духа, который необходим, чтобы обрести мир между ним и Элайн; с миром в сердце и в мыслях, чтобы быть способным ждать и быть терпеливым и внушить Элайн любовь, свободную от сомнений, страхов и беспочвенной ненависти.

И у нее тоже будет время. Он надеялся, что у нее достанет любви к нему, чтобы преодолеть свои терзания; что, оставшись одна и успокоившись, она перестанет стыдиться принуждения, бросившего ее в его объятия, примет их как естественные и правильные, благословленные Богом и любовью; что со временем все отвращение, которое ее мир воспитал в ней, все искусственные преграды, воздвигнутые людьми между собой и другими людьми, такими же детьми Божиими, преграды, возведенные для поддержания тщеславия, настолько нереального, что иным способом его и не подкрепить, – все растает, как туман под солнцем истины. Что она примет истину и даже полюбит ее.

Утром он сообщил ей о своем решении.

Она сидела неподвижно, глядя на него. Она долго не проносила ни слова, а когда заговорила, то ее слова удивили его.

– Не уезжай, мой господин, – прошептала она. – Бога ради, не уезжай...

Он взял ее руки и держал их, глядя на нее.

– Я должен уехать, – сказал он. – Между нами никогда ничего не уладится, если я не уеду.

– Тогда уезжай! – взорвалась она. – Но все, что случится в твое отсутствие, будет на твоей совести!

Он смотрел на нее долго, и глаза его были совершенно ясными.

– Да будет это на моей совести, – сказал он.

Для путешествия ему необходимо было кое-что купить, но он поехал не в близлежащий Рецци, а в Иеси, где родились и он, и император Фридрих, хотя Иеси находился значительно дальше, но он уверял себя, что в большом городе, который никогда не подвергался осаде и пожарам, он скорее найдет нужные ему лекарства и одежду.

На самом деле его потребности были столь невелики, что его устроил бы и Рецци. Он знал это. Он не знал другого – почему он решил поехать в Иеси. Где-то в глубине сознания он понимал, что нужно вновь повидать Иеси, пройти по камням тех улиц, где он когда-то ходил, еще раз глянуть на дом, в котором родился.

Поскольку он был не только мечтателем, но и человеком практическим, он сначала сделал все покупки. Потом он вернулся на площадь и постоял, глядя туда, где, как он представлял себе, был разбит шатер императрицы Констанции, пытаясь определить место, где в тот день находился Донати, его отец.

Он долго стоял там, глядя на залитую солнцем площадь. Мимо него проходили люди, но он их не видел. Перед его взором представляли видения прошлого – нет, это были не воспоминания, ибо драма, в которой он принимал участие в глубинах своего сознания, имела место еще до того, как он обрел память. И все-таки он видел все с ослепительной ясностью – шатер, знамена, развевающиеся на фоне неба, склонившиеся повивальные бабки...

– Да, – раздался рядом тихий голос, – это здесь начались наши беды.

Он оглянулся и увидел серые глаза Иоланты. Не соображая, что делает, Пьетро протянул к ней руки. Однако Ио отшатнулась от него.

– Нет, Пьетро. Прости, я забыла, – сказала она. – Нет, сир Пьетро, барон Роглиано. Для меня это честь, но – нет...

Ее голос слегка дрожал.

Пьетро уставился на нее.

Она вздернула подбородок, ее серые глаза изучали его лицо.

– Мои поздравления, – прошептала она, – по поводу ва-

шей женитьбы. Я надеюсь, что вы обрели все... все счастье!

С этими словами она отвернулась от него.

Он схватил ее за плечо. Она остановилась, но не обернулась.

– Ио, я прошу! – сказал он, чувствуя, как дрожит ее плечо под его рукой.

– Я, – всхлипнула она, – я потеряла тебя. Теперь я думаю, что потеряла тебя в тот день, когда мои покойные братья были посвящены в рыцари, в тот день, когда ты впервые увидел ее! Ты ведь всегда любил ее, ведь правда, Пьетро? – Она отпрянула назад, чтобы видеть его лицо, слезы на ее щеках искрились на солнце. – Скажи мне, Пьетро, ведь так?

– Нет, – сказал Пьетро.

– Ты лжешь! Я всегда была на втором месте. Легко доступная, которая сама бросалась в твои объятия, позволяла делать с собой все, что ты хотел, – нет, не совсем так, – потому что я сама хотела этого. Я всегда была зачинщицей. Сладкая шлюха, которой не нужно платить, маленькая сучка, бегавшая за тобой в то время, как ты мечтал о ней! Глупец! Глупец!

– Ио, ради Бога...

– Никогда не думала, что все так кончится, – сказала она более спокойным голосом. – Я ждала, что ты вернешься и вырвешь меня из рук этого чернобородого зверя... как меня вырвали из твоих рук. А когда ты вернулся... вернулся, как я и ожидала, увенчанный славой, ты подарил ему жизнь – его

жалкую жизнь, – и ты отвернулся от меня! Почему, Пьетро? Почему? Из-за нее – уже тогда?

– Нет, – сказал Пьетро. – Я вернулся задолго до этого, Ио. Но когда я приехал в Рецци, мне сказали... о ребенке...

– О ребенке? – прошептала она и схватилась рукой за горло. – О ребенке?

– Да, – простонал Пьетро. – Я не мог убить ребенка, Ио... и не мог всю жизнь видеть его лицо, лицо отца, глядящее на меня из его глаз.

– Ребенок! – вымолвила Ио. – О Боже!

– Только после этого я обратился к ней. Мне приказал жениться сам император. И вина моя только в одном – что я предпочел жениться на ней, на женщине, которой я восхищался и которую уважал – не любил, Ио, никогда не любил, – а не на какой-нибудь незнакомке, которую навязал бы мне император...

– Лучше была бы незнакомка, – сказала Ио, – в тысячу раз лучше. Она всегда была жестока к тебе. Но я не могу упрекнуть тебя, ибо теперь она доказала, что ее жестокость была – как я всегда подозревала – всего лишь попыткой скрыть ее влечение к тебе. Она недостаточно сильно чувствует, чтобы отбросить бессмысленную мишуру этого мира – имя, честь, звание, происхождение – то, что была в силах отбросить я, любя тебя.

Она отвела от него глаза и посмотрела в сторону площади.

– А теперь ты получил все эти почести, – прошептала

она, – а она получила тебя. Но у нее нет того, что имею я, – единственного счастья, доставшегося мне Зато это более чем счастье – это блаженство...

– Что ты имеешь в виду? – спросил Пьетро.

Ио покачала головой.

– Нет. Сейчас я не могу сказать тебе этого. Время, когда я должна была сказать тебе, ушло. А теперь, если рассказать тебе, это ничего не решит. Только все ухудшит. Может, и настанет день, когда я смогу рассказать тебе. Теперь в этом моя единственная надежда – что придет такой день...

Она вдруг ослепительно улыбнулась ему.

– Однако я должна поблагодарить тебя, мой господин, – сказала она. – Потому что твоя женитьба дала мне некоторую свободу. Я могу выезжать из замка, когда захочу, ибо Энцио считает, что теперь ты не стоишь у него на пути...

Пьетро грустно глянул на нее.

– Я действительно не стою у него на пути, – сказал он. – На следующей неделе я отплываю в Святую Землю.

– О нет, Пьетро, – прошептала она и бросилась в его объятия. – Вот видишь, – всхлипывала она, – у меня нет стыда. Я все еще твоя, Пьетро. Только смерть может изменить это...

Да, с горечью подумал Пьетро, только смерть.

Он присоединился к Великому Магистру Тевтонского ордена в Бриндизи накануне их отплытия. Фридриху он ничего

не сообщил. В этом не было нужды. Клятва крестоносца была самой священной в христианском мире. Это была клятва, данная перед Богом, и никакая мирская власть, даже сам император, не могла заставить человека отречься от нее.

Герман Залца весьма учтиво приветствовал его на борту корабля. Он знал, как дорог этот стройный итальянец самому императору.

Они вышли в море с приливом. На второй день плавания Рейнальдо, перебирая вещи своего хозяина, нашел записку. Он тут ж принес ее Пьетро. Записка была короткой и ясной.

“Я люблю тебя, – читал он. – Мне кажется, я люблю тебя с первой ночи нашего брака. Я пыталась отказаться от этой любви, боролась с ней. Ничто не помогло. Ничто – кроме твоего упрямого желания оставить меня. Если бы ты проявил терпение, я сумела бы перебороть мою печаль и мои страхи. Я стала бы всегда и во всем такой нежной, какой бывала с тобой иногда. Но ты уклонился от борьбы. Ты оставил меня беспомощной и одинокой. Зная гордость и жестокость моего рода, ты поверишь тому, что я говорю: ты никогда не увидишь меня – живой”.

Записка была подписана кратко: “Элайн”.

Он почувствовал себя плохо. Но обратного пути не было. Все плаванье до Египта Пьетро держался в стороне от своих товарищей по оружию, почти не прикасался к еде, все время сидел, погрузившись в глубокую меланхолию.

Он успокаивал себя мыслью, что она не сможет выполнить

угрозу. Инстинкт сохранения жизни слишком силен. Элайн пережила в своей жизни много несчастий: потерю Рикардо, которого она обожала, смерть кузенов, утрату богатства. Она пережила все и даже обрела нечто похожее на мир в душе

Тогда почему бы ей не выжить и сейчас – тем более что он почти уверен, что вернется к ней. Он уверял себя, что все к лучшему. Когда он вернется, у Элайн будет достаточно времени, чтобы оценить его, найти основу, на которой можно будет построить их совместную жизнь – как мощную крепость на высоком холме...

Они еще не достигли берегов Египта, когда увидели в море другие корабли. Их было множество, а флаги, реющие на мачтах, были незнакомы Пьетро.

Он спросил у одного из рыцарей, чьи это флаги.

– Герцога Баварского, – ответил рыцарь. – Это значит, что у нас не будет времени передохнуть или хотя бы оглядеться, насколько я знаю кардинала...

– Кардинала? – переспросил Пьетро.

– Кардинал Пелагиус, папский легат. Предполагается, что главнокомандующим будет Иоанн де Бриенн, король Иерусалимский, а герцог Австрийский и король Венгерский Эндрю – его заместителями, но ничего из этого не получится. Все будет так, как захочет старик Пелагнус. Настоящий зачинщик он. И слова его имеют огромный вес, поскольку сам он не знает страха. В любой атаке он всегда впереди, с поднятым вверх крестом, зовет нас за собой.

– Еще один воинствующий церковник? – задумчиво спросил Пьетро. – А вы, сир, что вы думаете об этих людях?

Молодой рыцарь задумался.

– Мне кажется, что они изменяют своему учению. Я предпочитаю другой тип священнослужителя – вроде того удивительного монаха Франциска, который был с нами в 18-м и 19-м годах. О нем рассказывают настоящие чудеса: что птицы садились ему на руку, и он разговаривал с ними, и они понимали его. Я про это ничего не знаю. Знаю только одно – у него лицо святого, доброе и грустное, и глаза, которые заглядывают тебе в душу. Я видел, как самые жестокие воины становились мягче в его присутствии, видел людей, которые не проронили с детства ни одной слезинки, а у его ног плакали...

– Вы говорите о Франциске Ассизском? – спросил Пьетро. – Я слышал о нем много удивительного. Говорят даже, что он обратил в истинную веру самого султана...

– Нет, – сказал молодой рыцарь. – Если бы это было правдой, мы бы сейчас не воевали. Но он действительно пытался. Вот это было чудо, которому я стал свидетелем. Он шел босиком, один-одинешенек, сквозь всю сарацинскую армию, с ним был только переводчик, и никто не обнажил против него меч. Говорят, они считали, что над ним простерлась рука Аллаха, – это значит, что он безумный; но они вели себя с ним обходительно. А султан аль Камил выслушал его проповедь, а потом отослал обратно в наш лагерь под вооруженной

охраной, под флагом перемирия.

Это мы потеряли его, а не они. Потому что, когда мы взяли Дамьетту, наши воины вели себя как обычно, иначе говоря, как звери или как мясники, и это так уязвило его нежное сердце, что он покинул нас и отправился домой... – Молодой рыцарь посмотрел туда, где медленно плыли баварские корабли. – Я, – прошептал он, – с тех пор ни разу не убил ни одного пленника...

На следующее утро их взорам открылись поднимающиеся из моря серо-коричневые берега Египта. Вскоре после полудня они высадились на берег, где их приветствовал кардинал Пелагиус и благословил их.

Пьетро слышал, как кардинал с ликованием в голосе провозглашал:

– Теперь с вашей помощью, посланной нам Десницей Божьей, мы разобьем их! Завтра мы выступаем на Каир.

Пьетро ушел от палатки, которую установили Уолдо, Рейнальдо и другие его люди. Он бродил среди воинов, прислушивался к их разговорам. Гонцы уже были отправлены к Иоанну де Бриенну и к сирийским военачальникам с извещением о намеченной атаке. Однако солдаты побаивались сражения, ибо даже если король Иерусалимский и сирийские вожди придут вовремя, все равно Малик аль Камил мог выставить на поле боя армию, в три раза превосходящую их силы. В его распоряжении находились армии Дамаска, Хамаха и Баальбека, каждая из которых была многочисленнее

их войска.

Многие высказывали недовольство горячностью кардинала Пелагиуса. Его безрассудство, жаловались солдаты, стоило им больше жизней, чем что бы то ни было другое в этой кампании.

Повсюду Пьетро задавали один и тот же вопрос:

– Когда приплывет император Фридрих? Будь он здесь, не прошло бы и месяца, как мы покончили бы со всем этим и отправились домой...

Пьетро ничего не мог им ответить. Он слышал, как Герман Залца говорил военачальникам, что император прибудет в августе...

Но это была ложь. Неважно, верил в нее Герман или нет, фактом оставалось то, что в обстановке, когда граф де Молис продолжал бунтовать, мятежные сарацины нападали с гор на Палермо, а предательства и интриги множились, как грибы, Фридрих не мог оставить Сицилию.

То, что должно быть сделано, следовало сделать без Фридриха. Но у Пьетро не хватало духа сказать им об этом. Он мог ответить только: “Надеюсь, что скоро...”

На следующий вечер приплыли морем из Акры Иоанн де Бриенн и сирийские властители, и таким образом приготовления были завершены.

Звезды висели низко над пальмами, ветер дул с моря. До Пьетро доносился шепот волн Нила, один из протоков которого пролегал в нескольких ярдах от его палатки. В воздухе

царило спокойствие, ночное небо отливало такой синевой, какую он никогда и нигде не видел. Вокруг были деревья, трава, под ногами плодородная почва. Ничего похожего на пустыню, которую он ожидал увидеть. Если бы не верблюды, то пейзаж мало чем отличался бы от Сицилии.

Пьетро сидел неподвижно и любовался звездами. В палатке Уолдо и Рейнальдо уже храпели. Завтра войско выступит вверх по Нилу к Каиру. Пьетро еще раз примет участие в сражении. Он участвовал в стольких сражениях. Ему исполнилось двадцать шесть лет, а сражается он начиная с четырнадцати. Он устал от сражений. В каком-то смысле он чувствовал себя ужасно усталым, казалось, что жизнь кончилась. Всегда, когда он отправлялся воевать, он испытывал страх, а сегодня он не только не ощущал страха, он вообще ничего не ощущал. Его совершенно не волновало, что с ним случится.

Потом он вспомнил Элайн. И что-то в нем шевельнулось. Он вспомнил ее лицо, искаженное гневом, ее голос когда она на него кричала, и совершенно неожиданно это перестало иметь значение. Он потерял Ио, и ничто не возместит эту потерю, но его воспоминания об Элайн были более свежими, более подробными. Он чувствовал, как слабеет его тело при воспоминании о ней. Если между ними и не было никакой духовной связи, все равно то, что происходило между ними, было прекрасно. Он обладал чисто итальянским восприятием женской плоти. Он понимал, что у Элайн редкий талант

к любви – тонкий, совершенный и прекрасный.

Неожиданно его захватили подробности – ощущение ее прохладного тела в темноте, теплота ее рта, раскрывающегося под его поцелуями, весь ее облик, напоминающий мраморную статую, пробуждающуюся к жизни.

Вдруг ему стало холодно. Его начало трясти. Оцепенение ушло, и Пьетро охватила жажда жизни. Он испытывал страх, как бывало перед каждой битвой, в которой ему предстояло сражаться, и он был рад этому. В этом страхе было нечто успокаивающее. Это была первая естественная реакция со времени его женитьбы.

Засыпая, он все еще думал об Элайн.

На следующий день битва не состоялась. Они скакали по берегу Нила, и перед сумерками им встретился отряд сарацин с белым флагом перемирия. С ними был франк, как называли они всех европейцев, который служил им переводчиком. Пьетро распознал в этом человеке одного из многих венецианцев, чья торговля с мусульманами приносила такие доходы, что они противились каждому крестовому походу. Лицо этого человека не понравилось Пьетро.

Когда венецианец заговорил, Пьетро оборвал его и обратился непосредственно к эмиру, возглавлявшему отряд.

– О, ты, повелитель войска, – сказал Пьетро, – тень Бога на земле³⁹, обращайся к нам на твоём родном языке, потому

³⁹ По арабски: Зил Алла аль-Эйд. Столь экстравагантные титулы калифов не были редкостью. Но поскольку Пьетро разговаривал только с представителем

что мне не нравится этот сын шайтана, которого ты привез с собой!

Кардинал Пелагиус в изумлении уставился на него. Многие сирийские владыки говорили по-арабски, некоторые даже превосходно, но мало кто из них мог разговаривать таким высоким стилем, как Пьетро. На беду короля Иерусалима и сирийских владык, они учились арабскому языку у слуг и рабов, перенимая от них искажения и отклонения от правил, управляющих этим самым богатым и изысканным языком на свете. И что самое плохое – они не знали формул вежливости.

– Давайте разобьем лагерь, – сказал кардинал, – а вы, молодой господин, будете нашим переводчиком, поскольку вы, по-видимому, владеете этим языком неверных.

Через час они сидели у огня.

Эмир произнес речь. Смысл ее был прост – Иерусалим пусть принадлежит Дамиегте. Когда Пьетро перевел эти слова, рыцари разразились приветственными криками. Те из них, кто уже годами жили в завоеванных христианами сирийских землях, знали, что победить сарацин не удастся никогда. Были среди них и такие, кто, как Пьетро, понимали, что крестовые походы – это последние атаки варваров, нападение более низкой цивилизации на гораздо более высокую во всех отношениях...

султана, он прибег к обычной лести, называя эмира (иначе говоря, генерала) тенью калифа, то есть тенью тени Бога на земле.

Однако воинственный кардинал вскочил, размахивая руками, и прорычал, что он, представитель наместника Христа, отказывается от любых компромиссов. Его гнев был столь неудержим, что Пьетро вынужден был несколько раз утихомиривать его, придавая его воинственным крикам при переводе на арабский более сглаженную форму.

Прощальная речь эмира была краткой и касалась самого главного: Победоносный Малик аль Камил, калиф Аллаха, великодушно предложил им избежать новых человеческих жертв. К сожалению, они не оставили ему, тени Аллаха на земле, иного выбора, кроме как сокрушить их...

– Вдовы будут плакать в гаремах Франкистам⁴⁰, сыновья будут расти без отцов и будут проклинать девяносто девятью священными именами Бога тех, кто оказался настолько глуп, что упорствовал. Ибо вы должны знать, что наши воины многочисленны, как песок в пустыне, что тучи стрел наших лучников затмят солнце, что наши всадники подобны сыновьям ветра, они столь же быстрые и ужасные, и что наши нафатуны⁴¹ извергнут на вас пламя ада. Наш властелин велик и великодушен. Или вы примете его условия, или умрете как паршивые собаки!

Все солдаты были согласны с ним. Но они были бессиль-

⁴⁰ Франкистан – земля франков. В представлении арабов – вся Европа.

⁴¹ Нафатуны – воинские части, забрасывающие неприятеля огнем. Они использовали для этого нефту (нефть), отсюда их название. Одежда у них была из асбеста.

ны против одного-единственного человека, который мог отличить их от церкви, угрожать единственному, чем они дорожили больше собственной жизни – спасению их бессмертной души.

Они вступили в бой на следующий день.

Пьетро с самого начала понял, что сражение может иметь лишь один исход. Доспехи европейцев превосходили доспехи сарацин, но мусульманские рыцари именно благодаря этому оказались более подвижными. В своих легких доспехах, на малорослых, но прекрасных конях, арабские всадники могли крутиться вокруг могучих боевых коней крестоносцев. Если рыцарю удавалось попасть своим копьем в цель, он мог выбить сарацина из седла, но арабы редко следовали европейским правилам поединка. Вместо этого они кружились, полагаясь на невероятную быстроту своих маленьких коней, атакуя сбоку, сзади, со всех сторон одновременно, так что каждый рыцарь-крестоносец оказывался почти окружен и вынужден был прокладывать себе путь мечом.

Их пехота была лучше вооружена и более дисциплинирована, чем у европейцев, лучники использовали арбалеты, но редко. Они предпочитали короткие стрелы с раздвоенным наконечником, которые по силе удара в два или три раза превосходили длинные стрелы европейцев. Впервые за все битвы, в которых он участвовал, Пьетро увидел, как арбалетные стрелы выбивают всадников из седла. Конечно, арбалеты были сильным оружием и арабы усовершенствовали его,

но предпочитали они свои короткие стрелы, которыми, как дождем, осыпали противника.

В первом бою германские, венгерские, итальянские и французские рыцари имели преимущество. Они положили гораздо больше сарацин, чем потеряли сами. Однако сарацины легко восполняли свои потери – из сотен городов они получали хорошо вооруженные подкрепления.

Июнь прошел под грозный скрежет оружия. В июле они тоже без конца сражались. Но теперь они больше не одерживали побед. Слишком многие из них были ранены, слишком многие погибли. Теперь они были не в силах побеждать. Они могли только стремиться к тому, чтобы каждое их поражение обходилось аль Камилу как можно дороже.

Пьетро часто думал об Элайн. Думал с грустью. Каждый день, когда кардинал Пелагиус силой своей воли удерживал Иоанна Иерусалимского и Эндрю Венгерского от приказа отступить, чего требовала военная обстановка, делал все призрачнее надежды Пьетро и всех остальных на то, что они увидят своих жен и детей. “Вдовы будут рыдать в гаремах Франкистана”, – сказал эмир. И если бы во франкской земле действительно существовали гаремы, в них рыдало бы Бог знает сколько вдов...

Двадцать второго июля начался ежегодный разлив Нила. Теперь уже каждому стало ясно, что нужно уходить. Их лагерь располагался в низине на узком треугольнике, образуемом притоком Асва. Следовало не мешкая разбирать палат-

ки и уходить. Все видели это. Кроме кардинала Пелагиуса.

– Бог, – гремел его голос, – на нашей стороне! Мы победим!

Беда заключалась в том, с горечью думал Пьетро, что, похоже, никто не оповестил Господа Бога.

Пьетро глядел на воду, подбирающуюся к основаниям палаток. Он думал об Элайн и горевал.

В своих горьких раздумьях он шел дальше насмешек на тему о том, что Бог не знает об их положении. Он невольно размышлял о крестовых походах вообще, об их прошлом, настоящем и будущем. Пьетро отлично знал их историю от людей, которые участвовали в последних походах, из хроник, описывавших ранние походы. В каждом случае сарацины оказывались в выигрыше, даже терпя поражения, они оставались победителями. Ни один сарацинский военачальник не покрыл себя позором, ни одна сарацинская армия не вела себя по отношению к побежденным так, как воины милосердного Христа. С самого начала, когда они покинули свои дома, чтобы “освободить Святую Землю от грязных рук неверных”, они во время первого крестового похода маршировали при свете погребальных костров, из которых доносились вопли беспомощных евреев, которых они убивали у себя на родине в доказательство серьезности своих намерений. И когда эти милосердные христиане одержали наконец победу, они обступили храм Гроба Господня, обнимали друг друга и плакали, вознося благодарения Богу, даровавшему им

победу. Но к этому храму они шли по улицам, заваленным трупами их жертв, на перекрестках им приходилось огибать аккуратно сложенные пирамиды из отрубленных голов и рук, перешагивать через тела детей, чьи головы были размозжены о столбы...

Они шли в бой, обезумев от вида Святого Копья, пронзившего бок Иисуса, от явления трех святых мучеников, облаченных в белые одеяния: Святого Маврикия, Святого Теодора и Святого Георгия. Однако через три дня Святое Копье убрали со знамен, поскольку оно было подделкой, а святые мученики оказались молодыми рыцарями, специально выращенными для этого действия, а монаха Питера Бартоломью, который задумал все это представление, заставили совершить чудо и пройти через огонь, чтобы доказать свою искренность. Однако “чудо” просуществовало всего один день, и Питер умер от ожогов.

Второй крестовый поход кончился полной неудачей после того, как вместо нечестивых турок были разграблены города греков-христиан. Этот поход прославился, припомнил с усмешкой Пьетро, в основном огромным количеством проституток, сопровождавших армию, а также высокородными дамами, вроде Элеоноры Аквитанской, которые пожелали сопровождать своих мужей и от всей души развлекались с крепкими парнями из солдат, пока их мужья ссорились по поводу того, кто будет править городами, которые еще не были – да так никогда и не будут – завоеваны...

В противоположность им, думал Пьетро, возьмем Саладина. В противовес жульничеству и грубости, грабежу и зверской жестокости, предательству и похоти посмотрим на Юсуфа, сына Иова.

Он произнес это имя по-арабски, почти почтительно. “Аль Малик, аль Насир, Салах-ад-Дин, Юсуф ибн Айюб. Повелитель, Защитник веры, Юсуф, сын Иова”. Человек, который, взяв Иерусалим, пощадил всех его защитников, который послал персики и груши больному Ричарду Львиное Сердце, самому своему безжалостному врагу, который предложил Ричарду коня, когда его конь был ранен; человек, редко кого убивавший, и то только тех, кто уж очень провоцировал его, даровавший жизнь даже Реджинальду, который захватил в плен его сестру, и убивший его в конце концов только тогда, когда тот отказался признать Мухаммеда пророком Бога...

О четвертом крестовом походе Пьетро слышал от сира Руже, дяди Готье. Пытки, убийства, насилия и предательства. Прибавьте сюда еще грабежи, братоубийство. Их целью был Константинополь. Жертвами оказались христиане Двигала ими алчность, а не священный долг.

А теперь этот поход. Не лучше всех предыдущих. Когда пала Дамьетта, повторились все ужасы 1099 года. Если не считать того, что жертв резни оказалось меньше во много раз меньше по сравнению с семьюдесятью тысячами мусульман, убитых при первом взятии Иерусалима. Но тысячи евреев

были загнаны в синагоги и сожжены заживо. Но достаточно. И во имя чего?

Во имя кровожадной, извращенной веры в Иисуса. Во славу тех священнослужителей, которые не допускают, что могут быть разные формы истины и что Бог не так жесток и не так скуп, чтобы оставить открытой только одну дорогу к своей милости. Во славу тех, кто верит, будто их правота позволяет им стать палачами, что неправота других – это грех, достаточный для того, чтобы угрожать их жизням, чтобы отнимать их бессмертные души. Во славу тех, кто считает, будто их мнения отражают волю Господа Бога, и слепо рубят каждого, кто осмеливается отличаться от них...

Во славу тех, кто сейчас обрекает армию на гибель в уверенности, что Бог удовлетворит их чрезмерное тщеславие, совершив чудо.

Но чуда не произошло. Двадцать четвертого июля воды Нила затопили лагерь. С высот Мансура арабы осыпали лагерь камнями из метательных машин. Стрелы тучами обрушивались на палатки.

Пьетро выехал вместе с Иоанном де Бриенном на эту последнюю самоубийственную схватку. Кони тонули в грязи, а арабские пехотинцы из-за укрытий поражали крестоносцев своими стрелами.

Они отступили обратно в лагерь. Ниже по течению им были видны корабли аль Камила. Теперь они не смогут получать продовольствие из Акры или Тира. Ничто не дойдет до

них, кроме смерти.

Отовсюду доносился шум воды и свист стрел. Каждая палатка превратилась в нечто вроде подушки для иголок. Метательные машины бросали огромные камни, разрывавшие палатки и людей на части.

Кардинал Пелагиус, стоя по колени в воде, молился.

– О Боже, – кричал он, – спаси нас, твоих сыновей-воинов, которые верно служат тебе!

Пьетро посмотрел на него. Он тоже стоял по колени в холодной воде. Он перестал думать о неизбежном – о смерти, плене, рабстве. Ему на ум, как бывало всегда в минуты напряжения, приходили странные мысли.

Этот служитель Бога обладает верой, и люди всегда восхваляли таких. Я не верую, и это считается грехом, но если мир будет спасен, то спасут его люди доброй воли, высокого ума и не очень верующие... Вера мешает размышлять, а мысль является источником жизни, без которого мы станем зверьми. Вера – это подчинение, зависимость, это – возврат в детство, отказ от принятия разнообразных вариантов истины. Вера мешает прогрессу и узаконивает убийства.

За такие мысли меня могут сжечь на костре; вместо этого я либо утону, либо буду убит сарацинской стрелой во имя веры этого кардинала, его ошибочной веры в то, будто мы хорошо служим Богу – служим убийством и грабежом... Я смахиваю на купца, который не хочет вкладывать капитал в предприятие, в течение веков приносившее столь маленький

доход... Вера еще никогда и никому в истории человечества не приносила избавления, если в этот момент не совпадала с волей капризного Бога. И то, чему Бог позволяет случаться с человеком, имеет так мало общего с тем, чего этот человек заслуживает, что даже пророки вынуждены были говорить, что Он карает тех, кого любит...

Пьетро потрянул головой и вернулся к своей палатке. Он откинул полог и вошел внутрь. Уолдо и Рейнальдо лежали в грязной воде, высунув головы на поверхность и держась подальше от стен палатки, в которых стрелы обычно застревали или их убойная сила ослабевала.

Пьетро смотрел на них, но думал он совсем о другом. Он думал о том, что каждая цивилизация, которая зиждется на одних надеждах и вере в невидимое, неизбежно гибнет от умственного и духовного застоя и в силу особенностей характера Пьетро его ум предлагал альтернативу. Республика будущего будет построена на поиске – путем опыта, путем исследования практики – того, на что мы надеемся, а также доказательств, отделяющих существующее невидимое от фантазий, рожденных умом человека.

Когда мы полюбим истину и возненавидим неправду, но не носителей неправды, когда у нас не будет потребности гипнотизировать себя и далее кадилъницами, ритуалами и церемониями, когда мы сможем посмотреть в глаза обнаженной истине и не ослепнуть, когда мы сможем отбросить наши самые сокровенные верования и не оглядываться на них

с сожалением. Вот тогда мы будем свободны...

Еще одна стрела пронзила полог палатки. Пьетро рассмеялся.

– Вставайте! – скомандовал он. – Не будем умирать лежа в грязи. Поднимите голову, мои рыцари, глянем в лицо судьбе – и улыбнемся. Если нам суждено умереть, неужели мы не умрем с достоинством? Они встали, явно пристыженные

– В этом бурдюке, – сказал Пьетро, – осталось немного вина...

Утром крестоносцы двинулись обратно, к Дамиетте. Однако они увязали в грязи, гибли сотнями. Тонули. Их уничтожали стрелы, камни.

Пьетро удалось вывести своего коня из грязи. Он увидел группу сарацинских всадников. Их было человек двадцать. Его ум работал очень четко. Он знал, какой у него выбор – умереть в вонючей канаве, глотая грязь и ил, или погибнуть на этом холме в окружении врагов. Ни один из этих вариантов его не привлекал.

Он слегка вздрогнул, глядя на грязную воду. Подумал об Ио и об Элайн. Он поручил их попечению Бога. Потом он бросился на противников.

Но столкнуться со всадниками ему не довелось. Небольшой камень, выпущенный баллистой, ударил в шлем и смял его. Пьетро свалился с седла в желтую грязь.

Когда он открыл глаза, то понял, что лежит на склоне холма. Высокий и плечистый шейх склонился над ним, его кин-

жал упирался в горло Пьетро.

– Аллах Акбар! – сказал шейх. – Аллах велик!

Пьетро улыбнулся. Выбор оказался простым. Он может остаться в живых и когда-нибудь вернуться в Италию, к Элайн.

– Аллах Акбар, – согласился он.

– Нет Бога, кроме Аллаху, – угрожающе прорычал шейх.

Пьетро вновь улыбнулся.

– И Мухаммед пророк его!

Клинок отодвинулся от его горла.

– Вставай, франкская собака, – сказал шейх. – Этими словами ты спас себе жизнь...

– Не моими словами, о, шейх, – ответил Пьетро, – а словами милостивого Бога.

Шейх уставился на него. Другие сарацинские рыцари тоже с любопытством смотрели на них.

– Как это получилось, что ты, франк, так хорошо говоришь на языке людей Аллаха? – спросил шейх.

– Я учил его в юности, – сказал Пьетро, – на Сицилии от ходжа и хаджи⁴², живущих в той стране. Вместе с сыновьями вашего народа я учился цитировать Коран. В доме, где я вырос, ни на каком другом языке не говорили, потому что, хотя мой опекун был еврей-книжник, он свою молодость провел

⁴² Автор не смог обнаружить четких различий между ходжа и хаджа. Ходжи наверняка были учителями в вопросах религии, а хаджи могли быть учителями в области права, науки и других светских предметов, но это деление неопределенно.

в мусульманской Испании...

– Хорошо! – отозвался шейх и обернулся к остальным рыцарям. – Этого я оставляю себе. У меня есть торговые дела с этими франкскими собаками из Венеции. Он будет следить за моими счетами, и никто не сможет запутать его непонятной речью. Потому что, видит Аллах, мне надоело, что меня обманывают.

Он обернулся к Пьетро:

– Как твое имя?

– Пьетро.

– Так вот, Пьетро, с этого дня ты мой раб. По исламу это не позорно, ибо те, кто хорошо служат своему хозяину, щедро награждаются. Ты знаешь что-нибудь о морском деле и о торговле?

– Достаточно, господин, – вздохнул Пьетро, – чтобы служить тебе.

– Хорошо, – сказал шейх. – В доме Абу-Бекра аль Муктафи тебе не о чем будет сожалеть...

У меня, подумал Пьетро, есть немало, о чем сожалеть...

Через несколько дней он вместе со своим новым хозяином приехал в Каир. Его первое впечатление было унылое. Он увидел только заброшенные и убогие хижины бедняков между пирамидами Гизе и городскими стенами и невероятно грязных бедуинов, шныряющих в поисках еды среди разрушенных могил древних властелинов.

Но внутри городских стен все выглядело лучше. Они ми-

новали базары, где выставлялись богатства всего мира. Это был лабиринт, от стены до стены забитый покупателями и продавцами, которые торговались так, словно от этого зависела их жизнь. Над узкими проходами нависали темные крыши, прикрывавшие от солнца, здесь люди жили среди ковров, которые порадовали бы сердце любого принца, среди кувшинов с оливковым маслом, ящиков с приправами, фруктами, свежими и сушеными, среди туш скота, облепленных мухами, среди рулонов шелка, венецианской парчи, тафты, хлопчатобумажных и льняных тканей, среди странных сладковатых запахов опиума.

На прилавках ювелиров под светом ламп поблескивали драгоценности. Пьетро показалось, что достаточно кому-то протянуть к ним руку, и – но тут он заметил, что их охраняют мрачные стражники, свирепые воины из Райи или Маргаба. На Пьетро обрушились шумы и запахи. Он заметил, что некоторые торговцы на базаре одеты в синие одежды, словно в некую униформу. У других на шеях висели маленькие колокольчики, звеневшие при ходьбе. Пьетро заметил седобородого мужчину с колокольчиком на шее, ехавшего на ослике. К удивлению Пьетро, старик сидел задом наперед, грустно взирая на хвост ослика.

Любопытство овладело Пьетро, и он обратился к одному из своих стражей.

– Милостью Аллаха, мой господин, – сказал он. – Не объяснишь ли ты мне кое-что из множества вещей, про которые,

я ничего не знаю. Если я буду служить нашему господину шейху, будет лучше, если я буду знать...

Молодой сотник сурово глянул на Пьетро. Потом его лицо чуть помягчело.

– Действительно Аллах дал тебе сладкоречивый язык, французская собака, – сказал он. – Что бы ты хотел узнать?

– Почему, господин эмир...

– Я не эмир, – резко сказал он, – я только куайд, командир сотни. Абу, вон тот, он халифа. Это значит, что он командует пятьюдесятью воинами. А Расул ариф, у него под началом только десять воинов. Шейх Ахмад, да благословит его Аллах, он эмир, под его командой более десяти тысяч. Ты понял, франк?

– Прекрасно понял, господин куайд. Но есть и другие вещи, про которые я хотел бы знать. Кто эти люди в синем и те, у кого колокольчики на шее? И почему старик едет на ослике задом наперед?

– У тебя есть глаза, франк, – заметил сотник. – Те, у кого колокольчики и кто одет в синие шубас, это люди ученые. Поскольку мы признаем многих их пророков как предшественников Мухаммеда, мы разрешаем им пользоваться свободой, а они за это платят налог с каждого человека, не очень большой. Те, кто в синих шубас, это евреи, которых мы очень уважаем, считая, что они не совсем неверные. Люди с колокольчиками – это назареи, которых мы раньше уважали, считая их пророка одним из наших великих пророков.

Но потом они стали лгать и обманывать, пытаясь захватить наши Святые места – как и вы пытались, – поэтому мы возложили на них бремя – колокольчики, чтобы правочерные видели их и презирали, а эта смешная манера ездить верхом напоминает им об их униженном положении среди нас...

Он посмотрел на Пьетро и улыбнулся.

– Возможно, – сказал он, – если ты будешь хорошо служить нашему господину Ахмаду, ты избежишь колокольчиков и необходимости взиpать на зад лошади или осла. В его власти наградить тебя такой привилегией.

Они выехали с базара в лабиринт узких кривых улочек. То и дело им навстречу попадались одетые в темные одежды шейхи, окруженные охраной из вооруженных негров в ярко-красных одеяниях, они приветствовали шейха Ахмада, касаясь рукой лба, губ, потом груди. Один раз их кавалькаде пришлось остановиться, когда дорогу им преградила группа чернокожих толстяков-евнухов, сопровождавших паланкины с рабынями-черкешенками, закутанными с головы до ног.

Потом они оказались на площади, где происходила торговля рабами. Шейх Ахмад жестом приказал им остановиться.

Пьетро с удивлением смотрел на рабов. Среди них были русоволосые девушки из России, черноглазые с белой кожей женщины из Испании и Греции, здоровенные мамлюки, неистовые турецкие воины, которых ценили и которых боя-

лись, гигантские негры из южных джунглей, изысканные китайки с раскосыми глазами...

О Боже, подумал Пьетро, здесь каждый любитель прекрасного найдет себе женщину по вкусу, любой аппетит будет удовлетворен.

Аукционер тут же заметил шейха.

– Истинно, – завопил он, – тебе представляется замечательная возможность, о лев, защитник веры! За многие годы я не мог предложить твоему величественному взору такого прекрасного выбора. Посмотри на них, господин мой! Вот эта, к примеру, видел ли когда-нибудь мой господин руки и ноги такой снежной белизны, волосы как спелая пшеница и глаза синие как море? Подумай, о, великий эмир, могущественный шейх, как эти шелковые руки будут обнимать тебя! Эти ноги, сладкие, чистые и прохладные, предназначенные для ласки, эти груди из жемчуга и снега, увенчанные крошечными розами! Подумай, шейх Ахмад, могучий сын льва, какое наслаждение ожидает тебя! Каких прекрасных сыновей родит тебе она во славу Аллаха и твою!

Но Ахмад покачал головой.

– Ты, Абдулла, сын змеи, – шутливо сказал он, – с твоего языка вечно стекает ложь. У этих северянок сердца такие же снежные, как их руки и ноги. В них нет теплоты. Я скорее остановил бы взгляд на той византийке – Он показал рукой, украшенной драгоценностями.

Абдулла вытолкнул девушку вперед. Темные глаза Пьет-

ро расширились. Дело было не в ее красоте, хотя она была прекрасна. Он видывал и более красивых молодых женщин. Элайн была красивее. Нет, в ней было нечто иное, ускользающее. Потом он увидел ее глаза. Они были серовато-кари-ми, почти желтыми, и у него возникло ощущение, будто та-кие глаза он видел в прошлом. Он напряг свою память, но не мог припомнить ни одной живой души, у которой были бы такие глаза.

Никого. Потом он понял почему. Такие глаза были не у человека, а у его сокола Цезаря, да и у многих других соко-лов, которыми он владел. Они были такими... такими сви-репыми. В них совершенно отсутствовал страх. Не было по-корности. Другие тоже заметили это.

– О Аллах, – прошептал молодой сотник. – У нее глаза, как у моего самого благородного сокола Хориса, который способен увидеть маленькую птичку далеко внизу под ним и обрушиться на нее, как копье Аллаха!

– Она действительно очень хороша, – пробормотал шейх Ахмад. – Как ее зовут?

– Зенобия, – пробормотал Абдулла. Пьетро видел, что он не хочет продавать ее.

Руки у девушки были связаны. Из всех рабынь она одна была связана.

Абдулла облизал свои сухие губы.

– Мой господин эмир, – произнес он, – ты раньше был моим хозяином и часто бывал добр ко мне по благородству

своего сердца, которым наградил тебя Аллах. Я прошу тебя передумать. У меня много других молодых женщин, а эта, мой господин, не для тебя...

Пьетро видел, как вспыхнули темные глаза шейха. Абдулла не мог придумать лучшего способа разжечь его аппетит.

– Почему же это, о сын лжи и обмана? – рассмеялся он.

– В ней сидит демон... нет, она сама демон! Я говорю тебе, мой господин...

Продолжать ему не пришлось. Левая рука Зенобии с необыкновенным проворством сомкнулась на рукоятке его кинжала. Она выдернула его из ножен и взмахнула им.

На смуглом лице Абдуллы от уха до подбородка открылась кровавая рана.

– А-а-а! – взвыл он.

– Хватайте ее! – приказал Ахмад.

Его воины тут же набросились на нее. Она успела ранить двоих, прежде чем они обезоружили ее. Ахмад верхом подъехал вплотную и, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, легко, как юноша, соскочил на настил. Он схватил платье, прикрывавшее ее тело, и одним движением руки разорвал его.

У Пьетро перехватило дыхание. Такое тело, с горечью подумал он, ревнивые боги дарят раз в тысячу лет, чтобы сводить мужчин с ума.

Ахмад с ликованием воздел к небу сжатые кулаки.

– О премудрый Аллах! – воскликнул он. – Каких дете-

нышей принесет мне эта львица! Назови свою цену, ты, сын змеи!

Зенобия неожиданно выбросила вперед ноги, повиснув на руках державших ее воинов. Удар застал Ахмада врасплох, и он упал с помоста в пыль.

Он медленно поднялся на помост, к удивлению Пьетро, все еще улыбаясь. Он остановился перед ней, замахнулся правой рукой и ударил ее ладонью по лицу, потом еще раз и еще раз, ее голова моталась при каждом ударе, и в уголках глаз показались слезы.

Когда Ахмад наконец остановился, слегка запыхавшись и все еще улыбаясь, у Зенобин изо рта текли две струйки крови, а лицо распухло и покраснело.

– Назови цену, Абдулла, – повторил он.

Абдулла отнял от лица грязную тряпку, намокшую от крови.

– Две... две тысячи динаров, мой господин, – прошептал он.

– Хорошо! – сказал Ахмад. – Прикрой ее тело и лицо от посторонних глаз, и мы увезем ее ко мне.

Абдулла тихо выругался сквозь зубы, обозвав себя старым паршивым верблюдом. Он понял, что мог спросить и десять тысяч.

До дворца Ахмада им еще предстояло добраться.

Пьетро чувствовал себя смертельно усталым. Его шатало в седле. Он с жалостью смотрел на бесформенный узел, ко-

торый несли воины. Ему казалось, что он слышит плач.

Когда они свернули на широкую красивую улицу, то увидели встречную кавалькаду. Впереди кавалькады бежали черные суданцы в алых одеждах, кричавшие:

– Дорогу Победителю, Любимцу Аллаха!

Следом за неграми ехали всадники, бившие в серебряные литавры, и стража в легких доспехах, в черных с золотом плащах, на конях такой красоты, что глазам не верилось. Среди них на белоснежной кобыле с самой длинной гривой и хвостом, какие Пьетро только доводилось видеть, ехал высокий красивый мужчина. На нем был черный тарбуш – высокая феска, прикрытая белым тюрбаном, и черный шелковый плащ, вышитый золотыми нитками. За кушаком у него торчал длинный ятаган с золотой рукояткой, украшенной драгоценными камнями. Поводья и сбруя кобылы были усеяны золотыми динарами.

Все воины, сопровождавшие Ахмада, включая самого шейха, низко поклонились. Пьетро последовал их примеру. Поставив себе цель выжить, он не хотел, чтобы его убили за нарушение этикета.

– Твой слуга и слуга твоих слуг! – произнес Ахмад. – О, могущественный калиф, тень Бога на земле!

Ага, подумал Пьетро, вот он, владыка! Он посмотрел на султана Малика аль Камила, и то, что он увидел, ему понравилось. Перед ним был умный и не жестокий человек.

– Я благодарю тебя, шейх Ахмад, эмир моих армий, – ска-

зал султан, – хотя, поскольку я айюбит, я знаю, что ты жаждешь моей крови. Но в ожидании своего шанса ты хорошо послужил мне, и предательство в твоих мыслях останется безнаказанным, пока оно не обернется действиями.

– О, Победитель... – начал Ахмад.

– Молчи, – сказал аль Камил. – Что у тебя в этом мешке?

– Рабыня, мой господин, только что купленная, – прошептал Ахмад.

– Покажи ее мне, – приказал султан.

Ахмад медленно кивнул. Куайд отбросил покрывало с лица Зенобии.

Даже с того места, где он находился, Пьетро мог заметить, как зажглись глаза султана.

– Аллах, – сказал он, – благословит того, кто сделает такой подарок его хранителю на земле...

Лицо шейха изменилось, стало уродливым. Брови почти прикрыли глаза. Неожиданно он протянул руку и схватил Зенобию.

– Перед лицом Аллаха, – громко сказал он, – и в присутствии его калифа я беру эту женщину в жены перед этими свидетелями, и этот союз может разорвать только Бог!

На улице воцарилось мертвое молчание. Теперь, подумал Пьетро, нам всем предстоит умереть...

Плечи султана слегка опустились.

– Опять ты препятствуешь мне, о, Муктафи, – сказал он. – Но годы моего ожидания долгие, и мое терпение еще не ис-

сякло. Я благословляю этот союз...

Он махнул рукой, раздался гром литавр, суданцы снова начали кричать, султанская кавалькада двинулась дальше.

Пьетро глянул на лица сопровождающих Ахмада. Они все посерели от страха.

Я попал, подумал Пьетро, в логово тигров.

Их группа тоже двинулась в дальнейший путь.

Прошел целый год, прежде чем Пьетро вновь увидел рабыню Зенобию. Он гулял в саду рядом с мужской половиной дворца, когда услышал свист бича и женский вскрик.

Он бросился на этот звук, обогнул изгородь из тропических кустарников и увидел ее. Она лежала на земле лицом вниз. Два здоровенных евнуха-эфиопа лежали у нее по бокам, прижимая ее руки, а третий наносил удары.

Она уже получила два удара. От них не вздулись рубцы. Они рассекли нежную кожу на ее спине, словно ножом. Первое, что увидел Пьетро, была кровь.

Высокий раб поднял бич высоко над головой. Пьетро увидел, как женщина содрогнулась.

Пьетро выхватил кривой кинжал раньше, чем подумал, насколько опасно ему вмешиваться. А когда подумал, то уже знал, что не остановится, какая бы опасность ему ни угрожала.

Пригнувшись, он метнулся к ним движением кинжального бойца, столь же естественным для сицилийца, как дыхание, и прежде чем эфиоп опустил свой бич, острие кинжала уперлось в его толстый живот.

– Еще один удар, и ты умрешь! – выкрикнул Пьетро. – Ты, черный бесполой собачий сын! Кто приказал делать это?

Эфиоп отшатнулся.

– Я приказал, – раздался голос за спиной Пьетро.

Он повернулся и столкнулся лицом к лицу с Харуном, старшим сыном аль Муктафи. Харун держал в руке ятаган.

– Взять его, – спокойно сказал Харун.

Пьетро отлично владел сарацинским кинжалом. Он вообще прекрасно управлялся с любым острым оружием. Но бессмысленно нападать с кинжалом на араба, вооруженного ятаганом, даже если этот араб не слишком умелый воин. А Харун мастерски владел своим изогнутым ятаганом. Пьетро опустил руки, и негры набросились на него, грубо заломив ему руки за спину.

Харун стоял, разглядывая его. И тут Пьетро заметил на правой щеке Харуна четыре царапины, несомненно нанесенные ногтями Зенобии.

Он откинул голову и расхохотался.

– И за эти мелкие царапины, о, сын шейха, – сказал он, – ты так мстишь? Или это твоя раненая гордость требует такой расправы?

– Возможно, – ровным голосом отозвался Харун, – раз тебя, франкская собака, это так развлекает, ты не против того, чтобы занять ее место?

Пьетро не стал отвечать ему. Потом он увидел, что Зенобия подняла голову и смотрит на него. И в ее глазах мелькнуло нечто вроде удивления.

– Если я соглашусь, – спокойно спросил Пьетро, – господин пощадит ее?

– Да, – ответил Харун.

– Поклянись, – сказал Пьетро. – Девяносто девятью именами Бога!

– Клянусь, – рассмеялся Харун, – и тем сотым именем, которое знает один только верблюд!

– Хорошо, – отозвался Пьетро.

– Дай мне женщину, – сказал Харун. – Я буду держать ее.

– Нет, – неожиданно ворвалась в разговор Зенобия. – Не надо ради меня, господин. Этот бич для меня ничто. Я могу это вынести. Я не могу позволить, чтобы ты...

– Молчать! – заревел Харун. – Начинай порку, Юсуф!

Двое рабов бросили Пьетро на землю и прижали его. Юсуф протянул огромную руку и разорвал шелковую рубашку Пьетро до пояса.

Это оказалось очень больно. Уже после первого удара Пьетро вынужден был сжать зубы, чтобы не застонать. После третьего удара он понял, что и это не поможет. Но держался. Четвертый удар. Пятый. Откуда-то издалека до него донесся крик Зенобии.

– Собаки! – кричала она. – Смотрите, что значит быть франком и мужчиной! Смотрите, что такое доброта и мужество! Ах вы, подонки, мерзавцы!

– Почему шум? – раздался голос шейха аль Муктафи.

Пьетро, преодолевая боль, повернул голову. Абу-Бекр Ахмад аль Муктафи стоял, глядя на своего сына, высокий и стройный, как копьё пророка.

– Я расскажу тебе, о, повелитель! – завопила Зенобия. – Посмотри на лицо твоего сына... ты видишь следы моих ног-тей, когда этот предатель-щенок пытался завладеть тем, что принадлежит тебе! А что касается этого франка, то он виноват только в том, что пытался спасти меня от избиения бичом. Он согласился пострадать за меня!

– Это правда, Харун? – спросил аль Муктафи и наклонился. – Ай-я-яй! Я вижу, что так оно и есть. Отпустите франка.

Рабы освободили Пьетро. Он поднялся на ноги и стоял так, пока пальмы не прекратили свой медленный танец перед его глазами.

– Что ты делала за пределами женской половины, Зенобия? – спросил шейх.

– Он... он приказал им привести меня к нему, – ответила Зенобия. – Я вырвалась от него и убежала. А здесь они схватили меня...

Аль Муктафи обернулся к своему сыну.

– Отправляйся ко мне, – холодно сказал он, – я сейчас займусь тобой.

Харун не двигался.

– Иди! – взорвался аль Муктафи.

Харун ушел.

– А вы, ночные собаки, – обратился шейх к евнухам, – знайте, что хозяин здесь я. На этот раз я не буду наказывать вас, потому что знаю, вы боялись не подчиниться ему. А теперь отведите женщину и позовите моего врача.

Врач действительно был нужен. Даже всего после пяти ударов спина Пьетро была в ужасном состоянии.

Шейх распорядился принести вино и сладости.

– Я доволен тобой, Пьетро, – сказал шейх. – После года твоей службы у меня ты наполовину уменьшил мои расходы. Поэтому, а также из-за постигшей тебя беды, я хочу наградить тебя. Во-первых, я назначаю тебя на более высокую должность. Отныне ты будешь водить мои караваны на восток и получать одну сотую стоимости того, что ты привезешь обратно.

– Благодарю тебя, мой господин, – отозвался Пьетро.

Он почти физически ощущал взгляд серо-карих глаз Зенобии. Он быстро глянул на нее. Вот как, подумал он, эти соколиные глаза могут и смягчаться. Быть может, в ней есть не только дикость и ярость. Интересно...

– А поскольку ты пострадал из-за этой женщины, – улыбнулся шейх, – я отдаю ее тебе. Бери ее, Пьетро, она твоя.

Пьетро молча смотрел на нее не в силах вымолвить ни слова.

– Но, господин, – наконец проговорил он, – она твоя жена! Я знаю, ты взял ее в жены на улице, повинувшись порыву, но это произошло на глазах калифа и в присутствии свидетелей. Такой союз законен...

– Я развелся с ней, Пьетро, – сказал Муктафи, – из-за ее бесплодия. Кроме того, мне не нравится ее дикий нрав. Может, ты сумеешь смягчить ее.

Пьетро посмотрел на девушку. Он помнил тот день на базаре. В его воображении вспыхнула во всех деталях картина ее обнаженного белого тела, ослепительного в ярком свете египетского солнца. Он хорошо это помнил. Он был одинок, и уже более года ни одна женская рука не прикасалась к нему. А он был сицилийцем, и в его жилах кипела горячая кровь.

Но в следующее мгновение он вспомнил Ио на базарной площади в Иеси. Слезы на ее глазах. Он подумал об Элайн – в нем текла сицилийская кровь, согретая солнцем Палермо, но он обладал и острым ощущением добра и зла, исконным итальянским стремлением к умерщвлению плоти. Аскет и распутник вечно сражались между собой в его гибком теле. Обезьяна и ангел.

Зенобия была прекрасна. Она была более чем прекрасна. В ней чувствовался странный огонь, и у него возникло ощущение, что если он дотронется до ее тела, то это прикосновение сожжет его. В ней не было судорожного телесного голода, двигавшего такими женщинами, как Иветта, как – приходилось признать – Элайн. Зенобия, подумал он, женщина с головы до ног, и эта медлительная чувственность в ней совершенно естественна, чиста и прекрасна... Мужчина, которого она полюбит, погибнет из-за нее, но, умирая, он будет благословлять Бога за то, что жил. Но я не могу. Элайн никогда не узнает, никто не узнает, но я не могу, потому что это не может стать преходящим, чем-то случайным, наслаждением,

которое можно купить у уличной девки на час или на ночь. Я здесь в рабстве, но ум мой и мое сердце свободны. Если же я буду обладать ею, я действительно стану рабом и никогда не избавлюсь от телесного голода. Мною будет управлять похоть, пока все, что Бог вложил в меня, мое достоинство и ощущение правоты, не умрут во мне малыми жертвами, принесенными на алтарь потребностей моего тела.

– Ну, что? – спросил шейх Ахмад.

– Пожалуйста, господин, – прошептал Пьетро. – Я человек не вашей веры. Нам запрещено иметь не одну жену или даже содержанку. Я от всего сердца благодарю тебя, ибо она так прекрасна, но...

Серо-карие глаза Зенобии расширились. В них что-то мелькнуло. Нечто похожее на боль.

– Я не стану давить на тебя, – сказал аль Муктафи. – Возможно, есть какая-нибудь другая женщина, которую ты предпочитаешь?

– Нет, – тихо ответил Пьетро. – Нет другой женщины.

Пьетро заметил, что, когда Зенобия уходила вместе с Юсуфом, она торопливо что-то сказала этому огромному негру, и тот кивнул. Однако, живя в гареме шейха, она имела весьма мало шансов тревожить Пьетро.

Но он не знал, с кем имеет дело. В ту же ночь Юсуф, главный евнух, пришел в его комнату.

– Господин, – сказал он, – госпожа Зенобия хочет поговорить с тобой.

Пьетро уставился на него.

– Где она?

– В саду, – ответил Юсуф.

– Ты... ты вывел ее из гарема? – удивленно спросил Пьетро.

– Да, господин.

– Почему, Юсуф? Во имя бороды пророка, почему?

– Она оказала мне большую услугу, господин. Я ни в чем не могу отказать ей.

Пьетро всмотрелся в его большое черное лицо.

– И тем не менее, – сухо произнес он, – ты готов был забить ее до смерти.

– А какой выбор был у меня, господин? – удивленно спросил Юсуф. – Если бы я отказался, господин Харун обрек бы меня на такую смерть, какой не позавидовал бы и шайтан.

– Понимаю. А что за услугу она тебе оказала, Юсуф? – спросил Пьетро.

– Она уговорила шейха взять моего маленького сына в пажи. И шейх относится к нему очень хорошо. Моя жена умерла. Ребенок голодал.

– Твой сын? – удивился Пьетро. – Но, Юсуф, разве это возможно?

– Я не всегда был евнухом, – грустно сказал Юсуф. – И я понимаю, что такое любовь, и сочувствую тем, кто любит...

– О Боже! – вырвалось у Пьетро. – Разве ты не знаешь, что эта глупость может стоить всем нам жизни... даже тебе?

Негр пожал плечами.

– На все воля Аллаха, – спокойно сказал он. – Разве мы можем вмешиваться в нее?

– Я не хочу умирать! – сказал Пьетро. – У меня есть жена, я хочу увидеть ее...

– И это тоже в руках Аллаха, – отозвался Юсуф. – Но, господин, не опасайся. Я буду на страже, и никто не увидит вас. Она ждет тебя, господин...

– Святой Боже! – пробормотал Пьетро и последовал за Юсуфом в сад.

Зенобия стояла там.

– Я пришла поблагодарить тебя, – прошептала она. – Ты был очень добр. Ко мне давно никто не был добр, особенно в ущерб себе. А потом...

– Да? – помог ей Пьетро.

– Сегодня днем шейх предложил тебе меня в качестве подарка. Я уже начала сердиться. Понимаешь, мой господин, если бы ты принял его предложение, то разрушил бы все, что было до этого, – даже раны, которые ты получил вместо меня... Но ты заколебался. Ты стал продумывать все в уме. Я почти слышала, как ты раздумывал. Как я могу, думал ты, отказаться от нее так, чтобы не оскорбить ее чувства?

Пьетро чуть не расхохотался, но удержался.

– Ну и что? – спросил он.

– Пока ты думал, я следила за тобой. Я еще раньше поняла, что ты человек справедливый. Я заметила это в тот день,

когда шейх купил меня. Из всех, кто был с ним, только у тебя я обнаружила честное и доброе лицо. Тебе потребовалось сегодня так много времени, чтобы решиться! Прежде чем ты заговорил, сердце мое закричало: “Пусть он скажет “да”! О Боже, пусть он скажет “да”!”

Пьетро взял ее за руку.

– Прекрасная Зенобия, – мягко сказал он, – все это прихоть, и ты это знаешь. Поскольку я был добр к тебе, ты позволила своему воображению разыграться. Подумай сама – если бы ты увидела меня на улицах Константинополя, ты даже не повернула бы головы, чтобы глянуть на меня еще раз. Я мал ростом и некрасив, и...

– Нет! Не говори о себе таких слов. Ты мал ростом, это правда, но леопард тоже не большой. У тебя удивительное лицо, спокойное и печальное, и большие темные глаза, которые, кажется, все время горюют о людской жестокости. Я думаю, что ты можешь читать в моей душе. Пьетро, дорогой, неужели ты не понимаешь? Всю мою жизнь, с самого детства, мужчины хотели меня – и брали меня – зачем мне обманывать тебя? – но брали грубо, похотливо. Я для них была вещь, которую используют. А ты посчитался с моими чувствами, я оказалась для тебя живым существом, женщиной, которая дышит, у которой есть сердце, способное испытывать боль, и ум, чтобы выбирать. Ты это понимаешь? Ты понимаешь, что это значит для меня?

– Да, – прошептал Пьетро. – Я понимаю...

– Говорят, что у меня глаза, как у сокола – дикие, полные ненависти, непримиримые. Это правда, я действительно такая. Но я могу быть нежной, Пьетро. Я могу научиться этому у тебя. Я могу научиться у тебя доброте. И я хочу быть хорошей! Я хочу любить тебя, ласкать тебя, оказывать тебе мелкие услуги, подносить тебе вино, хлеб и соль. Я могу играть тебе на лютне и даже немного петь. У меня небольшой голос, который люди называют приятным. Я могу укутывать твою голову, когда она болит, намазывать тебя благовонными маслами. За всю мою жизнь никто не делал меня счастливой. А ты можешь, мой господин. Разве не странно, что я жажду таких простых вещей, которые большинство женщин принимают как должное, хотя я никогда не испытывала их?

Пьетро держал обе ее руки в своих руках. У него было тяжело на сердце. И грустно. Ее слова тронули его. Он понимал все, что она говорила, потому что хотя говорила это она, ее слова казались ему криком его собственной души. Она говорила о простых вещах, которые большинство мужчин хотят получить от жизни – чтобы рядом была нежная и прекрасная женщина, которая может сделать его жизнь счастливой. У него были почести, слава и богатство, которые так ценит мир, и, как почти все, что ценит большинство людей, все это оказалось подделкой.

Это будет так просто. Элайн никогда не узнает, и Ио никогда не узнает, и почему считается за грех дарить и принимать простое счастье?

Он всматривался в ее лицо.

В ее глазах было так много. Была нежность. Он отвернулся от нее, и взгляд его упал на большой ятаган Юсуфа. Такой клинок может проникнуть сквозь кольца кольчуги с такой же легкостью, с какой европейский клинок разрубает дерево. Но при этом его можно согнуть вдвое, и он не сломается.

Я похож на этот клинок, внезапно подумал Пьетро, меня не раз сгибали до земли, но как только отпускали, я вновь выпрямлялся, не сломленный. Почему? Потому что, как и этот сарацинский клинок, я закален в огне. Меня выковывали и гасили мой жар в холодной воде, потом вновь раскаляли и охлаждали уже медленнее (с помощью разочарований, мелких потерь, ожиданий), пока я не стал гибким, но до сих пор я горько жаловался на такое закаливание...

Все очень просто и очень легко, и кровь в моих жилах требует, чтобы я взял эту женщину, которая может только вытянуть из меня все силы и оставит меня таким ломким, что следующий удар (а другие удары еще будут – в этом не приходится сомневаться) сломает меня. А я могу дать ей только счастье, которое по контрасту сделает предстоящую беду еще более горькой. Ибо если люди ежедневно предают эти слова, это не означает, что не существует таких понятий, как честь, справедливость, человеческое достоинство. Мы обесценили их слишком частым употреблением, тем, что прикрываем ими множество наших грехов. Но эти понятия существуют. И Бог есть. Клятва, которую я дал перед ним, бе-

ря в жены Элайн, – это святая клятва, которую даже жар в крови, даже страстное желание не могут порушить. Поэтому я страдаю. Бог дает не напрасно...

Он пытался разобраться в своих мыслях. Сначала на арабском, потом на греческом. Но его знание греческого языка оказалось недостаточным для такой задачи, а язык сарацинов совершенно по-иному трактовал такие понятия, как честь и вера, чем христиане. Народ, который оборудовал свой рай фонтанами вина и услужливыми гуриями, девственность которых восстанавливается каждый раз после того, как они удовлетворяют похоть правоверных последователей пророка, не обладал словами, которые могли бы объяснить и придать достоверность добродетели самоотречения. Сарацин может быть и мистиком, и стойком, если это необходимо, но он не видит добродетели в самих этих понятиях.

Она ушла от него в слезах, ужасно обиженная. И у него болело сердце, и он был полон сомнений, все его высокие помыслы клочьями путались у него под ногами.

На какое-то время его спасло то, что аль Муктафи почти тут же послал его в Индию. Это путешествие отняло у него более двух лет. Когда в 1224 году он вернулся, то в ночь приезда, прежде чем провести Пьетро в его покои, рабы увлекли его в бани. Пьетро чувствовал себя слишком усталым, чтобы чему-нибудь удивляться. Но когда он вошел в свою комнату, он почуял запах благовоний... Она натерла свое тело амброй и мускусом, покрасила губы ярко-красной помадой. Кроме

рта, накрасила и некоторые другие части тела. Впечатление было потрясающее.

Пьетро слишком долго не был дома. У его стойкости оказался предел. И этот предел он перешагнул. В эту ночь Пьетро узнал, что такое рай пророка, понял, что европейцы просто дети. Зенобия была артисткой. Великой артисткой. Только спустя несколько недель он с чувством боли понял, как она обрела свое дьявольское искусство.

Они встречались, но редко. Из-за Харуна. Притом что к его услугам были сотни женщин, Харун все еще преследовал Зенобию – только потому, что она отвергла его, пользуясь поддержкой его отца.

Пьетро очень скоро убедился, что служанка в его покоях шпионит за ним. Да и Юсуф советовал быть осторожными.

То, что происходило теперь между ним и Зенобией, было очень нежным и хрупким: торопливые слова, сказанные во время вроде бы случайной встречи в саду, записки, совсем по-детски оставляемые в пустой урне около женской половины дворца, и – от случая к случаю, с помощью Юсуфа – встречи в снятой в городе комнате, ночи украденного блаженства.

Потом Пьетро опять уезжал – в Яздигир и Самарканд, в Дамаск и Багдад.

А между этими поездками – торопливое пожатие руки в ночном саду, теплые губы, прижавшиеся к его губам, потом звук убегающих шагов. И в урне обрывки пергамента с пре-

лестной арабской вязью:

О, мой господин, более прекрасный, чем горный олень! Такой быстрый, быстрее леопарда, который преследует газель... Мое сердце, о Пьетро, как газель, слабеет при виде тебя. Мой повелитель, солнце моего наслаждения, как долго еще?

Как долго? У Пьетро начинало болеть сердце, когда он думал об этом. В их безрассудных отношениях таилась опасность. Конечно, Ахмад предлагал ему эту женщину. Но он отказался от нее. И теперь, если его когда-нибудь поймают на том, что он тайно пользуется тем, от чего публично отказался, честь обяжет шейха казнить его.

Помимо этой опасности существовало еще одно обстоятельство. Он уехал от Элайн, чтобы дать ей возможность принять его в свое сердце. Теперь он нарушал самую святую из всех клятв. Хотя он и был вольнодумцем, Пьетро не так далеко ушел от своих современников. Он любил Элайн. Но Зенобия поработила его. Он никогда не знал, что искусство сластолюбия может достигать таких высот утонченности. Его ночи с Зенобией походили на пытку, она, единственная из женщин, которых он знал, умела сохранить страсть от спада. В тот момент, когда она удовлетворяла его потребность, и прежде, чем та страсть успевала остыть, она разжигала в нем новое желание. Потом его охватывал стыд, и он наказывал свое тело.

Этот стыд разрастался и смущал его днем и ночью. Осо-

бенно поскольку шейх постоянно удивлялся его предполагаемому целомудрию. Для Ахмада было предметом изумления и насмешек то, что его сагиб аль Хараи, управляющий финансами – таков был внушительный титул Пьетро – отказывается от любой красивой рабыни, которую ему предлагают в наложницы. А когда кто-то намекал, что вкусы франка лежат в другой плоскости, Ахмад мог ответить, что Пьетро отказывается и от покрашенных и надушенных гильмани, прекрасно вышколенных хорошеньких мальчиков, столь популярных среди арабской знати.

– Я говорю вам, это чудо! – смеялся Ахмад. – В погоне за дичью он как лев, не хуже нас научился охотиться с леопардом. Соколиную охоту он знал раньше, поскольку она давно известна франкам. На скачках он не уступает моим лучшим наездникам. Я видел, как он выиграл пари в тысячу динаров в скачке с сотником моей кавалерии. Он играет в молл⁴³ с моими старшими сыновьями и побеждает их, прогоняя мяч через ворота так, словно он и его лошадь единое целое. И тем не менее – он не хочет иметь женщину...

Пьетро, конечно, не разубеждал его.

Жизнь Пьетро в промежутках между путешествиями про-

⁴³ Молл – современная игра в пола С 396. Описанный в романе свадебный пир почти дословно переписан из книги П. Хитти “История арабов”, с 94. В действительности такой пир имел место в 825 году при бракосочетании сына калифа аль Мамуна и 18-летней Буран, дочери великого визиря. Даже принимая во внимание восточную тенденцию к преувеличениям, пир все равно должен был быть великолепным.

текала в странном взвешенном состоянии. Он развлекался с Зенобией, балансируя над пропастью. Вместе с сыновьями хозяина он сиживал у ног хаджи, знакомясь с мудростью Корана. Тренировался в обращении с кривым ятаганом. Защищаться от него можно было только встречным ударом. Европейцы с их тяжелыми мечами, которые держат двумя руками, почти всегда проигрывали дуэль с сарацинскими воинами, чье проворство и хитрость в схватке сводили на нет силу могучих ударов франков. Он учился у сарацин искусству верховой езды, учился скакать без узды на прекрасных кобылах, ибо в этом деле, как и во многих других, европейцы и сарацины придерживались совершенно противоположных точек зрения: европейцы считали недостойным мужчины ездить на кобылах, а арабы предпочитали чуткость и быстроту кобылы, которой можно управлять, слегка сжимая ее бока коленями. Он мог теперь проделывать упражнения с копьем, когда один всадник преследует другого на сумасшедшей скорости, вонзая ему в спину копье. Фокус заключался в том, чтобы развернуться в седле, поймать одной рукой копье и начать преследовать противника... Он мечтал об Элайн. Об Ио.

В конце 1225 года аль Муктафи отправил Пьетро в самое большое, самое опасное из всех его путешествий. Холодным зимним днем в начале 1229 года Пьетро, возвращаясь, был уже почти в виду Каира.

Он плотнее укутал лицо бурнусом и ссутулился на высоком седле верблюда. Сзади, теряясь среди дюн, тянулся караван. По бокам караван охраняли высокие турки на великолепных быстроногих дромадерах с острыми ятаганами, готовые отразить любое нападение бедуинов.

Через два часа они наконец добрались до складского двора, миновав каирские улицы с их многолюдьем; Пьетро с удовольствием взирал на ученых кадишей, сидящих на своих осликах под зонтиками, которые держат ученики, и толкующих Коран. Ему было приятно увидеть толстых торговцев в полосатых халатах, с тяжелыми кошельками, свисающими с пояса, одетых во все черное бедуинов из пустыни, не сводящих глаз с этих торговцев и не снимающих рук со своих клинков. Святые праведники с обритыми головами сидели в пыли и протягивали грязные миски, чтобы им туда бросили какую-нибудь еду, дервиши медленно кружились под звук барабанов, нищие выставляли напоказ свои зловонные язвы, не обращая внимания на мух, которые облепляли их глаза и уголки рта. Мамлюки в усеянных драгоценностями халатах сталкивали со своего пути туркменов и курдов, одетых в овечьи шкуры, а рослые евнухи сопровождали носилки с красотками из гаремов какого-нибудь шейха или эмира...

Вечером он уже лежал голый на тахте, а его раб Абдулла брил его тело. Поначалу его удивлял этот обычай, но потом он понял, что он обеспечивает чистоту, прохладу и защиту

от насекомых, которых даже самый чистоплотный человек может подхватить в грязной толпе на каирских улицах, и он привык. Потом он долго нежился в ванне, где благоухающая вода вымывала усталость из его тела, и ел маленькие миндальные печенья, а Абдулла рассказывал ему египетские новости.

Он почти не слушал болтовню Абдуллы, думая совсем о другом, когда до его сознания дошло, что Абдулла произнес арабский вариант имени Фридрих, причем не один раз, а дважды.

Он сел в своей огромной мраморной ванне.

– Что ты сказал, Абдулла? – воскликнул он. – Что ты сказал про Фридриха?

– Если бы мой господин изволил слушать своего почти-тельного слугу, – сказал Абдулла, – мне не пришлось бы повторять. Франки опять появились здесь под водительством их султана Фридриха, чтобы завоевать наши святые места...

Пьетро выскочил из ванны.

– Где они? – потребовал он ответа. – В каком порту они высадились?

Абдулла взял большое полотенце и принялся вытирать худощавое тело Пьетро.

– Конечно, в Акре, мой господин. Где же еще они могут высадиться, кроме этого проклятого города, провонявшего свиньями и потом франков?

Акра. Но Акра находится на сирийском побережье, на

расстоянии многих лье отсюда. Однако должна же быть какая-то возможность бежать и присоединиться к Фридриху. Можно отправиться туда морем, хотя бы на фелуке. Но этот путь шейх Ахмад будет контролировать. Путешествие по суше утомительно. Но если он оседлает Шебу, своего быстрого дромадера, который бегает быстрее любого коня, он может ускользнуть под тем предлогом, что отправляется в пустыню поохотиться...

Но Абдулла тут же разрушил его надежды.

– Наш господин калиф аль Камил двинул свои войска из Наблуса к морю, полностью перекрыв все подступы к Иерусалиму. У этого Фридриха нет никаких шансов. У него меньше тысячи рыцарей.

Пьетро застонал.

– Принеси мне мою одежду, – приказал он.

Абдулла одел его в шелковые одежды, умело пристроил на голове тюрбан, продолжая болтать.

– Весь мир дивится, почему султан все еще не напал на этого франкского пса, – продолжал Абдулла. – Султан аль Муадзам, властитель Дамаска, умер, а его малолетний сын не в силах противостоять нашему великому властелину. Кроме того, наш калиф уже заключил договоры с Месопотамией и захватил часть земель Дамаска, включая Иерусалим. Франкский властелин больше ему не нужен, хотя люди и говорят, будто аль Камил призвал его в наши земли, чтобы он помог нам в борьбе с Муадзамом, прежде чем Ангел Смерти при-

брал этого предателя из Дамаска...

Пьетро мысленно оценил ситуацию. Из-под дверей его тюрьмы забрезжил свет. Если существует какой-то союз – тайный или иной – между Фридрихом и аль Камилом и если Фридрих здесь, то какие-то шансы у Пьетро есть...

Пьетро повесил украшенный серебром ятаган на пояс и направился в зал, где находился его хозяин, чтобы доложить о результатах своего путешествия. Но когда он уже собирался перешагнуть порог, он услышал голоса – Харуна и его отца.

– Говорю тебе, отец, – услышал Пьетро голос Харуна, – это единственный выход. Я знаю, что этот франк тебе дорог и полезен, но кто еще может сделать это? Посуди, федаины шейха аль Джебала очень искусно умеют обманывать стражу, но часовые у пиршественного зала, без сомнения, будут франки. Какое объяснение могут дать убийцы людям, которые не говорят по-арабски? Неужели ты не понимаешь? Этот твой франк, одетый в франкскую одежду, улыбающийся и красивый...

– Он не пойдет на это, – проворчал Ахмад. – Я не могу заставить его, и, кроме того, он ценен на том посту, на котором служит мне. Где я найду другого такого?

– Надо идти на жертвы, отец! На карту поставлена судьба наших Святых мест! Что ты за мусульманин, если ставишь личные цели выше святынь Пророка!

– Ты прав, сын мой, – вздохнул Ахмад. – Прости меня.

Сегодня же после пира старый шейх может начать...

Пьетро отпрянул в тень, когда мимо него прошел Харун. Пьетро лихорадочно обдумывал все только что услышанное, но мысли его путались. Он и раньше слышал о шейхе аль Джебале, но что? Даже слова федаин – преданный и гашишин – потребитель гашиша были знакомы ему. Вместе эти слова составляли некую схему: старик с гор, преданные, потребители разрушающего мозг наркотика, извлекаемого из гашиша. Но что это за схема? И какое место в ней предназначено ему? Франкская стража, пиршественный зал...

Он отбросил все свои догадки. Ему нужна информация, и только тогда он сможет решить эту головоломку. Но судя по тому, что он слышал, ему нужно заполучить эту информацию поскорее.

Шейх Ахмад обнял его, приветствуя, но при этом он избегал смотреть Пьетро в глаза. Пьетро почувал что-то неладное.

Пьетро начал свой отчет. Его миссия завершилась таким успехом, какого он и не ожидал. На складе уже лежат бесчисленные кипы желтого китайского шелка, изделия из нефрита и слоновой кости, достойные любого властелина, и он привез даже изящных девушек с раскосыми глазами для услаждения своего господина. Привез он, конечно, пряности, лакированное дерево и необыкновенные благовония, а также изделия из бронзы и меди, включая благозвучные гонги, драгоценности, золотые и серебряные украшения.

– Ты хорошо потрудился, сын мой, – сказал Ахмад, но го-

лос у него был напряженным. – Поэтому сегодня вечером я окажу тебе честь. Сегодня мой второй сын Наджмуд женится на Бурун, дочери Великого Визиря. Хотя ты раб и франк, ты будешь сидеть вместе с моей семьей, а после пира я хочу обсудить с тобой планы твоего будущего.

Они торопятся, подумал Пьетро. Он низко поклонился, приложив руку ко лбу, к губам и к сердцу.

– Для меня это большая честь, господин, и, хотя твой слуга недостойн такого благодеяния, я буду там, чтобы увидеть, как соединятся твой возвышенный и счастливый сын и прекрасная дочь мудрого и уважаемого визиря...

С этими словами он удалился. Наступил уже вечер, и когда он проходил по цветущему саду мимо женской половины, сильная рука ударила его по плечу. Он обернулся и увидел перед собой улыбающееся лицо Юсуфа, старшего евнуха гарема.

– Туда, господин, – кивнул Юсуф в сторону маленькой пагоды в китайском стиле, расположенной в дальнем уголке сада. – Она ждет тебя. Но только торопись, потому что через пять минут я должен отвести ее обратно...

– Ах ты, черный и безобразный сводник! – простонал Пьетро.

Юсуф рассмеялся.

– Нет, господин, – сказал он, – она только хочет сказать тебе несколько слов.

Пьетро перешагнул порог пагоды. Здесь было темно и пах-

ло мускусом, амброй и фиалками. Эти запахи обволокли его. Ее мягкий рот впился в его губы.

– Пьетро! – прошептала она, и голос ее дрогнул. – Тебе грозит опасность, страшная опасность, о, любовь моя, а я... Боже, помоги мне, я не знаю, что это за опасность.

– Откуда ты про нее знаешь? – спросил Пьетро.

– Зубейда, любимица Харуна, сказала мне. Она насмеялась надо мной и сказала, что вот теперь наконец ее господин избавится от тебя! Кроме этого я ничего не знаю. Но ты, мой господин, мой сладкий, будь осторожен!

– Я буду осторожен, Зенобия. Я тоже слышал об этом. Я знаю так же мало, как и ты, но понимаю, что они хотят поручить мне какое-то опасное дело. Сегодня вечером они намерены сказать мне. Но я перехитрю их, потому что Иисус сильнее их Пророка...

– Иногда, любовь моя, – прошептала Зенобия, – я начинаю сомневаться...

– Не сомневайся, – сказал Пьетро и поцеловал ее. – Спи спокойно, моя любимая. Не бойся за меня...

– Спи! – воскликнула Зенобия. – Пока я не буду знать, что тебе не грозит опасность, я не смогу заснуть!

Когда Пьетро вернулся к себе, Абдулла подхлестнул его любопытство тем, что и ему приказано было явиться на пир вместе с Пьетро. Это что-то означало. Рабы такого низкого ранга, как Абдулла, не присутствовали на пирах своих хозяев.

Абдулла одел Пьетро в широкие белые шаровары из тяжелого шелка, украшенного серебряными нитями. Далее следовала короткая куртка, оставляющая грудь голой; с шеи свешивалось тяжелое ожерелье. Поверх наброшена джубба, мантия, спускавшаяся до полу, белая, как и все его одеяние, украшенная жемчужинами. На пальцы Пьетро Абдулла надел кольца, повесил на пояс отделанный серебром ятаган и два кинжала и отступил, чтобы полюбоваться делом своих рук.

– Пройдись, мой господин, – попросил он, – а теперь повернись.

Пьетро выполнил его просьбу, хотя и не без труда, потому что его туфли были так богато украшены серебром, что трудно было ходить.

– Айя! – завопил Абдулла. – Сегодня ты выглядишь как принц и сын принцев!

– Спасибо, – улыбнулся Пьетро, увидев, что Абдулла смотрит мимо него в открытую дверь и лицо его застыло в маске ужаса.

Пьетро обернулся. По коридору медленно шел старик, его сопровождали рабы с факелами в руках. Старик был маленького роста и невзрачной внешности.

Пьетро повернулся к своему рабу, но Абдулла распростерся на полу, ударяя головой о пол и причитая:

– Аллах, спаси нас! О, Милостивый! Спаси нас!

– Что тебя так напугало, Абдулла? – спросил Пьетро.

– Этот человек! – зашептал Абдулла. – Этот старик не кто иной, как... – он понизил голос настолько, что Пьетро пришлось нагнуться, чтобы расслышать слова, – как шейх аль Джебал!

Пьетро посмотрел в спину удалявшегося старика.

– Я слышал это имя, – задумчиво сказал он, – но я не могу припомнить...

– Это Старик с гор! – шептал Абдулла. – Вождь федаинов, тех безумных убийц, которые убивают любого, кого он укажет!

В памяти Пьетро вспыхнули обрывки того, что он слышал давным-давно и забыл, как пустые сплетни. Отдельные кусочки стали складываться в картину. “Этот твой франк, одетый во франкскую одежду, улыбающийся и красивый!” – говорил Харун. И Ахмад заметил, что он знает европейские языки.

А теперь шейх аль Джебал. Старик с гор. Вождь ужасной секты потребителей гашиша – гашишинов, известных всему арабскому миру как безжалостные убийцы.

Без сомнения, Фридрих и аль Камил будут пировать вместе. Фридриха охраняют германские и итальянские рыцари. Убийцы, конечно, федаины – преданные, безумные роботы, в которых шейх аль Джебал превращает нормальных молодых людей... но каким образом? Этого Пьетро не знал. Этого не знал никто. Пьетро слышал только, что федаины – как ходячие мертвецы, они не знают страха. Когда их посылают

убивать, они убивают, даже если при этом погибают сами. Они как будто рады умереть. Но как они становятся такими? Каким образом, с помощью какой ужасной алхимии шейх аль Джебал крадет их души?

От одной мысли обо всем этом Пьетро стало нехорошо. Ибо он понял, какое место занимает в плане. Ахмад один из тех аюбитов-эмиров, которые ненавидят аль Камила всем сердцем. Во время осады Дамииетты они вынудили его бежать из лагеря в Мансуре. Их ненависть родилась в тот день, когда его брат, бывший султан Дамаска, в 1220 году разрушил стены Иерусалима, превратив его в открытый город. Их ненависть была особенно ядовитой потому, что сам аль Камил происходил из аюбитов. Но как бы они ни хотели убить Малика аль Камила, а вместе с ним этого франкского пса Фридриха II, оставалась германская и итальянская стража. Ни один обычный убийца не может проникнуть сквозь цепь людей, которые почти не говорят или совсем не говорят по-арабски. Но франк может. Пьетро может... одетый по-европейски, со сбритой бородой, улыбающийся и произносящий приятные слова в то время, как в его безвольной, лишенной разума душе, управляемой издали старым шейхом, живет только стремление убивать.

Он любил Фридриха как брата. Но не его сердце будет вести его. Мозг в его голове не будет его мозгом. Рука, которая поразит султана и императора, будет безжалостной и неумолимой, как десница Божия...

Одно он знал. Тех, кого избирают быть убийцами, обычно приглашают на пир. Им подают вино, в которое подмешан наркотик. Потом их уносят. Когда они возвращаются, они уже другие.

Он смотрел в дверной проем вслед старому шейху.

Вино. Отравленное вино. Если я смогу не пить вино, подумал он, тогда...

– Пойдем, – сказал он Абдулле.

В большой зале двести свечей из амбры превращали ночь в день. Когда появилась молодая чета, их посадили на диван из золота, отделанный сапфирами, а рабы осыпали их тысячей жемчужин, каждая больше голубинового яйца. Другие рабы разносили знатым гостям шарики из мускуса. В каждом таком шарике, когда его раскрывали, находился пергамент, дарственная на имение, на ценного раба, чистокровную кобылу или красивую танцовщицу. Но самым большим чудом из чудес оказалось дерево из золота и серебра, точная копия дерева, принадлежавшего Харуну аль Рашиду. На его сверкающих, украшенных драгоценными камнями ветвях пели сладкими голосами птички из золота и серебра, с рубиновыми глазками.

Гостей угощали множеством изысканнейших блюд. Подавали жареных кур, откормленных на молоке и миндале, в винном и медовом соусе, засахаренные печенья, кусочки рыбы, такие маленькие, что гости просто дивились, а прислуживавшие рабы горделиво объясняли, что это рыбы язычки

и что каждое блюдо со ста пятьюдесятью язычками стоило их хозяину более тысячи дирхам. Подавали всевозможные виды шербетов, подслащенных, пахнущих розами, фиалками, блюда с бананами, туловицей и апельсинами, обложенными колотым льдом, который скороходы доставляли с гор Сирии и упаковывали в соломенные ящики для перевозки по морю и вверх по Нилу.

Пьетро отведал все эти деликатесы, но старался не есть много, чтобы не поддаться сонливости, и отказывался, ссылаясь на запрет религии, от вина, которое разносили перед тем, как появились танцовщицы. Трудно было оставаться настороже, когда тебя обволакивают запахи амбры и алоэ, дымящиеся в курильницах. Но когда Ахмад и другие знатные гости стали обмывать свои бороды розовой водой, Пьетро понял, что теперь начинается серьезное питание, что все запреты Корана против выпивки будут отброшены. Рабы принесли камр, благоухающее вино, после чего вышли рабыни-гречанки с золотыми крестами на шеях, одетые в прозрачный шелк, и стали танцевать.

После этих танцев Пьетро пригласили к столу шейха Ахмада, который принялся расспрашивать его о подробностях путешествия в Китай, больше, как понял Пьетро, для развлечения гостей, чем для себя, ибо он уже многое знал о далеком Китае.

– Это правда, – спрашивал он, – что там живут люди, у которых головы ниже плеч, глаза смотрят с груди, а рты на-

ходятся там, где у всех людей пупок?

– Нет, мой господин, – отвечал Пьетро, – это бабьи сказки. А вот что я действительно видел во время моего путешествия, так это племя людей, настолько лишенных чувства ревности, что они одалживали нашим стражникам и возницам своих жен на то время, пока мы жили там... Это невиданная страна, высоко в горах, где снег лежит круглый год, а холод такой, что наши зубы танцевали не хуже, чем танцовщицы моего господина...

В глазах Ахмада мелькнул огонек.

– Садись, сын моей души, – сказал он, указывая на подушку у своих ног, – и соври мне, почему ты не воспользовался одолженной тебе женой?

Пьетро громко расхохотался.

– Я не вру, мой господин, – сказал он, – и по той причине, что эти тибетские женщины – коротышки и толстухи, с лицами плоскими, как глиняные тарелки, и такого же цвета. И вдобавок к их уродству они намазывают свои тела овечьим жиром и никогда не моются, так что пахнут они чудовищно.

Гости чуть не поперхнулись от смеха.

– Еще! – кричали они, вытирая слезы. – Расскажи нам еще!

– В этих горах, – продолжал Пьетро, – есть верблюды с двумя горбами вместо одного и с такой густой шерстью, как ни у одной овцы. Я хотел привести одного с собой для зверинца моего господина, но он сдох от жары во время путеше-

ствия. Леопарды в этих снегах белые, что помогает им прятаться, ибо таким образом Аллах благословил свои создания – на них нет ни единой темной точки. Мои туркмены убили нескольких таких леопардов, их шкуры выделали и сделали из них ковер для моего господина...

Пьетро продолжал рассказы, описывая во всех подробностях свое путешествие. Он поведал им о странных судах, которые видел в Китае, с большими парусами из бумаги, с драконами, нарисованными на носу корабля. Он рассказал о больших трубках, которые есть у китайцев, в них насыпают черный порошок, и, когда его поджигают, он говорит голосом, подобным грому, и из трубки вылетают камни и летят на большое расстояние. Рассказал и о том, что все его попытки раздобыть этот черный порошок были пресечены. Он долго рассказывал о резьбе по слоновой кости и изделиях из нефрита, о благовониях, лекарствах и магии, описал огромные луки монголов, диких всадников, обитающих в степях, и сказал, что был очень доволен что сумел достать такой лук с поющими стрелами.

Когда он закончил, многие гости стали поздравлять шейха Ахмада с тем, что у него такой старательный и умный раб. Слушая их, аль Муктафи разволновался. Он очень дорожил Пьетро, и тот действительно был ему весьма полезен. Но на другой чаше весов лежала его ненависть к аль Камилу и категорическое неприятие договора, который должен быть заключен завтра между Фридрихом и калифом. Ненависть по-

бедила, но она не могла затмить его сожаление о том, что он должен сделать.

– Ты хорошо рассказывал, сын мой, – сказал шейх Ахмад. – Я хочу наградить тебя. Скажи мне, чего желает твое сердце?

Пьетро посмотрел на него. Если он хочет проявить смелость, то сейчас самое время.

– Единственное, – спокойно сказал он, – чтобы мой, господин рассказал мне то, что он может, о высадке франков.

Все гости, сидевшие достаточно близко, чтобы слышать его слова, обернулись посмотреть на шейха Абу-Бекра Ахмада аль Муктафи. Тот глядел на Пьетро так долго, что озерцо молчания, возникшее между ними, расширилось и втянуло в себя всех остальных гостей. Разговоры стихли.

– Отец, не надо! – раздался голос Харуна.

Ахмад медленно улыбнулся.

– Почему нет, сын мой? – спокойно ответил он. – Ты думаешь, он что-нибудь вспомнит после сегодняшней ночи?

Пьетро понимал, что Харун совершенно определенно подумал сейчас о вине, в которое подмешан наркотик, о старом шейхе, о том, что тот творит, чтобы украсть у человека его душу.

Харун откинул голову и громко рассмеялся.

– Ты прав, отец! – сказал он.

– Я расскажу тебе, Пьетро, – начал Ахмад, – потому что ты попросил это в качестве своей награды, но я буду говорить

еще и потому, что все здесь хотят услышать эту историю...

– Франки высадились малыми силами, недостаточными для того, чтобы создать укрепление, не говоря уже о том, чтобы взять Иерусалим. Они разбили лагерь около Акры и отправили послов к нашему султану. В ответ султан послал им подарки и эмира Фахрутдина вести с ними переговоры. Фахрутдин – великий и ученый человек, но он слишком легко поддается убеждению. Похоже, что он вернулся к султану в восторге от франкского императора Фридриха, который, как и ты, Пьетро, не нуждается в переводчике, а говорит на языке сыновей Аллаха свободно и без ошибок. Фахрутдина поразило знание Фридрихом нашей науки, острота ума и большое сердце франка...

Если бы Фахрутдин более внимательно рассмотрел дело, он заметил бы хитрость этого сына шайтана. Ибо император Фридрих использовал слабость своих сил в качестве аргумента, клянясь, что прибыл сюда для того, чтобы мирно разрешить противоречия между нашими народами, и привел с собой чисто символическую военную силу в доказательство серьезности своих намерений. Но Фахрутдин не располагает той информацией, какую имею я. Он не знает, что лишь большие трудности не дали возможности франкам привезти сюда больше людей, иначе этот добрый, но несерьезный эмир понял бы, что переговоры имеют целью потянуть время, пока из франкских земель не прибудет пополнение...

– А что это были за трудности, мой господин? – спросил

Пьетро.

– Главное, что ваш калиф... как вы его называете? Я имею в виду того странного сановника, возглавляющего вашу назарейскую веру, потому что согласно моей информации во франкских землях султан не является калифом, у вас они существуют отдельно – светская власть и религиозная.

– Это правда, – отозвался Пьетро. – Нашего калифа зовут Папой, а нашего султана императором. Это две разные власти, из-за чего возникают острые конфликты...

– Похоже, ваш Папа ненавидит вашего императора всеми силами души. Он направил своих послов к султану, убеждая его не заключать договор с Фридрихом. Более того, он прислал артиста, в точности копирующего императора, чтобы аль Камилу было легче опознать императора и захватить его в плен. Наш султан не испытывает отвращения к предательству, поскольку он имеет с ним дело всю свою жизнь, но он очень благочестив и старательно блюдет заповедь пророка, запрещающую делать изображения животных или людей...

Со своими могучими армиями султан аль Камил может в один день сокрушить слабенькое войско вашего императора. Но Фахрутдин возбудил в султанине восхищение и любопытство по отношению к вашему императору. Кроме того, множество людей, я могу об этом свободно говорить, поскольку на этот свадебный пир приглашены только те, кто разделяет мои убеждения – которые хуже смерти ненавидят эту ветвь

нашего рода, предававшую нас множество раз, в результате чего сегодня наш священный город Иерусалим – священный для нас, ибо отсюда пророк вознесся на небо, – лежит беззащитный перед любым сильным и решительным врагом.

Малик аль Камил знает об этой ненависти. Поэтому он склонен использовать эти детские сказки Фахрутдина, чтобы оправдать самое большое предательство, какое когда-либо позорило султана!

Пьетро понимал, что Ахмад говорит все это уже не ему, а всем собравшимся. Глаза Ахмада сверкали, голос гремел. Он совершенно забыл о Пьетро.

– Завтра, – выкрикивал Ахмад, – он заключит договор, по которому наш Священный город будет почти целиком отдан этому франкскому псу, у которого нет сил взять его с помощью оружия!

Зала взорвалась криками, мужчины встали, потрясая кулаками.

Ахмад широко простер руки.

– Тихо, собратья, – произнес он. – Это дело будет решено – навсегда! Доверьтесь мне. А сейчас... не забывайте, что это свадебный пир. Ешьте, пейте и веселитесь. У вас нет причин бояться. Аллах направляет нас, и его дети обладают и умом, и силой, чтобы расправиться с предателями!

Гости шушукались между собой. Вскоре Пьетро заметил, что сыновья Ахмада ходят между гостями, нашептывая им что-то. После этого гости стали торопливо расходиться.

Торопливо. Слишком торопливо. Завтра, припомнил Пьетро, по христианскому календарю будет 18 февраля 1229 года. Ахмад должен торопиться.

Пьетро спокойно сидел на своей подушке. Когда последний гость ушел и молодожены удалились, Ахмад подошел и, улыбаясь, взял Пьетро за руку.

– Пойдем, – сказал он. – И ты, и твой раб Абдулла. Мы хотим наградить тебя за твою отвагу и верную службу. Пойдем со мной, сын мой...

Пьетро молча последовал за Ахмадом в маленькую залу. Там был накрыт стол. Во главе стола сидел шейх аль Джебал, глядя на них своими жестокими черными глазами. Деликатесы, стоявшие на столе, превосходили даже те, которые подавали за свадебным пиршеством. Танцевали обнаженные рабыни, тела их прикрывали лишь нити разноцветных бусинок.

Девушки уселись на колени к мужчинам, принялись их целовать. Пьетро смеялся, но к вину не притрагивался.

Через пять минут Абдулла забыл о своем страхе перед шейхом аль Джебалом. Он опьянел, его маленькие глазки поблескивали от вина и похоти.

Бедняга, подумал Пьетро. Теперь он в их руках.

Пока все смотрели на девушку, певшую о сладости любви, Пьетро проворно вылил содержимое своего бокала на пол. Потом сделал вид, будто пьет из бокала.

– Вот это правильно! – засмеялся Харун. – Наслаждайся

этим бокалом. В нем ключ к таким наслаждениям, какие тебе и не снились!

Пьетро следил за Абдуллой. Голова раба качнулась раз, другой, третий, потом упала на стол с такой силой, что разбила бокал и блюдо.

Пьетро улыбнулся. В его намерения входило изобразить потерю сознания, чтобы получить таким образом возможность бежать. Но чем больше он об этом думал, тем меньше ему нравился его план. Бежать – но как? Где он раздобудет верблюда или лошадь? И куда он поедет, один, без еды?

Внезапно он громко расхохотался. Ответ оказался таким простым. Он хочет добраться до Фридриха – и они тоже хотят этого! Пусть они пошлют его в Иерусалим. Он пообещает им все, что они потребуют. А уж когда доберешься туда, перехитри их, покажи им, как трудно превзойти сицилийца в вероломстве.

Но для этого он должен избежать нежных ласк шейха аль Джебала. Его мозг не должен быть ничем затуманен. Для того, что он задумал, ему нужна хитрость змеи...

Он чувствовал, что они все смотрят на него в удивлении. Он встал.

– Мой господин, – сказал он, – ты должен знать, что у меня есть талисман, предохраняющий от любых одурманивающих средств и ядов. Но я прошу вас, выслушайте меня.

Ты, могущественный лев дома Муктафи, ты хорошо знаешь, как я был взят в плен. Меня послали вместе с моими

друзьями против Дамьетты, послал меня тот самый император Фридрих, которого, вы хотите, чтобы я убил. Мои самые близкие друзья погибли, я из господина превратился в раба, потому что он предал нас, он не прислал подкрепления, которое обещал! Из-за него я потерял жену, которую любил. Я говорю тебе, о могущественный шейх, что я выполню твой приказ и не испив одурманивающего вина и без заботливой помощи твоего достопочтенного гостя...

– Он лжет! – воскликнул Харун. – Это уловка, чтобы сбежать и предупредить их!

– Уловка, мой господин? Но я клянусь бородой Пророка, что говорю правду! Да, я понимаю твои сомнения. Хорошо, пошли меня в Иерусалим под охраной. У тебя там есть друзья. Пусть меня поселят у них. Прикажи им убить меня, если я не выполню повеления.

Ахмад пристально изучал его лицо.

– Наши друзья не смогут приблизиться к тебе, как только ты окажешься во дворце, где только ты и сможешь выполнить эту задачу.

Пьетро чуть не застонал. Ахмад ткнул пальцем в главный пункт, на котором держался весь план Пьетро. Но, как всегда в трудный момент, его ум быстро нашел выход.

– Ты ведь планировал, мой господин, – сказал он, – сделать Абдуллу федаином. Так пошли его со мной. В качестве моего слуги он сможет вместе со мной пройти во дворец. Дай ему оружие. А мне не давай. Став федаином, он не будет

подчиняться моим приказам. И когда мы окажемся во дворце, я смогу показать ему императора Фридриха, которого я хорошо знаю и ненавижу...

– В этом есть смысл, – вздохнул Ахмад, – за исключением одного только момента – почему мы должны рисковать и оставить твой мозг неконтролируемым? Твой план хорош, но будет безопаснее, если мы уничтожим все твои сомнения.

– Тогда ваш план наверняка провалится, – отозвался Пьетро. – Я видел федаинов, их лица немедленно выдают их каждому, кто знал их раньше. Не забывайте, император Фридрих хорошо знает меня. Меня знают и Герман Залца и еще несколько сотен императорских рыцарей. Стоит им только глянуть на меня, как они поймут, что во мне что-то изменилось. Они начнут расспрашивать меня, и мой одурманенный мозг не сможет лгать. Не лучше ли послать меня такого, какой я есть? Улыбающегося, с умными глазами, а не ходячего мертвеца, которого они в лучшем случае сочтут безумцем и не подпустят близко к императору.

Даже у Харуна лицо стало озадаченным, но Пьетро не торопился торжествовать. Даже если они согласятся на его план, риск огромен. Ему придется безоружным наброситься на Абдуллу и попытаться вырвать у него кинжал. Ему придется проделать это одному и очень быстро, потому что, если он позовет рыцарей на помощь, Абдулла наверняка убьет его раньше, чем он успеет крикнуть. Федаины очень умелы. Что еще хуже, так это то, что он должен ждать, пока они

очутятся во дворце, и только там пытаться разоружить своего раба. Если он попробует сделать это на улице, шпионы, которые есть у айюбитов повсюду, тут же зарежут его. Кроме того, ему хотелось, если будет такая возможность, спасти жизнь Абдулле. Это был преданный раб и служил ему верой и правдой. Может быть, найдутся средства вернуть бедняге его разум... Ахмад смотрел на него, лицо его хмурилось.

– Все это, Пьетро, представляется разумным, – сказал он, – но у меня остается одно сомнение. Почему ты хочешь пойти на такое? Причины, которые ты изложил нам, явно недостаточны. Ты раб, но ты пользуешься большой свободой. Ты потерял свою жену, но ты можешь иметь здесь других жен... Вот этот недостаток мотивов заставляет меня сомневаться...

Пьетро посмотрел на него. Я должен был помнить, с горечью подумал он, что причины, которые я выдвигал, в глазах сарацина мало что значат. Но что еще я мог придумать? Какому мотиву он поверит? И тут он внезапно нашел. Единственный повод, который не вызовет у сарацин сомнений. Мужчина, движимый похотью, всегда понятен расе, которая даже небеса заселила гуриями...

– Я... я думаю, мой господин, – начал заикаться Пьетро, хорошо разыгрывая колебание, – что, если я в этом деле хорошо послужу тебе и выживу... я могу заслужить твое благоволение и попросить тебя... отдать мне госпожу Зенобию, от которой я по глупости отказался, когда мой господин пред-

ложил ее мне. С тех пор я тысячи и тысячи раз раскаивался в своей глупости! Но я не мог заговорить об этом, опасаясь, что мой господин разгневется...

Ахмад смотрел на него, и тень улыбки проскользнула по его губам.

– Приготовьте раба Абдуллу к поездке в горы, – приказал он. – Держите франка в его покоях под крепкой охраной, пока Абдуллу не привезут обратно. Мы примем твой план, Пьетро, самый хитрый из франков. Когда ты вернешься, женщина будет ждать тебя в твоих покоях, женщина, которую ты мог получить просто попросив и за которую ты теперь должен заплатить такую высокую цену!

Пьетро заметил, как исказилось от гнева лицо Харуна. Странно, что Ахмад не отдал своему старшему сыну эту женщину, которую сам он уже не хотел. С другой стороны, если подумать, это не так уж странно. Харун боится отца, завидует его здоровью, из-за которого обречен долгие годы терпеливо ожидать дня, когда займет место отца. Между отцом и сыном довольно напряженные отношения, иногда даже враждебные. Ахмад знает, что представляет собой Харун. Возможно, его это даже развлекает – дразнить таким образом сына, ибо для шейха одной рабыней больше или меньше не имеет значения.

– Я благодарю тебя, мой господин, – сказал Пьетро, и стражники увели его.

Пьетро больше не видел Абдуллу. Его отправили в Иеру-

салим одним караваном, а Пьетро другим. Пока ожидали прибытия Фридриха в Иерусалим, их содержали в разных домах. Пьетро был занят своими делами – всегда под бдительным взором стражей. Он сбрил бороду, подстриг волосы по франкской моде. Стража привела к нему старого еврея-портного. Пьетро не без труда объяснил ему, как сшить костюм по европейскому образцу. Портному потребовалось немало времени, чтобы понять, что от него требуется. Он не видел смысла в узких, обтягивающих штанах или в короткой тунике, да и во всех остальных частях одежды, которые заказывал Пьетро. Но в конце концов накануне начала Великого Поста одежда была готова, и Пьетро с некоторым удовлетворением облачился в нее.

Однако это одно и могло вызвать чувство удовлетворения. Все остальное шло из рук вон плохо. Пьетро пользовался некоторой свободой, его не запирали, он мог бродить по городу – в сопровождении стражи.

Охранники, сопровождающие его, не только запрещали ему разговаривать с кем бы то ни было, они еще и требовали, чтобы он говорил только по-арабски, чтобы они понимали его.

За эти недели ожидания Пьетро много выяснил. Главное заключалось в том, что Фридрих начал этот самый успешный из всех крестовых походов вопреки запрету церкви! Даже сюда дотягивались длинные руки Его Святейшества – куда бы император ни приезжал, там сразу же после него появ-

лялся папский легат и накладывал на эту местность отлучение. Добрые христиане боялись приближаться к императору.

Почему? Этого не знал никто. Без сражений Фридрих Второй добился большего, чем любой крестовый поход в истории. Росчерком пера он получил Иерусалим и вместе с ним Вифлеем и Назарет. Аль Камил отдал ему коридор до Акры вместе с замками Тороном и Монфортом, так что христианские пилигримы могли добираться сюда с моря.

Со своей стороны Фридрих оставил в руках мусульман ту часть Иерусалима, где находился район Харамы, среди прочих святынь с мечетью Аль Акса, одним из самых священных мест мусульманской веры; он обещал защиту последователям пророка, посещающим эти святыни, и перемирие на десять лет. Он обещал, что в течение этого времени не позволит формировать новые отряды крестоносцев в Европе и не будет поддерживать христианских властителей Северной Сирии против Египта. Что же касается восстановления стен Иерусалима, то это осталось спорным вопросом – одни говорили, что он согласился их не восстанавливать, другие утверждали, что он имеет разрешение султана на их восстановление.

Потом, совершенно неожиданно, все тщательно разработанные планы начали разваливаться. У всех – даже у Пьетро. Начало рушиться все, на что он рассчитывал, даже надежда на возможность сохранить собственную жизнь.

Ахмад послал Наджмуда, своего второго, любимого сына,

предупредить их. Выбор посланца говорил о многом. То, что Ахмад нарушил медовый месяц Наджмуда и послал его со столь опасным поручением, говорило о том, насколько важным считал он это дело. Пьетро понимал, почему Ахмад не послал Харуна. Напряженность в отношениях между шейхом и его старшим сыном возросла настолько, что Ахмад перестал доверять своему наследнику.

Вот почему перед Пьетро и его стражей возник Наджмуд и передал ему устное послание, прозвучавшее как смертный приговор.

– Мой отец желает сообщить тебе об изменении всех наших планов. Ему стало известно, что аль Камил и франкский султан путешествуют не вместе, так что они еще не видели друг друга. Поэтому отец считает, что будет лучше, если Абдулла уедет в Наблус, а ты, Пьетро, покажешь императора Фридриха своей страже, когда он завтра будет ехать по городу.

Пьетро стало плохо. Он рассчитывал, что будет только с одним Абдуллой в пиршественной зале. Теперь же вместо этого он должен будет умереть на улицах Иерусалима, изрубленный мечами своих друзей. В эту ночь он не спал. Он мерял шагами свою спальню и думал, преклонял колена и молился. Но к утру дело обстояло точно так же, как и ночью. Пьетро требовалось чудо. А он в чудеса не верил.

Утром он уже был на улице, в толпе, ожидающей приезда императора. Его стражники нервно проверяли пальцами

остроту своих клинков. Во мгле этих обстоятельств высветился один только лучик надежды – накануне поздно вечером Пьетро послал двух своих стражников, чтобы они вытащили из постели старого еврея-портного и доставили к нему. Пьетро начал орать на него по-арабски, обвиняя старика в том, что тот что-то не так сделал с его костюмом. Разыгрывая свирепую ярость, Пьетро даже ударил старика. Когда портной упал, Пьетро подхватил его и прошептал ему на иврите:

– Пошли своих сыновей к султану в Наблус! Предупреди его, что ему грозит смерть от рук федаинов! – Он тут же выпрямился, продолжая кричать: – Собака и сын собаки, свинья, убирайся отсюда!

Стражники ухмылялись, одобряя его тираду. Но перед тем как убраться из покоев Пьетро, портной подмигнул ему и улыбнулся. В 1229 году каждый еврей, живущий в Иерусалиме, был заговорщиком.

Пьетро это несколько успокоило, тем более что он знал – из всех калифов со времен Салахэтдина аль Камил лучше всех относился к евреям. Ни один еврей не захочет, чтобы убили властителя, который защищает их жизни и имущество, и на его месте оказался человек, который их ненавидит. Пьетро был уверен, что портной пошлет своего сына.

Однако, стоя у Восточных ворот, Пьетро ни в чем не был уверен. Издали он увидел свиту Фридриха. Судя по тому, что он не заметил отблеска солнечных лучей на их доспехах, они были без оружия. Они красовались в ярких одеждах, и над

их головами развевались знамена. Он даже слышал военную музыку и гимны, которые распевали германские рыцари и пилигримы.

Пьетро оглянулся вокруг. В толпе были бородатые греческие священники с большими серебряными крестами, смуглые марониты, евреи в их синих шубас, мусульманские кадиши с белыми тюрбанами хаджей. Но никого, кто мог бы ему помочь. Ни одного человека, владеющего оружием, который не принадлежал бы к лагерю его врагов...

И никого, с горечью подумал он, у кого я мог бы выхватить меч и сразиться с убийцами. Единственное оружие – посох вот этого паломника...

Сузив глаза, он пригляделся к посоху. Он был крепкий, суковатый. Удар таким посохом, хорошо нацеленный...

Процессия приближалась.

Но мне потребуется время. Если указать им на другого человека вместо императора... Но этого человека наверняка убьют... Все же лучше кто-то, чем Фридрих. Пусть лучше это будет какой-нибудь неизвестный рыцарь, в руках которого не находится судьба всей империи.

Процессия поравнялась с ними.

– Который? – прохрипел куайд.

Пьетро в отчаянии понял, что не может указать на какого-нибудь простого рыцаря. Даже эти мамлюки различали людей по богатству их одежды.

И тут его глаза остановились на Германе Залца, осыпан-

ном драгоценностями не меньше любого короля и выглядевшим импозантнее, чем Фридрих, да и старше.

– Вот тот! – закричал он и, когда они оставили его и бросились вперед, вырвал у пилигрима суковатый посох столь стремительно, что тот упал. Но, падая, завопил. Один из стражей Пьетро обернулся, но Пьетро нанес ему посохом по голове удар такой силы, что, даже смягченный толстым тюрбаном, он свалил стражника на землю. Остальные трое набросились на Пьетро.

Но Пьетро был мастером фехтования, а его посох – длиннее любого меча. Он держал их на расстоянии, отражая их удары, однако понимая, чем это должно кончиться. Потом он заметил, как сотник подал знак и двое из них прекратили бой и побежали по направлению к Герману Залца, и закричал:

– Берегись, Герман Залца! Они хотят убить императора!

Фридрих увидел, как два сарацина нападают на безоружного европейца. Тот взмахнул рукой, и пять могучих германских рыцарей обрушились на стражей Пьетро. Через три минуты все было кончено.

Пьетро, тяжело дыша, опирался на свой посох, ликуя, – он не получил даже царапины. Все четверо страшных мамлюков валялись мертвыми, а Фридрих, Римский император, восседал на лошади и не веря своим глазам смотрел на своего друга.

– Пьетро! – вырвалось у него. – Я думал, что тебя нет в

живых!

Он соскочил с лошади, обнял Пьетро и расцеловал в обе щеки.

– Ты снова спас меня! – сказал он. – Я говорил тебе, что наши жизни связаны. Ты мой ангел-хранитель. Но кто эти сумасшедшие, с которыми ты сражался?

– Мамлюки, – устало сказал Пьетро. – Их послали убить вас и султана...

– Султана предупредили? – спросил Фридрих.

Пьетро покачал головой.

– Не знаю, сир, – прошептал он. – Я пытался известить его, но дошло ли до него мое послание, я не знаю...

Фридрих обернулся к молодому сирийскому рыцарю.

– Немедленно скачи в Наблус, – приказал он, – и сообщи Его Величеству о том, что здесь произошло, и об опасности, угрожающей ему. Не жалея коня, скачи!

Снриец рванул коня и помчался во весь опор.

Сейчас времени для расспросов и разговоров не было. Молча они проехали во двор храма Гроба Господня. Колокола не звонили. Никто из христиан, живущих в городе, не пришел приветствовать их. Ни одного священника.

Фридрих спешил. Пьетро и Герман Залца следовали за ним. Они вошли в темный храм, император прошел к мраморной гробнице под треснувшим сводом. Греческие священники шли за ним, словно они, если бы посмели, не допустили бы его сюда.

Германские рыцари держали в руках факелы. Фридрих преклонил колени, и все сопровождающие сделали то же самое. Пьетро смотрел на мраморную плиту, ради обладания которой погибли многие тысячи людей. Он считал, что должен испытывать торжество при виде этой победы Фридриха, почтение к месту упокоения Иисуса перед его вознесением. Но он ничего не чувствовал. Он опустился на колени перед мраморной глыбой и видел только мраморную глыбу – и ничего больше. Он испытывал сожаление, не находя в себе никаких эмоций, но оставался самим собой. Придет день, когда он научится чувствовать от этого удовлетворение.

Фридрих встал и подошел к алтарю. Там висел золотой венец. Не было видно ни одного священника, ни одного епископа, ни одного представителя католической церкви, ибо Папа Григорий предал отлучению каждую пядь земли, на которую ступит нога Фридриха.

Император неторопливо взял венец и сам возложил его себе на голову.

– Именем Святой Троицы, – спокойно сказал он, – я, Фридрих Второй, Божьей милостью император Римской империи, августейший король Сицилии, объявляю себя отныне королем Иерусалима.

Никто не двинулся с места, никто не сказал ни слова.

Тогда Герман Залца произнес короткую речь об их обязательствах перед императором, и они все покинули храм Гроба Господня.

В знак особого благоволения Пьетро поместили вместе с императором и Германом Залца в доме куади Шамсутдина. Был приготовлен огромный пиршественный стол, Фридрих настоял на том, чтобы на пиру присутствовали и мусульманские эмиры.

– С этого дня, – сказал он, – в Святой Земле воцарится мир между мусульманами и христианами. Пусть мир царит здесь, как он царит в Сицилии!

Пьетро был снедаем желанием поговорить с императором, расспросить его об Элайн, но у него не было такой возможности. Сразу же после пира они отправились в поездку по городу, предводительствуемые куади. Они проехали по Виа Долороза к стене, ограждающий Иерусалимский храм, а затем к мечети Аль Акса.

Пьетро подумал, что Фридрих несколько преувеличивает свои восторги, но это была дипломатия, в которой император был великим мастером. Пьетро должен был признать, что мечеть Аль Акса заслуживает всяческих похвал. Тонкие колонны, воздвигнутые первыми крестоносцами, стояли нетронутые. Фридрих показал пример своим рыцарям, последовав обычаю и сняв обувь. Потом он взошел на мраморную кафедру, с которой хаджи наставляют правоверных.

Пьетро увидел, как лицо Фридриха вдруг покраснело от гнева. Он рванулся вниз по ступенькам к входу. Там стоял христианский священник с Библией в руках и просил у рыцарей подаяния.

Фридрих одним ударом свалил его на землю и, стоя над ним, заревел:

– Ах ты, ехидна! Разве ты не знаешь, что даже мы здесь только вассалы султана аль Камнла? Никто из вас не должен нарушать границы участков, отведенных для ваших церквей!

Вечером они вернулись в дом Шамсутдина, и Фридрих поднялся по лестнице на крышу, чтобы послушать, как муэдзин сзывает правоверных к молитве. Пьетро и Герман сопровождали его, и втроем они долго стояли там в ожидании.

Фридрих обернулся к Пьетро.

– Приведи сюда куади, – приказал он.

Когда Шамсутдин появился, Фридрих прямо спросил его:

– Почему не слышно муэдинов?

– Я, твой раб, запретил им, – зашептал куайд, – из боязни, что это может не понравиться нашему высокому гостю.

– Ты поступил неправильно, – мягко сказал Фридрих. – Не следует ради меня отменять ваши обычаи. Даже в моей стране ты можешь услышать, как муэдзины сзывают на молитву. И никто им этого не запрещает.

Только ночью Пьетро получил возможность поговорить с Фридрихом.

– Конечно, я заберу тебя в Италию, – сказал Фридрих. – Ты должен зачать сыновей, чтобы соблюсти совпадения наших жизней.

Пьетро покачал головой. Он не в силах был произнести

ни слова.

– А как Элайн? – прошептал он наконец.

– Она здорова, хотя ей и очень не хватает тебя. Я посетил Хеллемарк, и она самым наилучшим образом принимала меня. Я даже начал разговор о том, чтобы найти ей нового мужа, но она просила меня не делать этого. Она сказала, что ей достаточно того, что она дважды овдовела.

– Слава Богу! – отозвался Пьетро.

Заметив, как взволнован Пьетро, Фридрих сменил тему и завел разговор о своих делах.

Однако их вскоре прервали. Пришел слуга куайд с почтовым голубем в руках.

Фридрих вынул послание, прочитал и передал Пьетро.

Послание было от аль Камила. Покушение на его жизнь пытались совершить, но он спасся благодаря предупреждению. Убийца скрылся в пустыне. Султан выражал опасение, что, потерпев неудачу в Наблусе, федаины направятся в Иерусалим и постараются убить Фридриха...

Фридрих посмотрел на Пьетро, тот покачал головой.

– Султан ошибается, – сказал он. – Эти одурманенные убийцы не способны думать. Я готов держать пари, что он притаился около Наблуса и будет искать новой возможности. – Глядя на императора, он помолчал и спросил: – Мой господин, могу ли я попросить о благодеянии?

Фридрих кивнул.

– Отпустите меня, чтобы я мог найти этого человека. Он

был моим рабом, преданным, достойным слугой, и я к нему хорошо относился. Я попробую взять его живым, чтобы какой-нибудь ученый лекарь вернул ему разум.

– Решено, – весело сказал Фридрих. – Более того, я сам поеду с тобой и возьму сотню рыцарей. Я многим обязан султану. И вообще, я устал от торжеств. День или два скачки развеют меня. Пойди скажи Герману, чтобы он готовил людей.

Через два дня они отказались от поисков. Искать человека в пустыне все равно что пытаться найти какую-то определенную песчинку. Но, повинуясь неожиданному импульсу, Фридрих решил ехать в Наблус, чтобы посетить аль Камилла. Оба правителя часто переписывались, но никогда еще не встречались.

Пьетро ехал позади Фридриха, думая о бедном Абдулле, который сейчас умирает от голода и жажды в пустыне, когда в толпе, собравшейся на улице Наблуса – и глазеющей на них, – он заметил нечто необычное. Вглядевшись пристальнее, он понял, что привлекло его внимание. Молодой человек, одетый во все белое, с ярко-красным поясом, за который были заткнуты два кривых кинжала. Лицо человека, со странно мерцающими глазами, показалось Пьетро знакомым.

Нервы Пьетро напряглись. Он выехал из процессии. Но даже оказавшись почти рядом с человеком, он все еще сомневался.

Человек этот действительно был похож на Абдуллу. Но не совсем. Во-первых, он был чисто выбрит, что, конечно, нетрудно было осуществить, но различие заключалось не только в этом. Пьетро вернулся обратно в конный строй.

Белые одежды. Красный пояс. Два кинжала. Красные туфли... Во всех этих деталях было что-то дьявольски знакомое...

Пьетро вновь обернулся. Юноша выскочил из толпы и бежал наперерез лошади Фридриха с двумя кинжалами наготове.

Пьетро развернул кобылу и поскакал, стремясь отсечь императора от убийцы. Оказавшись достаточно близко, он соскочил с седла и схватился за меч. Но вытащить его он не смог. Чужое оружие застряло в ножнах. Убийца приближался с двумя обнаженными кинжалами в руках.

И вдруг он неожиданно остановился.

– Господин, – прошептал он. – Пьетро, мой господин...

Круп лошади германского рыцаря отбросил Пьетро в сторону. Рыцарь занес меч и обрушил его; но Абдулла, обритый Абдулла, чье лицо настолько изменилось под влиянием безумия, которое шейх аль Джебал внушал своим приверженцам, что Пьетро не узнал своего бывшего раба, увернулся, так что удар рассек ему плечо и шею, но не убил его.

Пьетро подоспел к Абдулле первым, прикрыв его своим телом.

– Прошу вас, – взмолился он, – он одурманен, он безу-

мен... пощадите его...

Фридрих, разметав всех, кто пытался его остановить, подскочил и привстал на стременах, глядя на Пьетро.

Он поднял руку, останавливая своих рыцарей, торопившихся на помощь с обнаженными мечами.

– Нет, – сказал он, – заберите сарацина в тот дом и допросите его.

Двое могучих германских рыцарей подняли исхудавшее тело Абдуллы. По выражению их лиц Пьетро понял, как они собираются допрашивать его.

– Пожалуйста, сир, – обратился он к Фридриху, – позвольте мне допросить его. Он был моим рабом. Он все расскажет мне без всяких пыток.

Фридрих уставился на него.

– У тебя здесь были рабы? – с удивлением спросил он. – Значит, ты возвысился здесь так же, как в Италии, – как возвысился бы даже в аду. Мы даем тебе наше соизволение – иди.

Они положили Абдуллу на тахту. Он истекал кровью. Пьетро понимал, Абдулла не проживет и часа.

Он опустился на колени рядом с тахтой.

– Абдулла, – тихо позвал он. – Абдулла...

Абдулла открыл глаза. Когда он заговорил, голос его звучал на удивление сильно.

– Да, сагиб? – спросил он.

– Почему, Абдулла? Почему ты собирался убить челове-

ка, который ничего плохого тебе не сделал? Которого ты никогда в жизни не видел?

– Потому что мой хозяин, шейх аль Джебал приказал... – отозвался Абдулла.

– Под страхом смерти? – спросил Пьетро.

– Нет... нет, господин, я жаждал умереть... еще раз... чтобы попасть в Рай!

Пьетро смотрел на него, не понимая.

– Объясни свои слова, – сказал он.

Слушали его внимательно. Абдулла быстро слабел. То, что они поняли из его слов, было странным. Невероятным. Он рассказал им, что умер на пиру, где они были с Пьетро, от отравленного вина. А проснулся он в Раю. Где были деревья, каких он никогда в своей жизни не видел, фрукты с необычным ароматом. Где цветы были крупнее и ярче, чем на земле, где из фонтанов било вино вместо воды. Незнакомые птицы пели на деревьях, а музыка раздавалась отовсюду и ниоткуда – ее играл оркестр джиннов... или ангелов...

В саду были шатры из шелка, ковры из венецианской парчи и бассейны с благоухающей водой, в которой плавали цветы. И там были девушки. Самые красивые в мире девушки, обнаженные и прекрасные, забавлявшиеся в бассейнах или бегавшие по саду в одеяниях, сотканых из лунного света...

Сам он был одет в шелка, как принц. Он вкушал восхитительные деликатесы. И стоило лишь ему пожелать любую из девушек, как она с радостью делила с ним постель...

– Я... я не уставал, – шептал Абдулла, – у меня была сила, как у десятерых!

Он изнемогал. Он умирал. Умирал счастливым. С радостью. С предвкушением блаженства.

Однажды ночью он проснулся, чтобы посмотреть, какая из девушек лежит в его объятиях, и обнаружил, что он один. В лохмотьях. На незнакомой улице, в грязной хижине. Три дня он погибал от голода. На четвертый день он встал на колени перед прохожим, умоляя, чтобы тот убил его и он вновь попал в Рай. И вот тогда вновь появился шейх аль Джебал.

– Он предложил мне снова Рай. Если... если я убью того, на кого он укажет... он дал мне гашиш и странное вино, и мне снились деревья, бассейны... и те девушки...

Фридрих обернулся к Пьетро.

– Он сумасшедший, – сказал он.

Но один из сирийских рыцарей покачал головой.

– Нет, сир, он не сумасшедший. Его увезли в Аламут, в Орлиное гнездо, и украли у него душу. Именно так старый шейх вербует своих убийц. И поставляет их властителям этой земли. Эти убийцы почти никогда не терпят поражения, потому что они не боятся смерти, более того, они жаждут ее...⁴⁴

⁴⁴ История шейха аль Джебала, Старика с гор, и его федаинов, или гашишинов (употребляющих гашиш, сильный наркотик), основана на документах, которые не оставляют сомнений в том, что такая организация существовала. О ней писал Марко Поло и многие другие средневековые писатели (см. Канторович, там же, с. 193; Дюран, там же, с. 309; Марко Поло. “Путешествия”, том I, с. 24).

Они оставили Абдуллу умирать. Спасти его было невозможно. А если бы он выжил, его все равно должны были бы повесить. Его мучили ужасные боли. Смерть стала для него избавлением.

Дальше они ехали в молчании. Пьетро думал о судьбе, которой избежал. Он радовался, что его миновала чаша сия, но вся эта история его весьма заинтересовала. Смог ли бы он противостоять вину, деликатесам, девушкам? Он глубоко сомневался в этом. Он был не слишком высокого мнения о силе своего характера.

Однако Фридрих недолго оставлял его наедине с его мыслями.

– История с твоим рабом, Пьетро, интересует меня, – сказал он. – И хотя голова у меня занята более важными делами, мне кажется, что тебе есть что рассказать мне. Как это тебе удалось иметь рабов? Как ты сумел раскрыть заговор против меня и оказаться в нужный момент и в нужном месте, чтобы предотвратить покушение? И почему ты был без оружия?

– Потому что, – улыбнулся Пьетро, – я был участником заговора против вас, сир. Я должен был сыграть роль Иуды Искариота и показать им вас...

Фридрих в изумлении уставился на него.

– Какого дьявола? – заревел он. – Это все требует пояснений... Рассказывай!

Пьетро изложил ему всю свою историю.

Фридрих откинул голову и разразился хохотом. Рыцари

воззрились на него. Не в силах произнести ни слова, со слезами на глазах от смеха, Фридрих обратился к Герману Залца.

– Герман, Бога ради, – простонал он, – ты только послушай. Расскажи ему, Пьетро.

Пьетро повторил свою историю.

Когда он закончил, Фридрих перестал смеяться.

– Глупцы, – хмыкнул он, – они пытались переиграть в предательстве сына того острова, где была рождена сама хитрость! За это я люблю тебя, Пьетро, еще больше. Султан тоже должен услышать твой рассказ. Я не сомневаюсь, что он щедро наградит тебя, как собираюсь и я, как только мы окажемся дома...

– Сир, – сказал Пьетро, – в ответ я прошу вас рассказать мне, что произошло с вами и с Сицилией с тех пор, как я видел вас обоих...

Фридрих нахмурился. Потом начал рассказывать. О том, как он захватил и казнил сарацинов, которые продавали в рабство детей, украденных во время детского крестового похода. О многочисленных войнах, которые он вел.

Сицилию он подчинил себе окончательно. Сарацины переселились на материк, где им был предоставлен город Люцера – с минаретами, мечетями и кадишами. Они признали свое поражение и стали самыми верными из его подданных. Его слуги и солдаты его охраны – все мусульмане.

Он успел дважды овдоветь. Констанция Арагонская умер-

ла в 1222 году. В 1225 году он по предложению Папы женился на юной Изабелле Иерусалимской. Папа хотел таким образом заставить его выполнить свое обещание относительно крестового похода. В прошлом году Изабелла умерла при родах, но его сын Конрад жив.

Рассказал Фридрих о своих беседах со святым Франциском Ассизским, умершим в 1226 году и канонизированным в 1228-м.

– Он заслужил это, – очень серьезно сказал Фридрих. – Он был настоящим святым. Я пытался соблазнить его самой прекрасной из моих сарацинских девушек, но он только улыбался и заговорил с ней так по-доброму, что она расплакалась. Он говорил о спасении моей души, и, поверь мне, Пьетро, я в течение четырех дней был на грани покаяния. Если бы он не умер, он мог бы сделать из меня благочестивого человека...

Он вздохнул. Потом снова заулыбался. С некоторой гордостью начал рассказывать о парламенте в Кремоне, о первом в Европе университете в Неаполе, о новом Ордене Тевтонских рыцарей, который он учредил, об упорядочении торговли продовольствием, о новых налогах...

– Но меня постигло одно несчастье, – сказал он, – то, что кроткий Гонорий умер два года назад. С тех пор мне приходится иметь дело с Григорием IX, тем самым кардиналом Гуго из Остии, от которого я принял крест. Он истинный двойник Иннокентия. Он так допек меня, что летом 1227 го-

да я собрал своих воинов для крестового похода. Но среди нас начала свирепствовать чума, и больше половины моего войска вымерло. Я сам свалился, и меня вывезли в море на корабль. Когда я вернулся на берег и меня принялись лечить мои сарацинские лекари, Его Святейшество объявил меня лжецом, сказал, что я вовсе не был болен, что мои приготовления были просто притворством, и отлучил меня от церкви.

В разговоре Фридрих вернулся к проблемам крестового похода. Его забавляло, что он отправился освобождать Святые Места, будучи все еще отлученным от церкви. Григорий запретил ему отплывать до тех пор, пока он не отменит отлучение. А он в июне 1228 года все равно отплыл.

– Остальное ты знаешь, – сказал он, – за исключением, наверное, того, что войска Его Святейшества воюют теперь со мной на Сицилии. Он, которому высший закон запрещает проклинать и убивать, напал на мои войска с обнаженным мечом! На следующей неделе я должен отплыть обратно, и ты поплывешь со мной. И я покажу этому воинствующему священно служителю, что такое война...

Они подъехали к лагерю аль Камила, расположенному на другом конце города. Там их задержала стража, для того чтобы, как они потом поняли, дать султану время подготовить соответствующий прием.

Пьетро, знакомый с обычаями восточных владык, не удивился роскошной трапезе, которую устроил им Малик аль Камил. Но все остальные были поражены. Даже Фридрих.

Однако император оказался достаточно умен, чтобы не выказать своего удивления. После пира пошел разговор на самые разные темы, доступные и недоступные человеческому воображению. Прошло немало времени, прежде чем эти два властелина затронули недавнее покушение на их жизнь. Пьетро пришлось в третий раз рассказывать свою историю.

Аль Камил улыбнулся ему. Это была задумчивая улыбка.

– Значит, – пробормотал он, – аль Муктафи является корнем этого дерева зла? Им следует заняться...

– Великий калиф Аллаха, – обратился к нему Пьетро, – во имя милостивого Бога я прошу вас проявить к нему снисхождение. Он был добр ко мне, а в заговор его втянули помимо его воли другие люди...

Глаза султана оставались задумчивыми.

– Я пощажу его жизнь, – сказал он наконец. – Но значительной части богатства я его лишу. Скажите мне, сир Пьетро, какую награду обещал вам шейх Ахмад? Я полагаю, это интересный момент...

Пьетро сдержал готовый вырваться стон. Задать такой вопрос не пришло в голову даже Фридриху. Пьетро думал, что лучше бы оставить это в тайне. Но калиф ожидал от него ответа.

– Я просил у него рабыню Зенобию, которую вы, господин, могли запомнить, ибо это ее взял в жены шейх Ахмад на ваших глазах, лишь бы не отдать ее вам, как вы хотели...

– Конечно! – рассмеялся султан. – И у тебя хватило сме-

лости потребовать ее!

– Ахмад развелся с ней, мой господин, – сказал Пьетро, – но на самом деле я не хотел получить эту женщину. Это была уловка, чтобы развеять подозрения Ахмада...

– Уловка это была или нет, – сказал аль Камил, – но ты ее получишь! На этом условии я сохраню жизнь Ахмаду...

– Но, ваше величество... – взмолился Пьетро.

– Пьетро, замолчи! – загремел Фридрих. – Наш царственный хозяин слишком добр к тебе! – Он обернулся к султану и улыбнулся. – Мой благородный вассал застенчив, – хихикнул он, – но он принимает ваш подарок!

Пьетро глянул на Фридриха. Было ясно, что императору это представляется самой лучшей, самой изысканной шуткой. Но императору не приходилось иметь дело с Элайн, а Пьетро приходилось. И самое печальное заключалось в том, что все его объяснения не произвели бы на Фридриха ни малейшего впечатления. Для этого наполовину восточного монарха сама мысль, что в таком деле следует учитывать чувства женщины, казалась смехотворной. Его совершенно не беспокоило то, что церковь запрещает многоженство.

Всю дорогу до Иерусалима Пьетро спорил с Фридрихом. На его жалобный возглас: “Что подумает Элайн, сир?” – император отвечал только раскатистым хохотом.

– Ты так долго был мусульманином, Пьетро, – ухмыльнулся он, – и не научился обращаться с гаремом?

Пьетро в отчаянии подумал, что никогда не сумеет ему

что-либо объяснить. Я должен буду избавиться от Зенобии – насколько возможно безболезненно. Но и это потребует времени – слишком много времени.

Однако и когда они прибыли в Акру и стали готовиться к отплытию, Пьетро не знал, как разрешить эту проблему, наполовину комическую, наполовину трагическую. У него оставалась одна надежда – что караван, с которым должны привезти Зенобию, задержится и прибудет после того, как они отплывут.

Каждая задержка вызывала у него раздражение. А Фридрих не торопился. Он грузил своего слона, жирафа, чистокровных кобыл и несколько жеребцов, чтобы обслуживать их, леопардов для охоты – и два десятка бесподобно красивых девушек-рабынь, подарок аль Камила.

Император вез с собой и еще один подарок – от некоей прекрасной сирийской дамы – Фридриха Антиохийского, еще одного своего сына, которому исполнилось два месяца.

Они совершили еще одну короткую поездку в Иерусалим, и Фридрих развлекался тем, что посетил все запретные для иноверца мусульманские святыни. Под куполом мечети Сакра он вслух прочел надпись: “Салахэтдин очистил этот храм от людей, верящих в многобожие”.

– А кто эти люди, верящие в многобожие? – спросил он, прекрасно зная, кого имеют в виду сарацины под этой формулой.

Кади с некоторым смущением объяснил, что имеются в

виду христиане с их Богом, единым в трех лицах.

– А эта решетка зачем? – показал пальцем Фридрих.

– А это защита от воробьев, господин...

– И тем не менее, – рассмеялся Фридрих, – Аллах пустил к вам свиней!

Пьетро чуть не поперхнулся. Он-то хорошо знал, что сарацины называют всех христиан свиньями...

Не все мусульмане были высокого мнения об императоре. Один из них, глядя на его безбородое лицо и низкорослую фигуру, хмыкнул:

– Если бы он был рабом, я не дал бы за него и двух сотен драхм!

Фридрих только рассмеялся и проследовал своей дорогой.

Когда они вернулись в Акру, пришло послание от султана с вложенной в него запиской, которую он получил от Ордена Тамплиеров. “Теперь, – писали они, – у вас есть шанс захватить этого осквернителя твоих Святых Мест и наших”.

Пьетро понимал, что Фридрих никогда этого не забудет и не простит тамплиерам. Не простит он и Папе Григорию, который открыл против него военные действия дома и послал своего легата объявить отлучение самим камням Виа Дolorозы и наконец даже самому храму Гроба Господня. Люди осеняли себя крестом, бледнели и шептали:

– Святая Мария! Что с нами будет? Он наложил запрет и на гробницу!

Караван из Каира прибыл в самый день их отплытия. Фри-

дрих был уже на борту корабля со своим слоном, который очень развлекал его, и танцовщицами, оставив только Ибелина в качестве управителя этих земель, пока он не пришлет своих чиновников. Пьетро был вместе с ним, когда два евнуха доставили на борт плотно закутанную в покрывало женщину.

– Дай-ка мне посмотреть на нее! – загремел Фридрих.

Но Пьетро слышал только тихие всхлипывания под покрывалом.

– Умоляю! – шептала Зенобия. – Именем Богоматери, Пьетро, не надо! Не открывай моего лица!

Голос ее звучал странно. Он настолько изменился, что Пьетро с трудом узнал его.

Фридрих очень веселился. Пьетро увел Зенобию в свою комнату.

– Что тебя тревожит, любовь моя? – спросил он.

Она застонала. Это был стон боли, настоящей физической боли.

Он протянул руку к ее покрывалу. Она отскочила с криком:

– Пьетро, нет! Во имя моей любви, не надо!

– Почему, Зенобия? – прошептал Пьетро.

– Мое лицо! – всхлипнула она. – Мое лицо... о Святой Боже... мое лицо!

– Дай мне посмотреть, – потребовал он.

– Нет... я не могу... я не могу видеть, как ты... о, господин

моей души... как ты содрогнешься от ужаса, увидев, во что я превратилась...

Пьетро протянул руку и взялся за покрывало. Его рука была нежной, но твердой.

– Не бойся, – сказал он и начал разматывать покрывало. Оно было очень длинное. Конец его оказался липким – от крови.

Кто-то плеснул ей в лицо купоросом.

Пьетро стоял, пытаясь что-то вымолвить. Но не мог. Он боялся, что его вырвет. Он не хотел обидеть ее.

Она стояла с широко раскрытыми от ужаса глазами, всматриваясь в его лицо. Она искала в нем следы отвращения.

– Это Харун? – прошептал Пьетро.

– Да.

– Пусть шайтан вечно терзает его душу, – спокойно произнес Пьетро, – в геенне огненной, пусть он вечно ест грязь, и пусть его кишки расплавятся, и пусть он будет пить кровь до тех пор, пока его язык не свернется и он не сможет даже застонать, чтобы смягчить свою боль...

Ее глаза не отрывались от его лица.

– Но ты, мой господин, – шептала она, – ты не сможешь вынести этого...

Пьетро медленно улыбнулся. Потом он поцеловал этот искаженный, изуродованный рот, прижал ее тело к себе, несмотря на дрожь, рождавшуюся в нем, и судорогу, сводив-

шую его внутренности.

Это был самый добрый поступок, какой он когда-либо совершил. И самый отважный.

– Закрой мое лицо, мой господин, – шептала она, – тебе не придется больше видеть его. Ибо отныне и до конца твоих дней я буду служить тебе только как прислуга и буду счастлива находиться рядом с тобой... с тобой, таким удивительно добрым...

Он сидел, держа ее руку, пока она не заснула. И даже во сне она продолжала всхлипывать от боли. Он уже больше не мог слышать эти звуки.

Он вышел на палубу. Там играла музыка, слышался смех. Корабль выплывал из гавани.

Пьетро стоял, повернувшись спиной к тому месту, где Фридрих веселился и пил, окруженный сарацинскими девушками. Пьетро смотрел, как удаляется сирийский берег.

Вдруг его тело обмякло. Ему пришлось схватиться за поручни, чтобы не упасть.

О Боже, подумал он.

Потом он выпрямился и с вызовом глянул на небо.

Но до него доносились только крики белых чаек и плеск морских волн.

Как ни странно, но плавание от Акры до Бриндизи оказалось одним из приятнейших периодов в жизни Пьетро. Море было спокойным, ветер попутным, и ночи на борту корабля оглашались весельем.

Пьетро почти не принимал участия в выпивках, танцах и азартных играх и совсем не ухаживал за молодыми красотками. Все свое время он отдавал заботам о Зенобии. Она совершенно смирилась с утратой своей красоты. Былой огонь, который он ожидал обнаружить в ней, покинул ее. Она стала спокойной и очень нежной.

Фридрих, которому Пьетро рассказал историю Зенобии, старался сделать все, что в его императорской власти, чтобы создать для нее удобства. Он предоставил в ее распоряжение своего личного врача, мудрого сарацина, учившегося медицине в Кордове и в Александрии. Каждый день Фридрих присылал фрукты, вино и печенья в маленький, отгороженный занавеской угол в каюте Пьетро. И ежедневно требовал от Пьетро отчета о состоянии ее здоровья.

К сожалению, ее здоровье восстанавливалось очень медленно. Врач, будучи человеком честным, признался, что мало чем может помочь ей. Он накладывал смягчающие мази и менял повязки. Остальное, говорил он, в руках Аллаха.

Ее лицо, когда оно начало заживать, оказалось не в та-

ком ужасном состоянии, как ожидал Пьетро. Но в достаточно плохом. Шрамы пересекали ее лицо, как дороги карту, а нижняя левая часть лица, на которую попала большая часть купороса, была так сильно сожжена, что первое время Зенобии трудно было закрывать рот. Она училась этому заново, но речь ее оставалась невнятной, понимать ее было трудно, как речь слабоумного ребенка...

И все-таки плавание оказалось приятным. Приятно, что рядом с тобой Зенобия. Когда она достаточно оправилась, она стала ухаживать за ним, оказывала ему всевозможные мелкие услуги, приносила фрукты, пергамент и чернила для воспоминаний о его сарацинских приключениях, которые он писал для императора, сидела у его ног и смотрела на него нежными глазами. Над чадрой, которую она не снимала, даже когда спала, ее глаза были прекрасными, особенно теперь, когда из них ушла ярость. То, что связывало их теперь, было добрым и нежным, совершенно лишенным страсти. Зенобия, зная страсть многих мужчин, не могла себе представить, что какой-нибудь мужчина может захотеть ее теперь, когда ее красота погибла, и она была бесконечно благодарна Пьетро за то, что он оказался так добр к ней.

Что же касается Пьетро, то, живя в непосредственной близости от Зенобии, он часто вспоминал, что красота женщины не только в прелестном лице. С лицом, укрытым вуалью, в развевающихся восточных одеяниях, Зенобия по-прежнему оставалась привлекательной. Она отличалась гибкостью

и грациозностью. У нее была прекрасная фигура.

Однако он старался выкинуть эти мысли из головы. Теперь у него оказались кое-какие шансы восстановить отношения с Элайн. Раньше, если бы он вернулся к ней вместе с девушкой-рабыней, то все было бы кончено, но теперь, после трагедии, случившейся с Зенобией, ситуация изменилась. Ни одна женщина в мире – даже Элайн, – посмотрев на лицо Зенобии, не посчитала бы ее серьезной соперницей.

Он много думал об Элайн. Вспоминал все плохое, что было с ней связано. Но вспоминалось и хорошее: как она спасла ему жизнь, когда запросто могла сдать его Энцио, как она приходила к нему по ночам, охваченная страстью и нежностью, как шептала: “Не уходи, мой господин”.

В мире, подумал он, нет полного счастья. Возможно, при некотором терпении и со временем он смог бы сделать так, что их брак оказался бы приемлемой заменой, – он старался изгнать эту мысль, но она засела в его мозгу, – заменой радости, которую он мог бы испытывать с Ио.

Иоланта – единственная яркая звезда во мраке его жизни. Единственное радостное воспоминание на его скорбном жизненном пути. Иоланта, научившая меня любви, Ио, с которой я испытывал неземное счастье, Ио, которую я любил с силой, недоступной ни одному смертному. Человеческая жизнь редко складывается так, как ты предполагаешь, и никогда, как хочется, но я все это имел. Если бы я умер под пытками от рук Энцио, или был бы убит в Египте во время

крестового похода, или погиб, пытаясь спасти жизнь моего господина Фридриха, все равно моя жизнь была бы завершенной, ибо я имел все это. Я имел ее любовь, подобной которой не знала земля с тех пор, как сыновья Бога спустились с небес и возлюбили дочерей человеческих. Раз я испытал ее любовь, уже ничто не сможет согнуть меня, ничто не сломает меня до конца моих дней, ибо я могу остановить время, могу отодвинуть смерть, вызвав в памяти лицо Иоланты. Такое прекрасное лицо, такое нежное, такое уверенное. Могу вспомнить, как она любила меня. Вспомнить эту страсть, в которой не было ничего поддельного, она не притворялась, ее тело жаждало меня, ибо ее сознание и ее сердце хотели меня, и я хотел ее, и ничто больше не существовало. Я живу, как возвращенный к жизни Лазарь, за которым тянутся смутные воспоминания о Рае, который жаждет туда вернуться. Но обратного пути нет.

Он уронил голову на грудь, а Зенобия подошла и стала нежно гладить его лоб своей мягкой рукой. Пьетро был рад, что она рядом. Хорошо было не чувствовать себя одиноким.

Им потребовалось более двух месяцев, чтобы доплыть от Сирии до берегов Италии. Поздно вечером 9 июня 1229 года они увидели берег и встали на якорь до утра.

Пьетро не мог заснуть в эту ночь. Его ум метался между восторгом и отчаянием. Как встретит его Элайн? Молча, с презрением? В ярости, поскольку она надеялась, что он погиб? А может, с радостью?

На это он не надеялся. А когда утром он ступил на берег, то и представления не имел, когда сможет увидеть Элайн. Ибо здесь, в материковой части Сицилийского королевства виды на будущее Фридриха были темнее бездонных глубин царства теней.

Часть местной знати оставалась верной ему – владельцы Акуино, главный судья Генри Морра, регент Реджинальд Сполето, сарацины, которым Фридрих щедрой рукой подарил город Люцеру, были привязаны к нему всем сердцем.

Пьетро ненавидел сражения, ненавидел убийство. Но между ним и Хеллемарком стояли армии Папы. Между ним и Элайн.

Пьетро заметил удивление на лицах людей, столпившихся в гавани, когда развернулся императорский штандарт. Он услышал, как вокруг шептались люди:

– Это он! Это он! Они нам лгали! Он не умер. Император жив...

И вдруг толпа в едином порыве взорвалась криками:

– Да здравствует наш император! Слава Фридриху Августейшему!

Фридрих ехал среди толпы, улыбаясь, останавливаясь, чтобы погладить по голове ребенка, которого протягивали ему, благословляя мужчин и женщин, проталкивавшихся, чтобы коснуться рукой императора.

Хотя Пьетро еще не осознал этого, они уже победили. Появления Фридриха оказалось достаточно. Мужчины стека-

лись под его знамена, и во главе все растущей армии Фридрих Второй двинулся против войск Папы и Ломбардской Лиги.

Ему нужно было только продвигаться вперед, ибо армии Святого Престола по большей части не выдерживали его натиска. Они испытывали ужас при одном имени Фридриха. Действовали и другие факторы – возмущение вероломством Наместника Бога, который распускал ложные слухи о смерти Фридриха. Пока им верили, они привели в лагерь Папы какое-то число сторонников, хотя и не слишком ярых. Оказавшись ложными, эти слухи стали обоюдоострым мечом, ранящим держащую его руку. Сказывалось и то, что папские войска возглавляли люди неопытные в военном деле. Давала себя знать и дурная пища. Денежное содержание задерживалось. Не помогло и то, что папские легаты, чтобы расплатиться с войском, забрали церковные сокровища в Монте-Кассино и Сан-Джермано. При виде сверкающих на солнце доспехов армии Фридриха папские воины разбегались, как овцы. Как крысы.

Мятежные города Ломбардии на севере сдавались сторонникам императора. За четыре дня на его сторону перешло двести городов. Последний сопротивляющийся город Сора был взят яростным штурмом, который возглавил сам Фридрих. После падения город был сожжен дотла, улицы его перекопаны и присыпаны солью, как когда-то в древности поступили с Карфагеном.

Захваченные в плен изменники, надеявшиеся возвыситься с падением Фридриха, были отправлены на самые высокие виселицы. За то, что тамплиеры предали его в Палестине, Фридрих отобрал у них все их сокровища на Сицилии. Покончив с этими делами, он начал утомительные переговоры о мире с Папой Григорием.

И Пьетро получил возможность ехать домой, не обагрив свой меч кровью.

Он двинулся на север к Хеллемарку во главе свиты из двадцати рыцарей, которых одолжил ему Фридрих. Оруженосцы вели его белоснежного арабского жеребца и трех, тоже белоснежных, кобыл, подаренных ему Фридрихом для разведения породы. Еще один оруженосец с опаской вел на длинных цепях двух гепардов, предназначенных для охоты.

Пьетро и его свита были нарядно одеты, а знамя Роглиано над его головой развевалось под теплым июльским ветерком.

Страж у ворот тут же узнал его и распахнул ворота, челюсть у него отвисла от безмолвного изумления при виде закутанной фигуры Зенобии. Во внутреннем дворе сенешал Манфред разговаривал с Уолдо и Рейнальдо, когда туда въехал Пьетро. Оба рыцаря растолстели от безделья с того времени, когда аль Камил великодушно отпустил всех пленников, захваченных в Дамьетте, – жест, который не принес Пьетро никакой пользы, поскольку шейх Ахмад успел увезти его в Каир.

При виде Пьетро все трое застыли, потом бросились к

нему, упали на колени в грязь и стали плача целовать его стремяна.

Пьетро спешился, поднял их на ноги и расцеловал в щеки, как равных. Он и сам едва сдерживал слезы. Любовь, которую испытывали к нему его приближенные, всегда трогала его.

– А госпожа? – прошептал он.

– Она наверху, в зале, – сказал Манфред. Он с любопытством глянул на Зенобию. – Я пойду...

– Не надо, мой добрый Манфред, – сказал Пьетро. – Я пойду к ней сам...

– Господин, – сказал Рейнальдо, и его глаза изучающе остановились на фигуре Зенобии, – сделайте мне милость, разрешите сопровождать вас. Я хочу видеть лицо госпожи, когда она увидит вас.

Что-то в его голосе заставило Пьетро взглянуть на Рейнальдо пристальнее. Нечто похожее на горечь. Смешанную с ликованием. Так может говорить человек, подумал Пьетро, который надеется стать свидетелем унижения ненавистного врага.

Но лицо Рейнальдо оставалось спокойным и невозмутимым.

– Хорошо, – сказал Пьетро и добавил по-арабски: – Пойдем, Зенобия.

Они поднялись по лестнице. Дверь была открыта, и Пьетро остановился у входа, Зенобия держалась позади него.

Элайн сидела в большом кресле и вышивала. Пьетро заметил, что она постарела, но он увидел и то, что годы, унеся ее красоту, оставили на ее лице очарование.

– Ей очень не хватало вас, мой господин! – прошептал Манфред.

Но шепот старого вояки походил больше на хрип, и Элайн услышала его. Она повернула голову, рука с иглой замерла в воздухе. Лицо ее стало бледнеть, пока не утратило всякую краску. Ее синие глаза расширились, став величиной почти в пол-лица. В них было нечто, похожее на ужас. Пьетро не мог ответить на этот вопрос.

Пока он шел к ней, она медленно поднялась с кресла. Она смотрела на него, не двигаясь. Не произнося ни слова. Он заметил, что она даже не дышала.

Он протянул к ней руки.

Она не двинулась.

– Значит, – сказала она, и в голосе ее слышалось раздражение, – даже сарацины не смогли освободить меня от тебя!

– Элайн, – прошептал Пьетро.

– Я думала, что ты умер. Надеялась, что ты умер.

Пьетро обернулся к своим рыцарям.

– Оставьте нас, – сказал он.

Манфред, Уолдо и Рейнальдо ретировались.

– Элайн, – вырвалось у Пьетро, – Бога ради...

Однако она не смотрела на него, ее глаза были устремлены мимо него на Зенобию.

– Кто она? – прошептала она. – Нет, не надо ничего говорить! Вы этого хотели, мой господин? Этим увенчать гору ваших грехов? Привезти эту наложницу в мой дом! О Боже! Почему я не умерла в ту ночь?

– Она, – устало сказал Пьетро, – не моя наложница. И никогда не была ею. Иначе я не привез бы ее сюда...

– Ты лжешь! – крикнула, как выплюнула, Элайн. – Лжешь, лжешь! Но я этому рада. Потому что теперь я могу бросить тебе в лицо то, что иначе могла бы скрыть! Я изменяла тебе, мой господин! И не один раз, а много-много раз. И твое преимущество только в том, что я не привела сюда моего любовника, как ты притащил сюда свою сарацинскую шлюху!

Пьетро понимал, что она хочет уязвить его. Но он стоял в оцепенении. Он не мог думать. Даже не мог ничего чувствовать.

– Это Андреа? – прошептал он.

– Какое это имеет значение? – отрезала она. – Он, или другой, или целая толпа других мужчин? Значение имеет только одно – что мы с тобой расквитались!

Пьетро посмотрел на Зенобию. Ее глаза перебежали с него на Элайн и обратно. Она не знала ни слова по-итальянски, но чутьем понимала, что происходит.

– Мой господин, – сказала она, – покажи ей мое лицо. Я думаю, что после этого не будет причин для ссоры... из-за меня...

Голос ее звучал грустно, грустнее всего на свете. Пьетро

кивнул.

– Мы не расквитались, Элайн, – спокойно сказал он. –
Смотри...

Он поднял чадру.

Элайн отступила. Зрачки ее расширились, оставив только синие ободки. Ее рука непроизвольно потянулась к собственному лицу, пальцы шевелились, трогая прекрасную кожу, словно ища подтверждения чему-то.

Пьетро опустил чадру.

– О Боже, – прошептала Элайн – Пьетро, скажи мне, что случилось с ее лицом?

– Купорос, – грустно отозвался Пьетро.

– И ты привез ее с собой... в таком виде? Почему, Пьетро? Я хочу понять. Ради Святой Богородицы, объясни почему?

– Потому что с ней это сделали из-за меня. Я был пленный, потом раб на службе у великого шейха...

Он повел свой рассказ неторопливо, размеренно, наблюдая за ее лицом, видя, как отражаются на лице ее чувства, как отступает недоверие, как в глазах мелькнуло сочувствие и наконец, вопреки ее желанию, жалость.

Как и все люди, живущие под солнцем, подумал Пьетро, она подвержена эмоциям. Она способна на большое зло, но и на великое добро. Такой она была всегда – оскорбив меня, она потом спасла мне жизнь. Обзывала меня сыном навозной кучи, утверждала, что вышла за меня замуж только по приказу императора, ненавидела меня черной ненавистью и

в то же время любила меня неистово, нежно...

– Я распоряжусь, чтобы служанки приготовили ей комнату, – сказала Элайн. – Она сможет жить у нас столько времени...

Внезапно она замолчала. Ее синие глаза стали еще огромнее. Он заметил в них страх.

– У нас... – повторила она с горечью. – Я сказала, у нас. Но теперь нас более не существует... так ведь, мой господин? Я дала тебе основания выгнать меня из твоего дома... даже убить меня. Сейчас уже нечего говорить об этой бедной женщине. Сейчас надо говорить о другом... что мой господин собирается сделать со мной?

Пьетро стоял и смотрел на нее. Это было характерно для Элайн – не пытаться отказываться от своих слов, не уверять, будто она солгала от ярости, чтобы уязвить его. Для этого она была слишком горда. Она и теперь гордо смотрела на него, не прося ни о чем, даже о пощаде.

Он почувствовал, как в нем поднимается тошнота. Это было плохо. Очень плохо, и все сложности их отношений с Элайн не улучшали дела. Он женился на этой женщине, потому что не мог жениться на той, которую хотел. Он женился по приказу Фридриха, потому что не смел посмеяться над дикими, детскими предрассудками, двигавшими этим великим человеком. Таковы были причины его женитьбы, и предполагалось, что он не должен испытывать ни любви к Элайн, ни боли от ее измены.

И тем не менее он испытывал. И любовь, и боль.

Он с горечью подумал, что любил эту женщину почти всю свою жизнь.

Несмотря на Ио. Конечно, я любил ее меньше, чем Ио, но все-таки я любил ее. Быть однолюбом не в натуре мужчины. Сарацины решают эту проблему лучше, с их гаремами и узаконенным многоженством. И что же теперь? Она изменила мне, с Андреа, без сомнения, возможно, и с другими. И за это я должен выгнать ее... даже убить.

Почему? Потому что она ранила мое тщеславие? Мы всегда стараемся не смотреть в лицо фактам, не видеть людей такими, какие они есть. Я отсутствовал восемь лет. Да за столь долгое время и святая легла бы в постель ради удовлетворения чисто физической потребности! Восемь лет. Я ее муж, и я должен судить ее за грех, в котором я сам виновен. Я обладал Зенобией – множество раз. Я стыдился этого. Мое тело несет отметины тех цепей, в которые я себя заковал. Но, говоря словами нашего Господа Бога, кто я такой, чтобы первым бросить камень?

– А ты, – мягко спросил он, – ты хочешь, чтобы опять были “мы”?

Она не сдвинулась с места. Не произнесла ни слова. Просто стояла, слегка покачиваясь.

– Ты... – прошептала она, – ты можешь простить меня?

– Да, – сказал Пьетро, – если ты простишь меня за то, что я оставил тебя беззащитной перед лицом опасностей и

искушений... и если ты простишь мне мои грехи...

– Простить тебя? – выдавила она. – Я?

Она в диком порыве бросилась в его объятия.

Зенобия отвернулась. Она не хотела, чтобы Пьетро видел ее слезы. Ей нечего было волноваться. Пьетро забыл о ее существовании.

В последующие три года Пьетро, барон Роглиано, почти забыл о прошлых бедах. Из его глаз ушла задумчивость. Он стал часто смеяться. Получив в конце концов наследство, завещанное ему Исааком, он построил примерно в двух милях от замка на хорошо осушенной возвышенности виллу, о которой давно мечтал. Она была из серого камня, с готическими арками и высокими окнами, сквозь которые вливался свет и освещал все помещения виллы. В каждой комнате большие каминные трубы защищали их от зимних холодов, а центральный внутренний дворик был превращен в рай для цветов. У дворика была стеклянная крыша, в нем Элайн держала своих птиц.

Пьетро посылал на Сицилию и даже в Африку за новыми красивыми птицами. Они щебетали и пели, демонстрируя свое роскошное оперение.

Мебель в комнатах была гнутая, позолоченная, покрытая мягкими подушками. Пьетро завел себе диван, сделанный по образцу сарацинских. Стены были украшены гобеленами,

и не только по праздникам, а постоянно.

Большую часть гобеленов вышивала Зенобия. Она в совершенстве владела мастерством вышивания. Ее присутствие на вилле вносило беспокойство в жизнь Пьетро. Надо отдать должное Элайн, она обращалась с Зенобией с несколько безразличной добротой, слуги любили ее – никогда не видя ее лица. Но жизнь Зенобии была пуста. Она отважно пыталась заполнить эту пустоту вышиванием и изучением итальянского языка, который за полтора года освоила настолько, что Пьетро приходилось очень прислушиваться, чтобы обнаружить у нее следы акцента. Некоторая неразборчивость ее речи, вызванная поражением мускулов лица, видимо, скрывала следы иностранного акцента. Во всяком случае, она говорила по-тоскански вполне хорошо.

Более всего Пьетро беспокоила ее кротость. Припоминая горячность – даже яростность, с которой она вела себя по отношению к своим истязателям на рынке, – он полагал, что она смирилась с поражением, которое нанесла ей жизнь. Он был очень добр к ней. И как бы она ни была привлекательна в своих новых европейских туалетах, с прикрытым лицом, в ней для него не было ничего соблазнительного. Для Зенобии, сидящей перед веретеном или помогающей Элайн обрезать цветы, жизнь остановилась. Это было обидно, думал Пьетро, но сделать он ничего не мог.

Он охотился со своими гепардами, вселявшими ужас в сердца крестьян, выпускал своих соколов при охоте на птиц. Он пел Элайн сочиненные им самим песни. Он был почти счастлив.

Почти. Если не считать того, что временами замечал в глазах Элайн нечто непостижимое. Иногда, когда он внезапно оборачивался, то обнаруживал, что она смотрит на него с ужасом в глазах. А может, с сомнением. С удивлением. И даже со стыдом...

Но теперь она никогда не набрасывалась на него. Любовью она занималась с ним неистово. Иногда, когда он возвращался с охоты или после путешествия, она требовала от него больше, чем способно было дать ей его усталое тело. Что-то было в этом нездоровое. Что-то непонятное для него. Но он не позволял себе слишком об этом беспокоиться. Что бы там ни было, он был совершенно уверен, что это существует только в сознании Элайн.

По вечерам знатные гости из ближних и дальних поместий собирались в Аламуте, как назвал свою виллу Пьетро в память о ложном рае Старика с гор, Аль Джебала. Приезжали и рыцари из гарнизонов Фридриха в Хеллемарке и Роккабланке, ибо Пьетро без колебаний отдал свои замки императору.

Знатные господа, прикованные к своим холодным, неудобным замкам, которые располагались в таких местах, где Фри-

дриху не нужны были укрепления, дивились комфорту и красоте дома Пьетро. Однако, когда их жены требовали себе такой же дом, они в силу неумолимой логики консерватизма отвечали:

– Но, дорогая моя, такой дом ведь нельзя защитить. Что толку от его красоты, если любой завистливый рыцарь может сжечь его?

Их жены могли – и, вероятно, так и делали – указать им на то, что при правлении Фридриха Второго мелкие войны между баронами прекратились, что Италия наслаждается миром, какого она не знала со времен Цезарей.

– А когда он умрет? – возражали бароны.

– Бог даст, он никогда не умрет, – отвечали жены.

Пьетро склонен был присоединиться к этим молитвам. Он знал недостатки и слабости Фридриха: его сластолюбие, в результате которого появились на свет четыре незаконно-рожденных сына – Энцио, Фридрих Антиохийский, Ричард и младенец, которого этой весной 1232 года родила ему прелестная и талантливая Бианка Ланчия⁴⁵. – знал его занос-

⁴⁵ Одна из бед исторических исследований в том, что так мало известно о личной жизни великих людей. Фридрих, например, имел тринадцать детей. Мы знаем имена всех его сыновей, законных и внебрачных. Но что касается его внебрачных сыновей, то известно имя только одной из их матерей, Бианки Ланчия, матери Манфреда. О единственной законной дочери Фридриха известно только то, что она была замужем за маркграфом Мейсенским, имя ее до нас не дошло. Из пяти внебрачных дочерей мы знаем имя только одной – Сельваджии, выданной замуж за жестокого Эсселино да Романо. Для положения женщин в Сицилии времен Фридриха характерно, что известны имена всех совершенно незна-

чивость и гордость, его гневную нетерпеливость, улыбочатое лицемерие, позволяющее сжигать за ересь людей, гораздо меньше повинных в ереси, нежели он сам, когда этого требовали его дальние цели.⁴⁶

Но его грехи, какими бы страшными они ни казались, были всего лишь пятнами на солнце. При Фридрихе наука опередила свое время на две сотни лет. Он почти полностью ликвидировал феодализм в Италии. Он был поэтом, и под его влиянием великолепная литература, которую Иннокентий истребил в Лангедоке, вновь расцвела на Сицилии – сочинялись поэмы, пелись песни на звучных диалектах Тосканы и Сицилии. Самый последний серв оказывался под его защитой, звери в лесах, птицы в небе пользовались его покровительством. Пьетро знал, что Фридрих один из самых мудрых и великих людей в европейской истории, которому было суждено родиться раньше своего времени...

В течение 1232 и 1233 годов Пьетро часто отлучался из дома. Он посещал Фридриха в Фоджии, ездил по его поручению с дипломатической миссией к французскому двору. Там он вновь встретился с Готье, теперь бароном Монтро-

чительных мужей его дочерей.

⁴⁶ Это и другие богохульства, приписываемые Фридриху, не доказаны. Однако все, что известно о его личности из источников, указывает на то, что он вполне был на них способен. Таким источником является английский монах Мэттью Парижский, современник Фридриха.

зом, отцом трех рослых сыновей. Они провели вместе немало счастливых часов, вспоминая былые времена, и расстались с грустью, понимая, что больше уже никогда не увидятся.

Вернувшись домой, Пьетро ощутил, что Элайн стала вести себя еще более странно. Эти изменения были незначительны, и человек менее чувствительный не заметил бы их. Но Пьетро отличался тонкостью восприятия. Однако определить причину он не мог. Элайн была нежна с ним, как всегда.

Пожалуй, чуть больше, чем всегда. У него порой возникало ощущение, что она старается угодить ему. Слишком старается. По ночам она слишком охотно приходила к нему. А утром глаза ее бывали красноватыми, словно она плакала.

Иногда он чувствовал, как ее большие синие глаза следят за каждым его движением. Если он быстро оборачивался, она опускала глаза, но он успевал заметить в них выражение... близкое к ужасу.

Чего она боится? – удивлялся он. Но не спрашивал. Он был рабом некоторых сторон своей натуры – своей чувствительности, своего нежелания причинять боль.

Она сама расскажет, думал он.

Озабоченность странноватым поведением Элайн долгое время мешала ему заметить, что эту тревогу разделяют и его домашние. Манфред. Служанки. Даже Зенобия.

Когда он в конце концов заметил, его это сильно обеспо-

коило. Он смотрел на Уолдо и Рейнальдо, но они отводили глаза.

Вдруг он разозлился. Что, если Андреа...

Он не хотел допускать такой мысли. Один раз он ей это простил, потому что был в равной степени виноват. Но тогда он прощал с их обоюдного молчаливого согласия, что больше измен не будет – ни с ее стороны, ни с его. И он твердо соблюдал условия этой сделки. Ио жила всего в двадцати милях от Аламута, но Пьетро избегал ездить по тем дорогам, где мог бы столкнуться с ней. Он не до конца доверял себе.

Но если во время его частых отлучек Андреа нашел способ... О, милосердный Боже! У его способности прощать есть пределы. Есть черта, за которой она превращается в глупость.

Мысли в его голове обгоняли одна другую. Он должен докопаться до истины. Сам. Без постыдного расспрашивания других. Все будет очень просто. Все, что ему нужно сделать, это...

Пойти к Элайн и сказать ей, что Фридрих неожиданно вызывает его в Фоджию.

При этих его словах она встала и схватила его за руки.

– Не уезжай, Пьетро! – прошептала она. – Умоляю тебя!

Какое-то мгновение он испытывал соблазн отказаться от своего замысла, удовлетвориться этим убедительным доказательством любви и верности. Но он увидел Зенобию, наблюдавшую за ними из-за двери. Она предупреждающе по-

качала головой.

Перед отъездом он успел поговорить с ней.

– Приглядывай за своей женой, мой господин – это было все, что она сказала.

Он выждал до полуночи, чтобы предоставить Элайн все возможности. К этому часу он вернулся домой. Подъехав к дому, он увидел Манфреда, Уолдо и Рейнальдо одетыми и вооруженными. Рейнальдо держал на цепи обоих охотничьих леопардов.

– Теперь вы видите, вы, германские свиньи! – закричал Рейнальдо, обращаясь к Манфреду и Уолдо. – Мой господин не дурак! Сицилиец чует предательство за двадцать лье!

Пьетро уставился на них.

– Почему вы вооружены? – прошептал он.

– Мы предполагали, что вы, мой господин, вернетесь, – сказал Манфред. – Но если бы вы не вернулись...

– Что тогда, мой добрый Манфред? – спросил Пьетро.

– Мы сами собирались отомстить за вас! – сказал Манфред.

– Тогда пошли, – прошептал Пьетро.

Никто из них не произнес ни слова. Леопарды Шеба и Соломон прыгали около лошади Рейнальдо.

Пьетро сел на свежего коня, крупного вороного жеребца Амира, потомка длинной линии жеребцов, которых он выращивал под этим именем. Лошадь, на которой он прискакал, была совсем загнана.

Он даже удивился, что обращает внимание на все эти детали. Его, например, восхищала грация леопардов. Наконец он посмотрел на Рейнальдо.

– Куда мы едем? – спросил он.

– К Руффио, – ответил Рейнальдо.

Час спустя они подъехали к постоялому двору и спешили.

– Ждите здесь, – сказал Пьетро и толкнул дверь в общий зальчик.

Руффио только взглянул на его лицо и затрясся от страха.

– Господин, – заикаясь, произнес он, – я не знал... я... он заставил меня, угрожая мечом...

– Не бойся, Руффио, – сказал Пьетро. – То, что ты зарабатываешь деньги на чужих грехах, дело твое и твоего Бога. Они наверху?

Руффио кивнул.

Пьетро стал подниматься по лестнице. У Руффио была только одна комната на одного гостя. В остальных комнатах стояло по четыре или пять кроватей.

Пьетро взялся за ручку двери. Он простоял так довольно долго. Рука его вспотела, капельки пота поблескивали на черных волосках пальцев.

Потом он распахнул дверь.

На маленьком столике около кровати горела свеча. Она сгорела почти до конца. Но Пьетро смог разглядеть их.

Андреа Синискола лежал на спине, закинув руки за голо-

ву. Он похрапывал.

Элайн лежала, отвернувшись от него, покрывало сползло и обнажило одно ее плеча Волосы ее раскинулись по подушке, часть их лежала под рукой Андреа. Она во сне еле слышно всхлипывала, как всхлипывают потерявшиеся, испуганные дети.

Пьетро посмотрел на них.

Он испытывал тошноту. Она подступала к его горлу. Ему пришлось сжать зубы, чтобы удержать ее. Он сел в кресло, продолжая смотреть на них. У него на лбу выступали капли пота и скатывались на глаза Капли были холодными как лед. Как слезы.

Как огонь.

Он мог слышать биение собственного сердца.

Тошнота отступила, а потом вернулась, но уже с болью. Это было плохо, очень плохо, боль вздымалась в нем сокрушительными волнами, так что он вынужден был вцепиться в ручки кресла, чтобы не упасть. Он прикусил нижнюю губу и почувствовал вкус крови. Он надеялся, что эта реальная физическая боль в какой-то степени устранил невыносимое душевное страдание.

Это не помогло. Он готов был разрыдаться.

Потом он встал и вытащил кинжал из ножен. Взялся за острое клинка и метнул его наугад – кинжал пролетел сквозь язычок пламени свечи, и Пьетро даже не услышал, а ощутил, как клинок вонзился в дубовое изголовье.

Клинок пронзил волосы Элайн и пригвоздил ее к кровати. Она только слегка вскрикнула.

Андреа сел на кровати. Он успел только моргнуть. Потом его глаза потемнели от ужаса.

– Одевайся, – резко сказал Пьетро. – Когда ты отсюда выйдешь, Андреа, выходи с мечом.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Он ждал довольно долго, прислушиваясь к звукам, доносящимся из комнаты. Шуршание одежды. Всхлипывания Элайн.

И вдруг он услышал иной звук. Звук разбитого стекла. Он толкнул дверь. Элайн упала в его руки. Он с яростью отшвырнул ее в сторону. Она упала на пол и осталась там лежать, рыдая.

Андреа, выпрыгивая, разбил окно.

Пьетро услышал, как он вскочил на коня.

– Уолдо! – закричал Пьетро. – Рейнальдо? Манфред!

Он сбежал вниз по лестнице. Он не обернулся, чтобы взглянуть на Элайн, которая лежала, плача, на полу.

Он выскочил из дома. И тогда он увидел.

Рейнальдо спустил с цепи леопардов.

Нет на свете такой быстрой лошади, которая могла бы уйти от леопарда. Каждым прыжком леопард покрывал двадцать футов.

Они настигли Андреа на углу.

Пьетро видел, как взвилась Шеба всеми своими четырь-

мя лапами. Потом она оказалась на шее лошади, ее пасть сомкнулась за ушами кобылы. Он успел увидеть, как вздернулась голова лошади, услышал хруст ломающихся позвонков. Лошадь рухнула.

Андреа успел соскочить с падающей лошади. Шеба и Соломон прижались к земле, сторожа его своими большими желтыми глазами.

Пьетро подскочил и встал между леопардами и их добычей.

– Возьми их на цепь, – приказал он Рейнальдо.

Рейнальдо соскочил с коня и надел цепь на их ошейники. Потом он выпрямился. Рот его открылся.

Пьетро увидел это и метнулся в сторону даже раньше, чем Рейнальдо закричал.

Он почувствовал, как холодный огонь обжег его левую руку. А Уолдо и Манфред навалились на Андреа, вырвав кинжал из его рук.

Уолдо выхватил из ножен свой кинжал и занес его.

– Нет! – закричал Рейнальдо. – Нет, Уолдо! Неужели ты подаришь ему такую легкую смерть?

Уолдо опустил кинжал и мрачно улыбнулся. Он приставил острие кинжала к животу Андреа, пока остальные связывали его.

Потом он обернулся к своему хозяину и разрезал рукав на руке Пьетро. Рана была серьезной. Клинок рассек мускулы. Пьетро даже не мог приподнять руку. Она сильно кровото-

чила. Руку быстро перевязали. Потом Рейнальдо пошел на постоянный двор и вернулся вместе с Элайн.

Они поехали обратно в Аламут. Никто из них не произнес по дороге ни слова. Было нечто потустороннее в этом молчании, нарушаемом только неторопливым стуком лошадиных копыт.

Рыцари смотрели на него. Ждали, чтобы он заговорил.

Пьетро обернулся к Элайн. Он проделал это медленно, оберегая левую руку. Все продолжали смотреть на него.

Лицо Андреа посерело. В глазах застыл ужас.

А лицо Элайн оставалось спокойным. В ее глазах не было страха. Не было смятения. Глаза ее были ясными. Она подошла к Андреа, которого держали два рыцаря, привстала на цыпочки и поцеловала его в рот. Медленно. Лаская его своими губами.

Лицо Андреа перестало быть серым. Он слегка улыбнулся.

Элайн обернулась к Пьетро.

– Нас обоих, мой господин, – сказала она.

У него внутри что-то оборвалось. Он обливался потом. Мозг его работал лихорадочно, но без всякого смысла.

Женское начало. Шеба напала первая, не Соломон. Женское начало всегда самое страшное. Если бы она попросила меня, я пощадил бы его, но она слишком женщина, и теперь она стала совсем простой и примитивной и по-своему великой. Гордость. Не гордость, которая всегда лишала меня му-

жества. Сейчас я должен это переломить, иначе я потерплю поражение. Она не может победить... Я никогда не разрешал пытки, ибо страсть к пыткам – это болезнь, но, во имя огня всех семи кругов ада, сейчас эта болезнь владеет мною, и что бы они с ним ни сделали, этого будет недостаточно...

Он медленно кивнул.

– И нашу госпожу? – спросил Рейнальдо.

Пьетро посмотрел на него. Рейнальдо всегда ненавидел Элайн.

– Нет, – сказал он и пошел прочь. Потом он неожиданно обернулся, и лицо его исказилось от гнева. – Пусть она посмотрит, – произнес он.

В Аламуте темниц не было. Не было и орудий пыток. Пьетро не разрешал ничего подобного. Но Рейнальдо и другие найдут выход.

Пьетро смотрел, как они уводят Элайн и Андреа. Но сам он с ними не пошел. Он не хотел смотреть. Не мог.

Всю свою жизнь он был очень добр и мягок. Но то, что он испытывал сейчас, было ужасно. Это было сражение. Легион демонов дрался за его душу с ангелами Господними. Пьетро медленно взбирался по лестнице, ибо очень ослабел от потери крови, от шока и усталости.

Он почти добрался до своих комнат, когда его настиг первый вопль. Этот крик отозвался в нем. Он замер на лестнице. Потом стал подниматься дальше, сопровождаемый воплями Андреа, его животным воем, и был не в силах заткнуть себе

уши, чтобы не слышать их. И даже когда он закрыл тяжелую дверь, это не помогло.

Я всегда ненавидел жестокость, подумал он, я презирал моего господина Фридриха за то, что он не во всем ушел вперед от своего века. Величие человека в том, чтобы опередить свое время, подняться над невежеством, сластолюбием и жестокостью, заглядывая вперед, когда всему этому не будет места, и я думал, что достиг такой высоты. Однако это не так, я сын этого века, и во мне живут жестокость и отвратительная гордость, и тщеславие, и ненависть. О Боже, неужели они никогда не покончат с ним? Я не могу вынести...

(Ее волосы стлались под его рукой, ее сверкающие серебряные волосы, а он спал, удовлетворенный, избавившийся от своей похоти, а она плакала, ибо не совсем утратила стыд. Ее тело, такое белое тело, знакомое моим пальцам, отданное ему... Завывай, завывай, ты, животное! Как радует меня этот вой!)

Нет. Я пошел на то, что мне несвойственно. Я пошел на это, потому что оказался недостаточно благородным, чтобы признать свое поражение и сказать ему: возьми ее и уезжай. И, если честно говорить, меня предали не Элайн и Андреа, ибо ни одна живая душа на Господней земле не может предать человека, только он один может сам предать себя. И я это сделал. Я предал себя, я, Пьетро ди Донати, позволил свершиться тому, чего я никогда в жизни не мог видеть, не умоляя Господа Бога простить меня, – и вот я стал тем же,

чем были эти Синискола!

Он рванул дверь и побежал вниз по лестнице, когда услышал ее крик.

– Пьетро! – рыдала Элайн. – Бога ради, Пьетро!

Он побежал на этот крик. Они находились во дворе. Он замер на мгновение, глядя на то, что недавно было Андреа Синискола. На это обожженное, переломанное, окровавленное тело, все еще продолжавшее жить.

– Остановитесь! – закричал он. – Отпустите его!

Они с удивлением воззрились на него, но не стали возражать. Они сняли цепи, и Андреа рухнул лицом вниз.

Элайн бросилась к нему, упала на колени. Когда она подняла глаза на Пьетро, в них была смерть.

Он не мог видеть эти глаза.

Отвернувшись, он увидел закрытое вуалью лицо Зенобии, которая наблюдала за ними с балкона.

Андреа жил до середины дня. Сарацинский лекарь делал все, что было в его силах. Но ничто не могло спасти жизнь Андреа. Ничто. Даже молитвы Пьетро.

Он стоял на коленях перед образом Богородицы, когда в комнату вошла Элайн. Он не ощущал ни боли в руке, в которую вонзил кинжал человек, предавший его, ни боли в коленях. Он стоял на коленях перед алтарем целых пять часов, которые потребовались Андреа Синискола, чтобы умереть. Губы Пьетро двигались, шепча молитвы. Он ничего не видел и не слышал, даже когда Элайн занесла над ним кинжал.

Но Зенобия была начеку. Она возникла за спиной Элайн и поймала кисть ее руки как раз в момент, когда кинжал должен был поразить Пьетро. И только когда они обе рухнули на пол, он что-то услышал.

Он медленно обернулся и увидел двух женщин, борющихся на полу. Он бросился к ним, но оказался недостаточно проворен. Его ноги затекли от долгих часов стояния на коленях. К тому же он потерял слишком много крови.

Он увидел, как прекратилась борьба и одна из женщин поднялась на ноги.

Зенобия.

Она стояла, тяжело дыша и глядя на лежащую Элайн. Пьетро проследил за ее взглядом. Синие глаза Элайн были открыты. Но они ничего не видели. И никогда уже ничего не увидят. Пьетро, не веря своим глазам, смотрел на рукоятку своего сарацинского кинжала, торчащую в ее левой груди.

Он долго стоял так, пока все, что было перед его глазами, не поплыло. И комната, и Зенобия, и то, что осталось от Элайн, медленно заволокло туманом, и откуда-то издалека он услышал вскрик Зенобии.

Когда через сорок восемь часов он пришел в сознание, ему все рассказали. О том, как Элайн пыталась убить его и как Зенобия спасла его жизнь.

И вот тогда Пьетро, барон Роглиано, впал в такое отчаяние от горя, что Манфред, Уолдо и Рейнальдо вынуждены были привязать его к постели и по очереди дежурили около

него.

Если бы не Зенобия, то он наверняка вовсе лишился бы рассудка. Она все время сидела рядом с ним и молилась о его выздоровлении.

Он никогда не узнал, что ему помогло больше – ее молитвы или ее великая любовь. Но что-то все же помогло.

Возможно, и то, и другое.

Пьетро медленно брел вдоль берега Волтурно. Он был одет в зеленый охотничий костюм, на его руке сидел сокол. Несколько впереди него ехал император с Пьеро делла Винья, рядом веселая компания знатных сеньоров и дам на отличных арабских скакунах, выращенных Фридрихом; все смеялись и пели. Рабы-мавры держали на поводках собак, другие сарацины вели охотничьих леопардов. Впереди шествовал императорский оркестр – человек двадцать негрятят в алых одеждах, – они оглашали окрестности звуками рогов, барабанов и цимбал.

Некоторые из придворных играли на гитарах и лютнях. Солнце спускалось за деревья, воздух был напоен светом, музыкой и смехом.

Вот так с ним всегда, подумал Пьетро; можно вообразить, будто в жизни Фридриха нет места печали...

Глядя на императора, весело беседующего с верховным судьей империи, никому и в голову не могло прийти, что это веселье в Капуе происходит в разгар жестокой войны с Ломбардской Лигой, которую поддерживает Папа. Что его старший сын Генрих заключен им в тюрьму, потому что восстал против короны, что Фридрих так болезненно воспринял этот бунт против его императорской и отцовской власти, что отнял у Генриха даже его имя и передал его своему младшему

сыну, которого год назад, в 1236 году, родила ему новая королева, Изабелла Английская. Мальчика все называли Генрих Второй. Но только не Фридрих. Он не делал различия, для него находящийся в заключении Генрих перестал существовать.

В последнее время между Пьетро и императором возникло некоторое отчуждение. Пьетро делла Винья, блестящий юрист, поэт, не имевший себе равных среди тех, кто писал на латыни, получивший титул логофета – “человека, который говорит от имени императора”, – стал во всех отношениях ближе к императору, чем Пьетро. Однако Пьетро должен был признать, что вина за возникшую холодность лежит целиком на нем. Фридрих по-прежнему относился к нему с большой любовью. Но император слишком стал уподоблять себя Богу, и это перестало устраивать Пьетро. Однако Фридрих по-прежнему беспокоился о его благополучии.

Когда Фридрих узнал о трагедии, случившейся в Аламуте, и о затянувшейся болезни Пьетро, он лично прибыл, чтобы увезти своего друга в Капую. И что было характерно для Фридриха, явился во всем блеске. Впереди ехали мальчики-негры, сотрясавшие небеса звуками барабанов и флейт. Сопровождал Фридриха весь императорский двор. А уж то, что следовало за ним, крестьяне Пьетро запомнили до конца своих дней: упряжки из четырех лошадей тащили огромные повозки с сокровищами, верблюдов под роскошными чепраками сопровождали бесчисленные рабы в шелковых туни-

ках. Рабы-сарацины вели на цепях леопардов и рысей, обезьян и медведей, пантер и львов. Здесь был даже жираф, голова которого возвышалась над деревьями. Множество собак бегало взад и вперед, сопровождая процессию. В клетках, которые несли на своих плечах рослые негры, сидели соколы, филины, орлы, павлины, редкие сирийские голуби, белые индийские попугаи, африканские страусы, и завершал всю процессию слон с деревянной башенкой на спине, в ней сидели сарацинские лучники и трубачи.⁴⁷

Пьетро слишком плохо себя чувствовал, чтобы оценить все это тщеславное представление. Он знал, что Фридрих всегда путешествует так, даже при недалеких поездках. Он отправился вместе с императором в Фоджию, потом в Капую. Он был рад уехать из Аламута. Зенобия присмотрит за именем. У него было чувство, что он никогда в своей жизни не захочет вновь увидеть эту виллу, связанную с такими ужасными воспоминаниями.

Потом Пьетро сражался в войнах, которые вел Фридрих, выступал как его советник. Он был свидетелем победы императора при Кортенуово и после этого участвовал в триумфальном шествии, в ходе которого слон Фридриха тащил по улицам колесницу города Милана с пригнутым флагштоком. Но больше всего Пьетро взволновал вид Пьетро Тьеполо, подесты Милана, привязанного к этому флагштоку, а также

⁴⁷ Сопровождавший Фридриха в путешествиях зверинец описывали все историки, писавшие о нем.

прочно захваченных в плен главарей мятежников, которых вели в цепях вслед за этой колесницей.

Такое варварство казалось Пьетро недостойным столь великого императора. Сам Пьетро был чрезвычайно чувствителен к проявлениям варварства. Он не мог забыть, как сам поддался варварскому обычаю, и не мог простить себе этого.

Но, поскольку Фридрих являл собой образец для всей империи, в нем это было особенно ужасным. Это стояло в одном ряду с тем предрассудком, из-за которого император отказался лечь в постель с Изабеллой, сестрой Генриха III, короля Англии, в ночь их бракосочетания. Он ждал до середины следующего дня, до определенного часа, который провидец Майкл Скотт определил как благоприятный, после чего Фридрих передал ее сопровождавшим императрицу женщинам, сказав, что она понесла сына. В тот же день он написал письмо с сообщением об этом событии ее брату королю Генриху III. И самым потрясающим было то, что это оказалось правдой!

Сейчас, следуя верхом за Фридрихом, Пьетро чувствовал себя усталым и очень старым. На самом-то деле он совсем не был стар. Этой осенью 1237 года ему не исполнилось еще и сорока трех лет. Но жизнь его была полна тревог и борьбы, так что, хотя они с Фридрихом родились в один и тот же день, в волосах Пьетро просвечивала седина, между тем как Фридрих почти не изменился с тех пор, как ему исполнилось двадцать восемь. Он только несколько погрузнел, и

его рыжие волосы чуть поредели – вот и все. Его молодость казалась непреходящей.

Как и у Иоланты, подумал Пьетро. Он случайно столкнулся с ней в прошлом году, направляясь на охоту. Рядом с ней ехал Энцио, так что поговорить они не могли. Но она была из тех несокрушимых женщин, на которых беды не сказываются. Для Пьетро она выглядела еще более желанной, чем когда была девушкой. Ее глаза скользнули по его лицу, наполненные любовью.

О Боже, простонал он про себя, если бы я сохранял такое же постоянство!

В глазах Энцио светилась смертельная ненависть.

Сейчас императорский двор возвращался в Капую. К мелким спорам, сладким песням и стихам, к мягкой, текучей сицилийской речи...

Они проскакали по улицам, ведущим ко дворцу. Пьетро заметил, как молодые аристократы Рикардо Филанджиери, Руджиеро ди Поскастрелло и Ландольфо Карачьолло поглядывали на окна с чуть приоткрытыми ставнями.

Когда-то и я был таким молодым, и у меня в жилах кипела кровь...

Джакопо Мостаччи и Ринальдо д'Аквино собирали соколов, чтобы вернуть их в клетки. Когда Ринальдо взял императорского сокола, Фридрих спросил его:

– Ты все еще не убедил твоего брата Томаса бросить его увлечение религией и поступить ко мне на службу?

Ринальдо грустно покачал головой.

– Нет, мой господин, – сказал он. – Томас собирается стать монахом.

– Очень плохо, – заметил император. – Я слышал, что он самый блестящий молодой ученый, какого за многие годы знали в Монте-Кассино. Такой ум не должен пропадать втуне в монастыре. Я прошу тебя, Ринальдо, попробуй еще раз уговорить его.

– Я постараюсь, сир, – отвечивал Ринальдо.⁴⁸

Добравшись до дворца, они уселись за пиршественный стол. Как обычно, справа от императора сидела Бианка Лансиа. Фридрих нашел английскую королеву слишком холодной. Теперь, предположил Пьетро, она проводит свои дни на женской половине в горестной тишине вместе со своим маленьким сыном.

Он не знал таких женщин, каких знал я, сердито подумал Пьетро. Никто не смог бы превратить мою Ио... или Элайн в бездумных рожающих кобыл. Они обладают душой – Бог послал их нам как спутниц жизни, и из всех дурных качеств Фридриха это самое дурное, – то, что на него не оказывает влияния мягкий и нежный женский ум!

Сидящий справа от Бианки Джакопо да Лентино настроил свою лютню и запел:

⁴⁸ Упомянутый здесь Томас, младший брат Ринальдо д'Аквино, впоследствии стал известен под именем Фомы Аквинского, доктора богословия средневековой католической церкви и одного из величайших философов того века.

– Мадонна, я спою тебе, как овладела мною любовь...

И мною тоже, с горечью подумал Пьетро, и любовь эта оставила меня израненным и одиноким.

Потом встал Ринальдо д'Аквино и тоже спел свою новую песню:

Я так радуюсь своей чистой любви,
Что не вижу никого,
Кто мог бы испытать такую же радость...

Пьетро больше не мог слушать. Он не хотел больше слушать песни о любви. В своей жизни он испытал две великие любви, и обе они доставили ему столько горя, что перенести это невозможно. Он уже собирался встать из-за стола, когда император хлопнул в ладоши, и оркестр негров заиграл веселый мотив.

Тут же в залу вкатились на двух больших шарах две сарацинские девушки необыкновенной красоты. Они балансировали на этих шарах в такт музыке. На девушках были одеяния из тончайшего шелка, и их молодые тела порадовали бы сердце любого скульптора.⁴⁹

Пьетро откинулся на спинку кресла, наблюдая за танцовщицами. И тут он увидел посланца, в сапогах и со шпорами, которого вели к столу императора. Пьетро вскочил на ноги. Посланцем оказался не кто иной, как Уолдо, его рыцарь.

⁴⁹ Сарацинские девушки-акробатки и их удивительный танец на шарах описаны у Седжуика (там же, с. 120).

Фридрих слушал, нахмурившись. Потом он подозвал Пьетро.

– Да, сир? – шепотом спросил Пьетро.

– Дурные новости, Пьетро, – обратился к нему Фридрих. – Похоже, что некоторые из твоих врагов возымели наглость напасть на твою виллу. Свиньи! Разве они не знают, что мы запретили эти мелкие феодальные войны!

– Мой господин, – сказал Пьетро, – вы разрешаете мне отправиться туда?

– Да, и возьми с собой отряд моих солдат под командой Руджиеро ди Поркастрелла. Понимаешь, Пьетро, ты не должен отдавать приказы моим войскам. Иначе это будет выглядеть как личная месть, а этого я не хочу. Я посылаю имперские войска, чтобы наказать преступника. Ты поедешь вместе с ними, вот и все.

– Да, сир, – отозвался Пьетро.

Фридрих встал и положил руку на плечо Пьетро.

– Я надеюсь, что ты вернешь свою сарацинскую женщину, – мягко сказал он. – Она заслуживает лучшей жизни, чем та, которая ей досталась.

Пьетро уставился на Уолдо.

– Да, мой господин, – сказал Уолдо, – нападавших возглавлял Энцио Синискола. Они сожгли виллу, убили Рейнальдо и Манфреда и увезли с собой Зенобию... У нас не было времени даже на то, чтобы вызвать гарнизоны из Хеллемарка или Роккабланки...

Пьетро качнулся, схватившись за стол. Потом он выпрямился.

– Пошли, – бросил он.

Пьетро, Уолдо и Руджиеро ехали во главе отряда из двухсот вооруженных всадников. Они не разговаривали. Говорить было не о чем.

Как долго, думал Пьетро, эта змея выжидала! Я в течение многих лет опасался, что он постарается подослать ко мне убийц из-за Андреа. Но я никогда не предполагал, что он решится на открытое нападение...

Странно, что в моем сердце нет гнева. Если бы все ограничилось только виллой, я не стал бы его наказывать. Но Зенобия... Бог знает, что он сделает с ней. Ведь на ней тоже лежит кровь Синискола...

В душе Пьетро, когда он скакал во главе сверкающего доспехами отряда, царил мир. Он намеревался совершить то, что должен совершить, – но не больше. Он спасет Зенобию, но он не будет убивать. Энцио ничего не грозит с его стороны. Любому человеку, живущему на земле, не грозит опасность – не важно, какое преступление он совершил против Пьетро. Он перешагнул через жажду мести. Он очистился от ненависти. Он может умереть, но такова будет воля Божья.

Ничто – даже любовь его к Ио не толкнет его вновь на измену самому себе, никакой огонь в крови, никакая ненависть или страх не заставят святотатственно предать в себе божественное начало. Теперь он наконец обрел ясность и просто-

ту и стал совершенно свободен...

И только когда спустя пять дней они приблизились к Лорето, он разрешил себе подумать о том, что лежало у него глубоко на сердце.

Что с Ио... что она скажет по поводу этого возобновившегося насилия?

Когда он увидел маленький замок в Лорето, он почти рассмехался. Замок представлял собой нагромождение камней, сторожевая башня невысока, крепостные стены ветхи.

Черноглазый Руджиеро с радостью взялся за дело. Осада крепостей была его любимым занятием. Он построил три тарана, собрав для этой работы сервов Энцио.

Пьетро заметил, что они весьма охотно стали помогать осаждающим. Настолько охотно, что он решил расспросить их.

– Мы, господин, – сказал ему крупный мускулистый парень, – будем танцевать от радости вокруг виселицы, на которой вы повесите сира Энцио! Никогда за всю нашу жизнь с нами не обращались так жестоко, как с тех пор, как он захватил Рокка Кампанья. Наш бывший господин бивал нас, это правда. Но редко. А сир Энцио бьет нас по три раза на день, заставляя нас голодать, забирает наших дочерей и жен. У нас к вам одна просьба, господин, когда вы будете его убивать, не торопитесь. Наши сердца будут радоваться, слушая его вопли!

К концу первого дня Руджиеро выдвинул свой таран на боевую позицию. Через несколько часов стены начали рушиться. Пьетро первым бросился в пролом, как демон, не знающий страха, не замечающий ран, прокладывая себе дорогу во внутренний дворик, когда солдаты Энцио во главе с высоким молодым рыцарем предприняли вылазку.

Они оказались в нескольких футах от Пьетро, и он увидел лицо молодого рыцаря. Пьетро остановился, опустив свой боевой топор, и смотрел в эти темные глаза, которые были его глазами, на это юное лицо, которое каждой черточкой повторяло, как в зеркале, его лицо. Его лицо, когда ему было двадцать лет. И в сердце Пьетро зазвучали старые слова, выкрикнутые Донати много лет назад:

– Мой сын! Смотрите на него, какой он стройный, какой красивый! Смотрите на моего сына!

Пьетро повернулся к своим солдатам.

– Вот этого, – показал он, – взять живым. Любой ценой!

Потом солдаты Руджиеро прорвались вслед за ним в пролом, и все было кончено. Охрана Пьетро навалилась на молодого Ганса и связала ему руки.

Пьетро стоял, глядя на своего сына и оплакивая в своем сердце все эти прожитые зря годы. Мне нужно было проскакать всего двадцать миль, думал он, и я увидел бы его. И тогда все обернулось бы иначе. Ио знала... в Иеси на базарной площади она почти сказала мне... Глупец, глупец, всего это-

го могло бы не быть – Элайн, крестового похода, Зенобии. Всех этих лет, украденных из моей жизни. Но теперь – о Боже и все его ангелы – теперь!

Люди Синискола угрюмо сдавались. Бой во внутреннем двореке кончился. Но Энцио он не видел. Это было странно.

Он начал подниматься по лестнице, когда увидел его. Последний живой Синискола верхом на боевом коне скакал к воротам. Он пробился сквозь них и вырвался в поле.

В эту минуту из башни вышла Иоланта. Какое-то время Пьетро не мог двинуться с места, не мог вздохнуть. Потом он бросился к ней. Но когда он уже был рядом, он увидел, как она замерла.

Он обернулся.

Неизвестно откуда в поле появилась толпа сервов. Они схватили поводья коня Энцио. Вооружены они были топорами, лопатами, косами.

Энцио разбрасывал их, но один из сервов зацепил его крюком за шею и стащил на землю.

– Не смотри! – прошептал Пьетро и укрыл ее в своих объятиях.

Потом он сидел в большой зале, держа руку Иоланты в своей руке, слушая ее голос, низкий и горестный. Она рассказывала ему о Зенобии.

– Он хотел изнасиловать ее, я так думаю, – говорила Ио, – и таким путем отомстить тебе. Но когда он увидел ее лицо, то понял, насколько это лишено смысла. Он вышвырнул ее

из комнаты, вот тогда и я увидела ее лицо. Я обрадовалась. О, Пьетро, Пьетро – я так обрадовалась!

– Обрадовалась? – переспросил Пьетро. – Чему, Ио?

– Тому, что не должна более терзать себя ревностью. Я уже столько слышала об этой сарацинской девушке-рабыне. Мне говорили, что ты, словно мусульманин, не позволяешь никакому другому мужчине увидеть ее лицо – так она прекрасна. И когда я увидела подлинную причину этого покрывала, сердце мое закричало от радости...

Она отвернула от него лицо, но он успел увидеть слезы, навернувшиеся на ее серые глаза.

– Теперь я сожалею о той радости, – прошептала она. – Энцио отдал ее своим людям, чтобы они могли позабавиться с нею... я... я так и не знаю, где она раздобыла кинжал...

Пьетро посмотрел ей в глаза.

– До того, как они развлеклись с ней? – прошептал он.

– Да, – ответила Иоланта.

– Благодарю Бога за это.

Он сидел, держа ее руки в своих руках и глядя ей в глаза. Ей минуло уже сорок лет, и горе оставило на ее лице свои следы, но он никогда не видел более прекрасной женщины.

Пьетро все еще сидел там, когда к нему привели молодого Ганса.

Он встал и протянул к нему обе руки.

Ганс, нахмурившись, смотрел на своего отца.

– Ганс, пожалуйста! – всхлипнула Ио.

Ганс посмотрел на нее. Пьетро увидел смущение в его темных глазах. Боль. Потом он медленно пошел навстречу раскрытым объятиям Пьетро.

Пьетро поцеловал его, крепко прижав к груди. Ганс весь напрягся. Пьетро отпустил его и отступил на шаг назад. Ганс повернулся и выбежал из зала.

– О Боже, – зарыдала Ио, – я давно уже сказала ему... я пыталась ему объяснить... Все эти годы я жила надеждой, что когда-нибудь все мы – ты, я и Ганс...

Пьетро улыбнулся и обнял ее.

– Он молод, – прошептал он. – Дай ему время... И он очень нежно осушил поцелуями слезы с ее глаз.

Эпилог

Заканчивая эти примечания, автор не может удержаться от соблазна привести две оценки личности Фридриха Второго.

“Из мрака современной ему клеветы фигура Фридриха II, последнего из средневековых императоров, предстает страстной и значительной. Он свободно говорил на шести языках, сочинял лирические песни в мягкой сицилийской манере, был щедрым покровителем архитекторов, скульпторов и ученых, искусным военачальником, тонким государственным деятелем, иногда исключительно дерзким. Он увлекался философией и астрологией, геометрией и алгеброй, медициной и естественной историей. Он написал трактат о соколиной охоте, путешествовал в сопровождении слона, верблюдов и других представителей тропической фауны. Традиционные запреты того века не были оковами для человека, выросшего на Сицилии, где царило смешение рас и религий, высоко ценившего сарацин и евреев, хотя для того, чтобы заручиться политической поддержкой, он мог сжечь на костре еретика так же, как и доминиканского монаха. Мир дивился этому монарху, который мог разговаривать по-арабски со своими сарацинами, содержать многочисленный гарем и был так далек от распространенных тогда предрассудков, что отрицал всеобщую веру в ритуальные убийства де-

тей евреями. Действительно ли он, как утверждали слухи, написал трактат “*De Tribus impostoribus*”, в котором заклеймил Моисея, Христа и Магомета как самозванцев? Было что-то жуткое в поразительной энергии этого реалиста в политике, изысканного знатока искусств, этого наполовину восточного человека, этого революционера по методам и воззрениям. Современники называли его Чудом света, и таким он остается, несмотря на минувшие столетия” (Г. Фишер, там же, с. 278–279).

И еще:

“Последующие поколения, пораженные его умом и восхищенные величием его государственного мышления, вновь и вновь прилагали к нему эпитет, придуманный Мэттью Парижским: “Непостижимый преобразователь и Чудо света”” (Дюран, там же, с. 725).